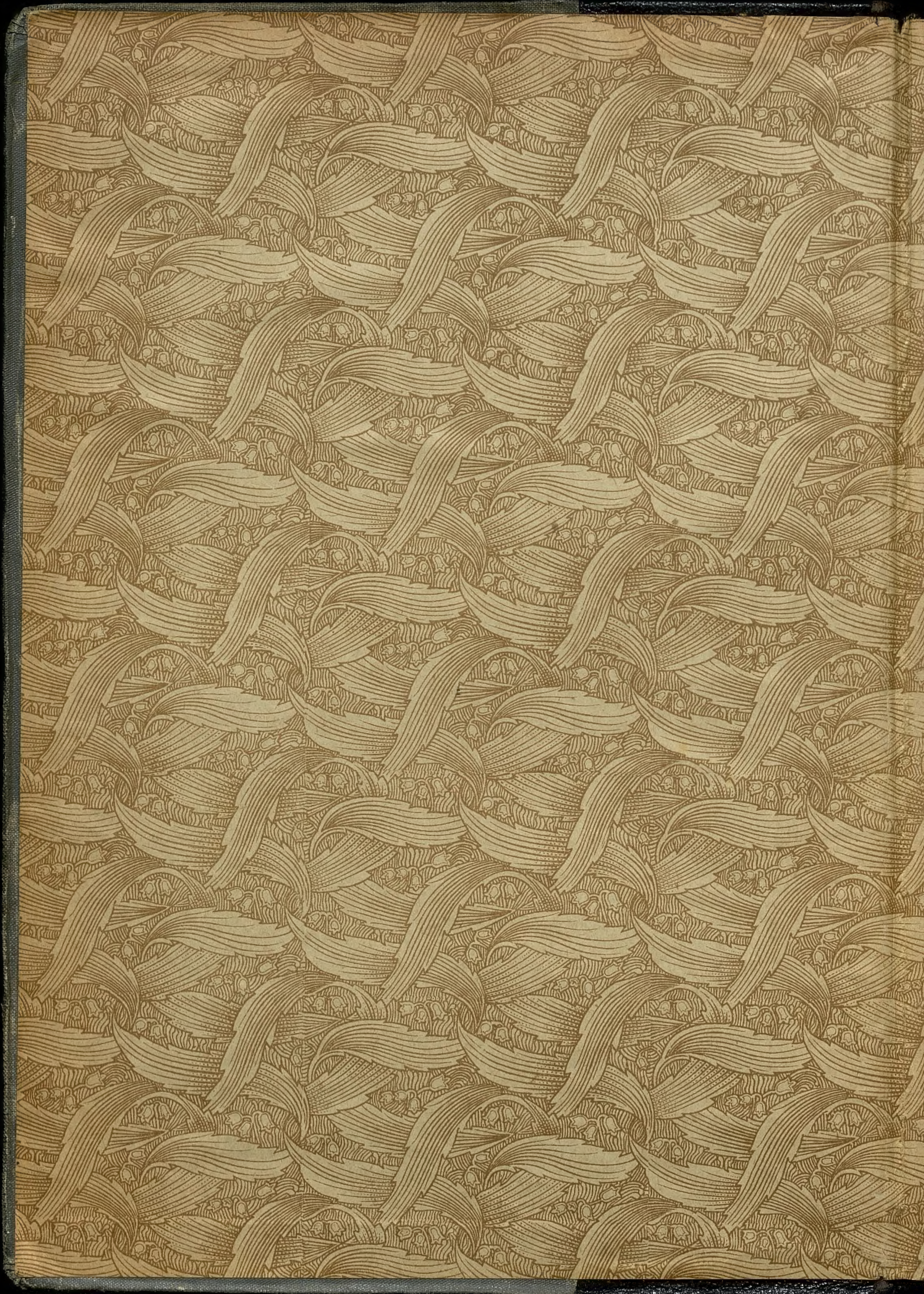
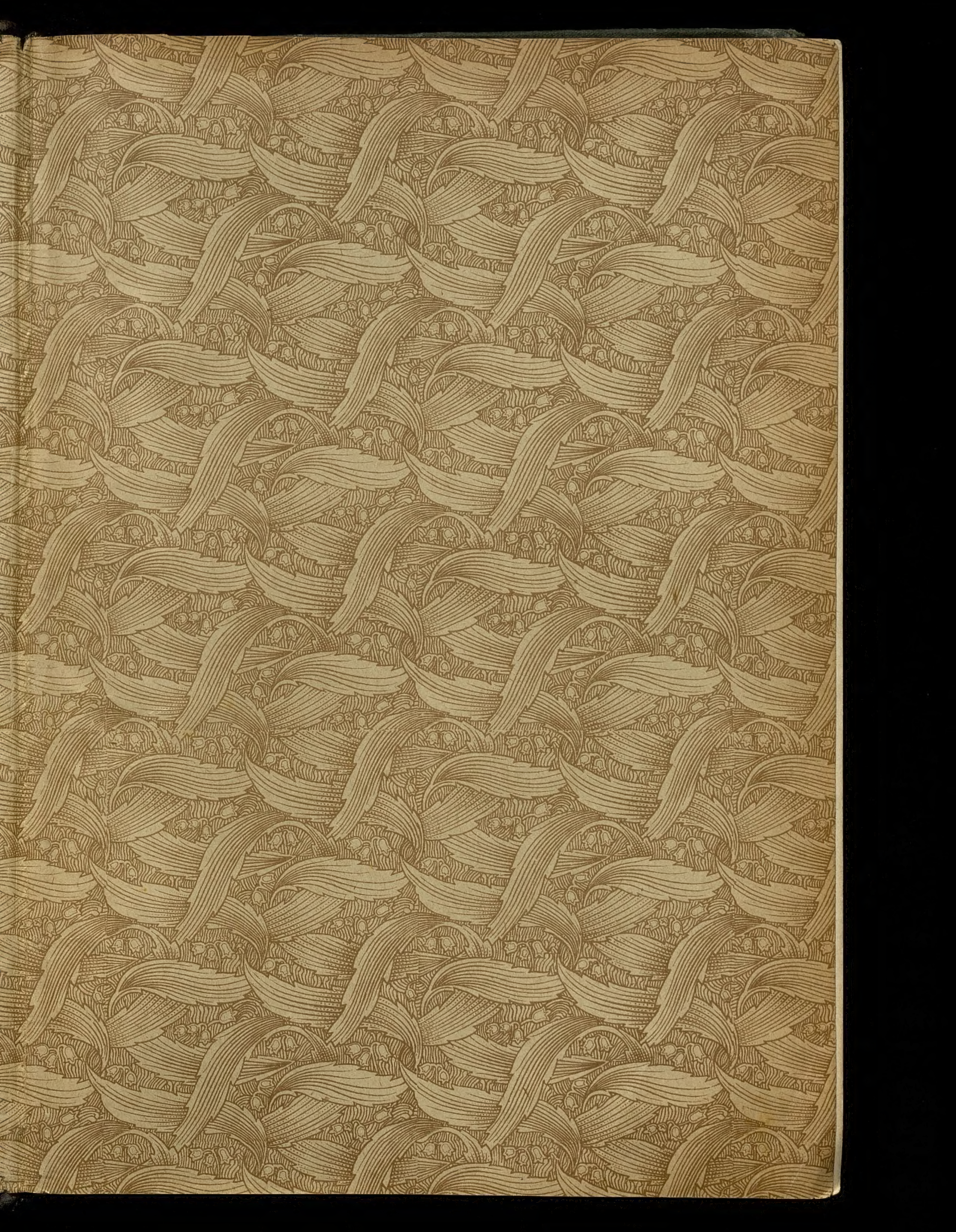

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Н. В. ГОГОЛЯ

ВЪ ВОСЬМИ ТОМАХЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. Е. ГРУЗИНСКАГО

СО ВСТУПИТЕЛЬНОЙ СТАТЬЕЙ

ПОЧ. АКАДЕМИКА И ПРОФЕССОРА

Д. Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКАГО.

ТОМЪ I.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ПЕЧАТНИКЪ“.

МОСКВА.
Тип. Московск. Еванг. О-ва Юношей. Покровск. вор., Тупой п., д. № 5.

Предисловіе.

Въ основу текста положено образцовое изданіе Гоголя подъ редакціей академика Н. С. Тихонравова, оконченное В. И. Шенрокомъ, причемъ приняты были во вниманіе немногія позднѣйшія работы по Гоголевскимъ рукописямъ (напр., труды г. Георгіевскаго). Предложенное изданіе, не преслѣдующее научныхъ цѣлей, имѣетъ всѣ основанія называться полнымъ собраніемъ сочиненій Гоголя; компетентному читателю легко убѣдиться, какое незначительное количество матеріала оставлено нами въ сторонѣ даже изъ раннихъ, „черновыхъ“ редакцій отдѣльныхъ произведеній.

При распредѣленіи по томамъ всѣ повѣсти собраны вмѣстѣ, въ томъ числѣ и три помѣщенныя въ „Арабескахъ“. Полагаемъ, что въ популярномъ изданіи это удобнѣе, чтобы не заставлять читателя искать „Носъ“ или „Шинель“ въ одномъ томѣ, а „Невскій Проспектъ“ и „Портретъ“—въ другомъ, среди историческихъ статей.

Что касается рисунковъ, приложено было немало труда, чтобы достигнуть болѣе или менѣе равномѣрнаго иллюстрированія всѣхъ произведеній Гоголя. Къ сожалѣнію, наши художники до сихъ поръ оказывали очень различное вниманіе отдѣльнымъ произведеніямъ Гоголя: рядъ вещей совсѣмъ или почти совсѣмъ обойденъ иллюстраторами. Вотъ почему не вездѣ удалось побѣдить трудности.

Геліогравюры исполнены въ Лондонѣ, въ артистическомъ заведеніи Allen and C°.

А. Е. Грузинскій.

Н. В. Гоголь
Съ гравюры по литографіи А. Венеціанова.

Н. В. Гоголь.

(Біографическій очеркъ*).

I.

Н. В. Гоголь родился 20 марта 1809 г. въ м. Сорочинцы, Миргородскаго уѣзда, Полтавской губерніи, неподалеку отъ родового своего гнѣзда, имѣнья Васильевки (или Яновщины**). Онъ былъ старшимъ сыномъ небогатыхъ помѣщиковъ Василія Аѳанасьевича и Маріи Ивановны (рожд. Косяровской). Василій Аѳанасьевичъ, воспитанникъ Кіевской духовной Академіи, былъ даровитый человѣкъ, съ артистическими наклонностями, мягкой души и веселаго характера. Живой и остроумный, онъ пользовался расположеніемъ всѣхъ сосѣдей, которые охотно посѣщали гостепріимную Васильевку; хорошій разсказчикъ и любитель театра, онъ не былъ лишенъ и литературнаго дара: послѣ него осталось нѣсколько малороссійскихъ комедій изъ народной жизни, которыя онъ самъ ставилъ на домашнемъ театрѣ своего знатнаго сосѣда и родственника, Д. П. Трощинскаго. Н. В. впослѣдствіи обращался къ комедіямъ отца, когда задумалъ свои „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“. Марья Ивановна не получила почти никакого образованія въ дѣтствѣ, какъ большинство тогдашнихъ женщинъ ея круга, и очень рано (она вышла замужъ 14 лѣтъ) должна была вести хозяйство и заботиться о семьѣ. Она была очень добрая женщина, непрактичная и неразсудительная въ житейскихъ дѣлахъ иногда до наивности, но съ горячей, любящей душой, способной даже на экзальтацію въ чувствѣ.

*) Настоящій очеркъ имѣетъ въ виду дополнить свѣдѣніями о жизни Гоголя ту характеристику его произведеній, которая дана въ статьѣ проф. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго.

**) Фамилія Гоголя, собственно, Гоголь-Яновскій, но онъ почти не пользовался ею въ полномъ видѣ, и теперь она для всѣхъ насъ звучитъ чуждо. Первая часть ея ведетъ начало отъ далекаго предка Гоголей XVII в., козацкаго полковника Остапа Гоголя. Позднѣе Гоголи ушли въ Польшу, но пра-прадѣдъ Николая Вас. Янъ Гоголь вернулся въ Малороссію; его сынъ Демьянъ былъ уже православнымъ и даже священникомъ. Все потомство Яна носило уже по немъ фамилію Гоголей-Яновскихъ, иногда даже просто Яновскихъ.

До девятилѣтняго возраста „Никоша", какъ его звали въ семьѣ, жилъ въ родной Васильевкѣ. Обстановка Васильевской жизни была довольно простая, какъ у всѣхъ малороссійскихъ помѣщиковъ средняго достатка.

Усадьба состояла изъ одноэтажнаго дома, украшеннаго затѣйливыми зубцами вдоль крыши, башенками и остроконечными окнами по угламъ, изъ низкаго, продолговатаго флигеля съ крытой галлереей, людскихъ, амбаровъ и другихъ службъ. Комнаты не отличались ни просторомъ, ни убранствомъ; гли-

Флигель въ Сорочинцахъ, гдѣ родился Гоголь.

няный полъ и нехитрая домодѣльная мебель были тогда обычнымъ явленіемъ. Къ дому примыкалъ старый тѣнистый садъ, съ бесѣдкой на возвышеніи, небольшимъ гротомъ, чернѣвшимъ въ тѣни нависшихъ липъ и акацій, и прудами; тотчасъ за садомъ —мельница съ плотиной, обсаженной вербами; дальше тянулась степь. Родная усадьба дала Гоголю много красокъ для картинъ захолустнаго малорусскаго быта въ его повѣстей.

Среди этой незатѣйливой обстановки жилось привольно и весело. Радушіе Гоголей привлекало къ нимъ сосѣдей, и Васильевка часто видала гостей.

Любовь родителей, кругъ семьи и мирное довольство деревенской жизни среди прекрасной малороссійской природы— вотъ тѣ мягкіе, свѣтлые тона, въ которые окрашивались дѣтскія впечатлѣнія будущаго писателя. Гоголь писалъ про дѣтство Чичикова: „жизнь вначалѣ взглянула на него какъ-то кисло-непріятно, сквозь какое-то мутное, занесенное снѣгомъ окошко: ни друга, ни товарища въ дѣтствѣ!“ На самого него жизнь при началѣ взглянула свѣтло и весело; онъ знаетъ поэзію маленькихъ комнатъ, старомодной мебели и скрипучихъ дверей, а въ окно на него глядѣла, по его воспоминаніямъ, „майская темная ночь изъ сада со страхомъ и шорохомъ вѣт-

Домъ Гоголей въ Васильевкѣ (уже не существующій).

вей, съ соловьемъ, который обдаетъ садъ, домъ и дальнюю рѣку своими раскатами“. Вотъ отчего въ „Старосвѣтскихъ Помѣщикахъ“ онъ съ такой любовью рисуетъ простыя картины домашняго довольства и уюта; вотъ отчего согрѣта неподдѣльнымъ чувствомъ даже картина семейной жизни Плюшкина.

О первоначальныхъ годахъ дѣтства Гоголя мы мало знаемъ подробностей.

Есть извѣстія, что онъ рано выучился читать и писать, что отецъ имѣлъ обыкновеніе во время прогулокъ заставлять дѣтей разсказывать что-нибудь импровизированное, причемъ маленькій Никоша обнаруживалъ большую находчивость. Марья Ивановна была очень набожна и рано пріучала дѣтей молиться, ходить въ церковь. Дѣло не ограничивалось одной

обрядовой стороной. Въ семьѣ любили таинственное, непонятное, и мистика въ ея простѣйшихъ проявленіяхъ была въ большомъ ходу,—большую роль играли сны, предчувствія, вѣра въ то, что неисповѣдимый Промыслъ руководитъ даже событіями домашней жизни семьи. Мать своими религіозными разсказами будила чувство и сильно дѣйствовала на впечатлительную натуру сына. Онъ позже (въ письмѣ 1833 г.) такъ вспоминаетъ объ этомъ: „Одинъ разъ, я живо помню, какъ теперь, этотъ случай,—я просилъ васъ разсказать мнѣ о Страшномъ судѣ, и вы мнѣ, ребенку, такъ хорошо, такъ понятно, такъ трогательно разсказали о тѣхъ благахъ, которыя ожидаютъ

Церковь въ Васильевкѣ (строилась въ 1819 г.)

людей за добродѣтельную жизнь, и такъ разительно, такъ страшно описали вѣчныя муки грѣшниковъ, что это потрясло и разбудило во мнѣ всю чувствительность, это заронило и произвело впослѣдствіи во мнѣ самыя высокія мысли“. Любопытно, что наиболѣе сильное впечатлѣніе оставила мать въ душѣ сына той стороной религіи, которая дѣйствуетъ скорѣе на воображеніе, чѣмъ на сердце.

Родители довольно рано начали заботиться о томъ, чтобы дать образованіе сыновьямъ (у Ник. Вас. былъ братъ Иванъ, годомъ моложе его). Когда старшему было около 8 лѣтъ, они по обычаю пригласили домашняго учителя-семинариста, но повидимому учитель оказался не изъ хорошихъ, судя по тому, что его недолго держали, да и первоначальная подготовка

Гоголя, какъ вскорѣ выяснилось, была плоха. Вѣроятно, фигура учителя Ивана Осиповича (изъ неконченной повѣсти „Страшный кабанъ"), въ которомъ „производилъ непостижимое волненіе запахъ кренделей на меду и на яицахъ", взята была изъ дѣтскихъ воспоминаній писателя. Какъ бы то ни было, въ 1818 г. родители отправили Никошу съ братомъ въ Полтаву и помѣстили на квартирѣ у гимназическаго учителя для приготовленія въ гимназію. Здѣсь мальчики прожили двѣ зимы. Лѣтомъ 1820 г. умеръ младшій сынъ, и родители уже не отпустили Никошу на зиму въ Полтаву. Лишь весной слѣдующаго года рѣшено было продолжать его образованіе, и въ маѣ 1821 г. Николай Гоголь-Яновскій былъ записанъ въ воспитанники Нѣжинской „гимназіи высшихъ наукъ кн. Безбородко", причемъ на пріемномъ экзаменѣ оказался удовлетворительно подготовленъ только по Закону Божію.

Васильевка, часть села, смежная съ усадьбой.

II.

Съ этого времени до окончанія курса, т.-е. до іюня 1828 г., Гоголь проводилъ зиму пансіонеромъ въ Нѣжинѣ, а лѣто въ родной Васильевкѣ. Въ семьѣ мальчика съ дѣтства довольно сильно баловали, особенно мать, всю жизнь на него чуть не молившаяся. Онъ самъ почувствовалъ это, когда, оглядываясь на свое воспитаніе въ 1833 г., писалъ ей: „Къ несчастію, родители рѣдко бываютъ хорошими воспитателями

дѣтей своихъ... Я помню, я ничего сильно не чувствовалъ, я глядѣлъ на все, какъ на вещи, созданныя для того, чтобы угождать мнѣ. Никого особенно не любилъ, выключая только васъ, и то только потому, что сама натура вдохнула это чувство". Послѣ теплой семейной ласки и нѣжащей атмосферы баловства Гоголь нелегко привыкалъ къ школѣ; онъ тосковалъ и плакалъ, такъ что приставленный къ нему изъ дома дядька Семенъ просиживалъ у его постели цѣлыя ночи, уговаривая и успокаивая его. Къ тому же онъ былъ слабаго здоровья, съ какимъ-то прозрачнымъ цвѣтомъ лица, страдавшій золотухой, сыпями; учился онъ довольно плохо и небрежно. Живость и нервность натуры сказывалась въ довольно сильной проказливости и въ любви подсмѣяться надъ товарищами. Самыя его продѣлки отзывались чѣмъ-то оригинальнымъ: онъ однажды притворился бѣшенымъ, и въ теченіе нѣсколькихъ дней начальство и докторъ считали его безумнымъ. Онъ обнаруживалъ склонность къ искусствамъ: учился музыкѣ, особенно охотно и не безъ успѣха занимался рисованіемъ.*)

Васильевка. Хаты временъ Гоголя.

*) Осталось нѣсколько его рисунковъ; между ними выдѣляется сложная обложка къ „Мертвымъ Душамъ", а особенно заключительная сцена къ „Ревизору" съ множествомъ дѣйствующихъ лицъ; здѣсь Гоголь обнаружилъ не малое умѣнье придавать типичность фигурамъ и выразительность позамъ и лицамъ. Эти рисунки воспроизводятся въ настоящемъ изданіи.

Но несомнѣнную страсть и одаренность выказалъ онъ къ театру. Спектакли входили въ число дозволенныхъ гимнази-ческихъ развлеченій, и Гоголь увлекался ими очень сильно Онъ встрѣчалъ въ этомъ помощь и сочувствіе отца, который самъ, какъ сказано выше, былъ театраломъ, и мальчикъ кромѣ гимназической сцены выступалъ подъ руководствомъ отца на домашнемъ театрѣ Трощинскаго. Среди товарищей Гоголь являлся не только актеромъ, но и устроителемъ. Нѣкоторыя роли, особенно комическія, онъ исполнялъ очень живо; извѣстно, что онъ превосходно изображалъ Простакову. Онъ очень серьезно относился къ исполненію ролей и клалъ на это

„Стѣнка", хуторъ Гоголей.

много труда. Въ однихъ воспоминаніяхъ о немъ товарища говорится: „Разъ Гоголь взялся сыграть роль дяди-старика, страшнаго скряги. Въ этой роли онъ практиковался болѣе мѣсяца, и главная задача для него состояла въ томъ, чтобы носъ сходился съ подбородкомъ. По цѣлымъ часамъ просиживалъ онъ передъ зеркаломъ и пригибалъ носъ къ подбородку, пока наконецъ не достигъ желаемаго.*) Роль онъ сыгралъ превосходно, морилъ публику смѣхомъ и доставилъ ей большое удовольствіе. Мы всѣ думали тогда, что Гоголь поступитъ на сцену, что у него громадный сценическій талантъ

*) Недаромъ онъ послѣ снабдилъ своего Плюшкина сильно выдающимся подбородкомъ, который тотъ долженъ былъ закрывать платкомъ, чтобы не заплевать.

и всѣ данныя для игры на сценѣ: мимика, гримировка, перемѣнный голосъ и полнѣйшее перерожденіе въ роли, какія онъ играетъ". Другой товарищъ пишетъ: „Онъ отлично копировалъ Никольскаго (учителя). Вообще Гоголь удивительно воспроизводилъ черты, которыхъ мы не замѣчали, но которыя были чрезвычайно характерны. Онъ былъ превосходный актеръ. Если бы онъ поступилъ на сцену, онъ былъ бы Щепкинымъ".

Мало занимаясь уроками, Гоголь пристрастился къ чтенію; онъ еще на школьной скамьѣ знакомился съ текущей литературой, съ журналами, которые выписывалъ въ складчину съ нѣсколькими товарищами; уже тогда онъ восхищался Пушкинымъ, его „Евгеніемъ Онѣгинымъ", выходившимъ въ свѣтъ отдѣльными главами. Довольно рано начинаетъ онъ и самъ писать. Своего рода литературной школой, гдѣ онъ пріобрѣлъ первый навыкъ и умѣнье выражать свои мысли, служили для него письма къ родителямъ и роднымъ. Еще въ раннихъ, дѣтскихъ его письмахъ можно замѣтить заботы объ украшеніи рѣчи, стремленіе построить фразу поизысканнѣе: одиннадцати лѣтъ онъ уже пишетъ отцу съ матерью: „я поставилъ для себя первымъ долгомъ и первымъ удовольствіемъ молить Бога о сохраненіи безцѣннаго для меня здравія вашего". Если это и могло быть вычитаннымъ или подсказаннымъ шаблономъ, постоянство манеры говоритъ во всякомъ случаѣ за то, что здѣсь участвовалъ и личный вкусъ.

Съ годами эта особенность усиливается, и къ концу школьнаго курса въ письмахъ Гоголя часто встрѣчаемъ возвышенный, цвѣтистый языкъ, особенно когда онъ говоритъ о своемъ настроеніи и чувствахъ или о своемъ будущемъ (а обо всемъ этомъ онъ любилъ писать); въ его рѣчи мало простоты и опредѣленности. Въ такомъ же родѣ были и его первыя чисто литературныя пробы въ лицейскомъ журналѣ „Звѣзда". Почти всѣ его школьныя произведенія извѣстны намъ лишь по заглавіямъ, но изъ собственныхъ словъ Гоголя и воспоминаній его товарищей видно, что онъ стремился писать высокимъ, напыщеннымъ слогомъ. Онъ писалъ стихи, трагедіи, повѣсти въ ходульно-восторженномъ родѣ, и будущій сатирикъ-реалистъ еще не давалъ себя знать въ этихъ натянутыхъ пробахъ пера.

Въ послѣдніе годы пребыванія въ школѣ Гоголь былъ уже 17—18-лѣтнимъ юношей; у него уже складывалось извѣстное постоянное душевное настроеніе, формировались взгляды, опредѣлялись вкусы и стремленія. Какую же нравственную личность представлялъ онъ изъ себя?

Въ его душевномъ мірѣ мы замѣчаемъ броженіе, хаотическую смѣсь плановъ и настроеній, съ ясной примѣсью самоувѣренности. Онъ очень рано сталъ задумываться о своемъ будущемъ и ему рано стало представляться, что онъ сдѣлается извѣстностью, что ему назначено совершить что-то крупное. Конечно, это было несознаннымъ броженіемъ большихъ творческихъ силъ, заложенныхъ въ его натурѣ; свое истинное призваніе онъ угадалъ довольно поздно. Вотъ его собственныя слова: „Въ тѣ годы, когда я сталъ задумываться о моемъ бу-

Нѣжинскій лицей.

дущемъ, (а задумываться о будущемъ я началъ рано, въ тѣ поры, когда всѣ мои сверстники думали еще объ играхъ), мысль о писателѣ мнѣ никогда не всходила на умъ, хотя мнѣ всегда казалось, что я сдѣлаюсь человѣкомъ извѣстнымъ, что меня ожидаетъ просторный кругъ дѣйствій и что я сдѣлаю даже что-то для общаго добра. Я думалъ просто, что я выслужусь и все это доставитъ служба государственная".

Настроеніе Гоголя хорошо раскрывается въ интимной перепискѣ за послѣдніе два года Нѣжинской жизни. Вотъ нѣсколько выдержекъ изъ этихъ писемъ.

„Какъ тяжело быть зарыту вмѣстѣ съ созданіями низкой неизвѣстности въ безмолвіе мертвое! Ты знаешь всѣхъ нашихъ существователей, всѣхъ, населившихъ Нѣжинъ. Они задавили корой своей земности, ничтожнаго самодовольства высокое назначеніе человѣка. И между этими существователями я долженъ пресмыкаться". „Еще съ самыхъ временъ прошлыхъ, съ самыхъ лѣтъ почти непониманія я пламенѣлъ неугасимой ревностью сдѣлать жизнь свою нужной для блага государства... Холодный потъ проскакивалъ на лицѣ моемъ при мысли, что можетъ быть мнѣ доведется погибнуть въ пыли, не означивъ своего имени ни однимъ прекраснымъ дѣломъ—быть въ мірѣ и не означить своего существованія была для меня мысль ужасная".

„Не знаю, сбудутся ли мои предположенія, или неумолимое веретено судьбы зашвырнетъ меня съ толпой самодовольной черни (мысль ужасная!) въ самую глушь ничтожности, отведетъ мнѣ черную квартиру неизвѣстности въ мірѣ".

Здѣсь все: и стремленіе къ широкой, полезной дѣятельности, и честолюбивая жажда славы, и неопредѣленность плановъ, и наклонность къ реторикѣ, къ пышной фразѣ. Какъ, гдѣ и чѣмъ „означить свое существованіе",—Гоголь не представлялъ себѣ сколько нибудь опредѣленно; но ясно, что подъ дѣйствіемъ такого рода мыслей въ юношѣ вырабатывался критическій взглядъ на окружающее. Онъ задумывался надъ жизнью, которую видѣлъ кругомъ, и уже успѣлъ разглядѣть во многихъ, съ кѣмъ его сводила Нѣжинская обстановка, самодовольныхъ и ничтожныхъ „существователей".

Часть приведенныхъ выписокъ взята изъ писемъ къ товарищу Высоцкому, кончившему курсъ годомъ раньше и уѣхавшему въ Петербургъ. Высоцкій былъ старше Гоголя и въ эту пору имѣлъ на него нѣкоторое вліяніе. Они вмѣстѣ мечтали о широкой дорогѣ, о полезной работѣ въ столицѣ. „Половина нашихъ думъ сбылась", пишетъ Гоголь: „ты уже на мѣстѣ, ты уже имѣешь сладкую увѣренность, что тебя замѣтятъ, оцѣнятъ". Молодость брала свое; Петербургъ манилъ друзей не только какъ поприще для широкой дѣятельности, но и какъ „райское мѣсто", гдѣ ждетъ ихъ „полная чаша наслажденій". Гоголь, который всегда „жаждалъ видѣть и чувствовать прекрасное", пишетъ другу: „Ты уже веселишься жизнью, жадно торопишься пить наслажденія, а мнѣ еще не ближе полутора года видѣть тебя... Ты мнѣ мало сказалъ про театръ... Я думаю, ты дня не пропускаешь—всякій вечеръ тамъ. Чья музыка?" Планы друзей сбивчивы и неопредѣленны; не успѣвъ перебраться въ Петербургъ, Высоцкій уже мечтаетъ о загра-

ничномъ путешествіи; эта мысль переходитъ къ Гоголю, и чужіе края представляются ему тѣмъ болѣе обаятельными, что онъ о нихъ знаетъ, и то очень немного, лишь по книгамъ. Страстную мечту о заграницѣ онъ влагаетъ въ это время въ стихотвореніе „Италія" и въ своего „Ганца Кюхельгартена", а затѣмъ, очутившись самъ въ столицѣ, повторяетъ ее на опытѣ, предпринявъ свое странное заграничное путешествіе 1829 г. въ Любекъ и Травемюнде.

Характеръ Гоголя въ этотъ періодъ сказывается на его отношеніяхъ къ матери, близкую связь съ которой онъ сохранилъ до смерти. Въ перепискѣ съ ней онъ съ самаго начала, съ раннихъ школьныхъ лѣтъ является горячо любящимъ сыномъ, но по мѣрѣ того, какъ кончается дѣтство, любовь эта принимаетъ нѣсколько особенный характеръ. Мать надолго остается его близкимъ другомъ, онъ дѣлится съ ней своими чувствами, мыслями, планами (хотя не всегда и не всѣми), но онъ довольно рано переходитъ съ ней именно на дружескую, равную ногу, даетъ ей совѣты, а послѣ даже прямо учитъ, упрекаетъ и наставляетъ, какъ высшій. Наклонность учить и высокое мнѣніе о себѣ (перемежавшееся смиреніемъ) коренились въ основныхъ свойствахъ личности Гоголя и впослѣдствіи сильно развились въ немъ; въ отношеніяхъ съ матерью эти свойства раскрылись рано подъ вліяніемъ нѣсколькихъ причинъ. Живая и впечатлительная, но неустойчивая и неразсудительная, неглупая, но мало образованная, мать не могла быть авторитетомъ; мы видѣли, что она сильно баловала сына съ дѣтства, и онъ ставилъ ей это на видъ. Когда умеръ отецъ, мать прямо писала 15—16-лѣтнему мальчику, что теперь онъ долженъ быть опорой и главой семьи,—онъ быстро освоился съ этимъ положеніемъ и на его семейныя отношенія легъ отпечатокъ увѣренности и авторитетности. Черезъ два мѣсяца послѣ смерти отца онъ, утѣшая мать и прося ее „возложить надежду на Всевышняго," прибавляетъ: „что касается до меня, то я совершу свой путь въ семъ мірѣ"; „я—говоритъ онъ въ другомъ письмѣ—можно сказать, обработалъ таки свои понятія, которыя сдѣлались гораздо проницательнѣе и дальновиднѣе".

Такъ складывалась въ пылкомъ юношѣ, полномъ широкихъ мечтаній и смутнаго сознанія своихъ силъ, привычка чувствовать себя выше окружающихъ, часто оправдываемая низкимъ ихъ уровнемъ. Привычка эта питала скрытность, отличавшую Гоголя въ теченіе всей жизни и вносившую подчасъ оттѣнокъ непростоты въ его житейскія отношенія.

Остается прибавить, что съ дѣтскихъ лѣтъ въ Гоголѣ можно замѣтить религіозность. Религіозное настроеніе, съ дѣт-

ства развиваемое матерью, къ юношескому возрасту крѣпко связалось со всѣмъ внутреннимъ міромъ Гоголя; онъ вѣрилъ въ Провидѣніе, опредѣляющее каждому человѣку его судьбу, вѣрилъ, что человѣкъ долженъ съ этой точки зрѣнія относиться ко всѣмъ случаямъ жизни. Самъ онъ уже тогда склоненъ былъ постоянно усматривать эти пути Промысла въ своей судьбѣ и любилъ истолковывать ихъ.

Среди широкихъ замысловъ и свѣтлыхъ надеждъ, нетерпѣливо тоскуя, доживалъ юный мечтатель послѣдній годъ въ нелюбимомъ лицеѣ, въ „пустомъ“ Нѣжинѣ, гдѣ онъ „осиротѣлъ“ послѣ отъѣзда Высоцкаго; кромѣ него никому не повѣрялъ онъ своихъ „высокихъ начертаній и долговременныхъ думъ“, чтобы не смѣялись надъ его „сумазбродствомъ“, не считали его „пылкимъ мечтателемъ, пустымъ человѣкомъ“ самодовольные Нѣжинскіе существователи. Ему хотѣлось казаться солиднымъ, основательнымъ, и онъ неразъ увѣрялъ мать, что вырабатываетъ въ себѣ твердый, настойчивый характеръ. Всѣ свои мечты и настроенія онъ повѣрялъ только бумагѣ; въ 1827 г., какъ полагаютъ, писался „Ганцъ Кюхельгартенъ“, первое произведеніе, на которое онъ возлагалъ литературныя надежды. Здѣсь изобразилъ Гоголь главныя свои переживанія.

На этой поэмѣ или „идилліи“ въ стихахъ изъ нѣмецкой жизни (!) стоитъ нѣсколько остановиться.

Молодой Ганцъ обрученъ съ подругой дѣтства, Луизой. Они любятъ другъ друга, и родители готовятъ имъ мирную жизнь въ деревенскомъ тихомъ уголкѣ, но Ганца начинаютъ терзать какія-то думы. Онъ мечтаетъ, грустить, задумывается надъ книгами:

„Чего-то смѣло ищетъ умъ,
Чего-то тайно негодуетъ;
Душа, въ волненьи тѐмныхъ думъ,
О чемъ-то скорбная тоскуетъ.

О чемъ же мечтаетъ Ганцъ-Гоголь? Въ его воображеніи встаютъ картины древней Греціи и чудеса Индіи: вычитанныя краски ложатся въ пеструю, хаотическую смѣсь. Стремленія, наполняющія героя, рисуются буквально тѣми же чертами, даже выраженіями, какія мы видѣли выше въ письмахъ автора.

...„Ужели
Мнѣ здѣсь душою погибать,
И не узнать иной мнѣ цѣли
И цѣли лучшей не сыскать?
Себя обречь безславью въ жертву,
При жизни быть для міра мертву?
Душой ли славу полюбившей,
Ничтожность въ мірѣ полюбить?
Душой-ли, къ счастью не остывшей,
Волненья міра не испить?
И въ немъ прекраснаго не встрѣтить,
Существованья не отмѣтить?

Тая отъ всѣхъ свой душевный міръ, Ганцъ рѣшается покинуть родной домъ и Луизу; ночью пускается онъ въ путь. Слѣдующая картина показываетъ намъ его среди развалинъ въ Аѳинахъ, гдѣ онъ „напрасно силится развить протекшихъ дѣлъ истлѣвшій свитокъ". Онъ видитъ, какъ мусульманинъ по этимъ развалинамъ „коня свирѣпо напираетъ, останки съ воплемъ разоряетъ", и Ганцу становится жаль, зачѣмъ онъ явился сюда, зачѣмъ для истлѣвшихъ могилъ покой свой тихій позабылъ; его воздушныя мечты разворожились, и онъ съ грустью удаляется. Черезъ два года, утомленный душою, онъ опять дома. Разочаровавшись въ своихъ мечтахъ и извѣрившись въ человѣчествѣ, подобно Кавказскому плѣннику или Алеко, онъ восклицаетъ о людяхъ:

Какъ гробы, холодны они,
Какъ тварь презрѣннѣйшая, низки;
Корысть и почести одни
Имъ лишь и дороги и близки.
Они позорятъ дивный даръ
И попираютъ вдохновенье;
И презираютъ откровенье,
Ихъ холоденъ притворный жаръ,
И гибельно ихъ пробужденье.

Дѣло все же оканчивается веселой свадьбой. Выводъ сдѣланъ такой, что слѣдуетъ итти въ шумный и бурный міръ лишь тому, кто твердъ духомъ, а если „коварныя мечты взволнуютъ жаждой яркой доли, а нѣтъ въ душѣ желѣзной воли", то лучше „въ тишинѣ укромной по полю жизни протекать, семьей довольствоваться скромной и шуму свѣта не внимать". Лично для себя Гоголь, очевидно, этого вывода не дѣлалъ; въ себѣ онъ не прочь былъ признать „желѣзную волю".

Смѣшонъ, конечно этотъ Ганцъ, въ своей деревнѣ воображавшій, должно быть, что застанетъ въ Греціи времена Софокла и Перикла, но онъ хорошо передаетъ мечты самого автора. Интересно, что не послѣднее мѣсто въ душѣ Ганца занимаетъ жажда художественныхъ ощущеній; онъ восклицаетъ: „Творцы чудесныхъ впечатлѣній! Рѣзецъ вашъ, кисть увижу я, и вашихъ пламенныхъ твореній душа исполнится моя". Художникъ уже просыпался въ Гоголѣ.

Несмотря на ребяческій замыселъ и общую нескладность выполненія, въ Ганцѣ Кюхельгартенѣ виденъ зародышъ нѣкоторыхъ свойствъ таланта Гоголя: чуткость къ природѣ, наклонность къ фантастичному, таинственному („Ночныя видѣнія"), стремленіе къ яркой, блестящей рѣчи. Можно замѣтить даже проблески реализма: при общемъ восторженно-сантиментальномъ тонѣ онъ не пренебрегаетъ детальнымъ изображеніемъ домашняго быта (Картина I и особенно IV, гдѣ домъ и

хозяйство мызника описаны просто и живо). Въ образахъ и выраженіяхъ, а также въ стихѣ, видно вліяніе Пушкина и Жуковскаго; античныя стихотворенія Пушкина отразились на III картинѣ, а VI картина по стиху напоминаетъ бѣлый стихъ Жуковскаго въ его переводахъ.

III.

Наконецъ настало время осуществленія всѣхъ надеждъ и плановъ истомившагося нѣжинскаго плѣнника. Въ іюнѣ 1828 г. Гоголь окончилъ курсъ, а въ декабрѣ уже ѣхалъ въ Петербургъ съ близкимъ товарищемъ своимъ, А. С. Данилевскимъ. Мы уже знаемъ, что будущее рисовалось ему въ видѣ государственной службы, которая доставитъ возможность приносить широкую пользу обществу. Вѣроятно ему, не безъ вліянія примѣра Трощинскаго, мерещилась при этомъ быстрая и легкая карьера, увѣнчанная приблизительно министерскимъ постомъ; черезъ два года онъ полушутя пишетъ Данилевскому: „я думаю, нами обоими не слишкомъ довольны дома,—мною, что вмѣсто министра сдѣлался учителемъ". Другая перспектива кромѣ того манила жаждавшаго художественныхъ ощущеній юношу—въ волшебной столицѣ, „средоточіи ума и вкуса", пожить впечатлѣніями литературы, искусства, театра, жадно „пить изъ чаши наслажденій", по его словамъ.

Не трудно угадать, что реальная петербургская дѣйствительность жестоко насмѣялась надъ всѣми воздушными замками. Наблюдательный и при всей мечтательности далеко не лишенный трезваго взгляда, Гоголь уже въ первыхъ письмахъ говоритъ, что разочаровался въ столицѣ; казенный и прозаическій складъ мелкаго существованія, отсутствіе живого и свободнаго пульса жизни сразу бросились ему въ глаза, и онъ даетъ бѣглую, но мѣткую характеристику Петербурга: „Тишина въ немъ необыкновенная, никакой духъ не блеститъ въ народѣ, все служащіе да должностные, всѣ толкуютъ о своихъ департаментахъ да коллегіяхъ, все подавлено, все погрязло въ бездѣльныхъ, ничтожныхъ трудахъ, въ которыхъ безплодно издерживается жизнь ихъ". Любитель природы, которому лѣтомъ было душно даже въ Нѣжинѣ съ его почти деревенскимъ малороссійскимъ привольемъ, сѣлъ съ товарищемъ на квартирку изъ двухъ небольшихъ комнатокъ на 4-омъ этажѣ петербургскаго биткомъ набитаго дома, гдѣ онъ насчиталъ: двухъ портныхъ, одну „маршандъ де модъ", сапожника, чулочнаго фабриканта, склейщика битой посуды, декатировщика и красильщика, кондитерскую,

мелочную лавку, магазинъ сбереженія зимняго платья, табачную лавку и привилегированную повивальную бабку. Письма домой запестрѣли фразами: „Картофель продается десятками, десятокъ рѣпы стоитъ 30 коп... принужденъ отказаться отъ лучшаго своего удовольствія—видѣть театръ“.

Рекомендательныя письма, даже отъ отставного министра (Трощинскаго), не доставляли ни министерскаго кресла, ни канцелярскаго стула, попытка поступить въ актеры кончилась для гордаго нѣжинскими успѣхами театрала полнымъ пораженіемъ: казенные распорядители русскаго искусства признали за Гоголемъ совершенную неспособность къ торжественной декламаціи. Онъ бросился къ литературѣ и въ іюнѣ 1829 г. издалъ отдѣльной книжечкой плодъ горячихъ мечтаній своихъ на школьной скамьѣ—своего „Ганца Кюхельгартена“ подъ псевдонимомъ В. Алова, съ предисловіемъ якобы отъ издателя, гдѣ говорилось, что автору 18 лѣтъ, что это лишь уцѣлѣвшіе разрозненные отрывки, но издатель гордится тѣмъ, что помогъ свѣту ознакомиться съ созданіемъ юнаго таланта.

Книжка въ общемъ почти не была замѣчена, но черезъ мѣсяцъ авторъ, возложившій очевидно на нее всѣ надежды, могъ прочитать двѣ строгія рецензіи въ „Московскомъ Телеграфѣ“ и въ „Сѣверной Пчелѣ“. Впечатлѣніе отъ этой неудачи было необыкновенно сильное и рѣзкое. Счастливый хотя тѣмъ, что авторство его было извѣстно лишь одному товарищу (Н. Я. Прокоповичу), Гоголь тотчасъ же взялъ изъ магазиновъ несчастнаго „Ганца“, нанялъ номеръ въ гостинницѣ и съ помощью привезеннаго съ родины слуги Якима сжегъ всѣ экземпляры идилліи. Во всю жизнь потомъ онъ не выдалъ тайны ни одной живой душѣ, и лишь послѣ его смерти узнано было (черезъ Прокоповича), кто былъ В. Аловъ; „Ганца Кюхельгартена“ въ изд. 1829 г. сохранилось всего четыре экземпляра.

О силѣ потрясенія, испытаннаго Гоголемъ, живо говоритъ его дальнѣйшій поступокъ прямо сгоряча. Двадцатаго іюля появился отзывъ „Сѣверной Пчелы“, тотчасъ была сожжена книга, а черезъ нѣсколько дней Гоголь уже сѣлъ на отплывавшій въ Любекъ пароходъ, рѣшивъ уѣхать заграницу. 24-го числа онъ успѣлъ отправить матери большое и странное письмо, гдѣ говорилъ, что Богъ указалъ ему путь въ землю чуждую, чтобы, воспитавъ свои страсти въ уединеніи, онъ могъ подняться на высшую ступень, откуда могъ бы разсѣевать благо и работать на пользу міра, тогда какъ служба въ Петербургѣ дастъ ничтожные результаты, да и ея онъ не добился, несмотря на всѣ усилія, очевидно, тоже по волѣ Промысла. Черезъ нѣсколько строкъ оказывается, что онъ бѣжитъ отъ

безнадежной любви къ какому-то неземному созданію, недосягаемому для него настолько, что онъ не можетъ даже назвать его имени. Въ слѣдующемъ письмѣ уже читаемъ, что главная причина—какія-то сыпи, отъ которыхъ доктора велѣли ему лѣчиться морскими ваннами; еще позднѣе уже рѣчь о грудной болѣзни, отъ которой онъ задыхался. Но, вѣроятно, всего труднѣе было Гоголю написать матери, что на эту поѣздку онъ рѣшилъ взять 1400 руб., присланныхъ ему для взноса за имѣнье въ опекунскій совѣтъ. Пробывъ около двухъ мѣсяцевъ въ Любекѣ и Травемюнде, Гоголь вернулся, подведя итогъ поѣздки одной фразой въ письмѣ къ матери: „Богъ унизилъ мою гордость—Его святая воля!"

Смыслъ въ этой странной выходкѣ тѣмъ не менѣе былъ. Въ неожиданную и несуразную форму здѣсь вылилось и разрѣшилось все то, что измучило душу Гоголя въ первые страшные полгода Петербургской жизни. Не знавшій нужды, сильно избалованный домашнимъ поклоненіемъ, привыкшій къ мысли о назначенной ему незаурядной дорогѣ, живо чувствуя, сколько мелкости и пошлости разлито въ его узкомъ провинціальномъ кругѣ и ощущая присутствіе въ себѣ и благородныхъ, высокихъ цѣлей, и крупныхъ силъ, онъ увидѣлъ, что и въ Петербургѣ судьба держитъ его въ заколдованномъ кругу бѣдной, мелкой жизни; золотыя мечты о крупной дѣятельности на пользу человѣчества унижены и затоптаны,—ему не нашлось никакого мѣста въ огромномъ муравейникѣ столицы, гдѣ нужна борьба и удача даже для ничтожной и безсмысленной работы изъ-за куска хлѣба. Наконецъ, онъ долженъ былъ увидать, что ему пока нечѣмъ доказать свои права на широкую дѣятельность. Провалъ „Ганца Кюхельгартена" былъ лишь послѣдней каплей въ цѣломъ рядѣ внѣшнихъ и внутреннихъ пораженій. Подъ Гоголемъ заколебалась почва и не за что было ухватиться. Бѣжать отсюда, какъ можно скорѣе, закрывъ глаза на все, не задумываясь о способахъ, о цѣли бѣгства, бѣжать туда, гдѣ, навѣрное, жизнь богаче, значительнѣе и справедливѣе—вотъ въ чемъ долженъ онъ былъ видѣть единственное спасеніе. Деньги въ опекунскій совѣтъ оказались подъ руками, конечно, думалъ онъ, не спроста; очевидно, это указаніе „невидимо пекущейся о немъ десницы". Матери можно написать все, что придетъ въ голову, не думая о правдоподобности.

И вѣдь онъ не просто выдумываетъ, громоздитъ ложь на выдумку: истинныя причины легко вычитать въ его безсвязныхъ изліяніяхъ среди вымышленныхъ. Когда онъ пишетъ въ томъ же прощальномъ письмѣ и въ первыхъ письмахъ изъ за границы, что служить въ Петербургѣ значитъ пресмыкаться меж-

ду чиновниками, „издерживающими жизнь безплодно“, что убійственно—„изжить вѣкъ тамъ, гдѣ не представляется впереди совершенно ничего, гдѣ всѣ лѣта, проведенныя въ ничтожныхъ занятіяхъ, будутъ тяжкимъ упрекомъ звучать душѣ“; когда онъ восклицаетъ: „что за счастье дослужиться въ пятьдесятъ лѣтъ до какого-нибудь статскаго совѣтника и не имѣть силы принести на копѣйку добра человѣчеству!“; когда говоритъ, что несмотря на все это, онъ рѣшился служить во что бы ни стало, но вездѣ встрѣтилъ неудачу и видѣлъ, что на его глазахъ люди совершенно неспособные легко получали то, чего онъ не могъ достигнуть;—во всемъ этомъ вѣрно переданы горькіе итоги столичныхъ наблюденій и правильное сознаніе, что это—не его дорога. Искренни и его признанія въ своемъ дурномъ характерѣ и избалованности, доходящія до безпощаднаго заглядыванья къ себѣ въ душу. Онъ пишетъ: „часто я думаю о себѣ: зачѣмъ Богъ, создавъ сердце, можетъ, единственное, по крайней мѣрѣ рѣдкое въ мірѣ, чистую, пламенѣющую жаркой любовью ко всему высокому и прекрасному душу, зачѣмъ Онъ далъ всему этому такую грубую оболочку? Зачѣмъ Онъ одѣлъ все это въ такую страшную смѣсь противорѣчій, упрямства, дерзкой самонадѣянности и самаго униженнаго смиренія?“

Можно представить себѣ картину всего пережитаго юнымъ Гоголемъ въ первые мѣсяцы петербургской жизни. Мучительныя попытки найти свое призваніе переплетались съ не менѣе тягостной нуждой въ немедленномъ заработкѣ; ничтожность и безсмысленность канцелярской службы онъ понялъ быстро и искалъ ея лѣниво и неохотно, цѣня себя высоко; не даромъ еще въ маѣ онъ свысока отзывался о предложенномъ ему мѣстѣ съ 1000 р. жалованья: „мнѣ продать свое здоровье и драгоцѣнное время, и на совершенные пустяки, на что это похоже? въ день имѣть свободнаго времени не болѣе какъ два часа, и прочее все время не отходить отъ стола и переписывать старыя бредни и глупости господъ столоначальниковъ“... И тутъ же прибавляетъ, что „ждетъ рѣшенія еще нѣкоторымъ своимъ ожиданіямъ“.

Подъ этими ожиданіями нельзя понимать ничего другого, какъ надежды на литературную карьеру. Въ это время Гоголь несомнѣнно уже задумывалъ, а, можетъ быть, и набрасывалъ первые разсказы изъ „Вечеровъ на хуторѣ“: еще въ апрѣлѣ начались его просьбы, чтобы мать прислала описаніе свадьбы, малорусскихъ костюмовъ, повѣрій и страшныхъ сказаній и т. п.: „это мнѣ очень, очень нужно!“. Дальше эти просьбы идутъ, не прерываясь. Но малороссійскіе разсказы еще только готови-

лись, а пока Гоголь сдѣлалъ попытку вступить на литературную дорогу, издавъ свое романтическое дѣтище, привезенное изъ Нѣжина. Карта была убита, и юный авторъ потерялъ голову.

Впрочемъ, лишь на минуту и не совсѣмъ. „Богъ унизилъ его гордость"; онъ увидалъ, что самонадѣяннымъ натискомъ не взялъ ничего, но, какъ сильный человѣкъ, извлекъ изъ пораженія полезный урокъ. Онъ не отчаялся въ своемъ литературномъ призваніи, и начатые въ другомъ тонѣ, чѣмъ „Ганцъ", „Вечера" продолжаютъ его занимать даже среди первой бури отчаянія: въ концѣ того самаго прощальнаго письма, готовясь сѣсть на корабль и какъ будто разрывая со всѣми мечтами и надеждами, онъ не забылъ снова попросить мать продолжать снабженіе его малорусскими матеріалами: „въ тиши уединенія я готовлю запасъ, котораго порядочно не обработавши, не пущу въ свѣтъ."

Что касается другой задачи — заработка, онъ очевидно пришелъ къ рѣшенію спрятать пока свою гордость въ карманъ и скромно взять первое мѣсто, не отдавая службѣ своей души, но кормясь ею, пока не ступитъ твердо на свой истинный путь. Этотъ переломъ совершился въ первые же дни, проведенные въ путешествіи, странность котораго онъ быстро почувствовалъ. Отъѣзжая, онъ еще пишетъ матери несообразности, вродѣ того, что домой его можно ждать не раньше, какъ черезъ два, три года, что литературный „запасъ" его выйдетъ въ свѣтъ на иностранномъ языкѣ (!), а черезъ 20 дней мы уже читаемъ: „я пробуду не болѣе двухъ недѣль", и затѣмъ: „я въ Петербургѣ могу имѣть должность, которую и прежде хотѣлъ, но какія-то глупыя людскія предубѣжденія и предразсудки меня останавливали". Въ слѣдующемъ письмѣ Гоголь пишетъ: „Теперь я въ силахъ занять въ Петербургѣ предлагаемую должность... Какъ бы то ни было, это сильно подѣйствовало на мой характеръ... Меня измѣнило и передѣлало горе...."

IV.

Въ концѣ сентября Гоголь вернулся въ Петербургъ, отрезвленный и сравнительно успокоенный. Готоваго мѣста однако не было и нѣсколько мѣсяцевъ выручала только помощь родственника, А. А. Трощинскаго. Въ ноябрѣ или декабрѣ нашлось очень скромное мѣсто канцелярскаго чиновника въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ по рекомендаціи Булгарина. Конечно, Гоголь не могъ быть доволенъ занятіемъ Акакія Акакіевича, но онъ, вѣроятно, быстро понялъ также, что и

учрежденіе, и лицо, рекомендовавшее его, были выбраны неудачно; по крайней мѣрѣ къ марту 1830 г. онъ перебрался на службу въ департаментъ удѣловъ.

Литературные планы между тѣмъ зрѣли и работа двигалась. Въ февральской и мартовской книжкахъ „Отеч. Записокъ" появился безъ подписи автора разсказъ „Бисаврюкъ или Вечеръ наканунѣ Ивана Купалы"—единственная повѣсть изъ „Вечеровъ на хуторѣ", напечатанная въ журналѣ раньше всей книжки. Весь этотъ годъ Гоголь живетъ въ Петербургѣ, порядочно нуждаясь, но съ бодрымъ духомъ; онъ служитъ, ходитъ рисовать въ академическіе классы, знакомится съ художниками, развлекается въ кругу малороссовъ-земляковъ, которыхъ не мало было тогда въ столицѣ, и усердно пишетъ свои „Вечера", рѣшивъ уже сразу выпустить ихъ цѣлой книжкой, такъ какъ передѣлки редактора Свиньина въ „Бисаврюкѣ" возбудили въ немъ сильное неудовольствіе. Но онъ не вовсе отказался отъ журнальныхъ знакомствъ; онъ лишь разобрался (и для неопытнаго провинціала очень быстро) въ духѣ и направленіяхъ журналистики и, оставивъ Свиньиныхъ и Булгарина, потянулся къ блестящему, передовому кругу писателей съ Пушкинымъ и Жуковскимъ во главѣ.

Въ концѣ года онъ, неизвѣстно какъ, оказался знакомъ съ близкимъ другомъ Пушкина, бар. Дельвигомъ и сталъ сотрудникомъ его „Литературной газеты," гдѣ съ начала 1831 г. помѣстилъ нѣсколько статей. Смерть Дельвига въ январѣ уже не помѣшала Гоголю укрѣплять и расширять свои связи съ этимъ кругомъ; Дельвигъ очевидно успѣлъ поручить его покровительству Жуковскаго и Плетнева, и въ февралѣ или въ мартѣ Гоголь уже — преподаватель Патріотическаго Института подъ крыломъ инспектора Плетнева, а къ лѣту онъ знакомъ съ Пушкинымъ, съ блестящей и вліятельной фрейлиной Россети (послѣ Смирнова), имѣетъ частные уроки въ аристократическихъ домахъ у Балабиныхъ, Васильчиковыхъ и проводитъ у послѣднихъ лѣто въ Павловскѣ. Первая часть „Вечеровъ" лѣтомъ уже готова, одобрена знаменитыми писателями, его новыми знакомыми, и даже набирается въ типографіи. Къ этому времени и относится разсказъ о томъ, какъ наборщики, увидя вошедшаго Гоголя, начали прыскать со смѣху въ руку, отвернувшись къ стѣнѣ, а факторъ объяснилъ, что „штучки, которыя изволили прислать изъ Павловска для печатанія, оченно до чрезвычайности забавны". Пушкинъ по этому поводу поздравилъ Гоголя „съ первымъ торжествомъ" и тогда же написалъ о своемъ впечатлѣніи въ одномъ письмѣ: „Сейчасъ прочелъ „Вечера близь Диканьки".

Они изумили меня. Вотъ настоящая веселость, искренняя, непринужденная, безъ жеманства, безъ чопорности. А мѣстами какая поэзія, какая чувствительность! Все это такъ необыкновенно въ нашей литературѣ, что я и доселѣ не образумился".

Первая часть „Вечеровъ" вышла въ сентябрѣ, вторая въ мартѣ 1832 г. Публика горячо встрѣтила книгу, увлекшись оригинальнымъ бытомъ, занимательными сюжетами, увлекательно переданными, и веселымъ смѣхомъ, перевитымъ поэзіей и чувствомъ; когда вышла вторая часть, первой уже не было въ продажѣ, а къ лѣту была раскуплена и вторая.

„Вечера" сразу сдѣлали Гоголя виднымъ писателемъ. Это сильно ободрило его и убѣдило, что онъ не ошибся въ своемъ призваніи. Въ письмахъ къ матери уже съ начала 1831 г. все яснѣе видно спокойствіе и увѣренность въ себѣ. Ко времени выхода 2-ой книжки „Вечеровъ" онъ оставляетъ канцелярскую службу и сосредоточивается на литературной работѣ, не бросая впрочемъ педагогическихъ занятій; еще года три-четыре эти послѣднія идутъ параллельно съ художественными планами и даже одно время какъ будто грозятъ занять первое мѣсто: Гоголь пишетъ статьи о преподаваніи географіи, о всеобщей исторіи, получаетъ мѣсто университетскаго преподавателя исторіи, задумываетъ историко-географическій сборникъ „Земля и люди", мечтаетъ написать многотомную исторію Малороссіи, а затѣмъ подобную же всеобщую исторію. Но рядомъ съ этими попытками научныхъ занятій идетъ такая напряженная и разнообразная творческая дѣятельность, которая доставляетъ Гоголю прямое наслажденіе, тогда какъ, напримѣръ, годичное пребываніе на кафедрѣ университета не принесло ничего, кромѣ горечи и разочарованія: Гоголь быстро остылъ и чувствовалъ себя не у мѣста. Изъ усердныхъ занятій исторіей Малороссіи тоже выходили неожиданные результаты: уже было написано и напечатано: „Исторія Малороссіи, т. I, книга 1-я, глава первая", но продолженія не послѣдовало; вмѣсто него появилась великолѣпная повѣсть изъ запорожскаго прошлаго. Такимъ образомъ ясно было, что подобная раздвоенность недолговѣчна. Нагляднымъ памятникомъ ея служатъ „Арабески" — сборникъ, вышедшій въ январѣ 1835 г. Здѣсь наряду съ историческими статьями по среднимъ вѣкамъ, по малорусской старинѣ и т. д. находимъ двѣ главы неконченнаго романа „Гетманъ" и три крупныхъ повѣсти изъ петербургской жизни („Портретъ", „Невскій Проспектъ" и „Записки сумасшедшаго").

Издавая этотъ пестрый сборникъ, Гоголь какъ бы подводилъ итоги, заканчивалъ переходный періодъ своей дѣятельности,

когда его вниманіе и силы дробились между многими разнородными предметами, и окончательно рѣшался отдать всего себя художественному творчеству. Вотъ что писалъ онъ, посылая книгу пріятелю: „Посылаю тебѣ всякую всячину мою... Въ ней очень много дѣтскаго, и я поскорѣе и старался выбросить въ свѣтъ, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ выбросить изъ моей конторки все старое и, стряхнувшись, начать новую жизнь". Въ этомъ же 1835 г. прекратились занятія Гоголя и въ университетѣ и въ Патріотическомъ институтѣ; онъ сталъ „беззаботный козакъ" по его выраженію.

Остановимся теперь на внѣшней жизни Гоголя за этотъ періодъ и на его художественной дѣятельности.

Лѣтомъ 1832 г., выпустивъ и распродавъ „Вечера" и впервые пославъ матери 500 р. на свадьбу сестры, Гоголь уѣхалъ въ Малороссію. По дорогѣ недѣли на полторы задержала его Москва; здѣсь онъ познакомился съ цѣлымъ кругомъ видныхъ москвичей, иного склада и понятій, чѣмъ его петербургскіе знакомые. Это были: Аксаковы, Загоскинъ, Погодинъ, Максимовичъ, Щепкинъ, Кирѣевскіе. При всей разницѣ между ними, была черта, объединявшая всѣхъ: русское національное чувство было живо во всемъ этомъ кругѣ, также, какъ извѣстная патріархальность нравовъ и сердечная простота обращенія. Здѣсь мало было тонкости и блеска цивилизованнаго ума, мало интересовались литературными и общественными новинками Запада, но за то русская дѣйствительность была на лицо, и нѣкоторые, какъ М. С. Щепкинъ, могли поразить живымъ и широкимъ знаніемъ русскихъ порядковъ и нравовъ самыхъ различныхъ слоевъ общества. Изъ бытовыхъ разсказовъ Щепкина и Гоголь, и Пушкинъ, и Герценъ многому научились въ свое время. Здѣсь завязались для Гоголя многія связи на всю жизнь въ кругу людей, которые позднѣе, лѣтъ черезъ 10—15, опредѣленно стали на сторону національныхъ воззрѣній и русской самобытности при разслоеніи общества на западниковъ и славянофиловъ. Слѣды этихъ связей можно потомъ усмотрѣть въ воззрѣніяхъ Гоголя послѣдняго періода жизни; сейчасъ они прежде всего расширили его художническій горизонтъ и обогатили рядомъ наблюденій и свѣдѣній въ новыхъ для него сферахъ русской жизни. Малороссія, гдѣ онъ провелъ три мѣсяца, дала ему съ своей стороны новыя точки зрѣнія на впечатлѣнія дѣтства, и наряду съ поэзіей и романтической призмой стали трезвыя, глубокія наблюденія просыпающагося реальнаго таланта.

Возвратившись въ Петербургъ, Гоголь развиваетъ необыкновенную, прямо невѣроятную дѣятельность. Въ теченіе двухъ

лѣтъ (1833 и 1834 г.) онъ много читаетъ по всеобщей и малорусской исторіи, готовитъ лекціи, пишетъ статьи, изъ которыхъ составились „Арабески", а главное— задумываетъ и выполняетъ сразу длинный рядъ художественныхъ произведеній.

Здѣсь умѣстно сказать о манерѣ Гоголя работать. Онъ никогда не могъ задумать и написать какую-либо вещь сразу, углубившись только въ нее и не отвлекаясь въ сторону; одновременно возникалъ и разрабатывался цѣлый рядъ произведеній, авторъ переходилъ отъ одной начатой работы къ другой, то быстро двигая одну изъ нихъ, то откладывая надолго, и между первымъ наброскомъ и окончательной отдѣлкой обыкновенно проходило нѣсколько лѣтъ, въ теченіе которыхъ первоначальный замыселъ измѣнялся до неузнаваемости. Онъ самъ поступалъ именно такъ, какъ однажды совѣтовалъ Бергу: „Сначала нужно набросать все, какъ придется, хотя бы плохо, водянисто, но рѣшительно все, и забыть объ этой тетради. Потомъ черезъ мѣсяцъ, черезъ два, иногда и болѣе (это скажется само собою) достать написанное и перечитать; вы увидите, что многое не такъ, много лишняго, а кое-чего недостаетъ. Сдѣлайте поправки и замѣтки на поляхъ—и снова забросьте тетрадь. При новомъ пересмотрѣ ея—новыя замѣтки на поляхъ и, гдѣ не хватаетъ мѣста, взять отдѣльный клочекъ и приклеить сбоку. Когда все будетъ такимъ образомъ написано, возьмите и перепишите тетрадь собственноручно. Тутъ сами собой явятся новыя озаренія, урѣзы, добавки, очищенія слога. И опять положите тетрадку. Путешествуйте, развлекайтесь, не дѣлайте ничего или хоть пишите другое. Придетъ часъ, вспомнится заброшенная тетрадь: возьмите, перечитайте, поправьте тѣмъ же способомъ и, когда она будетъ снова измарана, перепишите ее собственноручно... Такъ надо дѣлать по-моему восемь разъ".

Послѣ этого мы легче поймемъ факты, обнаруженные пристальнымъ изученіемъ Гоголевскаго творчества: за четыре года, отдѣляющіе выходъ перваго его произведенія—„Вечеровъ" отъ его выѣзда лѣтомъ 1836 г. надолго за границу, Гоголь задумалъ, началъ и отчасти выполнилъ рѣшительно все, что прославило его имя и сдѣлало его главой новаго литературнаго развитія; всѣ остальныя 18 лѣтъ жизни ушли на разработку и довершеніе начатаго тогда, и не все удалось ему закончить. Въ частности, въ 1833 г. онъ кромѣ историческихъ занятій работаетъ надъ большой комедіей „Владиміръ III степени", другой комедіей „Женихи" (послѣ „Женитьба"), надъ „Старосвѣтскими Помѣщиками" и „Тарасомъ-Бульбой"; въ слѣдующемъ году сюда сверхъ ряда большихъ статей „для Арабесокъ" присоединяется созданіе „Вія", „Повѣсти о томъ,

какъ поссорился Ив. Ив. съ Ив. Никифор." и начало „Ревизора"; въ 1835 году въ январѣ выходятъ „Арабески", съ тремя повѣстями, въ февралѣ „Миргородъ"; одновременно пишутся: „Носъ", „Коляска", заканчиваются „Женихи", продолжается „Ревизоръ" и начинаются „Мертвыя Души"; наконецъ въ первую половину 1836 г. Гоголь съ большимъ напряженіемъ кончаетъ и ставитъ на сцену „Ревизора", работаетъ надъ уцѣлѣвшими сценами изъ оставленнаго „Владиміра III степени", набрасываетъ „Игроковъ", продолжаетъ „Мертвыя Души" и пишетъ большія журнальныя статьи для Пушкинскаго „Современника".

Трудъ гигантскій, колоссальный! Притомъ это не было только количественно огромной производительностью: замыслы Гоголя становились все шире, а исполненіе—все совершеннѣе, авторъ за эти годы очень быстро выросталъ душою и талантомъ; понятно, какого громаднаго напряженія стоилъ ему этотъ періодъ.

Въ „Авторской исповѣди" Гоголь самъ говоритъ, что въ это время онъ переходилъ отъ безотчетнаго пользованія своимъ комическимъ дарованіемъ къ служенію болѣе серьезнымъ цѣлямъ и что переходъ этотъ совершался при содѣйствіи и поощреніи Пушкина, настойчиво убѣждавшаго его приняться за большое произведеніе съ крупнымъ значеніемъ. „Ревизоръ" былъ первымъ отвѣтомъ на этотъ призывъ, работа надъ „Мертвыми Душами"—окончательнымъ шагомъ по новому пути.

Въ комедіи Гоголь, по его словамъ, рѣшилъ собрать въ одну кучу все дурное въ Россіи и заразъ посмѣяться надъ всѣмъ. Впечатлѣніе отъ „Ревизора" было очень сильное, во многомъ неожиданное; оно потрясло автора до глубины души и вызвало въ немъ огромную и сложную внутреннюю работу, во многомъ его переродившую, какъ художника и человѣка. Здѣсь—начало перелома въ развитіи Гоголя. До сихъ поръ, ни одно произведеніе свое не вырабатывалъ онъ такъ долго и тщательно, какъ „Ревизора". Сохранившійся первоначальный текстъ комедіи даетъ возможность убѣдиться, какъ зрѣлъ замыселъ, дѣлаясь серьезнѣе, очищаясь отъ легкаго комизма, отъ преувеличеній фарса, какъ выигрывали въ ширинѣ и значительности характеры.

Но вотъ наступило 19 апрѣля 1836 г., „Ревизоръ" данъ впервые на петербургской сценѣ. Интересъ былъ вызванъ сразу огромный, всѣ рвались въ театръ и на цѣлый рядъ первыхъ представленій трудно было достать билетъ. Царская фамилія, вся знать, средній классъ вплоть до чуекъ и поддевокъ наполняли зрительный залъ, много смѣха и рукоплесканій.

Но тотчасъ же въ оживленныхъ толкахъ, поднявшихся въ обществѣ и въ печати, стали громко звучать другія ноты недоумѣніе, недовольство, даже негодованіе и озлобленность. Одни находили страннымъ и необычнымъ весь замыселъ, твердо вѣруя, что комическій писатель долженъ только забавно смѣшить, другіе не видѣли въ пьесѣ ни искусства, ни вѣрности жизни. вообще никакихъ литературныхъ достоинствъ, третьи приходили въ ужасъ отъ „грубаго" и „неприличнаго" тона, четвертые возмущались дерзостью автора, ѣдко осмѣявшаго „все правительство"; въ воздухѣ завертѣлись озлобленные возгласы: „Зажигатель, бунтовщикъ, клевета на Россію, сослать въ Сибирь надо!" Даже немногіе защитники комедіи, признававшіе въ ней и талантъ и вѣрность жизни, не въ силахъ были обнять вполнѣ ея художественную высоту и важное общественное значеніе, и ихъ голоса звучали неувѣренно.

Гоголя охватилъ цѣлый вихрь разнородныхъ ощущеній. Онъ чувствовалъ, что совершилъ нѣчто крупное—самая сила общаго возбужденія говорила за то,—понималъ, конечно, ложность и ограниченность большинства высказанныхъ мнѣній; сознаніе, что его смѣхъ прозвучалъ мощной силой и что въ его жаждѣ глубоко всматриваться въ пошлость жизни и обнажать низменныя стороны человѣческой натуры скрытъ залогъ серьезнаго вліянія на общество, должно было окрѣпнуть и дать ему моментъ внутренняго удовлетворенія и торжества. Но этимъ дѣло не ограничивалось; оставалось на лицо и почти всеобщее непониманіе, и озлобленность,—цѣль автора не была достигнута, его желаніе общей пользы, весь смыслъ дѣятельности повисъ на воздухѣ. И вотъ въ Гоголѣ кромѣ неизбѣжнаго чувства обиды зрѣетъ тяжелая тоска и неудовлетворенность; онъ чувствуетъ, что не можетъ, не долженъ просто пренебречь общимъ мнѣніемъ, а надо оглянуться на себя и на свое дѣло, провѣрить и поискать, не лежитъ ли на немъ хотя часть вины рокового непониманія. Его потянуло за границу, вдаль отъ людей, отъ общества, нанесшаго ему тяжелую рану. Тамъ, въ уединеніи долженъ онъ разобраться во всемъ, отдать себѣ ясный отчетъ въ своихъ задачахъ и твердо установить, чѣмъ должна направляться, какимъ цѣлямъ служить его дѣятельность, какъ сатирическаго писателя; лишь послѣ этого сможетъ онъ достойно разработать свой новый замыселъ („Мертвыя души"), который везетъ съ собой на чужбину и который нельзя уже продолжать такъ свободно и безотчетно, какъ онъ былъ начатъ. Много горькаго и важнаго пережилъ тогда Гоголь. „Я не сержусь на толки", писалъ онъ передъ отъѣздомъ пріятелю: „но грустно мнѣ это всеобщее невѣжество,

движущее столицу... грустно, когда видишь, въ какомъ еще жалкомъ состоянiи находится у насъ писатель. Всѣ противъ него и нѣтъ никакой, сколько нибудь равносильной стороны за него... Прискорбна мнѣ эта невѣжественная раздражительность, признакъ глубокаго, упорнаго невѣжества, разлитаго на наши классы... Я огорченъ не нынѣшнимъ ожесточенiемъ противъ моей пiесы; меня заботитъ моя печальная будущность... Разсмотри положенiе бѣднаго автора, любящаго между тѣмъ сильно свое отечество и своихъ же соотечественниковъ, и скажи ему, что есть небольшой кругъ, понимающiй его, глядящiй на него другими глазами,—утѣшитъ ли это его?.. Прощай. Ѣду разгулять свою тоску, глубоко обдумать свои обязанности авторскiя, свои будущiя творенiя и возвращусь, вѣрно, освѣженный и обновленный".

Въ такой тяжелой и смутной тревогѣ, духа, 6 iюня 1836 г. Гоголь покинулъ Петербургъ и Россiю на цѣлыхъ три года.

V.

Съ этого момента жизнь Гоголя вступаетъ въ новую полосу, въ многомъ особенную, своеобразную. До сихъ поръ онъ развивался на родной почвѣ, складывался подъ впечатлѣнiями русской дѣйствительности, проходилъ въ петербургской сферѣ свою литературную дорогу, занялъ извѣстное положенiе въ обществѣ и былъ связанъ съ нимъ повидимому прочными житейскими связями. Теперь все это радикально измѣняется. Гоголь какъ бы выключилъ себя изъ сферы русской жизни, оторвался видимыми корнями отъ родной почвы. Изъ 16 лѣтъ, которые ему суждено было еще прожить, онъ провелъ три года безвыѣздно за границей, затѣмъ вернулся на 9 мѣсяцевъ въ Россiю и скрылся на полтора года; далѣе, опять нѣсколько мѣсяцевъ на родинѣ и новое исчезновенiе на шесть лѣтъ, и наконецъ окончательное возвращенiе на четыре послѣднiе года въ Россiю, но уже при все возрастающей отчужденности отъ всякой жизни. Характерно, что уѣзжая въ первый разъ, онъ чувствовалъ уже, что ему трудно найти свое мѣсто среди русскихъ условiй. „Для меня нѣтъ жизни внѣ моей жизни" писалъ онъ Жуковскому—„и нынѣшнее мое удаленiе изъ отечества, оно послано свыше... Это великiй переломъ, великая эпоха моей жизни. Знаю, что мнѣ много встрѣтится непрiятнаго, что я буду терпѣть и недостатокъ и бѣдность, но ни за что на свѣтѣ не возвращусь скоро. Долѣе, долѣе, какъ можно долѣе буду въ чужой землѣ. И хотя мысли мои, мое имя, мои труды, будутъ принадлежать Россiи, но самъ я, но бренный составъ мой будетъ удаленъ отъ нея".

И дѣйствительно, онъ занимаетъ деньги у пріятелей, нѣсколько разъ черезъ вліятельныхъ друзей получаетъ помощь отъ царя, хлопочетъ о платной должности за границей, о правильной пенсіи отъ правительства, и думать не можетъ о томъ, чтобы вернуться и занять какое-нибудь положеніе на родинѣ; оба довольно кратковременные пріѣзды (на 8—9 мѣс. на пространствѣ 12 лѣтъ) были вызваны необходимостью брать сестеръ изъ института и печатать I т. Мертвыхъ Душъ; Гоголь тяготился ими и, покончивъ дѣла, радостно рвался въ „свою красавицу Италію“: „Она моя“! восклицаетъ онъ: „никто въ мірѣ не отниметъ ея у меня. Я родился здѣсь. Россія, Петербургъ, снѣга, подлецы, департаменты, каѳедра, театръ—все это мнѣ снилось. Я проснулся опять на родинѣ“... Это отношеніе уживалось у Гоголя съ горячимъ чувствомъ любви къ родной странѣ и народу и жаждой быть имъ полезной; оно объясняется тѣмъ, что пріемъ „Ревизора“ впервые открылъ ему глаза на русское общество и навелъ на рядъ глубокихъ и горькихъ размышленій о судьбѣ русскаго писателя. Онъ откровенно признается въ этомъ Погодину (въ 1837 г.).

Домъ въ Римѣ, гдѣ жилъ Гоголь.

„Ты приглашаешь меня ѣхать къ вамъ. Для чего? Не для того ли, чтобы повторить вѣчную участь поэтовъ на родинѣ?.. Ты пишешь, что всѣ люди, даже холодные, были тронуты этой потерей (смертью Пушкина). А что эти люди готовы были дѣлать ему при жизни?.. О, когда я вспомню нашихъ судей, меценатовъ, ученыхъ умниковъ, благородное наше аристократство, сердце мое содрагается при одной мысли“!.. И признавшись затѣмъ въ сильной, неистребимой любви къ родинѣ,

которой онъ посвящаетъ и сейчасъ всѣ силы своего таланта, онъ продолжаетъ: „Но ѣхать, выносить надменную гордость безмозглаго класса людей, которые будутъ передо мною дуться и даже мнѣ пакостить, — нѣтъ, слуга покорный! Въ чужой землѣ я готовъ все перенести, готовъ нищенски протянуть руку, если дойдетъ до этого дѣло; но въ своей—никогда! Мои страданія тебѣ не могутъ вполнѣ быть понятны: ты въ пристани, ты, какъ мудрецъ, можешь перенесть и посмѣяться. Я бездомный, меня бьютъ и качаютъ волны, и упираться мнѣ только на якорь гордости, которую вселили въ грудь мою высшія силы, — сложить мнѣ голову свою на родинѣ“!

Такія безотрадныя, выстраданныя рѣчи не впервые вырывались изъ сердца русскаго писателя; стоитъ вспомнить Грибоѣдова, замѣтившаго, что „достоинство человѣческое цѣнится у насъ въ прямомъ отношеніи къ числу крѣпостныхъ рабовъ“, Пушкина, въ отчаяніи воскликнувшаго однажды: „чортъ меня дернулъ родиться въ Россіи и съ талантомъ!“ Всего тяжелѣе здѣсь то, что это —отнюдь не политическій протестъ, а просто вопль прозрѣвшей души; иначе въ немъ не соединились бы три такія личности. Особенно онъ характеренъ въ устахъ Гоголя, гдѣ онъ заканчивается такъ жестоко сбывшимся пророчествомъ.

Но покамѣстъ, въ разсматриваемую нами эпоху Гоголь устраивался“ въ своемъ прекрасномъ далекѣ“, весь полный широкихъ плановъ и серьезныхъ задачъ. Съ нимъ были „Мертвыя Души“, которымъ предстояло стать основной цѣлью всей остальной его жизни и послужить оправданіемъ самыхъ грандіозныхъ надеждъ. Извѣстно признаніе Гоголя въ „Авторской исповѣди“, что поэма была задумана и начата имъ безъ опредѣленнаго плана и серьезной идеи и рисовалась ему, какъ собраніе „смѣшныхъ явленій, которыя онъ намѣренъ былъ перемѣшать съ трогательными“. Теперь этому замыслу суждено было радикально переродиться въ связи съ глубокой внутренней работой, начавшейся въ авторѣ еще до отъѣзда.

Пережитый переворотъ внушилъ ему какое-то совершенно особенное отношеніе къ своей писательской роли; что-то возвышенно-благоговѣйное слышится въ его письмахъ тотчасъ же послѣ прощанья съ Петербургомъ. „Какихъ высокихъ, какихъ торжественныхъ ощущеній, невидимыхъ, незамѣтныхъ для свѣта, исполнена жизнь моя! Клянусь, я что-то сдѣлаю, чего не сдѣлаетъ обыкновенный человѣкъ. Львиную силу чувствую въ душѣ своей“, пишетъ онъ Жуковскому еще съ дороги. Если въ октябрѣ предыдущаго года Гоголь, извѣщая Пушкина о началѣ работы, говоритъ что „романъ, кажтся,

будетъ сильно смѣшонъ", то теперь, принявшись въ Швейцаріи и затѣмъ въ Парижѣ вновь за него, онъ уже восклицаетъ: „какой огромный сюжетъ!.. вся Русь явится въ немъ"! И дальше: „Огромно велико мое твореніе и не скоро конецъ его"; въ связи съ этимъ онъ мечтаетъ о посмертной славѣ, которую должно принести ему это „твореніе", о томъ, что потомки „съ глазами, влажными отъ слезъ, произнесутъ примиреніе его тѣни". Все это далеко уводитъ насъ отъ „сильно смѣшного сюжета" и заставляетъ думать, что уже съ перваго года заграничной жизни планъ новаго произведенія сталъ принимать въ головѣ Гоголя значительныя очертанія.

Работая надъ первымъ томомъ, онъ отъ времени до времени роняетъ въ письмахъ отдѣльныя фразы, говорящія о томъ же: „мои гордые замыслы"... „многое хотѣлъ я совершить"... „только бы мнѣ четыре-пять лѣтъ жизни"...

Побывавъ въ 1839—40 г. въ Россіи и познакомивъ близкихъ друзей (въ эту поѣздку онъ сошелся особенно съ московскимъ кружкомъ—Аксаковыми, Погодинымъ, Шевыревымъ) съ написанными главами „Мертвыхъ Душъ", Гоголь возвращается за границу оканчивать I томъ. Тутъ впервые появляются въ его перепискѣ указанія на то, что планъ не только не исчерпывается, но едва намѣчается первымъ томомъ. Дальнѣйшее продолженіе, говоритъ онъ, выясняется въ головѣ чище, величественнѣй, и теперь онъ видитъ, что „можетъ быть со временемъ кое-что колоссальное"; немногіе знаютъ, на какія сильныя мысли и глубокія явленія можетъ навести „незначащій сюжетъ", котораго „первыя, невинныя и скромныя главы" извѣстны друзьямъ. Когда вышелъ I томъ, Гоголь неразъ называлъ его лишь крыльцомъ или портикомъ къ строящемуся дворцу; что же долженъ былъ представлять собою весь дворецъ?

Въ „Авторской исповѣди" Гоголь, оглядываясь на то, какъ развивался въ немъ его планъ, говоритъ объ этомъ такъ. Послѣ „Ревизора" онъ особенно ясно почувствовалъ потребность въ сочиненіи полномъ, „гдѣ было бы уже не одно то, надъ чѣмъ слѣдуетъ смѣяться"; ему хотѣлось выставить какъ тѣ высшія свойства русскаго человѣка, которыя еще не оцѣнены справедливо, такъ и тѣ низкія, которыя недостаточно осмѣяны. Возбудить въ читателяхъ любовь и стремленіе къ первымъ и ненависть, отвращеніе ко вторымъ—вотъ задача, которую онъ ставилъ себѣ; она по глубинѣ и значительности далеко выступаетъ за рамки простого литературнаго предпріятія: если автору удастся достойно выполнить трудъ, его поэма должна содѣйствовать общему возрожденію русскаго человѣка

и очищенію нашей жизни отъ многихъ недостатковъ. Сообразно съ этимъ планъ поэмы распадался на три части: первый томъ долженъ былъ изобразить отрицательныя стороны жизни, а соединеніе ихъ съ положительными задатками русской натуры и наконецъ преобладаніе послѣднихъ выпадало на долю остальныхъ двухъ томовъ. Получалось нѣчто вродѣ русской Божественной Комедіи съ адомъ, чистилищемъ и раемъ, причемъ самое заглавіе могло толковаться символически: „мертвыми душами" можно было считать не только Чичиковскихъ мужиковъ, но и всѣхъ героевъ поэмы, духовно мертвыхъ, а души, способныя ожить, и вполнѣ живыя должны были выступить въ дальнѣйшемъ.

Продолжая свою исповѣдь, авторъ говоритъ, что чѣмъ болѣе выяснялся передъ нимъ замыселъ, тѣмъ сильнѣе чувствовалъ онъ нужду въ собственномъ очищеніи и возрожденіи, чтобы стать достойнымъ выполнителемъ грандіознаго плана. Какъ Дантъ самъ очищается отъ всего темнаго и земного, проходя черезъ Чистилище, чтобы получить способность созерцать и воспѣть свѣтлыя области неба, такъ Гоголь былъ приведенъ по его словамъ къ длительной борьбѣ съ своими недостатками. Чѣмъ-то въ родѣ пророка, свыше призваннаго къ обновленію родины, начинаетъ онъ теперь себя чувствовать и строгимъ самовоспитаніемъ нравственнымъ и религіознымъ готовится для этого пророческаго служенія. Такъ объясняется совершенно особый тонъ, которымъ онъ начинаетъ говорить о себѣ и о своей литературной работѣ уже съ начала 40-хъ годовъ. Перенеся тотчасъ по выѣздѣ изъ Россіи тяжелую болѣзнь въ Вѣнѣ, когда онъ прямо ждалъ смерти, Гоголь увѣровалъ, что Богъ спасъ его именно потому, что его жизнь нужна для выполненія великой задачи. Въ началѣ 1841 г. кончая I томъ и собираясь ѣхать къ осени въ Россію печатать его, онъ пишетъ С. Т. Аксакову: „Слышу и знаю дивныя минуты. Созданіе чудное творится и совершается въ душѣ моей и благодарными слезами не разъ теперь полны глаза мои. Здѣсь явно видна мнѣ святая воля Бога: подобное внушеніе не происходитъ отъ человѣка; никогда не выдумать ему такого сюжета". Онъ умеръ для всего мелочного; просьба Погодина прислать что-нибудь для „Москвитянина" кажется ему святотатствомъ; сильнымъ и тяжкимъ грѣхомъ называетъ онъ всякую попытку отвлечь его отъ „святого труда". „Только одному невѣрующему словамъ моимъ и недоступному мыслямъ высокимъ позволительно это сдѣлать. Трудъ мой великъ, мой подвигъ спасителенъ". Онъ проситъ, чтобы К. Аксаковъ и Щепкинъ пріѣхали за нимъ и доставили его въ Россію, избавивъ

его отъ дорожныхъ заботъ и мелочей, такъ какъ его нужно теперь беречь и лелѣять. „Не для меня, нѣтъ! Они привезутъ съ собою глиняную вазу. Конечно, эта ваза вся въ трещинахъ, стара и еле держится; но въ ней заключено сокровище, стало быть, ее нужно беречь".

Это сознаніе своей избранности, облеченности высшей силой даетъ себя чувствовать уже въ эту пору, нечасто, но ярко. Такъ своему близкому товарищу Данилевскому, котораго онъ полусерьезно звалъ всегда братомъ, письма къ которому еще годъ назадъ носили искренній характеръ непринужденной интимности, и часто касались веселыхъ развлеченій Парижа или Рима, Гоголь пишетъ теперь наставительное посланіе, убѣждаетъ оставить разсѣянную жизнь, заняться въ имѣніи хозяйствомъ и углубиться внутренно. И все это—властнымъ тономъ человѣка, познавшаго вѣчную истину, высоко поднявшагося надъ людьми, взрослаго, говорящаго съ ребенкомъ или малолѣткомъ. „Теперь ты долженъ слушать моего слова, ибо вдвойнѣ властно надъ тобою мое слово, и горе кому бы то ни было, не слушающему моего слова... Властью высшею облечено отнынѣ мое слово"!

VI.

Въ дальнѣйшемъ все сильнѣе и чаще охватываетъ Гоголя такое настроеніе, все болѣе примѣшивается сюда религіозныхъ элементовъ, а въ его творчествѣ усиливается склонность къ морализаціи и торжественному, вѣщему тону. Въ I томѣ „Мертвыхъ Душъ" это даетъ себя знать въ „лирическихъ" мѣстахъ, а въ собраніе сочиненій, которое Гоголь готовитъ одновременно съ нимъ, онъ включаетъ „Портретъ" и „Тараса Бульбу" уже въ сильной переработкѣ, подсказанной далеко не одними художественными, но и моральными цѣлями. Самымъ крупнымъ и рѣзкимъ отраженіемъ этой тенденціи служитъ „Развязка Ревизора", гдѣ Гоголь попытался истолковать свою безсмертную картину реальной русской дѣйствительности, какъ духовно-нравственную аллегорію. Чѣмъ дальше углублялся Гоголь въ общіе вопросы нравственной жизни, личнаго совершенствованія и душевнаго спасенія, тѣмъ болѣе блѣднѣли передъ нимъ краски русской жизни; легко и свободно черпая изъ нея матеріалъ для изображенія ея „ада", царства мертвыхъ душъ, онъ сталъ работать медленно, неувѣренно, когда пришлось рисовать „чистилище" и подготовлять „рай". Гоголь долго приписывалъ это своему недостоинству и говорилъ, что трудно изображать положительный строй жизни тому, кто самъ вну-

тренно еще не „состроился“, и все усерднѣе налегалъ на самоанализъ и самовоспитаніе.

Его жизнь въ это время, протекавшая внѣ Россіи, замкнулась въ небольшомъ кругу знакомыхъ, жившихъ, какъ и онъ, за границей и большей частью вторившихъ ему въ настроеніи. Это были: Жуковскій, Языковъ, А. О. Смирнова, Вьельгорскіе, гр. А. П. Толстой и др.—все люди, подводившіе свои жизненные итоги, настроенные въ религіозно-нравственномъ духѣ, безъ бодраго чувства жизни, безъ живыхъ связей съ современностью, безъ широкихъ горизонтовъ. Въ глазахъ большинства изъ этого круга Гоголь, съ обаяніемъ крупнаго художника, съ восторженными полетами души къ высокому идеалу, съ пламенной вѣрой въ свою миссію, невольно занялъ мѣсто духовнаго вождя и наставника, хотя и не безспорнаго. Вокругъ него образовалась спертая атмосфера, гдѣ вращались все одни и тѣ же вопросы интимной духовной жизни, гдѣ всѣ ежедневно помогали другъ другу каяться и исправляться, слѣдили другъ за другомъ и привыкали анализировать въ себѣ и въ другихъ самыя сокровенныя мысли и побужденія, гдѣ подчасъ считалось спасительнымъ и необходимымъ больно задѣвать другъ друга и обнажать чужую душу. Извѣстны вытекшія изъ этого нездороваго источника странныя и безцеремонныя заботы Гоголя о душевномъ спасеніи его московскихъ друзей, которые вызвали суровую отповѣдь со стороны чуткаго и здороваго духомъ старика Аксакова.

Въ этомъ тѣсномъ, удушливомъ кругѣ окрѣпла и развилась та самоувѣренность Гоголя, къ которой онъ издавна былъ склоненъ и признаки которой мы не разъ отмѣчали раньше. Въ возвышенности и важности своихъ цѣлей онъ искренно не имѣлъ основаній сомнѣваться, а громадное самоотверженіе, съ которымъ онъ сосредоточилъ вокругъ этихъ цѣлей всѣ свои душевныя силы, все свое существованіе, наконецъ вниманіе, которымъ онъ былъ окруженъ,—все это казалось ему правомъ вести за собой другихъ и указывать людямъ путь не только въ качествѣ художника, но и мыслителя-моралиста. Плодомъ такого настроенія и явилась „Переписка съ друзьями“. Извѣстенъ пріемъ, который встрѣтила эта книжка, гдѣ въ пеструю смѣсь слились вѣрныя сужденія съ явно ложными и неосновательными, искреннія движенія лучшихъ сторонъ Гоголевской души съ побужденіями, искусственно развитыми въ больной средѣ, и гдѣ, главное, такъ мало были угаданы нужды русской жизни и духъ времени. Она вызвала жестокій отпоръ со стороны Бѣлинскаго (и не одного его), прямое осужденіе С. Т. Аксакова, смутила многихъ близкихъ

Гоголю лицъ, смутила и самого автора, который многое только тогда понялъ и разсмотрѣлъ, когда дѣло было сдѣлано.

Между тѣмъ цѣль всей жизни, „Мертвыя Души“ все плохо двигались впередъ, все недоволенъ былъ вторымъ томомъ взыскательный художникъ, не умиравшій, не смотря ни на что, въ Гоголѣ, и уже подверглась однажды сожженію рукопись (1845 г.). Въ Гоголѣ все сильнѣе шевелится давно безпокоившее его сознаніе, что онъ мало знаетъ Россію, что для его гигантскаго плана недостаточно старыхъ наблюденій, на которыхъ въ свое время воздвигся „Ревизоръ“. Годы самоуг-

Домъ на Никитскомъ бульварѣ въ Москвѣ, гдѣ скончался Гоголь.

лубленія, внутренней подготовки и постоянная жизнь за границей съ своей стороны проложили замѣтное отчужденіе между нимъ и русскою жизнью. Онъ больно чувствовалъ насущную нужду въ „духовной и вещественной статистикѣ“ Россіи, взывалъ къ друзьямъ, къ знакомымъ, наконецъ ко всѣмъ читателямъ о помощи, просилъ свѣдѣній, замѣчаній на первый томъ. Самое изданіе „Переписки“ по его словамъ должно было служить той же цѣли: онъ думалъ, что книга, задѣвши и расшевеливъ многихъ, заставитъ высказаться, и авторъ восполь-

зуется этимъ, чтобы уяснить себѣ такія явленія современности и такія черты русскаго человѣка, которыя необходимы для успѣшнаго продолженія поэмы. Во всѣхъ этихъ надеждахъ и исканіяхъ было много самообмана. Жизнь на Руси давно шла мимо Гоголя и ускользали многія характерныя стороны эпохи отъ вниманія, давно односторонне направленнаго и утомленнаго созерцаніемъ внутренняго міра. Старая геніальная отгадка широкихъ явленій и сущности людскихъ характеровъ по отдѣльнымъ штрихамъ, по бѣглымъ наблюденіямъ слабѣла безъ пищи, забиваемая, отодвигаемая въ сторону новымъ міровоззрѣніемъ, гдѣ не было мѣста прежнему ненасытному любопытству ко всему живому; годы и болѣзненность тоже брали свое. Надвигался аскетизмъ, отчужденность отъ всего земного, вопросы душевнаго спасенія, загробной жизни выступали все замѣтнѣе, Гоголь все сильнѣе отдавался набожности, подпадалъ подъ власть Оптиной пустыни, отца Матвѣя.

Въ послѣдніе четыре года жизни, проведенные въ Россіи, Гоголь былъ уже надломленъ. Второй томъ еще дописывался и отдѣлывался, даже читался друзьямъ, но большая часть того, что мы знаемъ изъ него, примыкала къ мотивамъ перваго тома и мало содержала въ себѣ новой идеи, особенно дорогой автору теперь,—идеи положительнаго строительства русской жизни; это была сторона чистилища, обращенная къ аду, а не къ раю, и переходъ къ другому склону очевидно давался съ трудомъ. Возрождающій и обновляющій духъ отказывался вселяться въ мертвыя души Чичиковыхъ и Плюшкиныхъ, какъ то предполагалось въ замыслѣ, а созданіе новыхъ, свѣтлыхъ фигуръ затруднялось однажды вырвавшимся сознаніемъ автора, что имъ нелегко придать осязательную убѣдительность. Тонкость художническаго пониманія и безпощадная самокритика не оставляли Гоголя и среди тяжелаго душевнаго распаденія послѣднихъ лѣтъ. Потому, очевидно, онъ все и медлилъ выпустить изъ рукъ второй томъ, печатаніе котораго обѣщалось неоднократно; потому вѣроятно и сжегъ онъ его передъ смертью, принеся этимъ послѣднюю жертву своему таланту.

Что пережилъ Гоголь при концѣ своей страдальческой, самоотверженной жизни, этого, конечно, никто не разскажетъ. Одно ясно: какъ бы ни отошелъ онъ постепенно отъ всего живого, какъ бы ни застилался его предсмертный взоръ дымкой аскетизма, монашества и загробныхъ тайнъ, онъ не могъ не чувствовать, что то, чему онъ служилъ всю жизнь, обмануло его при концѣ, и высшій, лучшій трудъ его жизни выскользнулъ изъ его рукъ недовершеннымъ; мало того: онъ самъ долженъ былъ наложить на него руки, чтобы не унизить сво-

его призванія его несовершенствомъ. Съ этимъ терялся для него всякій смыслъ жизни, такъ какъ то, что мы считаемъ безсмертной заслугой Гоголя, онъ самъ въ это время не склоненъ былъ цѣнить сколько нибудь высоко. Разочарованія больше, ядовитѣе нельзя себѣ вообразить.

Сожженіе рукописей. Литографія Солоницкаго.

VII.

Но если судьба Гоголя сводится къ мученіямъ и разочарованію, если онъ, всю жизнь мечтавшій сказать цѣлому обществу, всей своей эпохѣ волшебное слово „впередъ!“, потерпѣлъ такое страшное пораженіе, что своей рукой, умирая, поспѣшилъ уничтожить, скрыть отъ насъ свою окончательную попытку начертить эту магическую формулу,—какъ объяснить тотъ безспорный фактъ, что на самомъ дѣлѣ для своего времени Гоголь былъ не только идеаломъ художника, увлекавшаго силой творческаго генія, но и подлиннымъ властителемъ думъ, въ извѣстномъ смыслѣ знаменемъ цѣлаго поколѣнія?

Припомнимъ, что Бѣлинскій говорилъ, обращаясь къ нему: „Я любилъ васъ со всей страстью, какъ только человѣкъ, кровью связанный съ своей страной, можетъ любить ея надежду, честь и славу, одного изъ великихъ вождей ея на пути сознанія, развитія и прогресса". Припомнимъ слова Анненкова о томъ, что послѣ появленія „Мертвыхъ душъ" никакіе литературные вопросы не могли ни на минуту заслонить передъ Бѣлинскимъ чисто русскаго вопроса, который тогда цѣликомъ сосредоточивался у него на одномъ имени Гоголя и на его романѣ: „Онъ не уставалъ указывать, почему на Руси являются типы такого безобразія, какіе выведены въ поэмѣ; почему могутъ совершаться на Руси такія невѣроятныя событія, какія въ ней разсказаны; почему могутъ существовать на Руси, не приводя никого въ ужасъ, такія рѣчи, мнѣнія и взгляды, какіе переданы тамъ. Бѣлинскій думалъ, что добросовѣстный отвѣтъ на эти вопросы можетъ сдѣлаться для человѣка программой дѣятельности на всю жизнь и положить прочную основу для его образа мыслей и для правильнаго сужденія о себѣ и другихъ".

Странной на первый взглядъ можетъ показаться такая роль человѣка, совершенно иначе понимавшаго цѣли жизни и задачи общества. Что же дѣлало Гоголя такимъ нужнымъ и дорогимъ для передовыхъ людей 40-хъ годовъ? Это были все, во-первыхъ, идеалисты высокой пробы, люди, постоянно жившіе отвлеченными интересами духа, высшими вопросами развитія, науки, философіи, общественной жизни. Во-вторыхъ, это были отрицатели, которые подъ вліяніемъ этихъ высшихъ интересовъ и общечеловѣческаго сознанія пришли къ рѣзкому критическому взгляду на русскую жизнь и ея порядки. Гоголь не былъ идеалистомъ въ томъ смыслѣ, какъ Бѣлинскій, Герценъ, Грановскій; онъ мало интересовался міромъ идей,—ни наука, ни философія, ни движеніе мысли въ Европѣ не представлялись для него насущнымъ дѣломъ, за которымъ надо слѣдить и въ который необходимо вникать. Съ другой стороны онъ не былъ и отрицателемъ. У него нигдѣ не найдешь критики стараго строя жизни; даже крѣпостное право оставляло его спокойнымъ; нигдѣ нѣтъ и тѣни негодованія или протеста по поводу того, что дѣлала съ жизнью народа и общества николаевская система.

Но въ натурѣ Гоголя, во всемъ его душевномъ укладѣ было то, что замѣняло и идеализмъ и отрицаніе. Онъ вѣчно носилъ въ душѣ образъ высокихъ стремленій человѣка, жажду видѣть человѣка во всемъ блескѣ его достоинства, видѣть личность человѣческую не опозоренную, не униженную ложью, пошло-

стью, трусостью, лицемѣріемъ и множествомъ мелкихъ чувствъ и страстишекъ, какія разыгрываются и сталкиваются въ сутолокѣ обыденной обывательщины. Въ его творчествѣ часто звучитъ этотъ стонъ души, эта скорбь по лучшимъ сторонамъ человѣка, искажаемымъ жизнью. Та боль, то содраганіе, которыя онъ неизбѣжно и сильно испытывлъ при встрѣчѣ съ уродствомъ жизни, дѣлали его невольнымъ отрицателемъ всѣхъ тогдашнихъ порядковъ, ибо они были вопіющимъ противорѣчіемъ и справедливости, и гуманности; и это его отрицаніе, облеченное силой таланта въ яркіе образы, было неотразимой, ядовитой критикой всего строя вещей, хотя самъ авторъ и не въ силахъ былъ и не желалъ выступать разрушителемъ основъ и протестантомъ. Притомъ Гоголя нельзя считать прямымъ защитникомъ существующихъ порядковъ. Онъ вовсе не считалъ, что все въ Россіи идетъ прекрасно и нѣтъ надобности въ перемѣнахъ; наоборотъ, онъ многому не сочувствовалъ и видѣлъ нужду въ улучшеніи жизни. Въ особенности его чувство глубоко возмущалось грязью и пошлостью нравовъ и привычекъ въ личномъ и общественномъ обиходѣ и онъ никогда не чувствовалъ себя спокойно или хорошо въ условіяхъ русской жизни. Правда, онъ рѣдко поднимался мыслью отъ уродливостей жизни къ порождавшимъ и питавшимъ ихъ причинамъ, а когда пытался это дѣлать, то, какъ многія крупныя моральныя личности, видѣлъ все спасеніе общества въ нравственномъ улучшеніи отдѣльныхъ лицъ, во внутреннемъ очищеніи души, и слишкомъ низко цѣнилъ воспитывающее вліяніе учрежденій и всѣхъ внѣшнихъ общественныхъ условій. Но идеалы его въ существѣ нисколько не отличались отъ идеаловъ передовыхъ людей его времени. Отъ этого получалось то, что его картины жизни, продиктованныя скорбью возвышенной души, находили горячій откликъ среди людей, иначе мыслившихъ, и будили въ нихъ негодованіе и общественный протестъ.

Затѣмъ эти либерально настроенные люди не только мечтали о реформахъ, не только отвращеніе и негодованіе выносили, глядя вокругъ себя; они носили въ груди больное сердце, отравленное горечью и тоской. Въ дневникахъ такихъ различныхъ людей, какъ Никитенко и Герценъ, въ признаніяхъ Бѣлинскаго мы не разъ встрѣчаемъ идущія прямо изъ души скорбныя и горькія восклицанія. Во всѣхъ нихъ звучитъ та же грусть, что и у Гоголя, тѣже безотрадные стоны личности, выросшей до высокаго сознанія благородства и свободы и вынужденной сидѣть въ грязи со связанными руками и закрытыми устами. Все то, до чего передовые дѣятели доходили

силой образованной и критической мысли, они находили выраженнымъ въ яркой картинѣ жизни у Гоголя; она давала вѣское подкрѣпленіе ихъ пониманію русской дѣйствительности, построенному при участіи науки и философіи.

Наконецъ надо указать еще одну важную сторону значенія Гоголя, которая тоже роднила его съ передовыми людьми его времени. Послѣдніе, раздѣленные на западниковъ и славянофиловъ, при всѣхъ несогласіяхъ взаимныхъ дѣлали одно

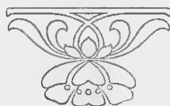
Могила Гоголя въ Московскомъ Даниловомъ монастырѣ (1902 г.).

и то же дѣло: вырабатывали вопросъ національнаго самосознанія. Выдвигая на первое мѣсто самостоятельныя русскія начала или же стремясь найти пути развитія объ руку съ Западной Европой, тѣ и другіе сходились въ отрицаніи той дороги, по которой шелъ русскій народъ или, вѣрнѣе, по которой его вели въ данный моментъ обстоятельства, одинаково находя, что дорога эта гибельна. Гоголь собственно не примыкалъ ни къ тѣмъ, ни къ другимъ; стоя какъ будто ближе къ славянофи-

ламъ, онъ не раздѣлялъ ни ихъ восхищенія старой Русью, ни увѣренности въ близкой погибели Запада. Но обѣ партіи по справедливости видѣли въ немъ художника, для котораго національный вопросъ стоялъ на видномъ мѣстѣ. У Гоголя чувство народности было живымъ, кровнымъ и близкимъ, и въ творчествѣ своемъ онъ постоянно обнаруживалъ стремленіе угадывать общенаціональныя черты жизни и расширять смыслъ своихъ фигуръ до степени общерусскихъ символовъ. Понятно, какъ много долженъ былъ давать такой художникъ въ то время, когда всѣ лучшіе люди глубоко задумывались надъ вопросомъ національнаго самоопредѣленія.

Вотъ причины, дѣлавшія Гоголя центральной фигурой 40-хъ годовъ.

А. Е. Грузинскій.

ГОГОЛЬ
въ его художественныхъ произведеніяхъ.

1.

Гоголь поражаетъ насъ разносторонностью своего художественнаго дарованія и глубиною поэтическаго генія.

Онъ былъ и великій мастеръ въ области искусства образнаго, и великій поэтъ-лирикъ, и великій художникъ-юмористъ. И то, что̀ говорилъ онъ языкомъ художественныхъ образовъ, лирики и юмора, почти всегда было и ново, и интересно, и содержательно, и значительно. Но когда онъ отъ этого „языка“ переходилъ къ языку прозы, его мысль въ большинствѣ случаевъ оказывалась блѣдною, безпомощною, слабою. Онъ самъ сознавалъ это. Послѣ неудачи съ книгою „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями“ онъ писалъ Жуковскому (22 декабря 1847 г.): „Мое дѣло—говорить *живыми образами*, а не разсужденіями. Я долженъ выставить *жизнь* лицомъ, а не трактовать о жизни. Истина очевидная...“ („Письма Н. В. Гоголя“, подъ редакціей В. И. Шенрока, т. IV, стр. 139).

Эта „истина“ блистательно подтвердилась тѣмъ, что являетъ намъ пресловутая книга „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями“, а также и тѣмъ, что представляютъ собою многочисленныя письма Гоголя, составившія 4 убористыхъ тома. Правда, и тутъ и тамъ живо даетъ себя чувствовать проницательный, сильный умъ Гоголя, но еще яснѣе обнаруживаются отрицательныя стороны этого ума: его отсталость, его безсиліе справиться съ сложными вопросами жизни, своеобразная, странная мыслебоязнь, отсутствіе свѣта, широты воззрѣнія, логической дисциплины, гибкости, отзывчивости на вопросы времени, на которые легко отзывались обыкновенные, средніе люди. Читая письма Гоголя, мы все время испытываемъ впечатлѣніе. діаметрально-противоположное тому, какое мы выносимъ изъ чтенія писемъ Пушкина, Тургенева, Чехова, гдѣ нѣтъ противорѣчія между великимъ писателемъ и человѣкомъ, пишущимъ

частныя письма друзьямъ, роднымъ, знакомымъ. Второй сплошь и рядомъ поясняетъ или добавляетъ перваго. Въ письмахъ этихъ великихъ *художественныхъ умовъ* мы находимъ лучшіе комментаріи къ ихъ произведеніямъ и драгоцѣнныя указанія, дающія намъ возможность заглянуть въ интимную, сокровенную сторону ихъ творчества. Не то у Гоголя. Его обликъ, который возстаетъ передъ нами при чтеніи писемъ, почти ничего общаго не имѣетъ съ удивительнымъ художникомъ, создавшимъ „Вечера на хуторѣ", повѣсти, „Ревизора", „Мертвыя души". Письма не помогаютъ, а затрудняютъ понимать творчество Гоголя, осложняя задачу изслѣдователя. Такое же противорѣчіе усматривали (еще со временъ Бѣлинскаго) между Гоголемъ-художникомъ и Гоголемъ—авторомъ „прозаическихъ" статей (въ „Арабескахъ": „Скульптура, живопись, музыка", „Объ архитектурѣ нынѣшняго времени", „Алъ-Мамунъ" и др.). Но, какъ теперь выясняется, низкая оцѣнка этихъ статей была несправедлива, и ихъ нельзя противополагать художественнымъ произведеніямъ Гоголя съ тою рѣзкостью, какъ противополагаются имъ его письма и книга „Выбранныя мѣста". Прозаическія статьи Гоголя по исторіи, по искусству не лишены достоинствъ и въ свое время были явленіемъ незауряднымъ. Въ нихъ, во всякомъ случаѣ, виденъ высокій умъ и искрятся проблески той силы, которою характеризуется Гоголь-художникъ. Присматриваясь ближе, мы находимъ и разгадку этого: здѣсь дѣйствовали, въ значительной мѣрѣ, художественныя пружины мышленія Гоголя,—въ этихъ опытахъ прозаической мысли не мало скрытой поэзіи или, по крайней мѣрѣ, поэтическихъ пріемовъ и художественной интуиціи.

Что же касается писемъ и книги „Выбранныя мѣста", то здѣсь почти сплошь „проза", — та тяжелая, громоздкая, неуклюжая проза, которая была обычною формою его мысли всякій разъ, когда въ немъ исчезалъ художникъ. И лишь рѣдко-рѣдко, то тамъ, то сямъ, мелькаютъ искорки художественной мысли Гоголя, случайно подвернувшійся образъ, проблески юмора, лирическій подъемъ. И тутъ мы узнаемъ нашего Гоголя, настоящаго Гоголя,—и словно волшебствомъ эти разрозненныя мѣста оказываются и содержательными, и глубокими по мысли, и интересными...

Такое противорѣчіе или разладъ между *поэтомъ* и *прозаикомъ* встрѣчается нерѣдко. Въ этомъ явленіи нѣтъ ничего исключительнаго, ненормальнаго. Можно скорѣе думать, что противоположное явленіе, т.-е. *согласіе* или *равновѣсіе между поэтическими и прозаическими силами человѣческаго ума,* выходитъ изъ нормы и достается въ удѣлъ очень рѣдкимъ,

исключительно одареннымъ натурамъ. Достаточно извѣстно, какъ рѣдки такіе умы, какъ *Леонардо да-Винчи,* великій художникъ и столь же великій ученый и техникъ, какъ *Гете*, великій поэтъ и великій ученый-мыслитель. Чаще встрѣчается другой случай: между поэтическими и прозаическими силами мысли нѣтъ рѣзкаго противорѣчія или разлада, но человѣкъ не обладаетъ въ обѣихъ сферахъ *одинаковымъ даромъ творчества*: творецъ въ искусствѣ, онъ не столько творецъ, сколько просто большой умъ въ прозѣ, или наоборотъ. Къ этому типу принадлежали Пушкинъ и Тургеневъ—первостепенные умы въ прозаическомъ мышленіи и великіе творцы въ искусствѣ. Таковъ же былъ и Чеховъ.

Но чаще всего, можно сказать, сплошь и рядомъ встрѣчаются умы, у которыхъ почти вся энергія мысли способна проявляться только въ одной формѣ: либо художественной (поэтической), либо нехудожественной (прозаической). Въ большинствѣ случаевъ они и спеціализируются соотвѣтственнымъ образомъ: одни становятся исключительно поэтами, художниками, изъ другихъ, сообразно особенностямъ ихъ талантовъ, выходятъ ученые, философы, публицисты, критики и т. д. Но бываетъ и такъ, что человѣкъ съ подобной односторонней одаренностью ума чувствуетъ непреодолимое влеченіе или приведенъ обстоятельствами къ дѣятельности, не соотвѣтствующей его дарованію: великій художникъ, онъ хочетъ быть философомъ (Толстой); мыслитель, ученый, публицистъ по призванію, онъ хотѣлъ бы, кромѣ того, говорить языкомъ поэзіи и пишетъ романъ (Чернышевскій); первостепенный естествоиспытатель, онъ пишетъ оды (Ломоносовъ). Конечно, повсюду обнаружится необыкновенный умъ такого человѣка: много ума и въ „философіи" Толстого, и въ романѣ Чернышевскаго, и даже въ одахъ Ломоносова. Но фатально обнаружится здѣсь и *безсиліе этого ума—творить въ формахъ, ему несвойственныхъ.*

Таковъ былъ и Гоголь. Онъ былъ поэтъ—и только поэтъ.

2.

Этотъ необыкновенный человѣкъ, одаренный изумительной поэтической геніальностью, былъ прежде всего человѣкъ необыкновеннаго сильнаго ума. Умъ—великая сила, и, какъ всякая сила, онъ требуетъ *дисциплины*; иначе, подобно всякой силѣ, онъ дѣйствуетъ слѣпо, стихійно, безпорядочно и не создаетъ тѣхъ цѣнностей мысли, какихъ мы въ правѣ отъ него ожидать. Дисциплина ума дается воспитаніемъ, школой, тради-

ціей идей, культурными воздѣйствіями, наукой. Но эти внѣшніе источники дисциплины, какъ бы ни было благотворно ихъ вліяніе, не могутъ замѣнить той внутренней дисциплины, которая вытекаетъ изъ свойствъ и особенностей самого ума и которую человѣкъ сознательно, добровольно и радостно создаетъ самъ себѣ. Сильный умъ самъ подсказываетъ человѣку необходимость дисциплины и выборъ той, какая нужна въ данномъ случаѣ.

Всѣ дѣятели мысли съ талантомъ и призваніемъ сперва инстинктивно, а потомъ и сознательно стремятся къ такой самодисциплинѣ. И вотъ именно въ ней-то по преимуществу, иногда даже ярче, чѣмъ въ первыхъ произведеніяхъ писателя, обнаруживаются преобладающія свойства его ума и дарованія. Призванный художникъ невольно начнетъ, быть можетъ, мечтая о другой карьерѣ, задерживать образы, возникающіе въ его сознаніи, всматриваться въ нихъ, разрабатывать ихъ, —подобно тому, какъ человѣкъ съ огромной мускульной силою невольно стремится упражнять ее гимнастикой, борьбой, а потомъ переходитъ къ сознательной тренировкѣ.

У Гоголя переходъ отъ инстинктивной утилизаціи образныхъ формъ мышленія, лиризма и юмора, къ ихъ сознательной „тренировкѣ", ихъ *разработкѣ*, ихъ *дисциплинѣ* совершался очень быстро —уже въ самомъ началѣ 30-хъ годовъ, когда онъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, не догадывался о своемъ настоящемъ призваніи и искалъ удачи, дѣятельности и славы на иномъ „поприщѣ",—на государственной службѣ, на университетской каѳедрѣ.

Запасъ впечатлѣній и наблюденій, вынесенныхъ изъ далекой малороссійской провинціи, требовалъ вниманія и раздумья, просился наружу, стремясь выразиться въ художественныхъ образахъ. Это былъ готовый матеріалъ, который оставалось только разработать и сгруппировать въ картины. Но для этого нужны были Гоголю разнообразныя свѣдѣнія, какихъ у него недоставало. И вотъ въ письмахъ къ матери, начиная съ 1829 г., онъ проситъ ее сообщать ему все, что она знаетъ объ „обычаяхъ и нравахъ малороссіянъ". —„Это мнѣ очень нужно",— говоритъ онъ въ письмѣ отъ 30 апрѣля 1829 г.—„Въ слѣдующемъ письмѣ я ожидаю отъ васъ описанія полнаго наряда сельскаго дьячка, отъ верхняго до самыхъ сапоговъ, съ поименованіемъ, какъ все это называлось у самыхъ закоренѣлыхъ, самыхъ древнихъ, самыхъ наименѣе перемѣнившихся малороссіянъ; равнымъ образомъ названія платья, носимаго нашими крестьянскими дѣвками, до послѣдней ленты, также нынѣшними замужними и мужиками. Вторая статья: названіе, точное

и вѣрное, платья, носимаго до временъ гетманскихъ... Еще обстоятельное описаніе свадьбы, не упуская наималѣйшихъ подробностей. Объ этомъ можно разспросить Демьяна (кажется, такъ его зовутъ; прозванія не вспомню), котораго мы видали учредителемъ свадебъ, и который зналъ, повидимому, всѣ возможные повѣрья и обычаи. Еще нѣсколько словъ о колядкахъ, объ Иванѣ Купалѣ, о русалкахъ. Если есть, кромѣ того, какіе-либо духи, или домовые, то о нихъ поподробнѣе съ ихъ названіями и дѣлами. Множество носится между простымъ народомъ повѣрій, страшныхъ сказаній, преданій, разныхъ анекдотовъ и проч., и проч. Все это будетъ для меня чрезвычайно занимательно".

Такія же просьбы повторяются и въ послѣдующихъ письмахъ, напр., въ письмѣ отъ 22 мая 1829 г.—просьба прислать свѣдѣнія о карточныхъ играхъ *„у Панфилья"*,—„какъ играть и въ чемъ состоитъ онъ? равнымъ образомъ, что за игра *Пашокъ, семь листовъ*? Изъ хороводныхъ: *въ хрещика, журавля...*"; въ письмѣ отъ 12 ноября 1829 г.: „Прошу васъ, маменька, если только у васъ будетъ свободное время, доставлять мнѣ свѣдѣнія о повѣріяхъ, обычаяхъ малороссіянъ, сказкахъ, преданіяхъ, находящихся въ простонародьи..."

Безъ сомнѣнія, эти „свѣдѣнія" нужны были ему не какъ этнографу или любителю малороссійской старины, а именно какъ художнику, вынесшему изъ родной Украйны запасъ яркихъ впечатлѣній, которыя уже слагались въ образы. Эти образы нужно было обработать въ деталяхъ. Подробности, даже самыя незначительныя, на иной взглядъ излишнія, мелкія черты повседневнаго обихода, звуки и краски жизни, все это составляетъ насущную потребность для художника, разрабатывающаго образы, въ которые слагаются его впечатлѣнія и и наблюденія. На этомъ матеріалѣ онъ упражняетъ силу своего образнаго мышленія. Всѣ эти мелочи нужны ему, какъ цифры математику. Мысль поэта втягивается въ этотъ лабиринтъ быта, его интересующаго, какъ мысль ученаго—въ лабиринтъ фактовъ, составляющихъ предметъ его изслѣдованія, и чѣмъ лабиринтъ больше, опаснѣе, тѣмъ онъ завлекательнѣе, тѣмъ больше увѣренности, что хотя бы и не удалось найти выходъ оттуда, все-таки у человѣка попутно разовьется способность обращаться съ фактами, и окрѣпнетъ сила мысли, превращающая факты въ идеи и образы. Это прежде всего—школа и гимнастика ума.

Въ письмѣ отъ 3 іюня 1830 г., прося и впредь присылать „любопытныя" для него „извѣстія, которыя только удастся собрать", Гоголь сообщаетъ, что теперь онъ только собираетъ

матеріалы и „въ тишинѣ обдумываетъ свой обширный трудъ". Имѣются ли тутъ въ виду „Вечера на хуторѣ", какъ думаетъ Шенрокъ [1]), или какой-то другой трудъ,—это безразлично. Важно лишь то, что „обдумываніе", о которомъ тутъ говорится, было *художественное*, было *процессомъ мысли образной,* и это подтверждается почти всѣми произведеніями, изданными Гоголемъ въ началѣ 30-хъ годовъ.

3.

Перечитывая раннія произведенія Гоголя (за исключеніемъ неудачной юношеской поэмы „Гансъ Кюхельгартенъ"), мы выносимъ впечатлѣніе сильной, яркой, свѣжей поэзіи, бьющей искрящимся ключомъ. Предположимъ, что намъ совсѣмъ неизвѣстны послѣдующія, болѣе зрѣлыя произведенія Гоголя (повѣсти), равно какъ и его великія созданія („Ревизоръ" и „Мертвыя души"),—мы знаемъ только „*Вечера на хуторѣ*". При условіи, что у насъ достаточно развито чутье и пониманіе поэзіи, мы скажемъ: авторъ „*Сорочинской ярмарки*", „*Вечеровъ накануне Ивана Купала*", „*Майской ночи*", „*Ночи передъ Рождествомъ*" и др.—большой и призванный поэтъ, которому предстояло итти дальше; онъ, должно быть, еще очень молодъ, и ему трудно управлять своимъ творчествомъ, проявляющимся какъ родъ стихійной силы, нуждающейся въ обузданіи. У него огромный запасъ лиризма, который поминутно готовъ вылиться въ пѣсню, въ гимнъ и видимо мѣшаетъ автору заняться разработкою образовъ, какъ таковыхъ, углубить характеры; мѣшаетъ онъ также развернуться и юмору, которымъ щедро надѣленъ молодой художникъ. Юморъ сквозитъ и искрится тамъ и сямъ, но видно, что есть какая-то задержка, въ силу которой онъ остается пока на уровнѣ „*забавнаго*", не возвышаясь до *художественнаго смѣха.* Это пока только бытовой, обывательскій, народный юморъ, можно сказать, „натуральный" юморъ, а не тотъ, который, какъ молнія, озаряетъ явленія жизни и служитъ художнику незамѣнимымъ орудіемъ творчества.

Образы лицъ—шаблонны, почти схематичны: это—обычные „типы" народной украинской „словесности": казакъ, дивчина, парубокъ, злая мачеха, гулящая деревенская баба, чортъ, вѣдьма. Но только все это озарено ослѣпительно-поэтическимъ свѣтомъ, невѣдомымъ народной поэзіи. Изъ простодушной сказки вышла искусственная феерія. Сѣрые тона жизни удалены,

[1]) Письма Гоголя, т. I, стр. 157, прим. 3.

изъ нея взято только все яркое, колоритное; показанъ праздникъ жизни, и притомъ такъ, что читатель склоненъ совсѣмъ забыть о существованіи будней. Почти всѣ дѣйствующія лица кажутся ряжеными,—даже когда они вовсе не ряжены, а выходятъ въ своемъ обыкновенномъ костюмѣ. Жизнь наряжена въ костюмъ легенды, и легенда сливается съ жизнью. И все озарено волшебнымъ свѣтомъ,—при бенгальскомъ освѣщеніи поэзіи танцуютъ и поютъ парубки и дивчата. Это удивительныя „поэмы", въ которыхъ все опоэтизировано, обвѣяно лирическимъ вдохновеніемъ, и гдѣ совсѣмъ нѣтъ элементовъ прозы: все поэзія и поэзія, образы и образы,—вереницы образовъ, гирлянды цвѣтовъ поэзіи, игра свѣта и тѣни, яркія краски словесной живописи, музыка лирическихъ увертюръ, лирическихъ интермеццо, живыя картины, озаренныя луной, удивительно нарисованной, фейерверки восторженныхъ словъ, смѣсь гимна и шутки...

Изумительная поэзія, великое мастерство!

Но попробуйте прочитать безъ перерыва, напр., „Сорочинскую ярмарку" или „Майскую ночь": эта поэзія покажется вамъ утомительною, это мастерство художника—чрезмѣрнымъ.

Великолѣпныя описанія природы, гдѣ Гоголь является великимъ живописцемъ-лирикомъ, восхитятъ васъ, но невольно шевельнется у васъ досадное чувство—*длиннотъ* и *излишества красокъ и восторженности*. Возьмемъ знаменитыя мѣста, ставшія у насъ „классическими": картину „лѣтняго дня" въ началѣ „Сорочинской ярмарки" („Какъ упоителенъ, какъ роскошенъ лѣтній день въ Малороссіи..."), описаніе Днѣпра въ „Страшной мести" (гл. X: „Чуденъ Днѣпръ..."), картину „Украинской ночи" въ гл. II „Майской ночи" („Знаете ли вы украинскую ночь?...), прочтемъ ихъ,—и мы ясно почувствуемъ *чрезмѣрность лиризма, поэтическую гиперболичность,* не говоря уже о *растянутости*. Уже Пушкинъ пріучилъ насъ *къ сжатости* въ описаніяхъ природы. Тургеневъ далъ образцы *экономіи* въ выборѣ красокъ и въ *лирическомъ выраженіи чувства* природы. Чеховъ и Короленко довели эту сжатость и экономію до виртуозности, до совершенства, возвращающихъ насъ къ тому же Пушкину и—къ Гоголю эпохи „Мертвыхъ душъ". Но Гоголь эпохи „Вечеровъ на хуторѣ" еще не умѣлъ экономизировать свои художественныя силы, не научился управлять лирическимъ вдохновеніемъ и дисциплинировать толкавшіяся въ его геніальной головѣ поэтическія мысли и художественные образы. Онъ впадалъ въ *излишество*,—художественный грѣхъ, который онъ скоро сознаъ и котораго впослѣдствіи онъ старался избѣгать. Оттуда частыя передѣлки и поправки, которымъ под-

вергалъ онъ свои произведенія, устраняя все лишнее, добиваясь возможной сжатости, наибольшей концентраціи мысли въ образѣ, въ словѣ. И въ „Мертвыхъ душахъ" онъ, какъ извѣстно, достигъ вершинъ этого искусства, которое мы назовемъ искусствомъ „художественной экономіи".

Возвращаясь къ Гоголю эпохи „Вечеровъ", мы укажемъ здѣсь на двѣ характерныя для него особенности его ранняго творчества.

Это, во-первыхъ, *почти полное отсутствіе прозаическихъ (безъ-образныхъ) элементовъ.* Перечитайте „Вечера", и вы съ трудомъ найдете, можетъ быть, десятокъ-другой мѣстъ, гдѣ нѣтъ образовъ или гдѣ они такъ незначительны, что не идутъ въ счетъ. Что ни фраза, то либо метафора, либо сравненіе, либо метонимія или иной тропъ. Все время Гоголь не перестаетъ „рисовать". Онъ здѣсь не разсказчикъ, не повѣствователь, онъ—живописецъ. Самое обыкновенное „положеніе" онъ считаетъ нужнымъ подкрѣпить какимъ-нибудь образнымъ пріемомъ, хотя бы въ этомъ, по существу дѣла, не было надобности. Злая жена гончара „выучилась держать его въ рукахъ такъ же ловко, какъ онъ—вожжи своей старой кобылы, тащившейся, за долгое служеніе, теперь на продажу" („Сороч. ярм.", I). Возы съ гончарными издѣліями описываются такъ: „Горы горшковъ, закутанныхъ въ сѣно, медленно двигались, кажется, скучая своимъ заключеніемъ и темнотою; мѣстами только какая-нибудь расписанная ярко миска или макитра хвастливо выказывалась изъ высоко-взгроможденнаго на возу плетня и привлекала умиленные взгляды поклонниковъ роскоши. Много прохожихъ поглядывало съ завистью на высокаго гончара, владѣльца сихъ драгоцѣнностей, который медленными шагами шелъ за своимъ товаромъ, заботливо окутывая глиняныхъ своихъ щеголей и кокетокъ ненавистнымъ для нихъ сѣномъ" (тамъ же). Гончаръ подъѣзжаетъ къ рѣкѣ Пселу: нужно описать рѣку Пселъ, и мы читаемъ довольно длинное описаніе, сплошь сотканное изъ поэтическихъ оборотовъ „...рѣка-красавица блистательно обнажила серебряную грудь свою, на которую роскошно падали зеленыя кудри деревъ. Своенравная, какъ она, въ тѣ упоительные часы, когда вѣрное зеркало такъ завидно заключаетъ въ себѣ ея полное гордости и ослѣпительнаго блеска чело, лилейныя плечи и мраморную шею, осѣненную темною, упавшею съ русой головы волною, когда съ презрѣніемъ кидаетъ одни украшенія, чтобы замѣнить ихъ другими, и капризамъ ея конца нѣтъ,—она почти съ каждымъ годомъ перемѣняетъ свои окрестности, выбираетъ себѣ новый путь и окружаетъ себя новыми разнообразными ландшафтами" (тамъ

же). Это — явно излишняя роскошь образности, въ данномъ случаѣ даже неумѣстная, отвлекающая вниманіе читателя въ сторону.

Въ „Майской ночи", въ томъ мѣстѣ, гдѣ Ганна заводитъ рѣчь о старомъ домѣ у пруда и легендѣ, съ нимъ связанной, Гоголь прерываетъ слова дѣвушки о прудѣ слѣдующимъ поэтическимъ описаніемъ этого пруда: „Какъ безсильный старецъ, держалъ онъ въ холодныхъ объятьяхъ своихъ далекое темное небо, осыпая ледяными поцѣлуями огненныя звѣзды, которыя тускло рѣяли среди теплаго океана ночного воздуха, какъ бы предчувствуя скорое появленіе блистательнаго царя ночи" (гл. I). Всѣ эти поэтическія усилія имѣютъ цѣлью сказать, что небо отражалось въ прудѣ. Слишкомъ много поэтическихъ хлопотъ для выраженія мысли, которая въ нихъ не нуждалась.

Не умножая примѣровъ, скажу, что Гоголь, вольно и невольно, избѣгалъ тогда *прозы* и громоздилъ образы на образы, не чувствуя ихъ излишества и той *реторики*, которая оттуда проистекаетъ.

Поэзія есть *мышленіе образами*. Но отсюда не слѣдуетъ, что поэтъ во что бы то ни стало долженъ мыслить исключительно образами и избѣгать прозаическихъ, т.-е. безъ-образныхъ, пріемовъ мышленія. Такъ точно и прозаику не возбраняется, когда нужно, прибѣгать къ помощи образовъ. Зачастую не только ораторы, лекторы, литературные критики, но и дѣловитые публицисты, спеціальные ученые, философы обращаются отъ прозы къ поэзіи, не брезгуютъ тропами, облекаютъ свою мысль въ образы. Можно вообще сказать, что проза весьма часто не обходится безъ поэзіи, а поэзія безъ прозы. Мало того: если иная проза можетъ и обойтись безъ содѣйствія поэтическихъ пріемовъ и формъ мысли, то поэзія образная (лирику мы тутъ исключаемъ) въ сущности никогда не бываетъ свободна отъ примѣси прозаическихъ элементовъ, которые необходимы ей именно для того, чтобы она могла оставаться на высотѣ своего призванія и не вырождалась въ реторику.

Дѣло въ томъ, что образъ сохраняетъ свою художественность лишь тогда, когда онъ *безусловно необходимъ для созданія и выраженія мысли, или, по крайней мѣрѣ, помогаетъ скорѣйшему ея созданію или даетъ ей наилучшую форму выраженія.* Тогда создается *цѣнность* образа. Его *художественность* есть не что иное, *какъ ощущеніе и сознаніе этой его цѣнности, его важной роли въ процессѣ осуществленія мысли.*

Но вѣдь всякому ясно, что въ процессѣ художественнаго творчества на каждомъ шагу возникаютъ мысли прозаическія,

не нуждающіяся въ образѣ,—мысли, которыя, не будучи художественными, однако необходимы или, по крайней мѣрѣ, полезны въ общемъ ходѣ художественной работы. Это могутъ быть отдѣльныя, разрозненныя мысли; это могутъ быть также группы и вереницы мыслей, разросшихся въ цѣлое описаніе или повѣствованіе. Если онѣ—въ этомъ прозаическомъ видѣ—исполняютъ свое назначеніе лучше, чѣмъ могли бы выполнить его въ художественной формѣ, то послѣдняя оказывается ненужною и будетъ только тормозить дѣло. И если, тѣмъ не менѣе, поэтъ почему-либо замѣнитъ здѣсь прозу поэзіей, внесетъ сюда ненужные образы, то эффектъ окажется антихудожественнымъ, получится впечатлѣніе какой-то задержки въ ходѣ мысли, какихъ-то усилій сказать больше, чѣмъ нужно,—реторики.

Но возможенъ и другой эффектъ. Если мы чувствуемъ, что поэтъ не гонялся за образами, не придумывалъ, а они сами роились въ его головѣ и проникали всюду, гдѣ они нужны и гдѣ ненужны, то мы невольно подумаемъ: вотъ настоящій и большой поэтъ, но онъ еще не умѣетъ экономизировать свои художественныя силы и тратитъ ихъ слишкомъ щедро. Ему придется сдерживать потокъ образовъ.

Такъ это и было у Гоголя.

Въ связи съ этимъ богатствомъ образовъ находится и *другая особенность ранняго творчества* Гоголя, состоящая въ томъ, *что оно какъ бы витаетъ надъ поверхностью жизни, не проникая въ ея глубь.*

„Вечера на хуторѣ"—поэтическая игра, гимнастика художническаго ума. Эти блестящія, искрящіяся созданія—не изъ числа тѣхъ, въ которыхъ поэтъ ставитъ себѣ задачу и рѣшаетъ ее художественными пріемами мысли. Говоря такъ, я не имѣю въ виду того, что называется „тенденціею" въ искусствѣ. „Тенденція" является тогда, когда художникъ приступаетъ къ работѣ уже съ готовою мыслью, съ готовымъ рѣшеніемъ вопроса, и его задача сводится только къ тому, чтобы подыскать для данной идеи подходящее художественное выраженіе. Гоголь, по основнымъ свойствамъ своей художнической организаціи, отнюдь не былъ склоненъ къ тенденціозному творчеству: достаточно извѣстно, какую внутреннюю борьбу и драму пришлось ему вынести на закатѣ его дѣятельности, когда моральная тенденція властно вторглась въ лабораторію его творчества. Результатомъ этой драмы и было двукратное сожженіе тенденціозныхъ частей „Мертвыхъ душъ".

Тенденціозному творчеству противополагается другое, характеризующееся тѣмъ, что художникъ въ началѣ работы ставитъ задачу и затѣмъ рѣшаетъ ее въ процессѣ художе-

ственнаго мышленія. Произведеніе является отвѣтомъ на вопросъ, а не выраженіемъ заранѣе готоваго отвѣта, полученнаго нехудожественными средствами мысли. Художникъ сперва заинтересовывается какимъ-нибудь явленіемъ, вопросомъ. Онъ задумывается и, размышляя въ данномъ направленіи, орудуетъ образами, не брезгая, гдѣ нужно, и прозаическими формами мысли. Въ процессѣ этого раздумья и размышленія проясняются и зрѣютъ образы, несущіе съ собою то или иное рѣшеніе задачи, подсказывающіе отвѣтъ на вопросъ. Въ процессѣ работы ширится и самый вопросъ, углубляется задача, и это расширеніе и углубленіе потенціально заключаетъ въ себѣ и ея рѣшеніе.

Гоголь—одинъ изъ самыхъ глубокихъ художниковъ этого *вдумчиваго* типа. Но въ эпоху „Вечеровъ" онъ еще не *задумывался,* по крайней мѣрѣ, такъ, чтобы это замѣтно отразилось на его раннихъ произведеніяхъ. Признаки *задумчивости* слегка видны только въ одномъ изъ разсказовъ, вошедшихъ во второй томъ „Вечеровъ": это „*Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька и его тетушка*", вещь неоконченная или, лучше сказать, только начатая, гдѣ уже намѣчался поворотъ отъ бездумнаго, беззаботнаго, показного творчества „Вечеровъ" къ тому высшаго порядка глубокому, проникновенному творчеству, котораго первые всходы мы находимъ въ двухъ частяхъ „Миргорода" „Старосвѣтскіе помѣщики", „Повѣсть о томъ, какъ поссорились Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ", „Тарасъ Бульба", „Вій").

Пожалуй, скажутъ, что самый сюжетъ „Вечеровъ" такого сорта, что не давалъ повода „задумываться" и ставить себѣ „задачи" и „вопросы". На это я возражу, что если это такъ, то выборъ подобнаго сюжета и столь тщательная, любовная его разработка, какую мы видимъ въ „Вечерахъ", какъ нельзя лучше свидѣтельствуютъ объ отсутствіи у Гоголя въ то время потребности къ „задумчивости", къ размышленію надъ вопросами жизни и души человѣческой.

Но я не могу согласиться съ тѣмъ, чтобы сюжетъ и матеріалъ „Вечеровъ" не давали повода къ постановкѣ болѣе серьезныхъ художественныхъ задачъ. Передъ нами народная украинская жизнь, знакомая Гоголю съ дѣтства, народные типы, нравы, повѣрья, легенды. Для художника, который „ищетъ", это былъ богатый матеріалъ для наблюденія и размышленія, цѣлый міръ явленій, почти не тронутыхъ тогда. И, безъ сомнѣнія, если бы Гоголь взялся за эти темы тремя-четырьмя годами позже, онъ заинтересовался бы здѣсь многимъ, что тогда ускользало отъ его взора, наприм., психологіею характеровъ, пошлою стороною типовъ...

Духовный ростъ Гоголя совершался съ необыкновенной быстротой. Его художническій кругозоръ расширялся съ каждымъ годомъ. Уже въ 1834 г. была напечатана въ альманахѣ „Новоселье" „Повѣсть о томъ, какъ поссорились Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ", нѣсколько раньше написана была „Женитьба" (въ 1833 г.), въ концѣ 1834 г. начатъ „Ревизоръ". Въ 1835 г. вышли „Миргородъ" и „Арабески" (гдѣ, именно во 2-й части, напечатана повѣсть „Невскій проспектъ"), и въ томъ же году Гоголь принимается за „Мертвыя души".

Отъ „Вечеровъ на хуторѣ" до „Мертвыхъ душъ" разстояніе огромное,—оно было пройдено Гоголемъ въ какіе-нибудь три или четыре года.

Посмотримъ, *какъ* онъ проходилъ его. Постараемся понять ростъ и развитіе одного изъ самыхъ могучихъ художниковъ міра.

4.

Въ „*Старосвѣтскихъ помѣщикахъ*" Гоголь впервые обнаруживаетъ коренную черту своего художническаго генія: *юморъ сквозь дымку грусти.* Здѣсь эта черта дана въ смягченной формѣ. Вскорѣ она усилится: юморъ обострится, станетъ ѣдкимъ и ядовитымъ, грусть перейдетъ въ скорбь. Такъ это будетъ въ повѣсти „Шинель" и въ „Мертвыхъ душахъ", въ особенности въ первоначальныхъ наброскахъ поэмы, заставившихъ Пушкина произнести „голосомъ тоски": „Боже, какъ грустна наша Россія!"

Въ „Старосвѣтскихъ помѣщикахъ" гармоническое соединеніе мягкаго, незлобиваго юмора съ меланхолическимъ тономъ разсказа производитъ чарующее впечатлѣніе. Очаровываетъ и простота повѣствованія: здѣсь нѣтъ ни приподнятаго тона, въ какой нерѣдко впадалъ Гоголь въ эту эпоху, ни излишнихъ прикрасъ, ни поэтическихъ длиннотъ и гиперболъ, столь свойственныхъ таланту Гоголя. Отступленія отъ нити разсказа рѣдки и всегда умѣстны. Маленькія картинки, вставленныя тамъ и сямъ, удивительно гармонируютъ съ цѣлымъ и значительно содѣйствуютъ созданію того настроенія, которымъ проникнуто цѣлое. Вотъ образчикъ:

„Аѳанасій Ивановичъ женился тридцати лѣтъ, когда былъ молодцомъ и носилъ шитый камзолъ; онъ даже увезъ довольно ловко Пульхерію Ивановну, которую родственники не хотѣли отдать за него; но и объ этомъ уже онъ очень мало помнилъ,

по крайней мѣрѣ, никогда не говорилъ. Всѣ эти давнія, необыкновенныя происшествія замѣнились спокойною и уединенною жизнью, тѣми дремлющими и вмѣстѣ гармоническими грезами, которыя ощущаете вы, сидя на деревенскомъ балконѣ, обращенномъ въ садъ, когда прекрасный дождь роскошно шумитъ, хлопая по древеснымъ листьямъ, стекая журчащими ручьями и наговаривая дрему на ваши члены, а между тѣмъ радуга крадется изъ-за деревьевъ и, въ видѣ полуразрушеннаго свода, свѣтитъ матовыми семью цвѣтами на небѣ,—или когда укачиваетъ васъ коляска, ныряющая между зелеными кустарниками, а степной перепелъ гремитъ, и душистая трава, вмѣстѣ съ хлѣбными колосьями и полевыми цвѣтами, лѣзетъ въ дверцы коляски, пріятно ударяя васъ по рукамъ и лицу".

Тутъ двѣ картинки, двѣ „миніатюры", вставленныя въ разсказъ о житьѣ-бытьѣ Аѳанасія Ивановича и Пульхеріи Ивановны. И даже читатель изъ другой среды, не имѣющій запаса тѣхъ впечатлѣній деревенской жизни, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, невольно подчиняется идиллическому настроенію, воспроизведенному въ этихъ картинкахъ; онъ—худо ли, хорошо ли—начинаетъ понимать обаяніе этихъ „дремлющихъ грезъ" деревенскаго затишья...

А вотъ и другая вставка—въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится о „поющихъ дверяхъ", по поводу „дребезжащаго и стонущаго" звука, издававшагося дверью въ сѣняхъ, въ которомъ слышалось: „Батюшки, я зябну!" Прочтемъ:

„Я знаю, что очень многимъ не нравится этотъ звукъ; но я его очень люблю и, если мнѣ случится иногда здѣсь услышать скрипъ дверей, тогда мнѣ вдругъ такъ и запахнетъ деревнею: низенькой комнаткой, озаренной свѣчкой въ старинномъ подсвѣчникѣ; ужиномъ, уже стоящимъ на столѣ; майскою темною ночью, глядящею изъ сада, сквозь растворенное окно, на столъ, уставленный приборами; соловьемъ, который обдаетъ садъ, домъ и дальнюю рѣку своими раскатами; страхомъ и шорохомъ вѣтвей... и, Боже! какая длинная навѣвается мнѣ тогда вереница воспоминаній!"

Великій поэтъ, самъ родомъ изъ мелкопомѣстныхъ малороссійскихъ дворянъ, любилъ воскрешать эти воспоминанія и впечатлѣнія дѣтства, въ которыхъ бытъ, нравы, хозяйство и психологія „старосвѣтскихъ помѣщиковъ" рисовались ему въ чертахъ патріархально-идиллическихъ. Эта жизнь отзывалась стариною, которую онъ всегда былъ склоненъ идеализировать, она казалась ему уходящею, исчезающею, хотя въ сущности она была въ его время живехонька и процвѣтала долго потомъ, вплоть до великой реформы 1861 года, которая разрушила фундаментъ

„патріархальности“—крѣпостныя отношенія и „натуральное“ хозяйство. Но старина живуча своими переживаніями, завѣтами и косностью. Въ захолустьяхъ и при новыхъ формахъ и условіяхъ вялая жизнь дремлетъ попрежнему: не далѣе какъ въ 90-хъ годахъ Чеховъ рисовалъ намъ своего рода „старосвѣтскую“ идиллію въ разсказѣ „Жена“. Жизнь всегда представляетъ собою смѣсь стараго съ новымъ, хорошаго стараго съ сквернымъ новымъ, скверного стараго съ хорошимъ новымъ. и вѣчно уходитъ назадъ и въ то же время идетъ впередъ. И смотря по тому, съ какого пункта и въ какомъ настроеніи мы будемъ смотрѣть на нее, ея зрѣлище представится намъ въ различномъ видѣ и въ различномъ освѣщеніи. Многое зависитъ тутъ и отъ того, насколько живо чувствуетъ и какъ понимаетъ наблюдатель движеніе времени. Если живо ощущать и плохо понимать это движеніе, то старина и всѣ ея завѣты и традиціи покажутся быстро уходящими, исчезающими, какъ сонъ, и явится иллюзія, будто все измѣнилось, все перестроилось,— къ лучшему ли, или къ худшему - это ужъ зависитъ отъ воззрѣній, вкусовъ, симпатій и антипатій того или другого наблюдателя.

Во власти такой иллюзіи и находился Гоголь.

Вотъ прочтемъ слѣдующія характерныя строки:

„По нимъ (по лицамъ Аѳ. Ив-ча и Пульх. Ив-ны) можно было, казалось, читать всю жизнь ихъ, ясную, спокойную,— жизнь, которую вели старыя національныя, простосердечныя и вмѣстѣ богатыя фамиліи, всегда составляющія противоположность тѣмъ низкимъ малороссіянамъ, которые выдираются изъ дегтярей, торгашей, наполняютъ, какъ саранча, палаты и присутственныя мѣста, дерутъ послѣднюю копейку съ своихъ же земляковъ, наводняютъ Петербургъ ябедниками, наживаютъ, наконецъ, капиталъ и торжественно прибавляютъ къ фамиліи своей, оканчивающейся на *о*, слогъ *въ*. Нѣтъ, они не были похожи на эти презрѣнныя и жалкія творенія, такъ же, какъ и всѣ малороссійскія старинныя и коренныя фамиліи“.

Эта филиппика краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о томъ, что въ данномъ случаѣ историческая перспектива ускользала отъ взоровъ Гоголя. „Наводненіе“ Петербурга малороссами, наполнявшими всѣ департаменты и канцеляріи, было явленіемъ столь же стариннымъ, какъ и патріархальная деревенская жизнь Аѳанасія Ивановича и Пульхеріи Ивановны. Въ теченіе всего XVIII вѣка Петербургъ и Москва наводнялись выходцами изъ Украйны. Въ тѣ времена, когда Аѳанасій Ивановичъ еще носилъ шитый камзолъ и такъ ловко увезъ Пульхерію Ивановну, Разумовскіе уже попали „въ случай“ и превратились

въ графовъ, Безбородки шли въ гору, а въ петербургскихъ канцеляріяхъ уже давно засѣдали чиновники съ фамиліями на *о*. Огульное осужденіе этой среды не выдерживаетъ критики: чиновники съ фамиліями на *о* были во всякомъ случаѣ не хуже своихъ коллегъ съ фамиліями на *овъ*. Несправедливо и исторически-неправильно утвержденіе, будто эти выходцы съ юга „выдирались" непремѣнно изъ „дегтярей и торгашей": они выходили изъ разныхъ слоевъ,—изъ мелкопомѣстнаго дворянства, изъ духовенства, изъ разночинной городской среды. Если бы у Аѳанасія Ивановича былъ сынъ, онъ могъ бы также попасть въ одну изъ петербургскихъ канцелярій. Самъ Гоголь пріѣхалъ въ Петербургъ съ цѣлью сдѣлать карьеру чиновника и пробовалъ служить. Этой карьерѣ помѣшали его индивидуальныя качества: его художническій геній, его острый, саркастическій умъ и его органическое отвращеніе къ канцелярской службѣ, къ „бумажному дѣлопроизводству".

Кромѣ вышеприведенной филиппики въ „Старосвѣтскихъ помѣщикахъ" есть и еще одна сатирическая вылазка—въ самомъ концѣ, гдѣ кратко разсказано, какъ, по смерти стариковъ, пріѣхалъ дальній родственникъ, которому досталось имѣніе, и сталъ вводить разныя новшества по хозяйству, окончившіяся полнымъ разореніемъ нѣкогда цвѣтущаго уголка. Это самая злая страница повѣсти, и въ ней Гоголь впервые выразилъ то, что потомъ стало одною изъ его излюбленныхъ и властныхъ идей, руководившихъ направленіемъ его творчества.

Злая страница гласитъ такъ:

„Скоро пріѣхалъ, неизвѣстно откуда, какой-то дальній родственникъ, наслѣдникъ имѣнія, служившій прежде поручикомъ, не помню, въ какомъ полку, страшный реформаторъ. Онъ увидѣлъ тотчасъ величайшее разстройство и упущеніе въ хозяйственныхъ дѣлахъ; все это рѣшился онъ непремѣнно искоренить, исправить и ввести во всемъ порядокъ. Накупилъ шесть прекрасныхъ англійскихъ серповъ, приколотилъ къ каждой избѣ особенный номеръ и, наконецъ, такъ хорошо распорядился, что имѣніе черезъ шесть мѣсяцевъ взято было въ опеку. Мудрая опека (изъ одного бывшаго засѣдателя и какого-то штабсъ-капитана въ полиняломъ мундирѣ) перевела въ непродолжительное время всѣхъ куръ и всѣ яйца. Избы, почти совсѣмъ лежавшія на землѣ, развалились вовсе; мужики распьянствовались и стали большею частью числиться въ бѣгахъ. Самъ же настоящій владѣтель, который, впрочемъ, жилъ довольно мирно съ своею опекою и пилъ вмѣстѣ съ нею пуншъ, пріѣзжалъ очень рѣдко въ свою деревню и проживалъ недолго. Онъ до сихъ поръ ѣздитъ по всѣмъ ярмаркамъ въ Малороссіи,

тщательно освѣдомляется о цѣнахъ на разныя большія произведенія, продающіяся оптомъ, какъ-то: муку, пеньку, медъ и прочее; но покупаетъ только небольшія бездѣлушки, какъ-то: кремешки, гвоздь прочищать трубку и вообще все то, что не превышаетъ всѣмъ оптомъ своимъ цѣны одного рубля".

Къ этому „типу" русскаго легкомысленнаго и вздорнаго человѣка и нелѣпаго помѣщика-„реформатора", разоряющаго и себя и крестьянъ, Гоголь питалъ отвращеніе, столь же органическое и непреодолимое. какъ и къ „кропивному сѣмени". Запустѣніе помѣщичьихъ хозяйствъ и разореніе крестьянъ великій поэтъ считалъ величайшимъ бѣдствіемъ Россіи; онъ не входилъ, да и не могъ входить въ разсмотрѣніе глубокихъ—экономическихъ и политическихъ—причинъ этого явленія. Онъ бралъ его со стороны бытовой, психологической и моральной и въ эту-то сторону и направлялъ ядовитыя стрѣлы своей сатиры.

Онъ глубоко скорбѣлъ, видя. какъ люди портятъ свою и чужую жизнь, и подолгу задумывался надъ вопросомъ: почему это такъ? И надо отдать ему справедливость: онъ проникалъ пытливымъ взоромъ художника-моралиста глубже, чѣмъ это кажется при поверхностномъ чтеніи его произведеній. Въ „Старосвѣтскихъ помѣщикахъ" онъ даетъ понять, что процессъ оскудѣнія идиллическаго уголка начался задолго до „реформъ" пріѣзжаго наслѣдника, бывшаго офицера. Старики Товстогубы занимались больше идилліей, чѣмъ хозяйствомъ; приказчикъ ихъ обманывалъ, крестьяне бездѣльничали. Пульхерія Ивановна была отличная хозяйка по части печенія, соленія, маринованія. Но какъ помѣщица, землевладѣлица, она не выдерживаетъ самой снисходительной критики. Вотъ прочтемъ:

„Въ хлѣбопашество и прочія хозяйственныя статьи внѣ двора Пульхерія Ивановна мало имѣла возможности входить. Приказчикъ, соединившись съ войтомъ, обкрадывали немилосерднымъ образомъ. Они завели обыкновеніе входить въ господскіе лѣса, какъ въ свои собственные. надѣлывали множество саней и продавали ихъ на ближайшей ярмаркѣ; кромѣ того, всѣ толстые дубы они продавали на срубъ для мельницы сосѣднимъ казакамъ"... Слѣдуетъ юмористическое описаніе „ревизіи" лѣсовъ, произведенной Пульхеріей Ивановной.— „Отчего это у тебя, Ничипоръ, дубки сдѣлались такими рѣдкими? Гляди, чтобы у тебя волосы на головѣ не стали рѣдки". „Отчего рѣдки? возражаетъ приказчикъ, пропали! Такъ-таки совсѣмъ пропали: и громомъ побило, и черви проточили,—пропали, пани, пропали". Пульхерія Ивановна совершенно удовлетворялась этимъ отвѣтомъ"... „Эти достойные прави-

тели, приказчикъ и войтъ, нашли вовсе излишнимъ привозить всю муку въ барскіе амбары, а что съ баръ будетъ довольно и половины; наконецъ, и эту половину привозили они заплѣснѣвшую или подмоченную, которая была обракована на ярмаркѣ. Но сколько ни обкрадывали приказчикъ и войтъ; какъ ни ужасно жрали всѣ на дворѣ, начиная отъ ключницы до свиней..., сколько вся дворня ни носила гостинцевъ своимъ кумовьямъ въ другія деревни и даже таскала изъ амбаровъ старыя полотна и пряжу, что̀ все обращалось къ всемірному источнику, т.-е. шинку; сколько ни крали гости, флегматическіе кучера и лакеи; но благословенная земля производила всего въ такомъ множествѣ, Аѳанасію Ивановичу и Пульхеріи Ивановнѣ такъ мало было нужно, что всѣ эти страшныя хищенія казались вовсе незамѣтными въ ихъ хозяйствѣ".—Аѳанасій Ивановичъ еще меньше Пульхеріи Ивановны умѣлъ хозяйничать и думалъ больше о ѣдѣ, чѣмъ объ управленіи дѣлами. По смерти жены онъ совсѣмъ опустился. „Когда я подъѣхалъ ко двору, домъ мнѣ показался вдвое старѣе; крестьянскія избы совсѣмъ легли на бокъ, безъ сомнѣнія, такъ же, какъ и владѣльцы ихъ; частоколъ и плетень во дворѣ были совсѣмъ разрушены, и я видѣлъ самъ, какъ кухарка выдергивала изъ него палки для затопки печи, тогда какъ ей нужно было сдѣлать только два шага лишнихъ, чтобы достать тутъ же наваленнаго хворосту..."

Читатель, вникнувъ поглубже во все это, приходитъ къ неотвратимому логическому выводу, гласящему такъ: эти милые старики,—какіе они хорошіе, добрые, славные и вмѣстѣ съ тѣмъ какіе они жалкіе, неумѣлые, безпомощные! Ихъ родъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе занимавшійся хозяйствомъ, такъ-таки и не научился этому нехитрому дѣлу и закончился этой трогательной четой, преданной любви, ѣдѣ и бездѣлью. Ихъ хозяйская безпомощность и неумѣлость не пошла въ прокъ и другимъ: приказчики, войты, дворня только развратились, мужики облѣнились, спились съ круга. Явленіе—обычное и стойкое на Руси и въ дореформенное и въ пореформенное время, впервые ярко отмѣченное Гоголемъ, потомъ, въ его различныхъ формахъ и проявленіяхъ, много разъ привлекавшее къ себѣ вниманіе нашихъ писателей, которые съ разныхъ сторонъ освѣщали и истолковывали его. Оно всегда было однимъ изъ проявленій нашей культурной отсталости и безпомощности. Это частный случай общаго, можно сказать, національнаго явленія, которое можно, вслѣдъ за Гоголемъ, опредѣлить такъ: по общему правилу, допускающему исключенія, которыя его подтверждаютъ, всякій русскій человѣкъ на своемъ мѣстѣ изъ

рукъ вонъ плохъ: плохъ помѣщикъ, плохъ крестьянинъ, плохъ чиновникъ,—всѣ званія и сословія никуда не годятся.

Вотъ именно это и составило *властную идею* Гоголя—художника, моралиста и гражданина. Въ „Старосвѣтскихъ помѣщикахъ“ онъ впервые подступилъ къ ней—еще безъ большой горечи, выдвинувъ на первый планъ симпатическія стороны никуда негоднаго помѣщика. Повѣсть живописуетъ трогательную любовь старичковъ, ихъ радушіе и хлѣбосольство, поэзію ихъ простодушной, несложной психологіи, идиллію ихъ жизни, наполненной ѣдою, добротою, ласкою и лѣнью. Вы помните, какъ кушалъ Аѳанасій Ивановичъ? Какъ кормила его Пульхерія Ивановна? Какъ Пульхерія Ивановна подводила гостя къ закускѣ?

5.

„Повѣсть о томъ, какъ поссорились Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“, помѣщенная во 2-й части „Миргорода“ (сперва въ альманахѣ „Новоселье“), но задуманная нѣсколько раньше (первый набросокъ относится къ 1831 г.), принадлежитъ къ той же группѣ—*малороссійскихъ повѣстей Гоголя,* въ которую, съ одной стороны, входятъ: „Вечера на хуторѣ“, а съ другой—„Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька“ и „Старосвѣтскіе помѣщики“. Если присоединить сюда еще *Тараса Бульбу* и *Вія*, принадлежащихъ къ разряду исторической беллетристики, то все вмѣстѣ составитъ полный циклъ произведеній, въ которыхъ Гоголь выступаетъ писателемъ не столько общерусскимъ, сколько украинскимъ. Всѣ эти вещи отлично поддаются переводу на украинскій языкъ, и ихъ общерусскій текстъ порою кажется какъ бы передѣлкою украинскаго. Въ дѣйствительности, какъ мы знаемъ, Гоголь сразу написалъ ихъ на общемъ литературномъ языкѣ, но когда онъ писалъ ихъ, онъ еще былъ полонъ звуковъ родной украинской рѣчи, красокъ и воспоминаній родины и дѣтства. Онъ былъ тогда—въ этихъ произведеніяхъ—писателемъ *мѣстнымъ, украинскимъ*, но обращающимся къ широкой всероссійской публикѣ, чтобы разсказать ей о преданіяхъ своей родины, о героическихъ временахъ казачества, о жизни старомодныхъ малороссійскихъ помѣщиковъ, о нравахъ захолустныхъ городковъ Полтавщины. Сюда не примѣнимо выраженіе: „здѣсь русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ“: здѣсь пахнетъ Украиной, и геній южнорусскаго племени ярко обнаруживается въ самомъ характерѣ творчества,—въ колоритности письма, въ чарующемъ сочетаніи

лирики и юмора, въ избыткѣ лирическихъ изліяній, мѣстами въ приподнятомъ настроеніи, въ потокѣ шутокъ и остротъ, переходящихъ порою въ „жартъ", въ затаенной грусти, образующей психологическую „подпочву" творчества и вдругъ выступающей, какъ настоящее малорусское „сумуванье", и готовой излиться протяжною, заунывною пѣснью. Быстрый переходъ отъ веселья къ грусти, отъ смѣха и шутки къ меланхолическому настроенію, отъ гопака и плясового темпа къ звукамъ, полнымъ тоски и скорби,—это коренная черта украинскаго національнаго склада, ярко проявляющаяся и въ народномъ творчествѣ, и въ литературѣ, и въ самой жизни „племени поющаго и пляшущаго" *).

Нигдѣ этотъ рѣзкій переходъ отъ разгула, смѣха къ захватывающей грусти не выразился у Гоголя такъ типично-національно, какъ именно въ „Повѣсти о томъ, какъ поссорились Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ". Все время вы смѣетесь и, пожалуй, даже чувствуете нѣкоторый избытокъ юмора и шутки, думая: вотъ разгулялся человѣкъ и смѣшитъ, смѣшитъ, не можетъ удержаться. Самыя заглавія главъ—шуточны, а ихъ содержаніе то и дѣло готово перейти въ шаржъ и фарсъ. Но пока вы смѣялись, вы не замѣчали, какъ постепенно накоплялось въ душѣ горькое и унылое чувство, какъ шевелилось оно гдѣ-то глубоко подъ этимъ каскадомъ юмористическихъ выходокъ, на первый взглядъ безобидныхъ. И только дочитывая до конца, вы вдругъ спохватываетесь, что вашъ веселый смѣхъ неожиданно сталъ горькимъ, что изъ глубины души поднялось унылое чувство, и вотъ вы уже не смѣетесь, вамъ не до смѣха; какія-то грустныя и важныя мысли овладѣли вашимъ сознаніемъ, какой-то мудреный и роковой вопросъ сталъ передъ вами,—вопросъ о пошлости человѣческой, о засасывающей тинѣ жизни, о „тьмѣ и пугающемъ отсутствіи свѣта". Это—выраженіе самого Гоголя, употребленное имъ по другому поводу (объ этомъ будетъ рѣчь ниже), но вполнѣ примѣнимое и къ данному случаю.—Повѣсть началась взрывомъ смѣха и шла, можно сказать, „плясовымъ темпомъ" юмора и шутки, а окончилась унылымъ, безотраднымъ настроеніемъ, подготовленнымъ съ изумительнымъ мастерствомъ въ послѣдней главѣ и вылившемся въ заключительномъ восклицаніи: „Скучно на этомъ свѣтѣ, господа!"

Съ особенною силою и отчетливостью обнаружилась малороссійская стихія творчества Гоголя въ *Тарасѣ Бульбѣ* и *Віи*. Читая ихъ, не можешь отдѣлаться отъ иллюзіи, будто это переводъ съ украинскаго.

[1]) Выраженіе Пушкина въ замѣткѣ о второмъ изданіи „Вечеровъ на хуторѣ".

Гоголь былъ большой любитель малороссійской старины и исторіи. Онъ собирался даже написать „Исторію Малороссіи“ въ 8 томахъ. Этому предпріятію не суждено было осуществиться, но зато пріобрѣтенныя Гоголемъ свѣдѣнія въ данной области и собранные имъ матеріалы послужили основаніемъ для художественныхъ историческихъ повѣстей изъ прошлаго Малороссіи. Сюда относятся: *Страшная месть*, вошедшая во вторую часть „Вечеровъ на хуторѣ“ и, по манерѣ и пріемамъ, принадлежащая къ раннему творчеству Гоголя (1830—1832), „Глава изъ историческаго романа“, написанная еще въ 1830 году и вошедшая въ первую часть „Арабесокъ“, отрывокъ „Плѣнникъ“ (также въ 1830 г., въ второй части „Арабесокъ“), наконецъ, *Тарасъ Бульба* (оконченный въ 1833 г.) и *Вій* (1833—1834), помѣщенные въ „Миргородѣ“.

„Тарасъ Бульба“—историческая повѣсть, въ которой самымъ причудливымъ образомъ слиты элементы романтизма съ элементами реализма. Поэтъ изображаетъ въ исторически-вѣрныхъ, реалистическихъ чертахъ бытъ и нравы Запорожья и въ то же время явно идеализируетъ ихъ. Онъ и рисуетъ и воспѣваетъ. Бытовыя сцены написаны кистью художника-жанриста, характеры же героевъ представлены такъ, какъ это приличествуетъ только поэту-романтику, которому историческое прошлое рисуется въ необычномъ, героическомъ освѣщеніи, не соотвѣтствующемъ дѣйствительности. Этой двойственности произведенія отвѣчаетъ и перемежающійся тонъ повѣствованія, то простой и спокойно эпическій, то приподнятый, восторженный и даже мѣстами вычурный. Все это не мѣшаетъ высокому художественному достоинству повѣсти. Въ Гоголѣ реалистъ уживался съ романтикомъ, и оба были—великіе поэты. Ихъ голоса сливались въ стройный дуэтъ, въ симфонію, въ которой не было поэтической фальши. Мало того: романтическая струя не оказывалась на этотъ разъ въ противорѣчіи съ психологическимъ реализмомъ замысла и изображенія, ибо *романтическія черты*, какъ и родственныя имъ черты *психологическаго сентиментализма*, несомнѣнно, имѣются въ обиходѣ національнаго уклада украинскаго народа. Можетъ быть, ихъ отсутствіе въ повѣсти было бы въ ущербъ психологической и художественной правдѣ. Въ связи съ этимъ соображеніемъ нужно отмѣтить то, что въ „Тарасѣ Бульбѣ“, какъ и во многихъ и притомъ величайшихъ произведеніяхъ Гоголя, живо сказалось характерное для его творчества стремленіе—улавливать черты *національной* психологіи и превращать бытовые и психологическіе типы *въ національные*. Ниже мы встрѣтимъ эту особенность гоголевскаго творчества въ ея еще болѣе яркомъ и

чрезвычайно любопытномъ выраженіи и вмѣстѣ съ тѣмъ увидимъ, что—сперва стихійная, непроизвольная—она вскорѣ стала сознательно-методическимъ пріемомъ творчества.

Въ „Тарасѣ Бульбѣ" выведенныя лица носятъ яркій отпечатокъ малорусскаго національнаго уклада: это не только типы казацкіе, запорожскіе, но и малороссійскіе, національные. Старикъ Бульба, Остапъ, Андрій, какъ и второстепенныя лица, — типичные „хохлы".

Извѣстно, какъ трудно *описывать* „національную физіономію" или, выражаясь точнѣе, какъ трудно *разбираться въ чертахъ и особенностяхъ національной психологіи.* Онѣ почти неуловимы для взора, невооруженнаго способностью различать и отдѣлять то, что принадлежитъ времени, быту, классу, сословію, отъ того, что составляетъ отличительную особенность національности, *какъ таковой.* И всѣ характеристики національностей по большей части выходятъ такими топорными, шаблонными, пристрастными и вздорными, что было бы гораздо лучше, если бы ихъ авторы не брались за это дѣло, имъ непосильное. Но большіе художники, одаренные поэтическою интуиціею, умѣютъ такъ или иначе уловлять тонкіе оттѣнки національной психологіи и воспроизводить ихъ такъ, что мы ихъ чувствуемъ, хотя и не можемъ формулировать ихъ. И я убѣжденъ, что тотъ отдѣлъ психологической науки, который пока имѣетъ одно только заглавіе—„психологія этническая и національная", будетъ нѣкогда разработанъ, главнымъ образомъ, на матеріалѣ, доставляемомъ художественною литературою.

Возвращаясь къ Гоголю, какъ изобразителю малорусскаго національнаго уклада, укажемъ сперва на то, что и здѣсь, какъ и во всемъ, этотъ удивительный человѣкъ шелъ путемъ глубокой вдумчивости, долгихъ и пристальныхъ размышленій и тонкихъ наблюденій надъ людьми и въ особенности надъ самимъ собой. Его творчество было сознательное, рефлектирующее, „разумное", критическое. Онъ всегда старался разбираться въ своихъ вдохновеніяхъ и художническихъ интуиціяхъ и подвергать ихъ контролю разума. Такъ было это и въ данномъ случаѣ.

Если въ „Вечерахъ на хуторѣ" онъ воспроизводитъ черты украинскаго національнаго склада непроизвольно, больше чувствуя, чѣмъ понимая ихъ, то въ „Тарасѣ Бульбѣ" онъ уже ихъ понимаетъ, уже имѣетъ въ своемъ распоряженіи опредѣленный взглядъ на психологію малоросса, какъ таковаго, и даже коечто уяснилъ себѣ въ трудномъ вопросѣ о ея происхожденіи, ея историческомъ развитіи. Дѣло въ томъ, что созданію повѣсти

предшествовали занятія малорусской исторіей, которыя шли не по строгометодическому пути научныхъ изысканій, но, безъ сомнѣнія, сопровождались глубокими размышленіями и молніеносными прозрѣніями геніальнаго ума. Памятникомъ этихъ занятій осталась, между прочимъ, статья: „Взглядъ на составленіе Малороссіи“, начатая въ 1833 г. и напечатанная въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ въ апрѣльской книгѣ 1834 г. (въ видѣ первой главы изъ „Исторіи Малороссіи“); потомъ она вошла въ „Арабески“.—Здѣсь онъ старается разъяснить историческій процессъ образованія украинской націи, выдвигая впередъ Запорожье и казачество, какъ оплотъ и центръ малорусской народности, наложившіе на нее неизгладимый отпечатокъ. Тутъ мы читаемъ: „Наконецъ, цѣлыя деревни и села начали поселяться съ домами и семействами около этого грознаго оплота, чтобы пользоваться его защитою, съ условіемъ за то нѣкоторыхъ повинностей. И такимъ образомъ, мѣста около Кіева начали пустѣть, а между тѣмъ по ту сторону Днѣпра люднѣли. Семейные и женатые мало-по-малу отъ обращенія и сношенія съ ними получали тотъ же воинственный характеръ. Сабля и плугъ сдружились между собою и были у всякаго селянина. Между тѣмъ разгульные холостяки, вмѣстѣ съ червонцами, цехинами и лошадьми, стали похищать татарскихъ женъ и дочерей и жениться на нихъ. Отъ этого смѣшенія черты лица ихъ, вначалѣ разнохарактерныя, получили одну общую физіономію, болѣе азіатскую. И вотъ составился народъ, по вѣрѣ и мѣсту жительства принадлежавшій Европѣ, но между тѣмъ по образу жизни, обычаямъ, костюму совершенно азіатскій,—народъ, въ которомъ такъ странно столкнулись двѣ противоположныя части свѣта, двѣ разнохарактерныя стихіи: европейская осторожность и азіатская безпечность, простодушіе и хитрость, сильная дѣятельность и величайшая лѣнь и нѣга, стремленіе къ развитію и усовершенствованію—и между тѣмъ желаніе казаться пренебрегающимъ всякое совершенствованіе“.

Вотъ именно эти-то черты, ставшія національными, и воспроизведены художественно въ знаменитой повѣсти, и это сдѣлано рукою великаго мастера. Но, согласно замыслу, онѣ представлены здѣсь въ казацкомъ и запорожскомъ обличьи, и съ этой стороны повѣсть является какъ бы художественною иллюстраціею вышеприведенной мысли Гоголя о вліяніи казачества на образованіе малорусской національной психологіи.

Въ повѣсти, сказали мы, казачество и въ особенности Запорожье идеализированы или, точнѣе, опоэтизированы; ху-

дожникъ воспроизводитъ ихъ романтически, выдвигая впередъ показную, симпатичную сторону нравовъ, характеровъ и понятій. Въ силу этого многое, въ существѣ дѣла варварское, кажется поэтическимъ, жестокое, звѣрское—благороднымъ, въ своемъ родѣ высокимъ и героическимъ; люди *красиво* убиваютъ и грабятъ; пьянство и дикій разгулъ превращаются въ поэзію душевнаго размаха, въ признакъ удали и широты... Однимъ словомъ, тутъ совершается та романтическая переоцѣнка и поэтизація такихъ вещей, отъ которыхъ Гоголь, если бы видѣлъ ихъ воочію, отвернулся бы съ ужасомъ и омерзѣніемъ. На разстояніи вѣковъ человѣческое звѣрство легко поэтизируется, въ особенности, если оно скрашивалось идеальными цѣлями, напр., идеей борьбы за вѣру, за отечество и т. д. и было сопряжено съ геройскимъ самоотверженіемъ. Борцамъ и героямъ прошлаго нельзя не отдать дань удивленія и уваженія, но поэту XIX вѣка не пристало описывать бойню съ наивностью и упоеніемъ, простительными Гомеру. Повѣсть Гоголя полна кровавыхъ описаній, вызывающихъ отвращеніе. Но онъ не имѣлъ въ виду такого эффекта, и въ повѣсти нѣтъ гуманной тенденціи, съ нимъ связанной.

Тарасъ—великій характеръ, истинный герой, человѣкъ идеи, христіанинъ, готовый положить голову за вѣру. И всѣ свои звѣрства онъ совершаетъ во имя идеи, и Гоголь думаетъ, что они отъ этого—не просто звѣрства, а подвиги. Вотъ какъ описана въ послѣдней главѣ месть Тараса полякамъ за смерть Остапа.

„А что же Тарасъ? А Тарасъ гулялъ по всей Польшѣ со своимъ полкомъ, выжегъ 18 мѣстечекъ, близъ 40 костеловъ, и уже доходилъ до Кракова. Много избилъ онъ всякой шляхты... Не уважали казаки чернобровыхъ панянокъ, бѣлогрудыхъ, свѣтлоликихъ дѣвицъ; у самыхъ алтарей не могли спастись онѣ: зажигалъ ихъ Тарасъ вмѣстѣ съ алтарями. Не однѣ бѣлоснѣжныя руки поднимались изъ огнистаго пламени къ небесамъ, сопровождаемыя жалкими криками, отъ которыхъ подвигнулась бы самая сырая земля и степовая трава поникла бы отъ жалости долу. Но не внимали ничему жестокіе казаки и, подымая копьями съ улицъ младенцевъ ихъ, кидали къ нимъ же въ пламя. „Это вамъ, вражьи ляхи, поминки по Остапѣ!“ приговаривалъ только Тарасъ. И такія поминки по Остапѣ отправлялъ онъ въ каждомъ селеніи...“

„Трава поникла бы отъ жалости долу“, а художникъ написалъ эти эпическія строки безъ всякой жалости, заботясь только объ *артистическомъ* эффектѣ. Говорю объ эффектѣ „артистическомъ“, а не о художественномъ, потому именно,

что поэтъ тутъ не скорбитъ, не томится жалостью и состраданіемъ, а только рисуетъ,—какъ красиво подымались къ небесамъ бѣлоснѣжныя руки панянокъ, и какъ ловко казаки подхватывали копьями младенцевъ, и т. д.,—рисуетъ и любуется рисункомъ.

Слѣдуетъ ли отсюда, что въ художнической натурѣ Гоголя заключались элементы „артистической жестокости" въ родѣ тѣхъ, какіе несомнѣнно были присущи Достоевскому? Думать такъ—значило бы не понимать Гоголя, который былъ не только истиннымъ художникомъ, но и человѣкомъ высоко-гуманнымъ. Дѣло объясняется проще: ошибкою поэта, увлеченнаго желаніемъ быть своего рода „Гомеромъ". Онъ явно подражаетъ пріемамъ стараго эпоса—отъ Гомера до „Слова о полку Игоревѣ" [1]). Онъ *хочетъ* писать наивно, пластично и красочно,—такъ, чтобы эпоха ожила подъ его перомъ, и не былъ бы виденъ авторъ, человѣкъ другого вѣка, другихъ понятій и нравовъ. По примѣру старинныхъ эпическихъ поэтовъ, онъ не только повѣствуетъ и рисуетъ, но и воспѣваетъ „доблести" героевъ, превознося силу ихъ духа и ихъ кулака. Культомъ физической силы, отваги, удальства проникнута повѣсть Гоголя, представляющая собою любопытный образецъ *архаизирующаго* искусственнаго эпоса, своеобразно повторяющаго наивность, непосредственность и грубость стараго, послѣ того какъ Вальтеръ-Скоттъ уже далъ образцы новаго эпоса — въ формѣ историческаго романа, который исторически-вѣрно воспроизводитъ жестокіе нравы средневѣковой старины и въ то же время проникнутъ гуманнымъ духомъ новаго времени.

Послѣ всего сказаннаго читатель самъ припомнитъ мѣста, гдѣ Гоголь впадаетъ въ тонъ и манеру Гомера. Для образчика приведу лишь слѣдующія:

„Какъ плавающій въ небѣ ястребъ, давши много круговъ сильными крыльями, вдругъ останавливается распластанный на одномъ мѣстѣ и бьетъ оттуда стрѣлой на раскричавшагося у самой дороги самца-перепела: такъ Тарасовъ сынъ, Остапъ, налетѣлъ вдругъ на хорунжаго и сразу накинулъ ему на шею веревку..." (гл. VII).

„Тихо склонился онъ [2]) на руки подхватившимъ его казакамъ, и хлынула ручьемъ молодая кровь, подобно дорогому вину, которое несли въ стеклянномъ сосудѣ изъ погреба неосторожные слуги: поскользнулись тутъ же у входа и разбили

[1]) Вышеприведенное выраженіе: „трава поникла бы отъ жалости" прямо взято изъ „Слова".

[2]) Кукубенко.

дорогую сулею: все разлилось на землю вино, и схватилъ себя за голову прибѣжавшій хозяинъ"... и т. д.

Все это такъ и просится въ античные гексаметры, гдѣ такія сравненія и амплификаціи были умѣстнѣе, чѣмъ въ повѣсти, написанной въ XIX вѣкѣ.

Кромѣ Гомера, вводили Гоголя въ соблазнъ и малорусскія „думы". Въ повѣсти есть мѣста, воспроизводящія стиль и манеру „думъ", напр.: „Какъ орлы, озирали они (казаки) вокругъ себя очами все поле и чернѣющую вдали судьбу свою. Будетъ, будетъ все поле съ отлогами и дорогами покрыто торчащими ихъ бѣлыми костями, щедро обмывшись казацкою ихъ кровью и покрывшись разбитыми возами, расколотыми саблями и копьями"... и т. д.

6.

Рядъ малороссійскихъ произведеній Гоголя, которыхъ содержаніе взято изъ народныхъ легендъ или изъ исторіи, заканчивается повѣстью „*Вій*". Если прослѣдить весь рядъ отъ „Сорочинской ярмарки" до „Вія", можно видѣть, какъ творчество Гоголя въ этой области подымалось все выше и выше и къ 1834 г. (когда былъ написанъ „Вій") достигло высокой ступени художественности. Здѣсь мы уже не находимъ тѣхъ недостатковъ, какіе выше мы отмѣтили въ „Вечерахъ на хуторѣ": нѣтъ излишествъ, нѣтъ приподнятаго тона, нѣтъ разброда и игры поэтическихъ пріемовъ; здѣсь всюду видна умѣренность и разборчивость. Поэтъ обуздалъ разгулъ творческаго воображенія и лирическихъ порывовъ. Нѣтъ длиннотъ и уклоненій отъ нити разсказа. Бросается въ глаза также самостоятельное отношеніе къ сюжету, взятому изъ народныхъ сказаній, и къ пріемамъ народнаго творчества. Правда, въ примѣчаніи къ „Вію" Гоголь говоритъ, что, взявъ народное преданіе, онъ „не хотѣлъ ни въ чемъ измѣнить его и разсказываетъ почти въ той же простотѣ, какъ слышалъ", но это не вѣрно: онъ совершенно переработалъ сюжетъ и разсказалъ не такъ, какъ слышалъ, а такъ, какъ можетъ сдѣлать это только настоящій первоклассный поэтъ.—Отъ „Тараса Бульбы" „Вій" выгодно отличается простотою разсказа и отсутствіемъ романтической идеализаціи старины. И вообще въ сравненіи съ предшествующими произведеніями, сюжеты которыхъ взяты Гоголемъ изъ украинской старины и народной легенды, „Вій" характеризуется тѣмъ, что здѣсь нѣтъ романтизма ни въ настроеніи, ни въ точкѣ зрѣнія автора, ни въ пріемахъ письма. „Вій"—

произведеніе *поэта—реалиста*, который улавливаетъ ,,правду" жизни, нравовъ, характеровъ.

,,Вій"—повѣсть бытовая, ,,жанровая", изъ жизни кіевскихъ семинаристовъ, малороссійскихъ пановъ и ихъ дворни стараго времени (примѣрно XVII вѣка),—и эта жизнь, какъ и національная складка выведенныхъ лицъ, изображена съ великимъ мастерствомъ. Читая, мы переносимся въ эту среду и эпоху и съ неослабѣвающимъ интересомъ слѣдимъ за каждымъ шагомъ дѣйствующихъ лицъ.

,,Вій" — также произведеніе сказочнаго, фантастическаго характера. И эти небылицы, — и вѣдьмы, и самъ Вій, и вся чертовщина — изображены такъ, что читатель, если онъ въ простотѣ душевной вѣритъ въ нихъ, готовъ принять ихъ за дѣйствительность, а не за выдумку автора, а если не вѣритъ, то относится ко всей этой фантастикѣ такъ, какъ будто въ данную минуту простодушно вѣритъ. Онъ понимаетъ тѣсную связь легенды съ жизнью: вѣдьмы, черти и вся нечистая сила въ самомъ дѣлѣ существуютъ—въ воображеніи, въ вѣрованіи, въ убѣжденіи и Хомы, и Дороша, и кухарки, и всей среды; легенда передается изъ устъ въ уста и, чѣмъ дальше и чаще передается, тѣмъ больше выигрываетъ въ достовѣрности, быстро превращаясь изъ выдумки и ,,бабьей сказки" въ прочное достояніе народной мысли, въ нѣчто достовѣрное, въ нѣчто неподлежащее сомнѣнію, ибо всѣ такъ вѣрятъ, всѣ говорятъ объ этомъ. Въ этомъ психологическомъ смыслѣ всякая фантастика ,,реальна": она—принадлежность мысли и чувства людей, стоящихъ на данномъ уровнѣ умственнаго развитія. Ея психологическая реальность особливо наглядно проявляется въ сферѣ чувства: можно совсѣмъ не вѣрить въ существованіе вѣдьмъ, чертей и привидѣній и все-таки бояться войти въ темную комнату или пойти ночью на кладбище. Чувства (въ особенности *страхъ*), связывавшіяся нѣкогда съ фантастическими представленіями, переживаютъ ихъ и долго держатся у людей, уже не имѣющихъ этихъ вѣрованій и суевѣрій, лишь постепенно ослабляясь, переходя, напр., отъ настоящаго страха къ особому жуткому чувству, какое нерѣдко мы и испытываемъ, когда намъ почудится что-нибудь ,,сверхъестественное", хотя мы хорошо знаемъ, что это только ,,игра воображенія", ,,обманъ чувствъ". И когда мы читаемъ въ ,,Віи" тѣ мѣста, гдѣ изображенъ суевѣрный страхъ людей, наивно вѣрящихъ въ существованіе вѣдьмъ и всякой ,,нечистой силы", мы какъ будто читаемъ въ своей собственной душѣ и вспоминаемъ далекое дѣтство, когда мы сами были маленькими ,,людьми XVII вѣка", слушали сказку,

какъ быль, и были „суевѣрны", какъ философъ Хома Брутъ и вся дворня пана-сотника.

Обращаетъ на себя вниманіе и юморъ въ „Віи". Это—уже не тотъ юморъ, который вызываетъ въ читателѣ сознаніе, что авторъ хочетъ смѣшить и при этомъ впадаетъ въ излишества (такъ это въ „Повѣсти о томъ, какъ Иванъ Иванычъ поссорился съ Иваномъ Никифорычемъ"); это уже не жартъ „Вечеровъ на хуторѣ". Это юморъ, вытекающій изъ существа дѣла, вплетенный въ психологію дѣйствующихъ лицъ, въ нравы среды, въ разговоры, въ положенія. Напомню превосходную сцену, гдѣ дворня за обѣдомъ бесѣдуетъ на тему о вѣдьмѣ—дочери сотника. Юморъ разлитъ по всему разсказу и вкрапленъ всюду: онъ даже мелькаетъ среди страховъ, переживаемыхъ Хомой въ церкви. Сдержанный, скрытый юморъ не выдѣляется, не мечется въ глаза, но свое дѣло все-таки дѣлаетъ, обливая всю повѣсть мягкимъ свѣтомъ хитрой улыбки.

Не менѣе замѣчательны пластика изображенія и мастерство языка въ передачѣ тонкихъ ощущеній и впечатлѣній—зрительныхъ и слуховыхъ. И тутъ нѣтъ ничего лишняго, нѣтъ старанія представить ярче, эффектнѣе. Вотъ два-три образчика:

„Онъ схватилъ лежавшее на дорогѣ полѣно и началъ имъ со всѣхъ силъ колотить старуху. Дикіе вопли издала она; сначала были они сердиты и угрожающи, потомъ становились слабѣе, пріятнѣе, чище, и потомъ уже тихо, едва звенѣли, какъ тонкіе серебряные колокольчики, и заронялись ему въ душу; и невольно мелькнула въ головѣ мысль: точно ли это старуха?.."—Нѣсколько выше описаніе чаръ, овладѣвавшихъ Хомою, когда онъ летѣлъ, неся на себѣ вѣдьму, поразительно по мастерству, съ которымъ Гоголь воспроизводитъ фантастическую картину „навожденія": „Онъ опустилъ голову внизъ и видѣлъ, что трава, бывшая почти подъ ногами его, казалось, росла глубже и далеко, и что сверхъ ея находилась прозрачная, какъ горный ключъ, вода, и трава казалась дномъ какого-то свѣтлаго, прозрачнаго до самой глубины моря; по крайней мѣрѣ, онъ видѣлъ ясно, какъ онъ отражался въ немъ вмѣстѣ съ сидѣвшею на спинѣ старухою. Онъ видѣлъ, какъ вмѣсто мѣсяца свѣтило тамъ какое-то солнце; онъ слышалъ, какъ голубые колокольчики, наклоняя свои головки, звенѣли; онъ видѣлъ, какъ изъ осоки выплывала русалка, мелькала спина и нога, выпуклая, упругая, вся созданная изъ блеска и трепета. Она оборотилась къ нему,—и вотъ ея лицо съ глазами свѣтлыми, сверкающими, острыми, съ пѣніемъ вторгавшимися въ душу, уже приближалась къ нему, уже была на поверхности и, задрожавъ сверкающимъ смѣхомъ, удалялась... Видитъ ли онъ это или не

видитъ? Наяву-ли это, или снится? Но тамъ что? Вѣтеръ или музыка? Звенитъ, звенитъ и вьется, и подступаетъ, и вонзается въ душу какою-то нестерпимою трелью...“

Появленіе Вія изображено такъ: „И вдругъ настала тишина[1]) въ церкви; послышалось вдали волчье завываніе, и скоро раздались тяжелые шаги, звучавшіе по церкви. Взглянувъ искоса, увидѣлъ онъ, что ведутъ какого-то приземистаго, дюжаго, косолапаго человѣка. Весь былъ онъ въ черной землѣ. Какъ жилистые, крѣпкіе корни, выдавались его, засыпанныя землею, ноги и руки. Длинныя вѣки опущены были до самой земли. Съ ужасомъ замѣтилъ Хома, что лицо было на немъ желѣзное...“

Гоголь много поработалъ надъ „Віемъ“, начавъ писать его въ 1833 г. и окончивъ въ 1834 г. Впослѣдствіи онъ пересмотрѣлъ повѣсть вновь и сдѣлалъ нѣкоторыя довольно важныя поправки. Въ этомъ исправленномъ видѣ она и вошла въ первое собраніе сочиненій Гоголя и во всѣ послѣдующія.

7.

„Віемъ“ заканчивается рядъ малороссійскихъ повѣстей Гоголя. Въ тѣ же годы (1833—1834) великій поэтъ выступилъ на болѣе широкое поприще наблюденій и художественныхъ замысловъ. Онъ беретъ общерусскія темы и твердымъ, увѣреннымъ шагомъ идетъ къ тому, чтобы охватить художественнымъ взоромъ „всю Русь“, какъ онъ выражался,—людей всѣхъ званій и состояній и раскрыть психологію „русскаго человѣка“, какъ такового.

На этомъ пути ему предстояла обильная жатва смѣха. Въ двухъ художественныхъ шуткахъ онъ посмѣялся „чистымъ“ смѣхомъ, безъ горечи: это анекдоты „*Носъ*“ (1833 г.) и „*Коляска*“ (1835 г.). Эти юмористическіе шаржи относятся къ другимъ общерусскимъ повѣстямъ Гоголя такъ, какъ ранніе разсказы „Вечеровъ“ („Сорочинская ярмарка“ и др.) относятся къ послѣдующимъ малороссійскимъ повѣстямъ: и тутъ и тамъ беззаботный, заразительный смѣхъ смѣняется скорбнымъ раздумьемъ, глубокимъ проникновеніемъ въ пошлую сторону жизни. Умѣніе схватывать и выставлять на видъ пошлую сторону жизни и души человѣческой достаточно ярко обнаруживается и въ этихъ „шуткахъ“ („Носъ“ и „Коляска“), но здѣсь нѣтъ ни глубокаго проникновенія, ни скорбнаго раздумья, которыя видны въ другихъ произведеніяхъ той же эпохи. Уже во вто-

[1]) Послѣ шума, произведеннаго нахлынувшими въ церковь чудовищами, и криковъ: „Приведите Вія!“

рой части „Арабесокъ" была помѣщена первая серьезная повѣсть Гоголя изъ общерусской жизни — „*Невскій проспектъ*" (1834 г.), о которой Пушкинъ отозвался, какъ о „самомъ полномъ" (т.-е. содержательномъ и выдержанномъ) изъ произведеній Гоголя, въ то время изданныхъ. Позже появились другія, еще болѣе „полныя" творенія Гоголя, въ сравненіи съ которыми „Невскій проспектъ" представляется лишь опытомъ, показывающимъ, какъ великій писатель искалъ своей настоящей дороги. Онъ шелъ къ *реализму творчества* черезъ *романтизмъ настроенія, идей и пріемовъ письма*. Это—тотъ же путь, какимъ онъ шелъ и въ произведеніяхъ малороссійскихъ. „Невскій проспектъ"—повѣсть на половину реальная, на половину романтическая. Въ ней разсказаны и сопоставлены двѣ параллельныя „исторіи": реальная, пошлая исторія поручика Пирогова, котораго за ловеласничество высѣкли честные нѣмцы, и романтическая исторія художника Пискарева, который лишилъ себя жизни по мотивамъ ультра-романтическимъ.

Въ той части, гдѣ дѣло идетъ о поручикѣ Пироговѣ, видно родство съ тѣмъ, что представляютъ собою повѣсти „Носъ" и „Коляска": это также смѣшной анекдотъ, разсказанный для потѣхи. Но разница въ томъ, что на этотъ анекдотъ падаетъ тѣнь отъ другой части повѣсти,—отъ исторіи художника Пискарева, и эта тѣнь заставляетъ насъ невольно задуматься и усомниться въ томъ, въ самомъ ли дѣлѣ для одной лишь потѣхи разсказанъ этотъ смѣшной казусъ...

Но въ то же время и на романтическаго художника отъ сопоставленія съ его пріятелемъ, поручикомъ Пироговымъ, падаетъ также нѣкая тѣнь — пошловатости, и читатель чувствуетъ, что разстояніе между друзьями не такъ ужъ велико. Оба они—люди очень глупые. Разница лишь въ томъ, что поручикъ Пироговъ глупъ до смѣшного, а художникъ Пискаревъ—глупъ трагически,—и это самый скверный и безнадежный видъ глупости. И мы читаемъ печальную повѣсть его страданій, мечтаній и смерти безъ всякой жалости, безъ сочувствія. И къ заключительнымъ словамъ Гоголя: „такъ погибъ, жертва безумной страсти, бѣдный Пискаревъ, тихій, робкій, скромный, дѣтски простодушный, носившій въ себѣ искру таланта, быть можетъ, со временемъ бы вспыхнувшаго широко и ярко"—мы относимся съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ. Мы думаемъ: никогда, ни при какихъ, даже самыхъ благопріятныхъ условіяхъ „талантъ" Пискарева не вспыхнулъ бы ни широко, ни ярко; въ лучшемъ случаѣ изъ него вышелъ бы посредственный ремесленникъ; всего вѣроятнѣе, что онъ окончилъ бы тѣмъ, чѣмъ такъ часто кончаютъ русскіе люди съ „искрой таланта": спился бы.

И вышелъ бы изъ него пропойца трагическій, мелодраматическій, произносящій въ трактирѣ жестокія тирады о погибшей жизни, о загубленномъ великомъ дарованіи... Гоголь не хотѣлъ разоблачать бѣднаго художника и отнесся къ нему съ большою снисходительностью и мягкостью, какъ и вообще отнесся онъ къ „типу" петербургскихъ художниковъ, абрисъ котораго набросанъ въ другомъ мѣстѣ повѣсти. Тамъ ихъ искусство не высоко оцѣнивается, и показано, что изъ нихъ, собственно говоря, ничего не выходитъ; но вина за это сваливается на петербургскій климатъ и на складъ петербургской жизни. „Они (художники) часто питаютъ въ себѣ истинный талантъ, — читаемъ здѣсь,—и если бы только дунулъ на нихъ свѣжій воздухъ Италіи, онъ бы, вѣрно, развился такъ же вольно, широко и ярко, какъ растеніе, которое выносятъ, наконецъ, изъ комнаты на чистый воздухъ".—И сами художники представлены здѣсь хотя и въ смѣшномъ видѣ, но съ явнымъ сочувствіемъ. Тутъ, несомнѣнно, сказались личныя симпатіи Гоголя къ этому міру художниковъ. Онъ сразу полюбилъ этихъ скромныхъ, робкихъ тружениковъ, лелѣющихъ романтическій идеалъ высокаго искусства, противопоставляемаго пошлой жизни,—идеалъ, который раздѣлялъ и онъ самъ. На фонѣ сѣрой петербургской жизни эти мечтатели казались явленіемъ необычнымъ. „Не правда ли, странное явленіе—художникъ петербургскій?—читаемъ тамъ же.—Художникъ въ землѣ снѣговъ, художникъ въ странѣ финновъ, гдѣ все мокро, гладко, ровно, блѣдно, сѣро, туманно!"—Каковъ бы ни былъ художникъ, но если только онъ представлялся Гоголю идеалистомъ по натурѣ и былъ искренно преданъ „святому искусству", Гоголь готовъ былъ простить ему все,—и глупость, и бездарность, и ходульность. Еще сильнѣе было это пристрастіе, когда художникъ оказывался человѣкомъ съ несомнѣннымъ талантомъ и призваніемъ. Онъ представлялся Гоголю какъ бы существомъ высшаго порядка, человѣкомъ не отъ міра сего, живущимъ исключительно высшими интересами „святого" искусства. Знакомство съ этой средой завязалось у Гоголя еще въ 1830 году, когда онъ посѣщалъ классы рисованія въ Академіи художествъ. Тогда же писалъ онъ матери: „По знакомству своему съ художниками, и со многими даже знаменитыми, я имѣю возможность пользоваться средствами и выгодами, для многихъ недоступными. Не говоря уже объ ихъ талантѣ, я не могу не восхищаться ихъ характеромъ и обращеніемъ. Что это за люди! Узнавши ихъ, нельзя отвязаться отъ нихъ навѣки. Какая скромность при величайшемъ талантѣ! О чинахъ и въ поминѣ нѣтъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ статскіе и даже дѣйствительные статскіе

совѣтники...“ (Письмо отъ 3 іюня 1830 г.). Эта наивная идеализація съ годами, конечно, пошла на убыль; но живой интересъ къ міру художниковъ, къ ихъ душевному укладу и ихъ искусству остался у Гоголя навсегда. Мотивъ контраста или конфликта между культомъ „красоты“, жрецомъ котораго является художникъ, и безобразіемъ или пошлостью окружающей жизни, между мечтой и дѣйствительностью не переставалъ занимать Гоголя, и размышленія въ этомъ направленіи подсказали ему не только идею и сюжетъ „Невскаго проспекта“, но и идею другой повѣсти— „Портретъ“, помѣщенной въ тѣхъ же „Арабескахъ“, но потомъ передѣланной въ 1841 г. и вторично исправленной въ 1842 г. По всему видно, что указанный мотивъ игралъ видную роль въ творчествѣ Гоголя, о чемъ еще будетъ у насъ рѣчь въ дальнѣйшемъ.

8.

Но въ богатомъ содержаніи повѣсти „Невскій проспектъ“ есть и другіе мотивы. Одинъ изъ нихъ намѣченъ лишь вскользь, но ему суждено было занять видное мѣсто въ тѣхъ долгихъ, сосредоточенныхъ думахъ, которыя легли въ основу величайшаго изъ твореній Гоголя—„Мертвыхъ душъ“.

Этотъ мотивъ затронутъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится о нѣмцахъ-ремесленникахъ, кстати сказать, превосходно очерченныхъ. Прочтемъ:

„Я почитаю не излишнимъ познакомить читателя нѣсколько покороче съ Шиллеромъ. Шиллеръ былъ совершенный нѣмецъ, въ полномъ смыслѣ этого слова. Еще съ 20-лѣтняго возраста, съ того счастливаго времени, въ которое русскій живетъ на фуфу, уже Шиллеръ размѣрилъ всю свою жизнь и никакого, ни въ какомъ случаѣ, не дѣлалъ исключенія. Онъ положилъ вставать въ семь часовъ, обѣдать въ два, быть точнымъ во всемъ и быть пьянымъ каждое воскресенье. Онъ положилъ себѣ въ теченіе 10 лѣтъ составить капиталъ изъ пятидесяти тысячъ, и уже это было такъ вѣрно и неотразимо, какъ судьба, потому что скорѣе чиновникъ позабудетъ заглянуть въ швейцарскую своего начальника, нежели нѣмецъ рѣшится перемѣнить свое слово...“ и т. д.

Гоголь очень цѣнилъ выдержку, аккуратность, самообладаніе, трудоспособность и добросовѣстность,—качества, которыя бросались въ глаза, когда онъ встрѣчался съ нѣмецкими ремесленниками, и которыхъ онъ не находилъ у русскаго человѣка. Въ данномъ мѣстѣ о русскомъ рабочемъ или мастеровомъ

нѣтъ рѣчи, но противопоставленіе нѣмца русскому, съ указанной точки зрѣнія, напрашивалось само собою, и, безъ сомнѣнія, Гоголь имѣлъ его въ виду.

Вникая въ темныя стороны русской дѣйствительности и отрицательныя черты русскаго національнаго характера, онъ, въ числѣ другихъ, отмѣчалъ наше слабоволіе, отсутствіе выдержки, легкомысленное отношеніе къ своей собственной жизни, недостаточную трудоспособность и ту легкость, съ какою русскій человѣкъ опускается, облѣнивается, бросаетъ дѣло и превращается въ „тряпку“. Забѣгая впередъ, укажу на знаменитое мѣсто въ VII главѣ I части „Мертвыхъ душъ“, гдѣ Чичиковъ, разсматривая списокъ купленныхъ имъ „душъ“, фантазируетъ на тему о ихъ прошломъ. Дойдя до сапожника Максима Телятникова, онъ восклицаетъ: „Хе, сапожникъ! Пьянъ, какъ сапожникъ, говоритъ пословица. Знаю, знаю тебя, голубчикъ; если хочешь, всю исторію твою разскажу. Учился ты у нѣмца, который кормилъ васъ всѣхъ вмѣстѣ, билъ ремнемъ по спинѣ за неаккуратность и не выпускалъ на улицу повѣсничать, и былъ ты чудо, а не сапожникъ; и не нахвалился тобою нѣмецъ, говоря съ женою или съ камрадомъ. А какъ кончилось твое ученье: „А вотъ теперь я заведусь своимъ домкомъ,—сказалъ ты:—да не такъ, какъ нѣмецъ, что изъ копейки тянется, а вдругъ разбогатѣю“. И вотъ давши барину порядочный оброкъ, завелъ ты лавчонку, набравъ заказовъ кучу, и пошелъ работать. Досталъ гдѣ-то втридешева гнилушки кожи и выигралъ, точно, вдвое на всякомъ сапогѣ, да черезъ недѣли двѣ перелопались твои сапоги, и выбранили тебя подлѣйшимъ образомъ. И вотъ лавчонка твоя запустѣла, и ты пошелъ попивать да валяться по улицамъ, приговаривая: „Нѣтъ, плохо на свѣтѣ! Нѣтъ житья русскому человѣку; все нѣмцы мѣшаютъ!“

Безволіе, распущенность, неспособность къ планомѣрному и стойкому труду, неумѣніе жить добропорядочно и благообразно,—таковы тѣ „свойства“ русскаго человѣка, которыя Гоголь находилъ не только въ простонародіи, но и всюду—у русскихъ людей „всѣхъ званій и состояній“. Съ этой точки зрѣнія одинаково плохи представлялись ему всѣ—и помѣщики, и чиновники, и купцы, и мѣщане, и крестьяне и, наконецъ, всѣ тѣ, которые составляли интеллигенцію того времени. Когда онъ видѣлъ помѣщика, который, запустивъ хозяйство, разорилъ и себя и крестьянъ; когда онъ встрѣчалъ лицо, облеченное властью и ничего не дѣлающее на пользу ввѣреннаго ему дѣла и населенія; когда онъ замѣчалъ, что молодые люди, воодушевленные лучшими намѣреніями, много говорятъ о прогрессѣ, о гуманности, о просвѣщеніи и ничего не дѣлаютъ,—онъ скло-

ненъ былъ слишкомъ обобщать вышеуказанныя печальныя „свойства" русскаго человѣка и придавать имъ исключительное, почти роковое значеніе. Безъ различія „званія и состоянія", на всѣхъ ступеняхъ общественной лѣстницы, русскій человѣкъ—„пропащій человѣкъ", какъ выражается одно лицо (Платоновъ) во второй части „Мертвыхъ душъ". Эта вторая часть, какъ извѣстно, и предназначалась для изображенія хорошихъ по натурѣ и движимыхъ добрыми желаніями и благородными стремленіями, но ни къ чему не годныхъ, „пропащихъ" русскихъ людей—Тентетниковыхъ, Платоновыхъ, Хлобуевыхъ, Кошкаревыхъ, съ одной стороны, и такихъ, какъ генералъ Бетрищевъ и хлѣбосолъ Пѣтухъ—съ другой, о которыхъ нельзя сказать, что они „пропащіе", но которые, въ существѣ дѣла, все равно что „пропащіе". Упоминаются тамъ мелькомъ и „огорченные люди", подъ которыми Гоголь разумѣлъ передовую, оппозиціонную (западническую и славянофильскую) интеллигенцію 40-хъ годовъ. Они характеризуются, какъ „безпокойно-странные характеры, которые не могутъ перенести равнодушно не только несправедливостей, но даже и всего того, что кажется въ ихъ глазахъ несправедливостью", и какъ люди, „добрые по началу, но безпорядочные сами въ своихъ дѣйствіяхъ..."—Въ другомъ мѣстѣ говорится о двухъ пріятеляхъ Тентетникова изъ тѣхъ же „огорченныхъ людей": эти пріятели были „добрые люди, но которые отъ частыхъ тостовъ во имя науки, просвѣщенія и будущихъ одолженій человѣчеству сдѣлались потомъ формальными пьяницами..." Эти господа ввели Тентетникова въ какое-то „филантропическое общество", которое затѣяли „два философа изъ гусаръ, начитавшіеся всякихъ брошюръ, да неокончившій учебнаго курса эстетикъ, да промотавшійся игрокъ... подъ верховнымъ распоряженіемъ стараго плута и масона и тоже карточнаго игрока, но краснорѣчивѣйшаго человѣка"...

Здѣсь бросается въ глаза утрировка, и по всему видно, что въ то время (въ половинѣ 40-хъ годовъ) мысль о трудовой и моральной несостоятельности „русскаго человѣка" „всѣхъ званій и состояній" до такой степени овладѣла умомъ Гоголя, что великій писатель приходилъ къ безотрадному выводу, который можно выразить такъ: русскій человѣкъ во всѣхъ смыслахъ никуда не годенъ,—онъ человѣкъ такой безпутный, что лучше ему ни за какое мало-мальски серьезное и отвѣтственное дѣло и не приниматься; ему нужно сперва взять себя въ руки и, занявшись какимъ-нибудь маленькимъ, посильнымъ дѣломъ, пріучить себя къ систематическому труду и въ этомъ трудѣ выработать себѣ „*характеръ*", т.-е. выдержку, стойкость,

добросовѣстность, серьезность,—однимъ словомъ, стать хоть немножко нѣмцемъ. Все остальное—въ свой чередъ приложится. Таковъ именно смыслъ того, что писалъ Гоголь своему молодому другу П. В. Анненкову, одному изъ передовыхъ и, слѣдовательно, „огорченныхъ" людей того времени: „Мнѣ кажется, что вы напрасно чуждаетесь спеціальнаго труда,—какой-нибудь спеціальный трудъ долженъ быть непремѣнно у каждаго изъ насъ. Сверхъ пребыванія на боевой вершинѣ современнаго движенія, нужно имѣть свой собственный уголокъ, въ который можно было бы на время уходить отъ всего. Нельзя, чтобы каждый изъ насъ не получилъ на долю свою какой-нибудь способности, ему принадлежащей; нельзя, чтобы не было ея у васъ. Иначе мы бы всѣ походили другъ на друга, какъ двѣ капли воды, и весь міръ былъ бы одна мануфактурная машина. Безъ спеціальнаго труда не образуется характеръ индивидуала [1]), изъ которыхъ слагается общество, идущее *впередъ*. Безъ этихъ своеобразно работающихъ единицъ *не быть* общему прогрессу [2])..."

Заслуживаетъ вниманія еще одно очень злое мѣсто изъ того же письма: „Вы же подымаете заздравный кубокъ и говорите: „да здравствуетъ простота положеній и отношеній, основанныхъ на практической дѣйствительности, здравомъ смыслѣ, положительномъ законѣ, принципѣ равенства и справедливости!" Смыслъ всего этого необъятно обширенъ. Цѣлая бездна между этими словами и примѣненіями ихъ къ дѣлу. Если вы станете дѣйствовать и проповѣдывать, и то прежде всего замѣтятъ въ вашихъ рукахъ эти заздравные кубки, до которыхъ такой охотникъ русскій человѣкъ, и перепьются всѣ, прежде чѣмъ узнаютъ, изъ-за чего было пьянство" [3])...

Во всемъ этомъ много правды и много глубокаго прозрѣнія въ самую суть нашей русской жизни и нашей русской психологіи. Прошло 60 лѣтъ съ тѣхъ поръ, въ теченіе которыхъ совершились великія событія и произошли крупныя перемѣны, почти перевороты, проведшіе рѣзкую грань между Русью дореформенною, „Гоголевскою", и Русью, обновленною реформами 60-хъ годовъ, прогрессивнымъ движеніемъ всей второй половины XIX-го вѣка, успѣхами просвѣщенія и матеріальной культуры, наконецъ, крутымъ поворотомъ 1905 года.

Много пути пройдено, много дѣла сдѣлано, но откуда же эта наша „бѣдность да бѣдность", обнищаніе народныхъ массъ, повальное пьянство, голодовки, ставшія хроническими, провалъ

[1]) Т.-е. индивидуума, личности.
[2]) „Письма Н. В. Гоголя", ред. В. И. Шенрока, т. IV, стр. 82. Курсивы Гоголя.
[3]) Тамъ же, стр. 81.

передовыхъ движеній, разбродъ идей, упадокъ нравовъ, распутство, всеобщая расшатанность и одичаніе? Причинъ много и самыхъ разнообразныхъ, но въ ихъ числѣ, несомнѣнно, есть и та, на которую указывалъ въ свое время Гоголь: *психическая, моральная и трудовая слабость „русскаго человѣка", какъ таковаго,* который представлялся ему способнымъ на все,— и на великое дѣло и на великое бездѣлье,—кромѣ одного: упорной повседневной работы въ тѣсномъ кругѣ своей профессіи и еще—надъ самимъ собой.

Ошибка Гоголя состояла лишь въ томъ, что онъ придавалъ этому нашему недостатку слишкомъ ужъ большое значеніе и возводилъ его *на степень одной изъ основныхъ чертъ нашей національной психологіи безъ необходимыхъ въ этомъ случаѣ ограниченій и оговорокъ.*

Онъ упускалъ изъ виду, что наша Россія не только велика, но и *разнообразна* до безконечности въ томъ смыслѣ, что въ любомъ мѣстѣ, во всякомъ „званіи и состояніи" бокъ-о-бокъ живутъ характеры самые различные, натуры діаметрально-противоположныя, и что недостатка въ людяхъ съ выдержкою, энергіею, упорствомъ въ трудѣ и моральнымъ закаломъ у насъ нѣтъ, какъ, съ другой стороны, къ сожалѣнію, есть несомнѣнный избытокъ людей душевно-дряблыхъ...

9.

Возвращаясь къ повѣсти „Невскій проспектъ", укажу еще на то выдающееся значеніе, какое принадлежитъ въ ея содержаніи мастерскому изображенію *показной стороны петербургской жизни.* Это сдѣлано помощью описанія Невскаго проспекта въ различные часы, т.-е. публики, толпящейся на этой „улицѣ-красавицѣ нашей столицы". Нельзя не упрекнуть Гоголя за чрезмѣрную растянутость этого описанія. Здѣсь бросается въ глаза основной недостатокъ ранняго творчества Гоголя: отсутствіе экономіи въ пріемахъ и средствахъ художественнаго письма. Это—какой-то разгулъ острословія, производящій невыгодное впечатлѣніе словоохотливости и балагурства,—впечатлѣнія, которое тѣмъ досаднѣе, что читатель не перестаетъ чувствовать подъ этимъ юмористическимъ очеркомъ серьезную мысль и невольно думаетъ, что эта мысль выступила бы яснѣе и рѣзче, если бы она не была завалена и придавлена этой грудою на лету схваченныхъ силуэтовъ, этимъ калейдоскопомъ быстро мелькающихъ усовъ, воротниковъ, шляпъ, шинелей, сапоговъ, башмачковъ... Избытокъ чертъ и красокъ

производитъ эффектъ надуманности,—читатель чувствуетъ, что художникъ намѣренно ведетъ его куда-то и при этомъ слишкомъ настойчиво подсказываетъ ему какой-то выводъ,—и это мѣшаетъ натуральному, самопроизвольному возникновенію мысли изъ образа.

Этотъ недостатокъ чувствуется мѣстами и въ повѣсти „Портретъ", напр., въ томъ мѣстѣ II-й части, гдѣ молодой художникъ, разсказывающій исторію своего отца, увлекся описаніемъ Коломны. За вычетомъ такихъ и еще другого рода дефектовъ, повѣсть „Портретъ" представляетъ собою одно изъ значительнѣйшихъ по замыслу и замѣчательнѣйшихъ по исполненію произведеній Гоголя.

Въ ея основу легли усвоенное Гоголемъ романтическое воззрѣніе на искусство и высокая оцѣнка призванія „истиннаго" художника, который долженъ быть человѣкомъ не отъ міра сего и служить искусству, какъ святынѣ. Въ извѣстной мѣрѣ Гоголь (съ конца 30-хъ годовъ) самъ осуществлялъ этотъ идеалъ художника, работая надъ „Мертвыми душами" съ почти религіознымъ воодушевленіемъ и смиренномудріемъ... Онъ жилъ отрѣшенною отъ міра и соблазновъ его жизнью поэта, скитальца и отшельника, и имѣлъ право сказать о себѣ (въ письмѣ къ Плетневу отъ 17 марта 1842 г.): „Давно остывши и угасши для всѣхъ волненій и страстей міра, я живу своимъ внутреннимъ міромъ" [1])... Въ томъ же письмѣ онъ сообщаетъ Плетневу о посылкѣ ему повѣсти „Портретъ" для „Современника" и прибавляетъ: „Она была напечатана въ „Арабескахъ", но вы этого не пугайтесь. Прочитайте ее: вы увидите, что осталась одна только канва прежней повѣсти, что все вышито по ней вновь. Въ Римѣ я ее передѣлалъ вовсе, или, лучше сказать, написалъ вновь, вслѣдствіе сдѣланныхъ еще въ Петербургѣ замѣчаній" [2])...

Вполнѣ правильно опредѣлилъ характеръ и смыслъ повѣсти „Портретъ" проф. *Н. А. Котляревскій,* сказавъ, что она имѣетъ „двоякое значеніе, художественное и философское—какъ разработка извѣстной общей темы и, кромѣ того, автобіографическое, какъ личное признаніе" [3])...

Художникъ не долженъ подчиняться модѣ и вкусамъ „толпы", публики, особливо великосвѣтской; онъ не долженъ, подъ опасеніемъ погубить свой талантъ, гоняться за мишурнымъ успѣхомъ, дешевой популярностью, этимъ сомнительнымъ суррогатомъ славы. Рано или поздно онъ почувствуетъ всю

[1]) Тамъ же, стр. 155.
[2]) „Письма Н. В. Гоголя", т. II, стр. 157.
[3]) *Н. Котляревскій,* „Н. В. Гоголь", стр. 167.

суетность и всю фальшь своихъ успѣховъ и пойметъ, что гонялся за призракомъ. Онъ убѣдится, что „слава не можетъ дать наслажденія тому, кто укралъ ее, а не заслужилъ: она производитъ постоянный трепетъ только въ достойномъ ея“. Напрасно также будетъ искать онъ утѣшенія и услажденія въ деньгахъ. Рано или поздно наступитъ пресыщеніе, и онъ съ ужасомъ уразумѣетъ, что на преходящія, эфемерныя блага онъ промѣнялъ высшій удѣлъ, на который когда-то имѣлъ право, удѣлъ, суливш́ій ему величайшее счастье, можно сказать, блаженство творчества. Въ искусствѣ художникъ обрѣтаетъ душевное успокоеніе, внутренній миръ, и въ его созданіяхъ примирены противорѣчія жизни, стерта ея грязь и пошлость, и просвѣтлены всѣ ея темныя стороны. Искусствомъ человѣчество примиряется съ самимъ собою и съ жизнью. Но для того, чтобы искусство могло выполнить эту миссію, оно должно быть „истиннымъ“ искусствомъ, свободнымъ отъ всѣхъ соблазновъ, отъ всякой корысти, суеты мірской, и не вовлекаться въ сутолоку страстей и борьбы. Оно, по самой природѣ своей, не отъ міра сего, и когда его вовлекаютъ въ гущу жизни, оно принижается, искажается, становится „низкимъ“ ремесломъ, а кромѣ того, оно, изображая зло живо и натурально, какъ оно есть, какъ изображены глаза на фатальномъ портретѣ ростовщика, только содѣйствуетъ распространенію зла, отравляетъ души соблазномъ грѣха, разжигаетъ дьявольской прелестью изображенія дурныя страсти и порочныя наклонности. Давно извѣстна двойственная природа искусства: въ немъ небесное борется съ земнымъ, которое, въ чарующемъ художественномъ преображеніи, становится адскимъ. Вотъ именно все это „земное“, грѣховное, „адское“ Гоголь вычеркиваетъ изъ сферы „истиннаго“ искусства; художникъ въ ту минуту, когда онъ писалъ портретъ ростовщика и воспроизводилъ его дьявольскіе глаза, по мысли Гоголя, не былъ „истиннымъ“ художникомъ: онъ не просвѣтилъ лица, не претворилъ исчадья ада въ высокое созданіе искусства, оставивъ это исчадье такимъ, какимъ оно было въ дѣйствительности. Онъ переступилъ черезъ границу, отдѣляющую искусство отъ жизни, и просто перенесъ „жизнь“ на полотно: на портретѣ глаза глядятъ *какъ живые, какъ слишкомъ живые,* какъ будто ростовщикъ не весь умеръ, словно частица его души продолжаетъ жить въ очахъ портрета. Гоголь думаетъ, что это не искусство, по крайней мѣрѣ, не „истинное“ искусство, о которомъ, въ концѣ повѣсти, тотъ же художникъ, ставшій монахомъ и искупающій свой грѣхъ подвижничествомъ и молитвой, говоритъ сыну слѣдующее: „Намекъ о божественномъ, небесномъ раѣ

заключенъ для человѣка въ искусствѣ, и по тому одному оно уже выше всего. И во сколько разъ торжественный покой выше всякаго волненія мірского; во сколько разъ твореніе выше разрушенія; во сколько разъ ангелъ одной только чистой невинностью свѣтлой души своей выше всѣхъ несмѣтныхъ силъ и гордыхъ страстей сатаны, во столько разъ выше всего, что ни есть на свѣтѣ, высокое созданіе искусства"...

Здѣсь передъ нами своеобразное и, можно сказать, гиперболическое выраженіе того почти мистическаго воззрѣнія на искусство, которое въ тѣ времена (въ 30—40 гг.) раздѣлялось многими—у насъ и въ Западной Европѣ, въ особенности въ Германіи. Имъ увлекались и такіе умы, какъ, напр., Бѣлинскій (въ 30 гг.). Мимоходомъ отдалъ ему дань даже Пушкинъ... Принято было говорить: *„святое* искусство", и въ этомъ выраженіи, въ сущности, ничѣмъ не оправдываемомъ, сказались очень старыя, архаическія понятія, давно вывѣтрившіяся и опошленныя,—понятія о поэтическомъ „вдохновеніи", какъ о наитіи божества, о поэтѣ—какъ „вѣщемъ" „пророкѣ", свыше вдохновленномъ, о художественномъ талантѣ, какъ объ особомъ „дарѣ" божественнаго происхожденія и т. д. И вся эта старая, слегка подновленная миѳологія казалась чѣмъ-то очень глубокимъ и возвышеннымъ. По счастью, второстепенные писатели постарались во-время опошлить это воззрѣніе...

У Гоголя оно, конечно, не опошливалось, а скорѣе пріобрѣло новый—психологическій—смыслъ, ставшій вопросомъ его личнаго сознанія. По основнымъ свойствамъ ума и характеру дарованія Гоголь былъ и *реалистъ* и *романтикъ*; глубокій художникъ-психологъ, онъ былъ одинаково воспріимчивъ и чутокъ какъ ко всему, что въ душѣ человѣческой представляется яснымъ, понятнымъ, „реальнымъ", такъ и ко всему темному, загадочному въ ней, кажущемуся таинственнымъ, мистическимъ. Великій юмористъ и тонкій наблюдатель пошлой стороны души и жизни человѣческой, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и великій лирикъ, въ душѣ котораго слагались вдохновенные гимны въ то время, когда еще не сошла съ устъ саркастическая улыбка, и глаза еще искрились веселымъ или лукавымъ юморомъ. Въ его смѣхѣ было много веселости и много грусти. По своей душевной организаціи онъ былъ меланхоликъ и ипохондрикъ, но только таящій въ глубинѣ души неисчерпаемый родникъ добродушнаго смѣха и беззаботной шутки. Но всего значительнѣе были противорѣчія его *ума:* это былъ сильный, острый, проницательный, критическій умъ, и въ то же время это былъ умъ мистически-настроенный, обуреваемый суевѣрными страхами, неспособный освободиться отъ гнета традиціонныхъ по-

нятій. При огромной силѣ это былъ умъ темный и въ этой своей темнотѣ—пугливый...

Такая сложная и странная душевная организація являлась почвою, весьма благопріятною для прозябанія и болѣзненныхъ всходовъ тѣхъ мыслей и чувствъ, какія съ конца 30-хъ годовъ овладѣвали душою великаго писателя и которыя получили столь яркое выраженіе въ повѣсти „Портретъ".

Здѣсь тѣсно сплетены въ одинъ клубокъ всѣ мудреныя проблеммы, занимавшія Гоголя: *проблемма искусства,* его высокаго назначенія, его призванія, близкаго къ религіозному; *проблемма зла,* какъ порожденія „злого духа", дьявола, съ которымъ человѣкъ долженъ бороться не только моралью и религіей, но и искусствомъ; *проблемма пошлости,* которая рисуется какъ болотная тина человѣческой жизни, особливо благопріятная для распространенія зла, какъ своего рода дьявольское навожденіе или паутина, которою злой духъ опутываетъ людей; *проблемма страстей,* какъ порожденія той же „нечистой силы"; наконецъ, постоянно занимавшій Гоголя *вопросъ о психологіи „русскаго человѣка"* съ ея неустойчивостью, столь благопріятною для тѣхъ же козней злого духа.

О *проблеммѣ искусства* мы уже говорили. Къ сказанному нужно только добавить указаніе на тотъ смыслъ, какой имѣли—лично для Гоголя — слѣдующія слова художника-отшельника, обращенныя къ сыну: „У тебя есть талантъ; талантъ есть драгоцѣннѣйшій даръ Бога,—не губи его. *Изслѣдуй, изучай все, что ни видишь, покори все кисти;* но во всемъ умѣй находить внутреннюю мысль и пуще всего старайся постигнуть высокую тайну созданія. Блаженъ избранникъ, владѣющій ею. Нѣтъ ему низкаго предмета въ природѣ. Въ ничтожномъ художникъ-создатель такъ же великъ, какъ и въ великомъ; въ презрѣнномъ у него уже нѣтъ презрѣннаго, ибо сквозитъ невидимо сквозь него прекрасная душа создавшаго, и презрѣнное уже получило высокое выраженіе, ибо протекло сквозь чистилище его души..." Это личная исповѣдь Гоголя, какъ великаго „комическаго писателя", призваннаго изображать Сквозниковъ-Дмухановскихъ, Добчинскихъ, Бобчинскихъ, Хлестаковыхъ, Чичиковыхъ, Маниловыхъ, Ноздревыхъ, Собакевичей и т. д. и т. д. Приведенныя слова говорятъ то же самое, что иначе выражено въ знаменитомъ мѣстѣ „Мертвыхъ душъ" (ч. I, гл. VII), гдѣ говорится о судьбѣ писателя, „дерзнувшаго вызвать наружу все, что ежеминутно передъ очами, и чего не зрятъ равнодушныя очи, всю страшную, потрясающую тину мелочей, окутавшихъ нашу жизнь, всю глубину холодныхъ, раздробленныхъ, повседневныхъ характеровъ, которыми кишитъ

наша земная, подчасъ горькая и скучная дорога, и, крѣпкою силою неумолимаго рѣзца, дерзнувшаго выставить ихъ выпукло и ярко на всенародныя очи...“ Вспомнимъ еще: „...равно чудны стекла, озирающія солнцы и передающія движенія незамѣченныхъ насѣкомыхъ...“, „...много нужно глубины душевной, дабы озарить картину, взятую изъ презрѣнной жизни, и возвести ее въ перлъ созданія...“, „высокій восторженный смѣхъ достоинъ стать рядомъ съ высокимъ лирическимъ движеніемъ, и... цѣлая пропасть между нимъ и кривляніемъ балаганнаго скомороха...“

О *проблеммѣ зла* также была рѣчь выше. Укажу только, что здѣсь, въ „Портретѣ“, она дана въ той мистически-суевѣрной формѣ, въ какой она и представлялась уму Гоголя. И надо отдать справедливость великому поэту: то же самое суевѣріе, которое въ его письмахъ звучитъ крайне банально и дико, здѣсь силою художественности представлено такъ, что можетъ заинтересовать человѣка, свободнаго ото всѣхъ суевѣрій. Для него демоническій ростовщикъ съ ужасными глазами (въ сущности, просто „восточный человѣкъ“ въ халатѣ) явится удачнымъ символомъ идеи зла и живучести зла, а также и той мысли, что искусство, когда имъ злоупотребляютъ, можетъ служить орудіемъ зла, обольщая умы, развращая, потворствуя низменнымъ инстинктамъ и грубымъ страстямъ. Художественное творчество есть оружіе обоюдоострое и опасное, и люди издавна привыкли играть имъ. Аскеты всѣхъ временъ были по своему правы, проклиная искусство, какъ исчадье дьявола. Грѣхъ, какъ представленіе, какъ образъ, да еще художественный, гораздо соблазнительнѣе грѣха фактическаго, „натуральнаго“. Искусство есть дѣло глубоко жизненное; его объектъ—человѣкъ и все человѣческое; оттуда живое участье искусства во всѣхъ дѣлахъ человѣческихъ, во всякомъ добрѣ и злѣ людскомъ; вмѣстѣ съ человѣчествомъ оно тянется къ небу и ползаетъ въ грязи. Нѣтъ того высокаго идеала, который не былъ бы доступенъ искусству, и нѣтъ той гадости и мерзости, которыхъ бы искусство не могло изобразить. Исторія знаетъ, какъ усердно служило искусство и добру и злу. Весь вопросъ о призваніи и высшемъ назначеніи искусства сводится къ тому, чтобы найти въ немъ признаки закономѣрнаго стремленія сопротивляться злу и служить добру, становиться благою, движущею, освободительною силою, одною изъ тѣхъ, которыми человѣчество постепенно переходитъ отъ мрака къ свѣту, отъ варварства къ гуманности. Такіе признаки есть, и мы знаемъ тѣ пружины въ художественномъ творчествѣ, на дѣйствіи которыхъ и основана вся сумма духовныхъ благъ, какими чело-

вѣчество обязано искусству. Такими пружинами являются: *симпатическое воображенiе,* приводящее къ сочувствiю людямъ, къ пониманiю человѣка человѣкомъ; *обобщающая сила художественныхъ образовъ,* помогающая намъ разбираться въ путаницѣ жизни, въ разнообразiи и сложности ея формъ и явленiй; *глубина психологическаго художественнаго анализа,* раскрывающаго *тайники души человѣческой; чарующая сила лиризма,* которымъ создается и укрѣпляется высокiй строй души; *художественный смѣхъ,* вскрывающiй темныя стороны жизни и содѣйствующiй ихъ обнаруженiю и борьбѣ съ ними.

Художественный смѣхъ и составлялъ главную силу Гоголя. Въ смягченной формѣ онъ слышится и въ повѣсти „Портретъ", гдѣ не обойдена пошлая сторона жизни. Вспомнимъ мастерской разсказъ о томъ, какъ опошлился художникъ Чартковъ, и тѣ мѣста, гдѣ онъ пишетъ портретъ великосвѣтской барышни. Вообще въ повѣсти, при всемъ ея мрачномъ колоритѣ, разбросано не мало юмористическихъ штриховъ, и чувствуется сдержанный, подавленный смѣхъ писателя, въ то время какъ онъ съ серьезной миной разсказываетъ „страшную" сказку.

А сказка, въ самомъ дѣлѣ, вышла страшная. И самое страшное въ ней это—трагедiя паденiя Чарткова, трагедiя его позднихъ сожалѣнiй и всепожирающей страсти, овладѣвшей его душою,—зависти.

Психологiя „русскаго человѣка", какъ она рисовалась Гоголю, отмѣчена въ повѣсти лишь мелькомъ, попутно. Напр.: „Чортъ побери! гадко на свѣтѣ!—сказалъ онъ *съ чувствомъ русскаго*, у котораго дѣла плохи...". Или: „Тогда завидно рисовалась въ голодномъ его воображенiи участь богача-живописца; тогда пробѣгала даже мысль, *пробѣгающая часто въ русской головѣ,—бросить все и закутить съ горя, на зло всему...*".

Слабость сдерживающей воли, отсутствiе самообладанiя и внутренней дисциплины, недостатокъ, по мысли Гоголя, вообще свойственный „русскому человѣку", положенъ въ основанiе психологiи Чарткова.

10.

Въ ряду повѣстей Гоголя особое мѣсто занимаютъ *„Записки сумасшедшаго"* (написанныя въ 1834 г. и вошедшiя въ „Арабески") и *„Шинель"*—одинъ изъ перловъ гоголевскаго творчества (задумана въ томъ же 1834 г., но написана позже, въ 1839—1842 гг.). Эти два произведенiя сближаются и по сюжету и по гуманной идеѣ, положенной въ ихъ основанiе.

Среда крупныхъ и мелкихъ чиновниковъ, къ которой Гоголь имѣлъ возможность присмотрѣться во время своей недолгой службы въ петербургскихъ департаментахъ, не возбуждала въ немъ сочувствія. Онъ относился къ этимъ „пишущимъ господамъ“ съ нескрываемымъ презрѣніемъ. Въ VII главѣ I части „Мертвыхъ душъ“, гдѣ разсказывается, какъ Чичиковъ въ сопровожденіи Манилова отправился въ палату для совершенія купчей, Гоголь не щадитъ сарказмовъ по адресу чиновниковъ: „Изъ оконъ второго и третьяго этажа высовывались неподкупныя головы жрецовъ Ѳемиды и въ ту-жъ минуту прятались опять: вѣроятно, въ то время входилъ въ комнату начальникъ... Слѣдовало бы описать канцелярскія комнаты, но авторъ питаетъ сильную робость ко всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ. Если и случалось ему проходить ихъ даже въ блистательномъ и облагороженномъ видѣ, съ лакированными полами и столами, онъ старался пробѣжать какъ можно скорѣе, смиренно опустивъ и потупивъ глаза въ землю, а потому совершенно не знаетъ, какъ тамъ все благоденствуетъ и процвѣтаетъ. Герои наши [1]) видѣли много бумаги, и черновой и бѣловой, наклонившіяся головы, широкіе затылки, фраки, сюртуки губернскаго покроя и даже просто какую-то свѣтло-сѣрую куртку, отдѣлившуюся весьма рѣзко, которая, своротивъ голову на бокъ и положивъ ее почти на самую бумагу, выписывала бойко и замашисто какой-нибудь протоколъ объ оттяганіи земли или опискѣ имѣнія, захваченнаго какимъ-нибудь мирнымъ помѣщикомъ, покойно доживающимъ вѣкъ свой подъ судомъ, нажившимъ себѣ и дѣтей и внуковъ подъ его покровомъ, да слышались урывками короткія выраженія, произносимыя хриплымъ голосомъ: „Одолжите, Ѳедосѣй Ѳедосѣевичъ, дѣльце за № 368!*—„Вы всегда куда-нибудь затаскаете пробку съ казенной чернильницы!“ Иногда голосъ болѣе величавый, безъ сомнѣнія одного изъ начальниковъ, раздавался повелительно: „На перепиши! а не то снимутъ сапоги, и просидишь ты у меня шесть сутокъ, не ѣвши“.—Шумъ отъ перьевъ былъ большой и походилъ на то, какъ будто бы нѣсколько телѣгъ съ хворостомъ проѣзжали лѣсъ, заваленный на четверть аршина изсохшими листьями“...—Дальше слѣдуетъ великолѣпная сцена разговоровъ Чичикова съ чиновниками, изъ ряда которыхъ выдѣляется колоритная фигура Ивана Антоновича—„кувшинное рыло“...

Прочтемъ еще изъ главы III-й: „Положимъ, напр., существуетъ канцелярія—не здѣсь, а въ тридевятомъ государствѣ,

---

[1]) Чичиковъ и Маниловъ.

а въ канцеляріи, положимъ, существуетъ правитель канцеляріи. Прошу посмотрѣть на него, когда онъ сидитъ среди своихъ подчиненныхъ,—да просто отъ страха и слова не выговоришь. Гордость и благородство... и ужъ чего не выражаетъ лицо его? Просто бери кисть, да и рисуй: Прометей, рѣшительный Прометей! Высматриваетъ орломъ, выступаетъ плавно, мѣрно. Тотъ же самый орелъ, какъ только вышелъ изъ комнаты и приближается къ кабинету своего начальника, куропаткой такой спѣшитъ съ бумагами подъ мышкой, что мочи нѣтъ. Въ обществѣ и на вечеринкѣ, будь все небольшого чина, Прометей такъ и останется Прометеемъ, а чуть немного повыше его, съ Прометеемъ сдѣлается такое превращеніе, какого и Овидій не выдумаетъ: муха, меньше даже мухи,—уничтожился въ песчинку! „Да это не Иванъ Петровичъ,—говоришь, глядя на него.—Иванъ Петровичъ выше ростомъ, а этотъ и низенькій и худенькій; тотъ говоритъ громко, баситъ и никогда не смѣется, а этотъ чортъ знаетъ что: пищитъ птицей и все смѣется“. Подходишь ближе, глядишь—точно Иванъ Петровичъ. „Эхе, хе, хе!“ думаешь себѣ...“

Слѣдуетъ вспомнить здѣсь и то мѣсто въ 1-й главѣ II-й части „Мертвыхъ душъ“, гдѣ говорится о разочарованіи Тентетникова въ возможности приносить пользу отечеству на службѣ въ департаментахъ. Тентетниковъ былъ одушевленъ лучшими намѣреніями и мечталъ о славномъ поприщѣ на государственной службѣ. Но скоро убѣдился, что безъ протекціи нельзя получить даже маленькаго мѣста, и ему объяснили, что добрыя намѣренія, образованность, умъ и пр.—все это ни къ чему, а главное дѣло—хорошій почеркъ, безъ чего „не попадешь ни въ министры, ни въ государственные люди“. Наконецъ, послѣ долгихъ мытарствъ, онъ опредѣлился, благодаря связямъ дядюшки, „въ какой-то департаментъ“. Тутъ мы читаемъ слѣдующее: „Когда ввели его въ великолѣпный свѣтлый залъ, съ паркетами и письменными лакированными столами, походившій на то, какъ бы засѣдали здѣсь первые вельможи государства, трактовавшіе о судьбѣ всего государства, и увидалъ онъ легіоны красивыхъ пишущихъ господъ, шумѣвшихъ перьями и склонившихъ голову на бокъ, и посадили его самого за столъ, предложа тутъ же переписать какую-то бумагу, какъ нарочно нѣсколько мелкаго содержанія (переписка шла о трехъ рубляхъ, производившаяся полгода),—необыкновенно странное чувство проникнуло неопытнаго юношу: сидѣвшіе вокругъ него господа показались ему такъ похожими на учениковъ! Къ довершенію сходства, иные изъ нихъ читали глупый романъ, засунувъ его въ большіе листы разбираемаго

дѣла, какъ бы занимались самымъ дѣломъ, и въ то же время вздрагивая при всякомъ появленіи начальника...“

Разочарованіе Тентетникова отчасти воспроизводитъ личныя переживанія Гоголя, также мечтавшаго о служеніи государству именно на судебномъ поприщѣ. *Идея правосудія* одушевляла Гоголя, когда онъ отправлялся въ Петербургъ искать мѣста, какъ это видно изъ „Авторской исповѣди“ и изъ писемъ [1]. Потолкавшись въ департаментахъ и канцеляріяхъ, онъ быстро набрался тѣхъ впечатлѣній, которыя потомъ легли въ основаніе вышеприведенныхъ саркастическихъ изображеній „департаментовъ“ и нашей „неподкупной“ дореформенной „Ѳемиды“. Но тутъ же зоркій глазъ художника усмотрѣлъ и нѣчто другое. Въ толпѣ „пишущихъ господъ“ попадалась на глаза жалкая фигура маленькаго чиновника, получающаго гроши, робкаго, забитаго, трепещущаго передъ начальствомъ и передъ своими же товарищами по службѣ, для которыхъ онъ служитъ вѣчною мишенью насмѣшекъ и дешеваго, но злого остроумія. Такой затравленный, обиженный людьми и судьбою бѣднякъ—необходимая принадлежность „департаментовъ“ и канцелярій, и его присутствіе тутъ сразу превращаетъ комическую картину въ трагедію. Бѣднякъ, вовсе не лишенный добрыхъ качествъ и чувства собственнаго достоинства, но задавленный нуждою и жестокосердіемъ людей, много лѣтъ тянетъ лямку мелкой канцелярской сошки и такъ свыкся съ своей незавидной долей, что, казалось, онъ „такъ и родился на свѣтъ уже совершенно готовымъ, въ вицмундирѣ и съ лысиной на головѣ...“—„Когда и въ какое время онъ поступилъ въ департаментъ и кто опредѣлилъ его, этого никто не могъ припомнить. Сколько не перемѣнялось директоровъ и всякихъ начальниковъ, его видѣли всегда на одномъ и томъ же мѣстѣ, въ томъ же положеніи, въ той же самой должности, тѣмъ же чиновникомъ для письма...“—Это „письмо“, т.-е. переписка бумагъ, стало для него дѣломъ жизни, съ которымъ онъ сроднился такъ, что „внѣ переписыванія, казалось, для него ничего не существовало...“—Имъ помыкали, глумились надъ нимъ, никто не пожалѣлъ бѣдняка „по человѣчеству“. Пожалѣлъ его только великій художникъ, показавшій, что имя такимъ бѣднякамъ—легіонъ, и обобщившій этотъ легіонъ въ типѣ Акакія Акакіевича, изображенію души, печальной жизни и участи котораго онъ и посвятилъ великолѣпную повѣсть „*Шинель*“, и это былъ благородный, великолѣпный починъ той гуманной проповѣди въ защиту „униженныхъ и

[1] См., напр., письмо къ Косяровскому (1827 г.) „Письма Н. В. Гоголя“, т. 1, стр. 89 и сл.

оскорбленныхъ", которая потомъ составила одну изъ славныхъ страницъ исторіи русской литературы. Прямымъ продолжателемъ Гоголя въ этомъ добромъ дѣлѣ явился Достоевскій, въ ранній періодъ его „жестокаго" творчества, которое тогда еще было не столько жестокимъ, сколько сентиментальнымъ. У Гоголя нѣтъ и тѣни ни жестокости, ни сентиментальности, а есть глубокое гуманное чувство жалости и состраданія, которымъ проникнута вся повѣсть, и которое съ особой силой сказалось въ слѣдующихъ простыхъ и трогательныхъ словахъ: „Только если ужъ слишкомъ была невыносима шутка, когда толкали его подъ руку, мѣшая заниматься своимъ дѣломъ, онъ произносилъ: „Оставьте меня! Зачѣмъ вы меня обижаете?" И что-то странное заключалось въ словахъ и въ голосѣ, съ какимъ они были произнесены. Въ немъ слышалось что-то такое, преклоняющее на жалость, что одинъ молодой человѣкъ, недавно опредѣлившійся, который, по примѣру другихъ, позволилъ было себѣ посмѣяться надъ нимъ, вдругъ остановился, какъ будто пронзенный, и съ тѣхъ поръ какъ будто все перемѣнилось передъ нимъ и показалось въ другомъ видѣ. Какая-то неестественная сила оттолкнула его отъ товарищей, съ которыми онъ познакомился, принявъ ихъ за приличныхъ, свѣтскихъ людей. И долго потомъ, среди самыхъ веселыхъ минутъ, представлялся ему низенькій чиновникъ съ лысинкою на лбу, съ своими проникающими словами: „Оставьте меня! Зачѣмъ вы меня обижаете?"—И въ этихъ проникающихъ словахъ звенѣли другія слова: „я братъ твой". И закрывалъ себя рукою бѣдный молодой человѣкъ, и много разъ содрогался онъ потомъ на вѣку своемъ, видя, какъ много въ человѣкѣ безчеловѣчья, какъ много скрыто свирѣпой грубости въ утонченной, образованной свѣтскости и,—Боже!—даже въ томъ человѣкѣ, котораго свѣтъ признаетъ благороднымъ и честнымъ..."

Повѣсть удивительно выдержана, съ начала до конца, въ тонѣ горькаго смѣха и затаенной скорби, смѣшанной съ уничтожающими сарказмами. Вспомнимъ ѣдкое начало повѣсти, гдѣ идетъ рѣчь объ *„одномъ департаментѣ"*, и далѣе то мѣсто, гдѣ выводится на сцену *„одно значительное лицо..."*

Гуманная идея и глубокая скорбь, составлявшія основу творчества Гоголя-сатирика, вышли здѣсь наружу и получили отчетливое и задушевное выраженіе, исполненное силы и простоты.

Мысль о попранномъ человѣческомъ достоинствѣ играла видную роль въ составѣ идей, одушевлявшихъ великаго писателя. Глубокій художникъ-психологъ, онъ понималъ, что, смо-

тря по человѣку, чувство своего человѣческаго достоинства, попираемаго судьбой, нищетой, людьми, холодомъ жизни, можетъ иной разъ зашевелиться, взбудоражиться и найти себѣ выходъ—въ мечтѣ, въ игрѣ воображенія. Маленькій забитый человѣкъ, мелкая сошка, легко поддается обольщенію грезъ—о возможныхъ и невозможныхъ удачахъ, о счастливомъ случаѣ, который вдругъ выведетъ его изъ нищеты и тьмы къ богатству, къ свѣту, къ счастію. Онъ тѣшится фантазіями на тему о томъ, что—чѣмъ чортъ не шутитъ—вдругъ онъ выйдетъ въ люди, сдѣлается важнымъ лицомъ, передъ которымъ будутъ трепетать другіе,—начальникомъ отдѣленія, директоромъ департамента, министромъ! Или—чѣмъ чортъ не шутитъ—вдругъ окажется, что онъ неузнанный принцъ крови... И когда „истина" обнаружится, забавно будетъ видѣть, какъ вытянутся физіономіи тѣхъ, которые помыкали имъ...

Такія фантазіи нерѣдко разрѣшаются либо смѣшной хлестаковщиной, либо трагедіей психоза, извѣстнаго подъ названіемъ „маніи величія".

Послѣдній исходъ воспроизведенъ въ *„Запискахъ сумасшедшаго"*.

Начальникъ отдѣленія говоритъ Поприщину, который вздумалъ „волочиться" за директорскою дочерью: „Ну, посмотри на себя, подумай только, что ты! Вѣдь ты нуль..."—Но Поприщинъ никакъ не можетъ примириться съ этой самоочевидной истиной. Противъ нея у него имѣются очень вѣскіе аргументы: во-первыхъ, онъ *дворянинъ*, а дворянству открыты всѣ пути къ возвышенію,—и Поприщинъ съ горделивымъ сознаніемъ своего прирожденнаго дворянскаго достоинства взираетъ на людей низшаго званія и состоянія; онъ даже убѣжденъ, что „правильно писать можетъ только дворянинъ"; во-вторыхъ, онъ состоитъ на государственной службѣ, ему всего 42 года, и вѣдь бывали же случаи, что изъ мелкихъ чиновниковъ, даже не дворянскаго происхожденія, выходили... государственные люди, и чѣмъ онъ, Поприщинъ, хуже другихъ? Почему и съ нимъ не можетъ случиться такой казусъ? И онъ думаетъ: „Отчего я титулярный совѣтникъ? Можетъ-быть, я совсѣмъ не титулярный совѣтникъ, и съ какой стати я титулярный совѣтникъ? Можетъ-быть, я какой-нибудь графъ или генералъ, а только такъ кажусь титулярнымъ совѣтникомъ? Можетъ-быть, я самъ еще не знаю, кто я таковъ. Вѣдь сколько примѣровъ по исторіи: какой-нибудь простой, не то уже, чтобы дворянинъ, а просто какой-нибудь мѣщанинъ или даже крестьянинъ,—и вдругъ открывается, что онъ какой-нибудь вельможа или баронъ, или какъ его... Когда

изъ мужика да иногда выходитъ этакое, что же изъ дворянина можетъ выйти?..."

Въ дореформенное время, когда такъ крѣпки были сословныя перегородки и сословные предразсудки, не нужно было непремѣнно лишиться разума, чтобы разсуждать и фантазировать такъ, какъ это дѣлаетъ Поприщинъ. И если бы выше не было указаній, уличающихъ его въ безуміи (разговоры и письма собакъ), то приведенное „разсужденіе" могло бы сойти просто за „нормальный" бредъ человѣка, одержимаго страстью честолюбія. Но это уже готовая психологическая почва, на которой, при извѣстныхъ патологическихъ условіяхъ, наприм., при прогрессивномъ параличѣ, возникаетъ психозъ съ опредѣленнымъ характеромъ и направленіемъ бредовыхъ идей. Взрывъ безумія подготовлялся медленно, и было что-то „логическое" или, по крайней мѣрѣ, психологически оправдываемое въ этомъ подготовительномъ процессѣ: суть дѣла въ томъ, что человѣкомъ овладѣло властное стремленіе во что бы то ни стало перестать быть „нулемъ" и уничтожить въ себѣ „титулярнаго совѣтника". Люди легко свыкаются и примиряются съ своею участью, но всякой душѣ человѣческой доступно чувство горечи при сознаніи, что „я—нуль, я—ничтожество, и мой удѣлъ—пресмыкаться и тянуть лямку на низшей ступени общественной лѣстницы". Это чувство въ огромномъ большинствѣ случаевъ быстро заглушается повседневными заботами, насущными нуждами, отвлекающими человѣка отъ всякихъ фантазій, сознаніемъ ихъ безплодности, ихъ нелѣпости. Но иной разъ обольщеніе мечты беретъ верхъ надъ „трезвой правдой" жизни. Къ тому же человѣкъ суевѣренъ и легко поддается фаталистической надеждѣ, что, напр., онъ можетъ выиграть 200.000 рублей или „вдругъ" какъ-нибудь „выйти въ люди". Есть натуры, особливо склонныя вѣрить въ „случай", въ „судьбу", въ неожиданное, въ удачу. И тутъ открывается необозримое поле для гаданій, для учета „возможностей", для самоуслажденія построеніемъ воздушныхъ замковъ. И если дѣло зашло слишкомъ далеко, трагическій исходъ, въ той или иной формѣ, неизбѣженъ; тутъ и нравственныя паденія, и преступленія, и самоубійства,—тутъ, наконецъ, при наличности патологическихъ данныхъ, психозъ маніи величія и потеря разсудка.

Мы знаемъ, чѣмъ кончилъ Поприщинъ. Сперва онъ фантазировалъ и бредилъ, не слишкомъ явно нарушая логическій законъ „достаточнаго основанія", и шагъ за шагомъ дошелъ до его нарушенія; поворотный пунктъ къ его нарушенію обозначенъ заключительными фразами записи подъ 3 декабря:

„Да развѣ я не могу быть сію же минуту пожалованъ генералъ-губернаторомъ, или интендантомъ, или тамъ другимъ какимъ-нибудь? Мнѣ бы хотѣлось знать, отчего я—титулярный совѣтникъ? Почему именно титулярный совѣтникъ?"

Въ этомъ весь вопросъ. Дѣло ясно: нужно вытравить титулярнаго совѣтника. Нужно добиться полной очевидности, что титулярный совѣтникъ—это ошибка, обманъ, миражъ. Но какъ убѣдиться въ этомъ?

Вотъ тутъ-то и подвернулись кстати газетныя вѣсти изъ Испаніи. „Странныя дѣла дѣлаются въ Испаніи". „Престолъ упраздненъ", нѣтъ короля... Вмѣсто короля какая-то донна. Но это вздоръ: „Не можетъ взойти донна на престолъ, никакъ не можетъ". „Государство не можетъ быть безъ короля"... Гдѣ же король? Гдѣ онъ скрывается? Декабря 8-го онъ все разсуждаетъ объ испанскихъ дѣлахъ, которыя бередятъ его больной мозгъ, суля какое-то неожиданное рѣшеніе вопроса о томъ, почему онъ—титулярный совѣтникъ, и нѣтъ ли здѣсь обмана. „Большею частью лежалъ на кровати и разсуждалъ о дѣлахъ Испаніи".

Наконецъ, блеснула геніальная догадка, и вопросъ былъ рѣшенъ. Все уяснилось, все упразднилось, титулярный совѣтникъ изчезъ, и все прошлое провалилось въ какую-то бездну. Послѣ 8-го декабря наступило сразу 43 апрѣля 2000 года—„день величайшаго торжества": „Въ Испаніи есть король. Онъ отыскался. Этотъ король—я. Именно только сегодня объ этомъ узналъ я. Признаюсь, меня какъ будто молніей освѣтило. Я не понимаю, какъ я могъ думать и воображать себѣ, что я—титулярный совѣтникъ. Какъ могла взойти мнѣ въ голову эта сумасбродная, сумасшедшая мысль? Хорошо, что еще не догадался никто посадить меня тогда въ сумасшедшій домъ. Теперь предо мною все открыто. Теперь я вижу все, какъ на ладони..."

Слѣдуютъ великолѣпныя страницы описанія бреда Поприщина, съ выдержанною логикою сумасшествія и вторженіемъ постороннихъ безумныхъ идей, вспыхивающихъ моментально и неожиданно среди звеньевъ основной бредовой идеи („мысли приносятся вѣтромъ со стороны Каспійскаго моря", „луна дѣлается въ Гамбургѣ", „у всякаго пѣтуха есть Испанія" и пр.). И все кончается потрясающимъ воплемъ: „Нѣтъ, я больше не имѣю силъ терпѣть. Боже! Что они дѣлаютъ со мною! Они льютъ мнѣ на голову холодную воду!.. Спасите меня! Возьмите меня! Дайте мнѣ тройку быстрыхъ, какъ вихорь, коней! Садись, мой ямщикъ, звени, мой колокольчикъ, взвейтеся, кони, и несите меня съ этого свѣта!.."

11.

Разсмотрѣнныя нами произведенія Гоголя показываютъ намъ, между прочимъ, какъ онъ переходилъ *отъ романтизма къ реализму*. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ здѣсь, что романтическіе элементы въ творчествѣ Гоголя, отступая на второй планъ, все-таки давали себя чувствовать. Отъ времени до времени они выходили наружу, вступая въ свои права. Такъ это въ повѣсти „Портретъ" и въ отрывкѣ „Римъ" (или „Аннунціата"), написанномъ въ Римѣ въ 1839 г. (напечатанъ впервые въ „Москвитянинѣ" 1842 г.). Этотъ отрывокъ представляетъ собою начало повѣсти изъ итальянской жизни. Герой, молодой князь, отпрыскъ старой итальянской аристократической фамиліи, получившій образованіе въ Парижѣ, гдѣ онъ увлекался показной стороною современной цивилизаціи, постепенно разочаровывается въ ней. По возвращеніи на родину онъ подчиняется обаянію итальянскихъ впечатлѣній, преданій старины, искусства и превращается въ патріота-романтика, ищущаго идеала въ прошломъ, смотрящаго не впередъ, а назадъ, какъ у насъ дѣлали это славянофилы. Гоголь не былъ славянофиломъ (несмотря на дружбу съ Аксаковыми, съ Шевыревымъ и др.), но въ отношеніи къ Италіи, которую онъ такъ любилъ, онъ вполнѣ раздѣлялъ эту романтическую точку зрѣнія на вещи, эту идеализацію прошлаго, противопоставляемаго суетѣ и порчѣ новой цивилизаціи. Въ Италіи тогда не было недостатка въ такихъ патріотахъ-романтикахъ. Герой повѣсти—одинъ изъ нихъ, и въ то же время онъ выразитель настроенія и взглядовъ самого Гоголя, неоднократно выраженныхъ въ его письмахъ. Мастерское изображеніе восторженнаго настроенія молодого князя, которому его родина предстала въ обаяніи прошлаго величія, даетъ намъ ключъ къ пониманію историческаго романтизма Гоголя. Мы убѣждаемся въ томъ, что этотъ романтизмъ не былъ у него послѣдовательнымъ историческимъ воззрѣніемъ, какъ это было у славянофиловъ и у нѣмецкихъ романтиковъ; Гоголь вовсе не раздѣлялъ доктрины, принципіально отрицавшей новую цивилизацію, и вытекающихъ оттуда мечтаній о возвратѣ къ прошлому, къ средневѣковымъ устоямъ и формамъ жизни. Гоголь былъ романтикомъ не вообще, а только въ отношеніи къ Италіи (да отчасти—условно—въ отношеніи къ родной ему Малороссіи), къ прошлому другихъ странъ онъ не относился романтически,—всего менѣе къ прошлому Россіи. Онъ былъ итальянскимъ романтикомъ потому, что, подобно молодому князю, „былъ пораженъ величіемъ и блескомъ минувшей эпохи Италіи". Про-

чтемъ слѣдующее: „Его [1]) изумляло быстрое разнообразное развитіе человѣка на такомъ тѣсномъ углу земли, такимъ сильнымъ движеніемъ всѣхъ силъ. Онъ видѣлъ, какъ здѣсь кипѣлъ человѣкъ, какъ каждый городъ говорилъ своею рѣчью, какъ у каждаго города были цѣлые томы исторіи, какъ разомъ возникли здѣсь всѣ образы и виды гражданства и правленій: волнующіяся республики сильныхъ, непокорныхъ характеровъ и полновластные деспоты среди нихъ; цѣлый городъ царственныхъ купцовъ, окутанный сокровенными правительственными нитями, подъ призракомъ единой власти дожа; призванные чужеземцы среди туземцевъ; сильные напоры и отпоры въ нѣдрѣ незначительнаго городка; почти сказочный блескъ герцоговъ и монарховъ крохотныхъ земель; меценаты, покровители и гонители; цѣлый рядъ великихъ людей, столкнувшихся въ одно и то же время; лира, циркуль, мечъ и палитра; храмы, воздвигавшіеся среди браней и волненій; вражда, кровавая месть, великодушныя черты и кучи романическихъ происшествій частной жизни среди политическаго, общественнаго вихря и чудная связь между ними; такое изумляющее раскрытіе всѣхъ сторонъ жизни политической и частной, такое пробужденіе въ столь тѣсномъ объемѣ всѣхъ элементовъ человѣка, совершившихся въ другихъ мѣстахъ только частями и на большихъ пространствахъ!..“

Итакъ, Гоголя привлекала въ прошломъ Италіи картина полноты, интенсивности, богатства жизни со всѣмъ добромъ и зломъ ея, картина движенія, борьбы, неустанной работы мысли, творческой дѣятельности, картина, представлявшая поразительный контрастъ съ современнымъ положеніемъ вещей въ этой странѣ: „И все это исчезло и прошло вдругъ, все застыло, какъ погаснувшая лава, и выброшено даже изъ памяти Европою, какъ старый ненужный хламъ...“

Гоголь любовался оживленной картиной „славнаго“ прошлаго Италіи какъ художникъ, и было въ этомъ любованіи что-то *артистическое*, какъ было оно въ его художническомъ созерцаніи запорожской старины. И не приходило ему въ голову, что все это только кажется такъ „красиво“, такъ живописно на разстояніи; что историческія созерцанія подобны театральнымъ зрѣлищамъ, гдѣ такъ „красиво“ убиваютъ, умираютъ, гдѣ грязь и кровь только искусная бутафорія. Не приходило ему въ голову, что, перенесись онъ туда въ эту кровавую эпоху вѣчныхъ войнъ, вѣчныхъ распрей и игры дикихъ страстей, въ эпоху Медичисовъ, венеціанскихъ дожей, коварныхъ папъ, из-

---

[1]) Героя повѣсти, а вмѣстѣ съ нимъ и нашего Гоголя.

верговъ Борджія, кровожадныхъ деспотовъ, развратныхъ художниковъ, писавшихъ идеальныхъ Мадоннъ и въ то же время предававшихся самымъ грязнымъ порокамъ, — перенесись онъ, Н. В. Гоголь, туда, что бы стало съ его сложной, болѣзненно-отзывчивой душой, съ его нервами, не выдерживавшими диссонансовъ жизни, съ его чуткой совѣстью и пугливой мыслью, съ его боязнью зла, грѣха и страстей? Нѣтъ сомнѣнія, онъ пришелъ бы въ ужасъ и бѣжалъ бы отъ этой „полноты" жизни въ тихій монастырь, въ уединенную обитель, гдѣ въ слезахъ, молитвахъ и покаяніяхъ за чужіе грѣхи и преступленія и за воображаемыя свои прегрѣшенія его душа изошла бы страхомъ дьявола, движущаго всѣми этими папами, деспотами, кондотьери, дожами, нечестивыми художниками и писателями грѣховныхъ новеллъ; изошла бы ужасомъ загробныхъ возмездій, скорбью земной юдоли и тоскою по небесной родинѣ...

Но такія мысли не приходили въ голову, и онъ продолжалъ эстетически любоваться оживленной, красочной, яркой жизнью старой Италіи, и былъ „итальянскимъ романтикомъ". Этотъ родъ романтизма отнюдь не обязываетъ человѣка быть непремѣнно романтикомъ всегда и вездѣ. Если въ прошломъ другихъ народовъ онъ не видитъ такого богатства жизни, такого оживленія, движенія, красокъ, — онъ и не будетъ склоненъ къ идеализаціи этого прошлаго, и въ данномъ случаѣ будетъ смотрѣть больше впередъ, чѣмъ назадъ. А если въ прошломъ какой-либо страны, хотя бы это было его отечество, онъ не найдетъ никакой полноты жизни, никакого движенія, никакихъ заманчивыхъ зрѣлищъ, — ничего яркаго, сильнаго, красочнаго и „красиваго", то тутъ онъ совсѣмъ не будетъ романтикомъ ни въ смыслѣ историческаго, ни въ смыслѣ художественнаго романтизма. Онъ окажется здѣсь послѣдовательнымъ реалистомъ и въ своемъ историческомъ воззрѣніи, и въ своемъ художественномъ творчествѣ.

Гоголю стоило только обратиться къ „Руси", которую онъ такъ долго и пристально созерцалъ изъ „прекраснаго далека", чтобы сразу романтическая чешуя спала съ его глазъ, и чтобы онъ увидалъ вещи въ ясномъ и холодномъ свѣтѣ трезваго реализма. Это освѣщеніе „Руси" и дано въ величайшемъ его твореніи, въ „поэмѣ" „Мертвыя души", которую онъ обрабатывалъ именно въ Италіи, въ Римѣ, гдѣ ему съ исключительною силою и живостью чувствовался поразительный контрастъ между живописною, ярко-красочной, поэтическою Италіей, столь легко поддающеюся романтическому освѣщенію и идеализаціи, и нашей сѣрою, унылою Русью, не подлежащею ни тому, ни другому.

Но еще гораздо раньше пробудился художественный реализмъ Гоголя въ отношенiи къ „Руси“ въ тѣхъ его произведенiяхъ, которыя возникли изъ „созерцанiя“ Руси не изъ „прекраснаго далека“, не изъ Рима, а изъ непрекраснаго, но весьма пригоднаго служить такимъ обсерваціоннымъ пунктомъ города С.-Петербурга. Плодомъ этихъ-то „созерцаній“ и явились драматическія произведенія Гоголя, его пьесы *„Женитьба“*, *„Игроки“*, *„Ревизоръ“*.

Въ противоположность большинству его эпическихъ произведеній этой эпохи, отъ „Вечеровъ на хуторѣ“ до „Невскаго проспекта“ и „Портрета“, здѣсь нѣтъ и тѣни какого бы то ни было романтизма. Здѣсь все законченный, послѣдовательный реализмъ воззрѣнія и изображенія.

12.

Первый драматическій опытъ Гоголя относится еще къ 1832 году. Это былъ замыселъ пьесы *„Владимiръ 3-й степени“*. Наброски ея были вскорѣ уничтожены Гоголемъ; остались отдѣльныя сцены, которыя потомъ были переработаны и изданы подъ названіями: *„Утро дѣлового человѣка“*, *„Тяжба“*, *„Лакейская“* и *„Отрывокъ“*. Самъ Гоголь назвалъ эти вещи „лоскутками истраченной пьесы“. Пьеса была „истрачена“ по той причинѣ, что Гоголь сомнѣвался въ возможности провести ее на сцену: это былъ замыселъ серьезной общественной сатиры,— тутъ, повидимому, былъ выведенъ чиновный міръ и изобличались судебные непорядки того времени. Бросивъ это дѣло, Гоголь пишетъ (1833 г.) *„Женитьбу“*, а вслѣдъ затѣмъ (1834 г.) принимается за *„Ревизора“*. Позже были написаны *„Игроки“* и тѣ сцены, которыя можно назвать „послѣсловіями“ къ „Ревизору“—*„Театральный разъѣздъ“*, *„Развязка Ревизора“* и *„Дополненіе“* къ ней.

Изо всѣхъ пьесъ Гоголя первое мѣсто принадлежитъ, конечно, „Ревизору“. Огромное общественное значеніе этой геніальной комедіи достаточно извѣстно. Вполнѣ выяснены также ея высокія художественныя достоинства: яркая типичность образовъ, рѣзкая опредѣленность характеровъ, выдержанныхъ во всѣхъ мелочахъ, мастерское развитіе дѣйствія, неподдѣльный комизмъ, вытекающій не только изъ создавшагося положенія, но изъ самой сути выведенныхъ лицъ. Меньше вниманія удѣляла критика оцѣнкѣ другой стороны, хотя самъ Гоголь далъ весьма опредѣленныя указанія на нее. Это именно

русскій національный характеръ важнѣйшихъ лицъ, и прежде всего—Хлестакова. Мы уже знаемъ, какъ интересовался Гоголь *психологіей русскаго человѣка, какъ такового, русскаго человѣка всѣхъ званій и состояній*", слѣдов., независимо отъ тѣхъ особенностей, источникомъ которыхъ являются ближайшая среда, семья, воспитаніе и т. д. Наблюдая чиновника, помѣщика, купца, мѣщанина, лакея, мужика, Гоголь старался разглядѣть въ каждомъ изъ нихъ прежде всего коренныя *русскія* черты и, выдвигая ихъ впередъ, *превращалъ бытовые типы въ національные.* И выходило такъ, что лица „Ревизора" и „Мертвыхъ душъ" изображали не только „искаженіе" „русской природы" (какъ выражался Гоголь), которое объясняется условіями времени, грубостью нравовъ, дореформенными порядками, отсутствіемъ просвѣщенія, но и болѣе важное и стойкое „искривленіе" *русской національной „физіономіи",* переживающее условія времени, смѣну „порядковъ", наблюдающееся, хотя бы въ смягченномъ видѣ, и при новыхъ условіяхъ жизни, среди новыхъ, облагороженныхъ нравовъ, при всѣхъ возможныхъ успѣхахъ просвѣщенія... Оттуда прочность, постоянство гоголевскихъ типовъ этого рода: Хлестаковы, Ноздревы, Собакевичи, Чичиковы, Маниловы здравствуютъ и понынѣ, благополучно переживъ всѣ перемѣны, какія были у насъ, всѣ реформы и всѣ реакціи, и встрѣчаются во всѣхъ „званіяхъ и состояніяхъ", во всѣхъ слояхъ общества и во всѣхъ партіяхъ...

Эти типы можно назвать *„общерусскими національными типами"*. Ихъ рядъ открывается великолѣпною фигурою *Хлестакова*, въ которой выведено наружу то, что въ большей или меньшей мѣрѣ, скрыто или явно, найдется у многихъ изъ насъ, часто заслоненное или обезвреженное другими чертами, но нерѣдко выступающее съ большей или меньшей отчетливостью. Вотъ послушаемъ, что говоритъ объ этомъ самъ Гоголь (въ извѣстномъ „отрывкѣ изъ письма" 1841 г., напечатанномъ вмѣстѣ съ другими „Приложеніями къ Ревизору"): „... это лицо (Хлестаковъ) должно быть типомъ многаго, разбросаннаго въ разныхъ русскихъ характерахъ, но которое здѣсь соединилось случайно въ одномъ лицѣ, какъ весьма часто попадается и въ натурѣ. Всякій хоть на минуту, если не на нѣсколько минутъ, дѣлался или дѣлается Хлестаковымъ, но, натурально, въ этомъ не хочетъ только признаться; онъ любитъ даже и посмѣяться надъ этимъ фактомъ, но только, конечно, въ кожѣ другого, а не въ собственной. И ловкій гвардейскій офицеръ окажется иногда Хлестаковымъ, и государственный мужъ окажется иногда Хлестаковымъ, и нашъ братъ, грѣшный литераторъ, окажется подчасъ Хлестаковымъ. Словомъ, рѣдко кто имъ не бу-

детъ хоть разъ въ жизни; дѣло только въ томъ, что вслѣдъ за тѣмъ очень ловко повернется, и какъ будто бы и не онъ".

Я бы сказалъ такъ: у насъ найдется не мало лицъ, поразительно напоминающихъ гоголевскаго Ивана Александровича, который съ Пушкинымъ „на ты" и написалъ „Юрія Милославскаго"; но, вообще говоря, мы не Хлестаковы: мы только носимъ въ своей русской душѣ малую толику „хлестаковщины" разнаго рода... Носилъ въ себѣ таковую, и, повидимому, не малую, и самъ Гоголь, столь склонный къ „выдумкамъ", мистификаціямъ и симуляціямъ, какія въ изобиліи встрѣчаются въ его письмахъ. Эта черта засвидѣтельствована современниками, близко знавшими великаго писателя и искренно къ нему расположенными. С. Т. Аксаковъ писалъ въ своихъ воспоминаніяхъ („Исторія моего знакомства съ Гоголемъ"), что „Гоголь былъ не лгунъ, а выдумщикъ", и что ему ничего не стоило сочинить какую-нибудь небылицу, чтобы только отвязаться отъ докучныхъ вопросовъ. По свидѣтельству того же С. Т. Аксакова, Гоголь возводилъ это въ принципъ, доказывая, что нѣтъ надобности всегда говорить правду... Само собой разумѣется, что это не простое вранье, это лишь вынужденная подстановка „выдумки" на мѣсто фактической правды, при чемъ выдумка могла имѣть свое оправданіе, могла сбиваться на психологическую или даже моральную правду: того, о чемъ говоритъ человѣкъ, фактически не было, но если бы оно было, то положеніе много выиграло бы въ своей внутренней логикѣ, оно было бы понятнѣе, правдивѣе. Кто здѣсь, собственно, солгалъ? Дѣйствительность или человѣкъ? Можетъ быть, солгала дѣйствительность, а человѣкъ своею выдумкою ее поправилъ? Чтобы такъ „поправлять" дѣйствительность, нужно быть искреннимъ въ выдумкѣ и лгать задушевно. Упрекая актеровъ за непониманіе типа Хлестакова, Гоголь писалъ (въ томъ же „Отрывкѣ" 1841 г.): „Вообще у насъ актеры совсѣмъ не умѣютъ лгать. Они воображаютъ, что лгать значитъ просто нести болтовню. Лгать значитъ говорить ложь тономъ такъ близкимъ къ истинѣ, такъ естественно, такъ наивно, какъ можно только говорить одну истину,—и здѣсь-то заключается именно все комическое лжи..." Отсюда уже не далеко и до художественности во лжи, артистичности выдумки. Такъ это у Ив. Алекс. Хлестакова: онъ „лжетъ вовсе не холодно, не фанфаронски театрально; онъ лжетъ съ чувствомъ; въ глазахъ его выражается наслажденіе, получаемое имъ отъ этого. Это вообще лучшая и самая поэтическая минута въ его жизни, почти родъ вдохновенія..." (Тамъ же). Хлестаковщина не столько обманъ, сколько самообманъ, самообольщеніе. Тургеневъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Гоголѣ,

гдѣ онъ разсказываетъ о чтеніи Гоголемъ „Ревизора", слѣдующимъ образомъ воспроизводитъ впечатлѣніе отъ знаменитаго монолога Хлестакова: „Хлестаковъ увлеченъ и странностью своего положенія, и окружающей его средой, и собственной легкомысленной юркостью; онъ и знаетъ, что вретъ, и вѣритъ своему вранью: это нѣчто въ родѣ упоенія, наитія, сочинительскаго восторга; это не простая ложь, не простое хвастовство. Его самого „подхватило". „Просители въ передней жужжатъ, 35 тысячъ эстафетовъ скачетъ, а дурачье, молъ, слушаетъ, развѣсивъ уши, и какой я, молъ, бойкій, игривый, свѣтскій молодой человѣкъ!" Вотъ какое впечатлѣніе производилъ въ устахъ Гоголя хлестаковскій монологъ". Въ психологическій составъ хлестаковщины входитъ еще элементъ „самозванства": человѣкъ, вольно или невольно, попадаетъ въ положеніе, ему не подобающее. Разъ онъ очутился на непривычномъ, но почетномъ мѣстѣ, льстящемъ его амбиціи, ему ничего не остается, какъ худо ли, хорошо ли играть выпавшую ему роль и убѣдить самого себя, хоть на минуту, въ правомѣрности этой роли. Эпизодъ профессуры Гоголя былъ именно казусомъ въ этомъ хлестаковскомъ родѣ. И когда, по выходѣ въ отставку, Гоголь въ письмѣ къ Погодину (въ дек. 1835 г.) писалъ: „Неузнанный я взошелъ на каѳедру и неузнанный схожу съ нея...", онъ въ эту минуту былъ Хлестаковымъ, что не мѣшало ему въ томъ же письмѣ признать, что онъ взялся не за свое дѣло.

Великій поэтъ отчетливо сознавалъ хлестаковскія черты въ себѣ, боролся съ ними, частью подавлялъ ихъ, но онѣ были стойки и живучи въ немъ и зачастую обнаруживались то выступленіемъ Гоголя въ неподобающей ему роли религіознаго проповѣдника, „пророка", исповѣдника душъ, то въ рядѣ „выдумокъ" и рискованныхъ выраженій, какихъ не мало въ его письмахъ. Изданіе злополучной книги „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями" было также эпизодомъ въ своемъ родѣ хлестаковскимъ, и онъ самъ призналъ это въ письмѣ къ Жуковскому (1847 г.): „Я размахнулся въ моей книгѣ такимъ Хлестаковымъ, что не имѣю духу заглянуть въ нее... Право, есть во мнѣ что-то хлестаковское!.."

И многіе изъ насъ, быть можетъ большинство, люди разной натуры, разнаго характера, различныхъ убѣжденій и т. д., вникая въ свой внутренній міръ, могли бы въ иную минуту повторить вслѣдъ за Гоголемъ: „Право, есть во мнѣ что-то хлестаковское!"

„Это *что-то*" въ умѣренномъ, такъ сказать, натуральномъ видѣ вовсе не порокъ, а только *свойство,* не подлежащее мо-

ральной оцѣнкѣ и могущее развиваться въ различномъ направленіи. Моральная оцѣнка вступаетъ въ свои права съ того момента, когда это „что-то“ становится чрезмѣрнымъ и, кромѣ того, искажается подъ вліяніемъ дурныхъ чертъ натуры даннаго человѣка. Но всего больше способствуетъ чрезмѣрному развитію или вырожденію „нормальной“ „хлестаковщины“ душевная пустота: тамъ ей нѣтъ удержу, тамъ ей раздолье. И мы хорошо понимаемъ, что для изображенія „хлестаковщины“ въ преувеличенномъ видѣ Гоголь долженъ былъ вывести человѣка совершенно безцвѣтнаго, безличнаго и пустого, у котораго нѣтъ ни одной рѣзкой черты, дурной, или хорошей, способной заслонить или затормозить „хлестаковщину“. Въ „отрывкѣ изъ письма“ Гоголь характеризуетъ Ивана Александровича такъ: „У Хлестакова ничего не должно быть означено рѣзко. Онъ принадлежитъ къ тому кругу, который, повидимому, ничѣмъ не отличается отъ прочихъ молодыхъ людей. Онъ даже хорошо иногда держится, даже говоритъ иногда съ вѣсомъ и только въ случаяхъ, гдѣ требуется или присутствіе духа, или характеръ, выказывается его отчасти подленькая, ничтожная натура...“ Въ такой „психической средѣ“ хлестаковщина, дѣйствительно, можетъ расцвѣсть пышнымъ цвѣтомъ и, ничѣмъ не сдерживаемая, выродиться въ нѣчто весьма уродливое. Это-то и нужно было Гоголю не только какъ художнику, но и какъ *сатирику-моралисту.* Вообще для пониманія отрицательныхъ типовъ, созданныхъ Гоголемъ, нужно помнить, что Гоголь былъ моралистъ по натурѣ и призванію и въ своемъ художественномъ творчествѣ сознательно руководился цѣлью моральнаго воздѣйствія на общество. Оттуда и то странное символическое объясненіе „Ревизора“, которое дано въ „Развязкѣ Ревизора“. Здѣсь „первый комическій актеръ“ (М. С. Щепкинъ) утверждаетъ, что городъ, выведенный въ комедіи, есть „нашъ душевный городъ“, Хлестаковъ, мнимый ревизоръ, это „вѣтренная свѣтская совѣсть, продажная, обманчивая совѣсть...“, а чиновники изображаютъ наши страсти, которыя „хитрѣе всякаго плута-чиновника...“

Искусственность и ненужность такого толкованія бросается въ глаза. Плуты-чиновники въ комедіи съ великолѣпнымъ городничимъ во главѣ живьемъ выхвачены изъ тогдашней русской дѣйствительности и только подвергнуты художественно-сатирической обработкѣ. Это вовсе не олицетворенные пороки и страсти, а живые люди, съ рѣзко-очерченными физіономіями и выдержаннымъ характеромъ. Ничего нѣтъ въ нихъ ни схематическаго, ни аллегорическаго. Съ чисто-художественной точки зрѣнія можно, пожалуй, упрекнуть Гоголя въ томъ, что

онъ кое въ чемъ перешагнулъ черезъ границу, отдѣляющую художественный реализмъ отъ шаржа и карикатуры. Но вспомнимъ, до какого шаржа доходила нерѣдко сама дѣйствительность, сколько карикатурнаго было въ самой жизни, и, пожалуй, мы принуждены будемъ взять назадъ нашъ упрекъ, какъ впослѣдствіи пришлось отказаться отъ такого же упрека по адресу Салтыкова, когда объявились факты, заставлявшіе смотрѣть на „выдумки“ сатирика—какъ на пророчество.

Кто помнитъ дореформенную Россію, кто знакомъ съ воспоминаніями о той эпохѣ, съ документами ея, то не найдетъ въ комедіи Гоголя утрировки, а скорѣе увидитъ въ ней нѣкоторое смягченіе картины. Въ числѣ выведенныхъ лицъ нѣтъ ни одного злодѣя, ни одного изверга, какихъ зачастую можно было встрѣтить тогда въ чиновномъ мірѣ, въ особенности въ глухихъ мѣстахъ, и ни одного настоящаго, законченнаго подлеца и пройдохи, о подвигахъ которыхъ свидѣтельствуютъ документальные источники. Герои „Ревизора“—обыкновенные, средніе люди, плутоватые и темные, но не подлецы, не злодѣи, не изверги. Они производятъ впечатлѣніе какихъ-то смѣшныхъ уродовъ и не вызываютъ *негодованія*. Мы смѣемся, правда, не веселымъ смѣхомъ и незамѣтно подымается въ душѣ скорбное чувство при видѣ этой „тьмы“ и пошлости, при сознаніи, какъ говорилъ Гоголь (по поводу „Мертвыхъ душъ“), „пугающаго отсутствія свѣта“, но отсюда до возмущенія нравственнаго чувства, до негодованія еще далеко. Вообще у Гоголя, какъ сатирика и моралиста, нѣтъ негодованія, а есть только горькій смѣхъ и затаенная скорбь. Эта черта станетъ еще яснѣе, если вспомнимъ Грибоѣдова и сравнимъ „Ревизора“ съ „Горе отъ ума“, гдѣ сатира доведена до гнѣвнаго сарказма, и гдѣ негодованіе клокочетъ не только у Чацкаго, но и у автора. У Гоголя нѣтъ сатирической „*желчи*“, которой такъ много у Грибоѣдова. Тотъ же контрастъ получится при сопоставленіи сатиры Гоголя съ сатирой Салтыкова.

Но отсутствіе негодованія не помѣшало комедіи сыграть огромную общественную роль—одного изъ тѣхъ произведеній, на которыхъ воспитывалось общество въ духѣ гуманности, протеста противъ безправія, гнета и тьмы, въ духѣ освободительныхъ идей. Тургеневъ (въ „Воспоминаніяхъ“) говоритъ о „Ревизорѣ“, какъ объ „одной изъ самыхъ отрицательныхъ комедій, какія когда-либо являлись на сценѣ“. Никитенко въ своемъ „Дневникѣ“ записалъ подъ 28 апр. 1836 г. („Ревизоръ былъ поставленъ впервые 19 апрѣля 1836 г.) слѣдующее: „Гоголь дѣйствительно сдѣлалъ важное дѣло. Впечатлѣніе, произведенное его комедіей, много прибавляетъ къ тѣмъ впечат-

ленiямъ, которыя накопляются въ умахъ отъ существующаго у насъ порядка вещей...“

И въ самомъ дѣлѣ: выставляя на показъ все уродство Сквозниковъ-Дмухановскихъ, Ляпкиныхъ-Тяпкиныхъ и т. д., Гоголь, самъ того не желая и не вѣдая, больно ударилъ по всему „порядку вещей“. Въ заключительной сценѣ городничiй въ изступленiи кричитъ: „Чему смѣетесь? надъ собой смѣетесь!..“—Въ числѣ смѣявшихся и аплодировавшихъ зрителей былъ на первомъ представленiи и императоръ Николай Павловичъ. Извѣстенъ разсказъ, будто императоръ сказалъ: „Всѣмъ досталось, а мнѣ больше всего“. Добавляютъ еще, что Николай Павловичъ посылалъ своихъ министровъ посмотрѣть пьесу...—Такъ ли это было, или нѣтъ (разсказы эти не провѣрены), во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что въ „Ревизорѣ“ было изображено не только то, что творится въ медвѣжьихъ углахъ, а то, что происходило во всей Россiи, чѣмъ характеризовался тогдашнiй „порядокъ вещей“, и что было въ понятiяхъ, нравахъ, въ обычаѣ всего общества.

„Ревизоръ“ есть родъ художественной синекдохи: взята часть для изображенiя цѣлаго. Выведенныя лица, взятыя изъ захолустья, получили значенiе не мѣстныхъ, а общерусскихъ провинцiальныхъ типовъ. Оригиналы ихъ встрѣчались повсюду. Они могутъ быть названы „русскими“ вообще не только въ силу ихъ распространенности, повсемѣстности въ тогдашней Руси, но еще и потому, что въ нихъ просвѣчиваетъ природа „русскаго человѣка“, конечно, въ искаженномъ видѣ. Посмотрите на Сквозника-Дмухановскаго: это не только типичный дореформенный городничiй-взяточникъ, это также типичный русскiй человѣкъ, не лишенный русскаго благодушiя и съ характернымъ русскимъ складомъ ума. Онъ вообще не злой и далеко не глупый человѣкъ, который при другихъ порядкахъ и другомъ воспитанiи былъ бы порядочнымъ человѣкомъ. А Амосъ Өедоровичъ Ляпкинъ-Тяпкинъ, который „прочиталъ пять или шесть книгъ и потому нѣсколько вольнодуменъ“? А Земляника, „пронира и плутъ“, но не „вообще“, какъ бываютъ проныры и плуты вездѣ въ мiрѣ, а спецiально на русскiй ладъ? А Добчинскiй и Бобчинскiй?..

Несомнѣнно, „здѣсь русскiй духъ, здѣсь Русью пахнетъ“ и при томъ такъ сильно разитъ, что пьеса не переводима на другой языкъ, но зато мы, русскiе, легко „переводимъ“ ее съ „языка“ дореформеннаго на „языкъ“ пореформенный, и для насъ она не только—документъ прошлаго, она сохраняетъ свое значенiе художественнаго зеркала, на которое „нечего пенять, коли рожа крива...“

13.

Другія пьесы Гоголя, не имѣвшія того общественнаго значенія, какое по праву выпало на долю „Ревизора“, не уступаютъ этому послѣднему по своему художественному достоинству, по мастерству исполненія. Гоголь упорно работалъ надъ ними, поправлялъ, и въ результатѣ получились образцовыя драматическія произведенія, въ которыхъ дѣйствующія лица *выражаютъ себя полностью*, обнаруживаясь въ каждой фразѣ. Подколесинъ, Кочкаревъ, Яичница, Агаѳья Тихоновна, сваха и другія лица (въ „Женитьбѣ“), игроки, лакеи и прочія лица (въ остальныхъ—отрывочныхъ, но вполнѣ обработанныхъ—драматическихъ этюдахъ) проходятъ передъ читателемъ, какъ живые, и, ярко обнаруживаясь въ своихъ колоритныхъ рѣчахъ, невольно, сами того не вѣдая, раскрываютъ точку зрѣнія и морально-художественный замыселъ автора.

Я сказалъ, что выведенныя лица выражаютъ себя полностью,—и мы отлично понимаемъ ихъ. Но вглядитесь въ нихъ пристальнѣе и постарайтесь отдать себѣ отчетъ въ томъ, что именно вы видите и понимаете въ нихъ. Вы прежде всего видите и понимаете *ихъ душевную пустоту, ихъ человѣческую ничтожность*. Это—живые люди съ опредѣленнымъ характеромъ, съ ярко очерченной физіономіей. Но въ то же время они производятъ впечатлѣніе какъ бы *ненастоящихъ людей;* у нихъ за характеромъ чувствуется пустота,—у нихъ есть физіономія, но нѣтъ души. Получается впечатлѣніе въ родѣ того, какое производятъ водевили и фарсы. Но вы сразу чувствуете, что это не водевиль, не фарсъ, что у автора была задача серьезная и трудная: *изобразить пустоту души, да еще полностью*. И онъ блистательно выполнилъ мудреную задачу: нарисовалъ то, чего нѣтъ, снялъ копію съ несуществующаго оригинала, заставилъ насъ видѣть воочію нѣкій нуль, нѣкое небытіе. Великій художникъ-психологъ, конечно, зналъ, что и у Подколесина, и у Кочкарева, и у Жевакина, и у всѣхъ прочихъ есть свой внутренній міръ и, кромѣ „характера“, чертъ лица и костюма, есть еще и душа. Онъ зналъ, что, какъ бы ни былъ пошлъ ихъ внутренній міръ, какъ бы ни была мелка ихъ душа и ничтожна ихъ жизнь, наблюдатель, художникъ-психологъ, могъ бы найти тамъ не мало человѣчески-интереснаго. Онъ уже тогда зналъ то, что выразилъ онъ потомъ (въ „Мертвыхъ душахъ“): „равно чудны стекла, озирающія солнца и передающія движенія незамѣченныхъ насѣкомыхъ...“—И онъ присматривался съ любопытствомъ къ мелькающимъ въ жизни фигурамъ Подколесиныхъ, Кочкаревыхъ, Жевакиныхъ и т. д., и т. д. и думалъ: Ну, конечно, у

нихъ есть свой мірокъ, и кое-что человѣческое и имъ не чуждо... Но, Боже, какая пустота у нихъ въ душѣ, и какіе это *внѣшніе* люди! Неужели у нихъ все душевное содержаніе такъ-таки и исчерпывается тѣмъ, что у одного носъ такой, а у другого—другой, одинъ одѣвается такъ, а другой—этакъ, у одного одинъ чинъ, у другого—другой, что Подколесинъ - байбакъ, тюфякъ, а Кочкаревъ—сангвиникъ и человѣкъ подвижной? А вотъ посмотримъ, что выйдетъ, если, предположивъ ихъ душу равною нулю, я такъ и нарисую ихъ—съ характерами, съ физіономіями, въ костюмахъ, въ чинахъ, но какъ бы безъ души, съ одною лишь видимостью души,—въ родѣ того, какъ представляются намъ незнакомые люди на улицѣ, въ гостиницѣ, за табльдотомъ; они движутся, сидятъ, ѣдятъ, пьютъ, разговариваютъ, какъ настоящіе люди, но ихъ внутренній міръ намъ неизвѣстенъ и въ данное время неинтересенъ, и мы относимся къ нимъ такъ, какъ будто его совсѣмъ и нѣтъ. Ставъ на точку зрѣнія, что внутренній міръ Подколесиныхъ и всѣхъ прочихъ такъ ничтоженъ и неинтересенъ, что, пожалуй, можно принять его равнымъ нулю, попробую-ка я оживить этихъ мертвецовъ, и пусть они выйдутъ на сцену со всею яркостью ихъ внѣшняго проявленія и сами покажутъ читателю и зрителю, что у нихъ хотя и есть душа и свой внутренній міръ, но все равно какъ бы ихъ совсѣмъ не было.—Вотъ задача. Она выполнена съ необычайнымъ мастерствомъ, можно сказать,—виртуозно.

Нетрудно предвидѣть, какой получится эффектъ, если этотъ художникъ, умѣющій такъ виртуозно и ярко изображать „нуль души", широко раздвинетъ рамки картины и изъ мірка петербургскихъ обывателей, чиновниковъ, купеческихъ дочекъ, свахъ, лакеевъ и прочихъ выйдетъ на необозримый просторъ всей Руси съ ея губернскими городами, помѣщичьими усадьбами, деревнями, постоялыми дворами, безконечными степями, ухабистыми дорогами, — выведетъ рядъ широкихъ типовъ и набросаетъ множество мелкихъ эскизовъ,—и все это будетъ сдѣлано такъ, что читатель живо почувствуетъ и пойметъ всю пустоту изображенной жизни, всю „глубину холодныхъ, раздробленныхъ, повседневныхъ характеровъ", которые „крѣпкою силою неумолимаго рѣзца" выставлены тутъ „на всенародныя очи".

Навѣрняка можно было предсказать, что, когда Гоголь возьмется за сюжетъ „Мертвыхъ душъ" (данный ему Пушкинымъ), выйдетъ потрясающая картина застоя жизни, безпробуднаго сна души, невылазной пошлости, безпросвѣтной тьмы.

Такое впечатлѣніе вынесъ Пушкинъ, когда Гоголь прочиталъ ему первыя главы „Мертвыхъ душъ" въ ихъ первоначальномъ, еще далеко не разработанномъ видѣ. Впослѣдствіи Гоголь вспоминалъ объ этомъ знаменательномъ эпизодѣ такъ: „Когда я читалъ Пушкину первыя главы изъ „Мертвыхъ душъ", въ томъ видѣ, какъ онѣ были прежде, то Пушкинъ, который всегда смѣялся при моемъ чтеніи (онъ же былъ охотникъ до смѣха), началъ понемногу становиться все сумрачнѣе, сумрачнѣе, а наконецъ сдѣлался совсѣмъ мраченъ. Когда же чтеніе кончилось, онъ произнесъ голосомъ тоски: „Боже, какъ грустна наша Россія!" Тутъ-то я увидѣлъ, въ какомъ ужасающемъ для человѣка видѣ можетъ быть ему представлена тьма и пугающее *отсутствіе свѣта...*" („Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями", XVIII. Четыре письма къ разнымъ лицамъ по поводу „Мертвыхъ душъ", письмо 3).—Гоголь добавляетъ къ этому, что послѣ того онъ старался „смягчить то тягостное впечатлѣніе, которое могли произвести „Мертвыя души"..."

И дѣйствительно въ окончательномъ видѣ поэма, вызывая въ читателѣ глубокую „гражданскую скорбь", однако не производитъ впечатлѣнія, которое можно было бы назвать гнетущимъ. Герценъ въ своемъ дневникѣ указалъ на то, что въ поэмѣ „есть слова примиренія, есть предчувствія и надежды будущаго, полнаго и торжественнаго..."—Онъ имѣлъ въ виду, говоря такъ, знаменитыя „лирическія" отступленія: „съ каждымъ шагомъ вязнете, тонете глубже, лирическое мѣсто вдругъ оживитъ, освѣтитъ..."—Правда, вслѣдъ за тѣмъ лирическое мѣсто сейчасъ же „замѣняется... картиной, напоминающей еще яснѣе, въ какомъ *рвѣ* ада находимся..."—И Герценъ заканчиваетъ запись словами: „Мертвыя души"—поэма глубоко выстраданная. Мертвыя души? Это заглавіе само носитъ въ себѣ что-то наводящее ужасъ. И иначе онъ не могъ назвать, не ревизскія—мертвыя души, а всѣ эти Ноздревы, Маниловы и tutti и quanti—вотъ мертвыя души, и мы ихъ встрѣчаемъ на каждомъ шагу..." („Дневникъ", подъ 29 іюля 1842 г.).

Въ заглавіи („Мертвыя души") Герценъ и, конечно, и многіе другіе склонны были видѣть нѣчто символическое. И въ самомъ дѣлѣ, всѣ эти Чичиковы, Маниловы, Собакевичи, Ноздревы и прочіе, всѣ они—души пустопорожнія, всѣ они—опредѣленные, рѣзко очерченные характеры, типы, но *настоящей* человѣческой души у нихъ нѣтъ, или она, можетъ быть, и есть, но кажется мертвою, или погруженною въ какую-то умственную и моральную летаргію. Герценъ, Бѣлинскій и люди ихъ закала, ихъ развитія приходили въ ужасъ... Но

нельзя не видѣть, что и для нихъ этотъ „ужасъ" значительно смягчался тѣмъ „веселымъ", или якобы веселымъ, смѣхомъ, которымъ искрится поэма и который скрашиваетъ тяжелое впечатлѣніе, производимое выведенною въ ней коллекціею „уродовъ". Они больше смѣшны, чѣмъ ужасны,—эти уроды, и читатель, даже наиболѣе чуткій и отзывчивый, не пугается, не приходитъ въ ужасъ, а только смѣется, смѣется, пока не задумается, не загруститъ. Эта грусть можетъ дойти и до степени глубокой „гражданской" и даже „національной" скорби, но для „ужаса" тутъ, собственно говоря, нѣтъ мѣста. Онъ получилъ бы смыслъ и оправданіе лишь въ томъ случаѣ, если бы поэма повергала читателя въ глубокій пессимизмъ, если бы онъ дошелъ до гражданскаго и національнаго отчаянія. Но вѣдь смѣшно и нелѣпо приходить въ отчаяніе и ставить крестъ надъ будущимъ огромной страны, едва пробуждающейся къ исторической жизни, потому только, что она изобилуетъ Чичиковыми, Ноздревыми и прочими; что всѣ эти уродливыя фигуры для нея типичны; что въ ней, дѣйствительно, есть нѣчто *чичиковское,* есть много *ноздревскаго,* не мало *маниловскаго* и *собакевическаго*... Вѣдь рядомъ со всѣмъ этимъ въ ней есть и кое-что „человѣческое", а кромѣ того, у нея— огромное будущее впереди, она вся въ будущемъ, и нельзя сомнѣваться въ томъ, что когда-нибудь *чичиковское, ноздревское* и т. д. очистится, облагородится и перейдетъ въ человѣческое. Эти упованія раздѣлялъ и самъ поэтъ, они-то внушили ему тотъ лирическій порывъ, которымъ оканчивается первая часть „Мертвыхъ душъ".

Итакъ, картина, данная въ поэмѣ, не внушаетъ ни ужаса, ни отчаянія. Но она, несомнѣнно, вызываетъ то настроеніе, которое выразилось у Пушкина восклицаніемъ: „Боже, какъ грустна наша Россія!" — Это восклицаніе такъ вѣрно, такъ психологически правильно передаетъ то настроеніе, тотъ порядокъ мыслей и чувствъ, какіе вызываются геніальною поэмою Гоголя, или, скажемъ, какіе ей приличествуютъ, что я считаю умѣстнымъ привести описаніе той же сцены [1]) въ „Запискахъ" Смирновой. „Пушкинъ приказалъ хохлу... принести рукопись начала его романа „Мертвыя души". Пока онъ читалъ, Пушкинъ, по своей привычкѣ, ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Наконецъ, онъ остановился передъ Гоголемъ, положилъ ему обѣ руки на плечи, долго смотрѣлъ на него и сказалъ ему: „Умница!", затѣмъ поцѣловалъ его въ лобъ въ знакъ одобренія. Потомъ онъ снова заходилъ по комнатѣ, по-

[1]) Или, можетъ быть, другой.

дошелъ ко мнѣ и сказалъ: „Невеселая штука—Россія!“—Надъ нѣкоторыми сценами онъ отъ всей души хохоталъ, потомъ сдѣлался чрезвычайно задумчивъ и, наконецъ, сказалъ Жуковскому: „А маленькій-то хохолъ—каковъ?... („Записки А. О. Смирновой“, ч. I, стр. 313).

Да и самъ Герценъ, какъ видно изъ другой, болѣе ранней записи „Дневника“ (подъ 11 іюня 1842 г.), вынесъ впечатлѣнія и ощущенія, почти совпадающія съ тѣми, которыя выразилъ Пушкинъ: „Мертвыя души“ Гоголя—удивительная книга, горькій упрекъ современной Руси, но не безнадежный. Тамъ, гдѣ взглядъ можетъ проникнуть сквозь туманъ нечистыхъ, навозныхъ испареній, тамъ онъ видитъ удалую, полную силы національность... Грустно въ мірѣ Чичикова—такъ, какъ грустно намъ въ самомъ дѣлѣ; и тутъ и тамъ одно утѣшеніе въ вѣрѣ и упованіи на будущее...“

Отмѣтимъ здѣсь ту черту, что Герценъ видѣлъ въ поэмѣ „горькій упрекъ“ *современной* ему, т.-е. дореформенной, Руси. Тутъ сквозитъ мысль, что съ теченіемъ времени, когда измѣнится порядокъ вещей, когда Россія обновится реформами, когда распространится просвѣщеніе, тогда исчезнутъ и всѣ эти уродливые типы — Чичиковыхъ, Маниловыхъ, Собакевичей и т. д., исчезнутъ и понятія и нравы, имъ отвѣчающіе. Увы! это была иллюзія. Въ свой чередъ Россія обновилась — какъ могла, но Гоголевскіе типы не исчезли. Они также „обновились“ и выступили въ новомъ обличьи, но съ тою же пустотою въ душѣ, съ тою же обезнадеживающею темнотой и пошлостью. Сатира Салтыкова неоднократно пользовалась готовыми типами Гоголя и въ частности указывала на пореформенныхъ Ноздревыхъ. Этотъ типъ, очень русскій, удивительно живучъ и скандалитъ и хулиганствуетъ попрежнему. Живъ и Чичиковъ. Не исчезли ни Собакевичи, ни Маниловы... Стойкость, постоянство, живучесть этихъ типовъ зависитъ, очевидно, оттого, что въ нихъ схвачены не временныя или случайныя черты, а коренныя, глубоко лежащія „свойства“ „русскаго человѣка“, которыя могутъ измѣниться или совсѣмъ исчезнуть только послѣ долгаго историческаго процесса оздоровленія русской національной психологіи.

Присмотримся къ нимъ ближе.

Что такое Чичиковъ? — Очень не глупый человѣкъ, способный человѣкъ, съ нѣкоторою „игрою“ ума, не злой и, пожалуй, если не быть очень требовательнымъ и смотрѣть поснисходительнѣе („всѣ мы люди, всѣ мы человѣки“), не такъ, чтобы ужъ очень дурной человѣкъ. Во всякомъ случаѣ, онъ не злодѣй, не воръ, не прощалыга—въ собственномъ смыслѣ.

Онъ только человѣкъ *легкій*, безъ груза въ душѣ и ужъ очень увлекается легкой наживой. Юркій малый, ловкій парень, ну... и того... не уберегся отъ искушенія. Въ общемъ онъ, надо признаться, выходитъ подлецомъ или, скажемъ мягче, подловатымъ человѣкомъ, но вѣдь надо все-таки отличать *типъ* Чичикова отъ особы Павла Ивановича, который скупаетъ мертвыя души и выдаетъ себя за херсонскаго помѣщика. Развѣ обязательно каждому Чичикову непремѣнно скупать мертвыя души и выдавать себя за херсонскаго помѣщика? Можно быть Чичиковымъ и не заниматься такими дѣлами, да и вообще не дѣлать ничего, подводимаго подъ статьи уголовнаго кодекса. Чтобы быть Чичиковымъ, нужно имѣть только эту легкость души, эту юркость совѣсти, эту пронырливость, соединенную съ внѣшнимъ благообразіемъ, нужно умѣть носить на пустоватой душѣ личину внѣшней порядочности и не смущаться, не унывать. Чичиковъ—неунывающій россіянинъ, беззаботный насчетъ нѣкоторыхъ элементарныхъ правилъ честности, которыхъ, однако, фактически онъ можетъ и не нарушить, россіянинъ съ наивно-фальшивой душой, съ безыскусственнымъ видомъ солидности и порядочности, очень довольный собою и человѣкъ пріятный, веселаго нрава, душа общества. Кому изъ насъ не случалось встрѣчать этого сорта людей?

Чичиковскій типъ—это *типъ очень русскій и очень широкій, пожалуй, шире хлестаковскаго.* Есть много ступеней или формъ „чичиковщины", отъ ясно выраженныхъ, бьющихъ въ глаза до едва замѣтныхъ, почти неуловимыхъ. Есть чичиковщина сокровенная, несознаваемая: человѣкъ съ положеніемъ въ обществѣ, „съ вѣсомъ", невольно и наивно переноситъ ощущеніе своего „вѣса", своей солидности и добропорядочности на свою душу, въ свой внутренній міръ, а между тѣмъ тамъ никакого „вѣса" нѣтъ, а есть только легкость, и никакого нѣтъ содержанія, — есть только пустота. И такой человѣкъ ни за что не признаетъ въ себѣ Чичикова. Въ концѣ послѣдней главы I части „Мертвыхъ душъ" Гоголь очень зло указалъ на такихъ безсознательныхъ Чичиковыхъ. Онъ приглашаетъ ихъ вникнуть въ свой внутренній міръ и въ минуты уединенныхъ бесѣдъ съ самимъ собою" предъявить себѣ „тяжелый запросъ": „А нѣтъ ли и во мнѣ какой-нибудь части Чичикова?" — И Гоголь увѣренъ, что этотъ „запросъ" предъявленъ не будетъ: „Да, какъ бы не такъ!"—восклицаетъ сатирикъ и за симъ говоритъ слѣдующее: — „А вотъ пройди въ это время мимо него какой-нибудь его же знакомый, имѣющій чинъ не слишкомъ большой, не слишкомъ малый, — онъ въ ту же минуту толкнетъ подъ руку своего сосѣда и скажетъ

ему, чуть не фыркнувъ отъ смѣха: „Смотри, смотри: вонъ Чичиковъ, Чичиковъ пошелъ!“ И потомъ, какъ ребенокъ, позабывъ всякое приличіе, должное званію и лѣтамъ, побѣжитъ за нимъ вдогонку, поддразнивая сзади и приговаривая: „Чичиковъ! Чичиковъ! Чичиковъ!“

Да и въ самомъ дѣлѣ: найти въ себѣ частицу Чичикова—дѣло трудное, да и щекотливое. А если эта частица такъ мала, что невооруженнымъ глазомъ ее и не замѣтишь, то какой смыслъ терять время на розыски внутри себя, когда можно, оглядываясь по сторонамъ, легко распознать болѣе несомнѣнныхъ Чичиковыхъ? И дѣйствительно, они часто бросаются въ глаза присущею имъ смѣсью русскаго легкомыслія и душевной „легкости“ съ русскимъ размахомъ и русской удалью. Вслѣдъ за приведеннымъ мѣстомъ идетъ изображеніе быстрой ѣзды, которую такъ любитъ русскій человѣкъ. „Селифанъ погонялъ лошадей, бричка катилась все шибче и шибче, „Чичиковъ только улыбался, слегка подлетывая на своей кожаной подушкѣ, ибо любилъ быструю ѣзду... И какой же русскій не любитъ быстрой ѣзды?...“

Любитъ ее и Павелъ Ивановичъ Чичиковъ. Ее любитъ всякій Чичиковъ. И знаменитая страница о быстрой ѣздѣ воспроизводитъ національную черту, которая, безспорно, *находится въ большемъ психологическомъ сродствѣ именно съ чичиковскою стороною русскаго человѣка, чѣмъ съ другими его сторонами...*

„Его ли душѣ, стремящейся закружиться, загуляться, сказать иногда: „чортъ побери все!“—его ли душѣ не любить ея?“

Можетъ быть, и Маниловъ и Собакевичъ любятъ ее. Ноздревъ—тотъ навѣрное любитъ. Но ни Маниловъ, ни Собакевичъ, ни даже Ноздревъ тутъ не приходятъ намъ въ голову.Тутъ ихъ и нѣтъ. Здѣсь есть только Чичиковъ съ Селифаномъ и Петрушкой. Это они мчатся. Это ихъ, „кажись, невидимая сила подхватила... на крыло къ себѣ...“ Это имъ навстрѣчу „все летитъ: летятъ версты, летятъ навстрѣчу купцы на облучкахъ своихъ кибитокъ, летитъ съ обѣихъ сторонъ лѣсъ съ темными строями елей и сосенъ, съ топорнымъ стукомъ и вороньимъ крикомъ, летитъ вся дорога въ нивѣсть куда пропадающую даль...“

„Эхъ, тройка, птица тройка! Кто тебя выдумалъ? Знать, у бойкаго народа ты могла только родиться...“—Тутъ опять не приходятъ на умъ ни Маниловъ, ни Собакевичъ, ни даже

Ноздревъ (въ послѣднемъ есть русскій размахъ, но нѣтъ поэзіи русскаго размаха). Приходитъ на умъ все тотъ же Чичиковъ. Онъ же и мчится, и съ нимъ Селифанъ и Петрушка. И есть что-то родственное между этимъ господиномъ не слишкомъ толстымъ, не слишкомъ тонкимъ, который подлетываетъ на кожаной подушкѣ и улыбается ощущенію быстрой ѣзды, и Селифаномъ, который „только подмахивалъ да подкрикивалъ: „Эхъ! эхъ! эхъ!..", плавно подскакивая на козлахъ...",—и этотъ Селифанъ все равно, что тотъ ямщикъ, который „сидитъ, чортъ знаетъ, на чемъ, а привсталъ, замахнулся да затянулъ пѣсню, — кони вихремъ, спицы въ колесахъ смѣшались въ одинъ гладкій кругъ, только дрогнула дорога, да вскрикнулъ въ испугѣ остановившійся пѣшеходъ,—и вотъ она понеслась, понеслась, понеслась!.."

Въ этомъ вся суть,—что тройка понеслась, понеслась, понеслась, а кто сидитъ въ бричкѣ, —это все равно; можетъ быть, никто не сидитъ, или сидитъ нѣкій нуль. И только одно необходимо здѣсь ограниченіе: этотъ нуль не можетъ быть тѣмъ, который представленъ Маниловыми, Собакевичами, Ноздревыми и прочими—вплоть до прокурора, у котораго были густыя брови и больше ничего, и который умеръ отъ огорченія,—и даже вплоть до губернатора, который вышивалъ по тюлю, хотя, правда, губернаторы всегда любили быструю ѣзду. Всѣ эти „сѣдоки" исключаются,—у нихъ есть своя русская пустота, но нѣтъ той русской легкости и той поэзіи русскаго размаха,—да они, собственно говоря, и не нули, а хуже нулей: они—величины отрицательныя. Въ данномъ случаѣ въ исторической бричкѣ подобаетъ сидѣть либо Хлестакову, либо Чичикову. Пусть ужъ лучше сидитъ Чичиковъ. Хлестаковъ—тотъ тряпка, сосулька, ничтожность. Чичиковъ—человѣкъ съ умомъ, даже малый съ художественнымъ талантомъ, съ игрой воображенія (вы помните, какъ художественно, въ главѣ VII, изобразилъ онъ прошлое купленныхъ имъ „душъ"). Правда, настоящей души человѣческой у него какъ будто нѣтъ, но это пустяки, душа—дѣло наживное. Пусть лучше сидитъ въ бричкѣ Чичиковъ,—тѣмъ болѣе что прежде, чѣмъ мы успѣли опомниться отъ головокружительной быстроты, съ какою мчится тройка, поэтъ перешелъ отъ этой тройки къ Руси и уже говоритъ: „не такъ ли и ты, Русь, что бойкая, необгонимая тройка, несешься?.."—И несется она такъ, что „косясь постараниваются и даютъ ей дорогу другіе народы и государства".—Ну, и слава Богу, что на эту—европейскую и всемірно-историческую—дорогу мы вылетѣли на нашей бойкой тройкѣ не Хлестаковыми, а Чичиковыми!

14.

Для пониманія тѣхъ элементовъ *національной психологіи*, какіе внесены въ психологію Чичикова, необходимо вникнуть въ смыслъ знаменитаго мѣста въ VII-ой главѣ, гдѣ Павелъ Ивановичъ, человѣкъ дѣловой, положительный, вдругъ замечтался, зафантазировалъ и притомъ какъ разъ въ ту знаменательную для него минуту, когда онъ, приготовивъ списокъ купленныхъ душъ и купчую, готовился пойти въ присутственныя мѣста для совершенія купчей крѣпости.

Когда все было готово, онъ умилился душою, взглянувъ „на эти листики, на мужиковъ, которые, точно, были когда-то мужиками, работали, пахали, пьянствовали, извозничали, обманывали баръ, а, можетъ быть, и просто были хорошими мужиками...“—Имъ овладѣло „какое-то чувство, непонятное ему самому...“

Передъ его умственнымъ взоромъ поочередно проходятъ эти „души,“—и Павелъ Ивановичъ, человѣкъ дѣловой и положительный, въ эту минуту не можетъ подавить въ себѣ поэта, художника, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ его душѣ пробуждаются и звучатъ ея русскія струны.

Вотъ Петръ Савельевъ Неуважай-Корыто, изъ крѣпостныхъ Коробочки. И думаетъ Павелъ Ивановичъ: „...Мастеръ ли ты былъ, или просто мужикъ, и какою смертью тебя прибрало? Въ кабакѣ ли, или середи дороги переѣхалъ тебя соннаго неуклюжій обозъ?..“

Павла Ивановича занимаетъ не столько вопросъ о жизни этихъ „душъ“, сколько о ихъ смерти. А если его фантазія остановится и на „образѣ жизни“ ихъ, то оттуда она непременно свернетъ къ „образу“ ихъ смерти. И тотъ и другой „образъ“ вырисовывается у него, какъ нѣчто фатально-нелѣпое...

„Пробка Степанъ, плотникъ, трезвости примѣрной. А! вотъ онъ, Степанъ Пробка, вотъ тотъ богатырь, что въ гвардію годился бы! Чай, всѣ губерніи исходилъ съ топоромъ за поясомъ и сапогами на плечахъ, съѣдалъ на грошъ хлѣба, да на два сушеной рыбы, а въ мошнѣ, чай, притаскивалъ всякій разъ домой цѣлковиковъ по сту... Гдѣ тебя прибрало? Взмостился ли ты для большаго прибытку подъ церковный куполъ, а, можетъ быть, и на крестъ потащился и, поскользнувшись оттуда съ перекладины, шлепнулся оземь, и только какой-нибудь стоявшій возлѣ тебя дядя Михей, почесавъ рукою въ затылкѣ, промолвилъ: „Эхъ, Ваня, угораздило тебя!“ и самъ, подвязавшись веревкой, полѣзъ на твое мѣсто“...

Слѣдующій нумеръ—это уже извѣстный намъ сапожникъ Максимъ Телятниковъ, который, по въ высокой степени вѣроятному предположенію Чичикова, прогорѣлъ на гнилыхъ сапогахъ, запилъ и всю вину свалилъ на нѣмцевъ.

Минуя „Елисаветъ Воробья", который оказался бабой, переходимъ къ Григорію Доѣзжай-не-доѣдешь.—„Ты что былъ за человѣкъ? Извозомъ ли промышлялъ и, заведши тройку и рогожную кибитку, отрекся навѣки отъ дому и пошелъ тащиться съ купцами на ярмарку? На дорогѣ ли ты отдалъ душу Богу, или уходили тебя твои же пріятели за какую-нибудь толстую и краснощекую солдатку, или приглядѣлись лѣсному бродягѣ ременныя твои рукавицы и тройка приземистыхъ, но крѣпкихъ коньковъ, или, можетъ, и самъ, лежа на полатяхъ, думалъ, думалъ, думалъ, да ни съ того ни съ другого заворотилъ въ кабакъ, а потомъ прямо въ прорубь, и поминай какъ звали? Эхъ, русскій народецъ! Не любитъ умирать своею смертью!"

Тутъ взоръ Чичикова упалъ на бѣглыхъ мужиковъ Плюшкина. Это не мертвецы, но въ данномъ случаѣ все равно, что мертвыя души.—„Плохо ли вамъ было у Плюшкина, или, просто, по своей охотѣ гуляете по лѣсамъ да дерете проѣзжихъ? По тюрьмамъ ли сидите, или пристали къ другимъ господамъ и пашете землю?.."—И, перебирая ихъ поименно, Павелъ Ивановичъ останавливается на дворовомъ человѣкѣ Поповѣ и создаетъ слѣдующую высоко-художественную повѣсть о немъ, которую привожу здѣсь съ небольшими сокращеніями.

„Должно быть, грамотей: ножа, я чай, не взялъ въ руки, а проворовался благороднымъ образомъ. Но вотъ ужъ тебя, безпашпортнаго, поймалъ капитанъ-исправникъ...—„Гдѣ твой пашпортъ?"—„У хозяина, мѣщанина Пименова".—„Позвать Пименова!"—„Ты Пименовъ?"—„Я Пименовъ."—„Давалъ онъ тебѣ пашпортъ свой?"—„Нѣтъ, не давалъ онъ мнѣ никакого пашпорта."—„Что-жъ ты врешь?"—говоритъ капитанъ-исправникъ съ прибавкою кое-какого крѣпкаго словца.—„Такъ точно,—отвѣчаешь ты бойко,—я не давалъ ему, потому что пришелъ домой поздно, а отдалъ на подержаніе Антипу Прохорову, звонарю".—„Позвать звонаря!"—„Давалъ онъ тебѣ пашпортъ?"—„Нѣтъ, не получалъ я отъ него пашпорта".—„Что жъ ты опять врешь?"—говоритъ капитанъ-исправникъ, скрѣпивши рѣчь кое-какимъ крѣпкимъ словцомъ...—„А солдатскую шинель,—говоритъ исправникъ, загвоздивши тебѣ опять въ придачу кое-какое крѣпкое словцо,—зачѣмъ стащилъ? И у священника тоже сундукъ съ мѣдными деньгами?"—„Никакъ

нѣтъ,—говоришь ты, не сдвинувшись,—въ воровскомъ дѣлѣ никогда еще не оказывался".—„Ахъ, ты бестія, бестія!—говоритъ капитанъ-исправникъ, покачивая головой и взявшись подъ бока.—„А набейте ему на ногу колодки, да сведите въ тюрьму„.—"Извольте! я съ удовольствіемъ",—отвѣчаешь ты.—И вотъ ты живешь въ тюрьмѣ, покамѣстъ въ судѣ производится твое дѣло. И пишетъ судъ: препроводить тебя изъ Царевококшайска въ тюрьму такого-то города; а тотъ судъ пишетъ опять: препроводить тебя въ какой-нибудь Весьегонскъ; и ты переѣзжаешь себѣ изъ тюрьмы въ тюрьму и говоришь, осматривая новое обиталище: „нѣтъ, вотъ весьегонская тюрьма будетъ почище: тамъ хоть и въ бабки, такъ есть мѣсто, да и общества больше"...

Послѣдній нумеръ—Абакумъ Ѳыровъ, тоже изъ плюшкинскихъ бѣглыхъ, о которомъ Павелъ Ивановичъ предположилъ, что онъ „взлюбилъ вольную жизнь, приставши къ бурлакамъ..." —Хороша эта „вольная жизнь!"—замѣтимъ про себя и обратимъ вниманіе не столько на Абакума Ѳырова, сколько на Павла Ивановича, который „тутъ остановился и слегка задумался".—„Надъ чѣмъ онъ задумался? Задумался ли онъ надъ участью Абакума Ѳырова, или задумался такъ, самъ собою, какъ задумывается всякій русскій, какихъ бы ни былъ лѣтъ, чина и состоянія, когда замыслитъ о разгулѣ широкой жизни?.."—Слѣдуетъ изображеніе „широкой жизни" и „разгула" Абакума Ѳырова. Онъ „гуляетъ шумно и весело на хлѣбной пристани, порядившись съ купцами. Цвѣты и ленты на шляпѣ, вся веселится бурлацкая ватага... хороводы, пѣсни; кипитъ вся площадь, а носильщики, между тѣмъ, нацѣпляя крючкомъ по девяти пудовъ себѣ на спину, съ шумомъ сыплютъ горохъ и пшеницу въ глубокія суда, валятъ кули съ овсомъ и крупой, и далече виднѣются по всей площади кучи наваленныхъ въ пирамиду, какъ ядра, мѣшковъ, и громадно выглядываетъ весь хлѣбный арсеналъ, пока не перегрузится весь въ глубокія суда-суряки и не понесется гусемъ, вмѣстѣ съ весенними льдами, безконечный флотъ. Тамъ-то вы наработаетесь, бурлаки! И дружно, какъ прежде гуляли и бѣсились, приметесь за трудъ и потъ, таща лямку подъ одну безконечную, какъ Русь, пѣсню!"

На этомъ и окончилось художественное творчество Павла Ивановича. Онъ очнулся, ударилъ себя по лбу и, сказавъ: „Экой я дуракъ въ самомъ дѣлѣ!", поспѣшилъ перейти отъ фантазій къ дѣлу.

Эти фантазіи исполнены высокаго интереса. Вотъ ужъ подлинно: „здѣсь русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ".

Тутъ и столь характерное для насъ, русскихъ, неумѣніе жить, и глубоко прискорбное обезцѣненіе жизни, равнодушіе и къ ней и къ смерти; тутъ и безмысленное, нелѣпое сцѣпленіе случайностей, показывающее, что человѣкъ живетъ спустя рукава, не управляя собою, живетъ не умно, умираетъ глупо; тутъ и тупое, фаталистическое равнодушіе къ тюрьмѣ, къ страданію, къ бѣдствіямъ всякаго рода; тутъ и изумительная выносливость русскаго человѣка, и, наконецъ, та легкость, съ которою онъ переходитъ отъ лѣни къ труду, отъ труда къ разгулу, отъ разгула къ труду, отъ труда къ лѣни, отъ жизни къ смерти. Отъ этой страницы вѣетъ и русскимъ „чортъ побери все!", и русскимъ безсиліемъ, и русской силой. „Бѣдность да бѣдность", убожество жизни и культуры, отсутствіе *настоящаго* планомѣрнаго, осмысленнаго труда,—и огромная масса попусту затраченной физической силы, и столь же великая сумма психической энергіи, испаряющейся въ нелѣпомъ разгулѣ, въ ненужной удали и исходящей безконечною и тоскливою, какъ Русь, пѣснью!

15.

Я не буду разбирать типы Манилова, Собакевича, Плюшкина, Ноздрева, Коробочки. Слишкомъ ужъ извѣстны они и слишкомъ ясны. Укажу только на слѣдующее.

Всѣ они (кромѣ, впрочемъ, Ноздрева) могутъ быть названы типами *общечеловѣческими*, ибо вездѣ найдутся свои Маниловы, Собакевичи, Плюшкины, Коробочки. Но, во-первыхъ, въ нихъ внесено много живыхъ—бытовыхъ—чертъ изъ русской дѣйствительности того времени, въ силу чего они пріурочиваются къ опредѣленной средѣ, мѣсту, эпохѣ; а, во-вторыхъ, какъ я указалъ на это выше, въ нихъ есть что-то специфически-русское, національное. Въ этомъ отношеніи съ особенной рельефностью выступаютъ на фонѣ поэмы Маниловъ и Собакевичъ, не говоря уже о Ноздревѣ.

Если обо всѣхъ лицахъ 1-ой части „Мертвыхъ душъ" приходится сказать, что у нихъ „ничего нѣтъ за душой", то къ Манилову это относится въ большей степени, чѣмъ къ другимъ. У Чичикова есть „за душой" хоть „легкость", въ придачу есть еще и умъ и игра воображенія. У Собакевича —грубость, у Ноздрева—ухарство. У Манилова совсѣмъ ничего нѣтъ, и даже единственная черта, которою онъ характеризуется, именно *слащавость*, оказывается какою-то внѣшнею, почти мнимою. Маниловъ безнадежно-безличенъ. „Въ

первую минуту разговора съ нимъ не можешъ не сказать: „Какой пріятный и добрый человѣкъ!—Въ слѣдующую затѣмъ минуту ничего не скажешь, а въ третью скажешь: „Чортъ знаетъ, что такое!“ и отойдешь подальше: если-же не отойдешь, то почувствуешь скуку смертельную“ (гл. I). Характеръ Манилова состоитъ въ отсутствіи всякаго характера.—Кто изъ насъ не встрѣчалъ такихъ лицъ, и сколько ихъ путается на Руси!

И все въ Маниловѣ являетъ ложный видъ—чего-то ненастоящаго, фиктивнаго, мнимаго. Его благожелательность, доброта, радушіе, сентиментальность, склонность пофантазировать, пофилософствовать—все ложно, все лишено устоевъ въ его натурѣ,—такъ какъ будто этой „натуры“ совсѣмъ и нѣтъ у него.

Собакевичъ и Ноздревъ—прямая противоположность Манилову. Но, всматриваясь пристальнѣе, мы легко замѣчаемъ, что эти противоположности стоятъ одна другой. Въ сущности, „нутро“ Собакевича и Ноздрева столь же пустопорожне, какъ и у Манилова. Собакевичъ противуположенъ Манилову только своею грубостью, Ноздревъ—ухарствомъ. Собакевичъ—ругатель и грубое животное, Ноздревъ—забіяка, скандалистъ, „историческій человѣкъ“. О нихъ, конечно, не скажешь „въ первую минуту“, какъ о Маниловѣ: „какой пріятный человѣкъ!“ Различіе собственно въ томъ, что о Маниловѣ скажешь „чортъ знаетъ, что такое!“ только въ третью минуту, и уйдешь подальше, подъ опасеніемъ иначе испытать смертельную скуку, а о Собакевичѣ и Ноздревѣ скажешь это въ первую же минуту и поспѣшишь уйти, унося чувство глубокаго отвращенія.

Съ Маниловыми смертельно скучно, съ Собакевичами и Ноздревыми и скучно и отвратительно, съ Плюшкиными омерзительно, съ Коробочкой—невыносимо. Въ первой части „Мертвыхъ душъ“ „вся Русь“ изображена такъ, какъ будто ничего другого въ ней и нѣтъ, кромѣ этихъ, дѣйствительно, мертвыхъ душъ, съ прибавленіемъ, впрочемъ, и еще разной мертвечины (прокуроръ съ густыми бровями, губернаторъ, вышивающій по тюлю, чиновники, дамы пріятныя во всѣхъ отношеніяхъ и дамы просто пріятныя и т. д.), и получилась глубоко-унылая картина, которая въ свое время на передовыхъ людей 40-хъ годовъ производила потрясающее впечатлѣніе. Россія Чичиковыхъ, Маниловыхъ, Собакевичей, Ноздревыхъ и пр. казалась имъ страною, погруженною не то въ глубокій сонъ, не то въ летаргію, и ихъ охватывало чувство безнадежнаго одиночества среди этой „гнусной рассейской дѣйствительности“ (какъ выражался Бѣлинскій). Достаточно извѣ-

стно, съ какой страстью и силой выражалъ это скорбное чувство Бѣлинскій. А вотъ какъ отразилось оно на одной записи въ „Дневникѣ" Герцена (подъ 10 апр. 1843 г.): „Сегодня я читалъ какую-то статью о „Мертвыхъ душахъ" въ „Отеч. Зап.", тамъ приложены отрывки. Между прочимъ, русскій пейзажъ (зимняя и лѣтняя дорога); перечитываніе этихъ строкъ задушило меня какой-то безвыходной грустью, эта степь-Русь такъ живо представилась мнѣ, современный вопросъ такъ болѣзненно повторялся, что я готовъ былъ рыдать. Дологъ сонъ, тяжелъ. За что мы такъ рано проснулись,—спать бы себѣ, какъ все около"...

Въ этомъ-то и состоялъ—для передовыхъ людей той эпохи —„современный вопросъ", и въ этомъ была великая трагедія ихъ судьбы. Они „проснулись" и увидѣли Русь такую, какою показалъ ее Гоголь въ первой части геніальной поэмы.

16.

Но за первой частью слѣдовала вторая, оконченная и сожженная въ 1845 году. Въ тоже время Гоголь писалъ и третью часть. Неизвѣстно, какъ далеко подвинулъ онъ ее. Вторую часть Гоголь написалъ (въ концѣ 40-хъ годовъ) вновь и передъ смертью сжегъ ее вмѣстѣ съ набросками третьей. Отъ той и другой сохранились отрывки, иные въ почти обработанномъ видѣ (изъ второй части), иные же—въ формѣ черновыхъ набросковъ.

По сохранившимся отрывкамъ и также по свѣдѣніямъ, какія мы находимъ въ письмахъ Гоголя, мы можемъ съ увѣренностью судить о планѣ цѣлаго и о мысли, положенной въ его основаніе.

Если въ первой части Русь была изображена обобщенною въ типахъ такихъ „русскихъ людей", у которыхъ ничего нѣтъ за душой, то во второй она была представлена типами „русскихъ людей" другого рода,—у которыхъ кое-что (и даже иной разъ весьма цѣнное) есть за душой. Но тутъ Гоголь показывалъ, что изъ этого душевнаго добра ровно ничего не выходитъ. Оно остается втунѣ, пропадаетъ даромъ, парализованное у одного лѣнью, у другого безалаберностью, у третьяго—просто обжорствомъ и т. д. И мы находимъ здѣсь рядъ великолѣпныхъ русскихъ типовъ,—типовъ „хорошихъ по натурѣ русскихъ людей", которые въ то же время оказываются людьми „пропащими".

Этотъ рядъ открывается *Тентетниковымъ*, прототипомъ Обломова.—Человѣкъ хорошій, добрый, умный, просвѣщенный, одушевленный искреннимъ стремленіемъ трудиться для блага отечества, приносить пользу, Тентетниковъ скоро опустился и облѣнился до крайности, ибо „принадлежалъ къ семейству тѣхъ людей, которые на Руси не переводятся, которымъ прежде имена были: увальни, лежебоки, байбаки, и которыхъ теперь, право, не знаю, какъ назвать"... (Гл. I). Это—очень широкій—всесословный русскій типъ, получившій только наиболѣе яркое выраженіе въ средѣ дворянъ-помѣщиковъ, благодаря деморализующему вліянію крѣпостного права. Въ этомъ дворянско-помѣщичьемъ видѣ онъ и былъ потомъ разработанъ Гончаровымъ.

Въ Тентетниковѣ всероссійская „обломовщина" представлена также въ ея специфическомъ дворянско-помѣщичьемъ выраженіи. Но есть замѣтная разница между Тентетниковымъ и Обломовымъ. Для послѣдняго въ высокой степени характерно то, что говоритъ Гончаровъ о его „лежаніи": „Лежаніе у Ильи Ильича не было ни необходимостью, какъ у больного, или какъ у человѣка, который хочетъ спать, ни случайностью, какъ у того, кто усталъ, ни наслажденіемъ, какъ у лѣнтяя: это было его нормальнымъ состояніемъ" („Обломовъ", ч., I гл. I). —Вотъ этого-то и нельзя сказать о „лежаніи" Тентетникова: оно у него не нормальное состояніе, а результатъ душевнаго упадка, моральнаго надрыва, можетъ быть, временнаго. Обломовъ, напротивъ, „лежитъ", такъ сказать, по призванію. Онъ не просто „лежитъ", онъ „покоится"—и тѣломъ, и духомъ, и тутъ-то и разгорается его фантазія, „работаетъ" его умъ, и слетаютъ къ нему грезы, одна заманчивѣе другой,—и всѣ онѣ рисуютъ ему все ту же утопію или идиллію блаженной—сытой, спокойной, уравновѣшенной и нелишенной своего „изящества"—жизни добраго помѣщика на лонѣ крѣпостного права". —Тентетниковъ, напротивъ, „лежитъ" мрачно, пессимистически, угрюмо, являя своею вялою фигурою родъ „протеста" противъ дѣйствительности,—„протеста", впрочемъ, довольно неопредѣленнаго и неяснаго ему самому. Это—человѣкъ, который лелѣялъ благородную мечту о живой, полезной дѣятельности и при первыхъ же неудачахъ опустился, омрачился, облѣнился и захирѣлъ. Но Гоголь склоненъ думать, что этотъ „байбакъ", при случаѣ, еще можетъ встряхнуться и воспрянуть духомъ... Вѣдь, какъ-никакъ, а Чичиковъ его все-таки расшевелилъ... Чего не бываетъ на святой Руси! Ни Штольцъ, ни даже Ольга не могли воскресить Обломова, но отсюда не слѣ-

дуетъ, чтобы Чичикову не удалось сдвинуть съ мѣста Тентетникова, а остальное ужъ сдѣлаетъ Уленька.

На *Уленьку* наша критика напала безъ достаточныхъ основаній. Это — живое лицо, не меньше Ольги Ильинской. Въ первой части „Мертвыхъ душъ“ ей, разумѣется, нѣтъ мѣста. Но во второй она необходима, по крайней мѣрѣ, какъ вводное лицо, какъ мимолетное видѣніе, какъ намекъ на какую-то хорошую возможность. Вѣдь вся вторая часть поэмы, по замыслу Гоголя, должна была состоять изъ надеждъ, изъ возможностей.

Отецъ Улиньки, генералъ *Бетрищевъ*, первый истинно-художественный, великолѣпный генералъ въ русской литературѣ, также представляетъ собою родъ возможности. Онъ не лишенъ ума и положительныхъ качествъ, но вотъ только генеральство мѣшаетъ ему стать настоящимъ человѣкомъ. По своему обыкновенію, Гоголь не могъ и его пропустить безъ попытки превратить его въ русскій національный типъ: „Генералъ Бетрищевъ, какъ и многіе изъ насъ, заключалъ въ себѣ при кучѣ достоинствъ и кучу недостатковъ. То и другое, *какъ водится въ русскомъ человѣкѣ*, было набросано у него въ какомъ-то картинномъ безпорядкѣ...“ Изъ дальнѣйшей характеристики явствуетъ, что генералъ Бетрищевъ—типичный русскій генералъ, и что ему вредитъ не генеральскій чинъ самъ по себѣ, а, такъ сказать, психологія русскаго генеральства. Въ сценахъ съ Чичиковымъ и другими это воспроизведено мастерски.

Въ дальнѣйшемъ мы встрѣчаемъ безпутнаго и слабаго духомъ, но хорошаго по натурѣ, помѣщика *Хлобуева*, добрѣйшаго и неглупаго хлѣбосола *Пѣтуха* (одна изъ великолѣпнѣйшихъ гоголевскихъ фигуръ), совершенно нелѣпаго, но одушевленнаго добрыми намѣреніями помѣщика полковника *Кошкарева*, „устрояющаго“ свое и крестьянское благополучіе посредствомъ западническихъ и бюрократическихъ новшествъ, потомъ помѣщика *Василія Платонова*, славянофила, впадающаго въ другую крайность (онъ убѣжденъ, что вся суть дѣла—въ русскомъ національномъ костюмѣ и въ квасѣ). Любопытенъ и братъ этого помѣщика, тоже богатый помѣщикъ, *Платонъ Платоновъ*, умный, образованный, красивый, блестящій, но безнадежно скучающій человѣкъ, который ко всему охладѣлъ, ко всему равнодушенъ,— однимъ словомъ, родъ новаго Онѣгина и разновидность „лишняго человѣка“ 40-хъ годовъ. Этому-то лицу Гоголь влагаетъ въ уста слѣдующую тираду: „Странно, отчего русскій человѣкъ способенъ такъ задремать, что, если не смотришь за простымъ человѣкомъ, сдѣлается и пьяницей и негодяемъ?..“ „Отъ недостатка просвѣщенія“,—замѣтилъ Чичиковъ.

„Богъ вѣсть, отчего (продолжаетъ Платоновъ). Вѣдь вотъ мы просвѣтились, слушали въ университетѣ, а на что годимся? Ну, чему я выучился? Порядку жить не только не выучился, а еще больше выучился искусству побольше издерживать деньги на всякія утонченности да комфорты... Оттого ли, что я безтолково учился? Нѣтъ, вѣдь такъ и другіе товарищи. Два-три человѣка извлекли себѣ настоящую пользу... Ей Богу! А что я ужъ думаю: иной разъ, право, мнѣ кажется, что будто русскій человѣкъ—какой-то пропащій человѣкъ. Хочешь все сдѣлать—и ничего не можешь. Все думаешь съ завтрашняго дня начнешь новую жизнь, съ завтрашняго дня сядешь на діэту; ничуть не бывало: къ вечеру того же дня такъ объѣшься, что только хлопаешь глазами, и языкъ не ворочается,—какъ сова сидишь, глядя на всѣхъ,—право! И этакъ всѣ“

Если въ первой части „Мертвыхъ душъ“ была показана *тьма*, окутавшая Русь, и картина поражала „*пугающимъ отсутствіемъ свѣта*“, то во второй части уже брежжитъ слабый лучъ зари, уже виденъ просвѣтъ.

Въ „природѣ“ русскаго человѣка, будь это байбакъ Тентетниковъ, или генералъ Бетрищевъ, или обжора Пѣтухъ, или даже совсѣмъ замотавшійся Хлобуевъ, Гоголь указываетъ хорошія стороны, добрую основу, и только скорбитъ о томъ, что ничего изъ этого не выходитъ; онъ знаетъ и причину этой неудачи: безволіе, лѣнь, отсутствіе выдержки, недостатокъ энергіи и работоспособности русскаго человѣка. Тутъ само собою напрашивалось цѣлебное средство противъ этихъ національныхъ недуговъ: взять себя въ руки и поучиться самообладанію, труду и энергіи у обрусѣвшихъ иностранцевъ, представителемъ которыхъ Гоголь выбралъ (и очень неудачно) грека Костанжогло. Впослѣдствіи ту же идею углубилъ и развилъ Гончаровъ, гораздо удачнѣе выразивъ ее противопоставленіемъ лежебоку Обломову обрусѣлаго нѣмца Штольца.

„Цѣлебное средство“—взять себя въ руки и поучиться выдержкѣ и труду у обрусѣвшихъ иностранцевъ, которые, въ сущности, такіе же русскіе, какъ мы, только безъ русской лѣни и безпутства,—это „средство“ было указано Гоголемъ (и потомъ Гончаровымъ) только какъ палліативъ, какъ благое пожеланіе, какъ наставленіе, и ни Гоголь, ни Гончаровъ, въ сущности, не вѣрили въ его дѣйствительность. Обломовъ такъ и умеръ Обломовымъ и пустилъ Захара по-міру. Хозяйственно-моральная проповѣдь Костанжогло остается гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Его филиппики по адресу Кошкаревыхъ, Хлобуевыхъ и прочихъ пропадаютъ даромъ. Его изумительная дѣятельность, какъ помѣщика-хозяина, въ самомъ дѣлѣ, устрояющаго благо-

состоянiе крестьянъ,—дѣятельность, столь полезная для края, не находитъ подражателей. Есть только одинъ человѣкъ, который цѣнитъ ее и благоговѣйно прислушивается къ мудрымъ рѣчамъ Костанжогло, и этотъ человѣкъ—все тотъ же Павелъ Ивановичъ Чичиковъ, у котораго глаза разгорѣлись и духъ захватило при мысли о возможности быстраго обогащенiя по рецепту и при содѣйствiи Костанжогло.

Гоголь высоко ставитъ этого обрусѣлаго инородца и коритъ имъ коренныхъ русскихъ, но не вѣритъ, чтобы всѣ эти инородцы могли оздоровить нашу нацiональную психику и вывести насъ на „путь истины", научивъ насъ самообладанiю и „порядку жизни".

Вторая часть „Мертвыхъ душъ" и была, очевидно, выраженiемъ этой мысли. Русь какъ будто пробуждается и хочетъ выйти изъ трясины, изображенной въ первой части, но она не въ силахъ выкарабкаться, она бьется и вязнетъ, она просыпается отъ тяжелаго сна, но окончательно проснуться не можетъ, какъ ни стараются разбудить ее разные, болѣе или менѣе фантастическiе, помѣщики въ родѣ Костанжогло, мудрые дѣльцы, преслѣдующiе не столько цѣль наживы, сколько идею полезной народу и краю хозяйственной дѣятельности... Одна надежда—на Чичикова. Вотъ бодрый, неутомимый дѣловой россiянинъ. Если бы только не было у него этой легкости, этой моральной пустоты въ душѣ, если бы какимъ-нибудь чудомъ пробудилась въ немъ совѣсть, и имъ овладѣло страстное желанiе стать *настоящимъ* человѣкомъ, то—нѣтъ сомнѣнiя—изъ этой талантливой русской натуры и вышелъ бы прокъ. Обращенiе Чичикова на путь истины означало бы, что Русь проснулась, очнулась, встряхнулась...

Во второй части „Мертвыхъ душъ" Гоголь исподволь подготовлялъ читателя къ допущенiю такой возможности, такого „чуда". Великiй поэтъ старается внушить намъ вѣру въ то, что „русскiй человѣкъ", самъ того, быть-можетъ, не зная, жаждетъ пробужденiя, обновленiя, спитъ и грезитъ о томъ, какъ бы проснуться и двинуться впередъ. Остановка за малымъ: нужно только, чтобы пришелъ кто-то и произнесъ магическое слово *„впередъ!"* Этого „бодрящаго слова *„впередъ!"*... жаждетъ повсюду, на всѣхъ ступеняхъ стоящiй, всѣхъ сословiй и званiй и промысловъ русскiй человѣкъ..." (гл. I). Такъ думалъ Гоголь, и самъ ждалъ, что вотъ-вотъ придетъ нѣкто и „крикнетъ пробуждающимъ крикомъ это бодрящее слово". Но никто не приходилъ, и вѣщее слово не произносилось... Поэтъ все ждалъ.

„Гдѣ же тотъ, кто бы на родномъ языкѣ русской души умѣлъ бы намъ сказать это всемогущее слово *впередъ?* Кто, зная всѣ силы и свойства и всю глубину нашей природы, однимъ чародѣйнымъ мановеніемъ могъ бы устремить насъ на высокую жизнь? Какими слезами, какою любовью заплатилъ бы ему благодарный русскій человѣкъ?..“ („Мертв. души“, ч. II, гл. I).

Теперь мы знаемъ, что это великое „бодрящее слово“ хотѣлъ сказать самъ Гоголь поэмою „Мертвыя души“ въ ея цѣломъ, но въ особенности ея третьею частью, гдѣ онъ предполагалъ изобразить *хорошія свойства русскаго человѣка, его идеальную сторону и вывести положительные типы.* Въ одномъ офиціальномъ письмѣ онъ говоритъ, что работаетъ надъ окончаніемъ „Мертвыхъ душъ“, гдѣ будетъ „выставлено наружу все здоровое и крѣпкое въ нашей природѣ“ („Письма Н. В. Гоголя“, IV, стр. 343). Въ другомъ письмѣ (къ гр. Віельгорской, отъ 30 марта 1849 г.) онъ ставитъ вопросъ: „Что значитъ сдѣлаться *русскимъ на самомъ дѣлѣ*“, и „въ чемъ состоитъ привлекательность нашей русской породы?“ И отвѣчаетъ такъ: „Высокое достоинство русской породы состоитъ въ томъ, что она способна глубже, чѣмъ другія, принять въ себя высокое слово евангельское, возводящее къ совершенству человѣка. Сѣмена Небеснаго Сѣятеля съ равною щедростью были разбросаны повсюду, но одни попали на проѣзжую дорогу при пути и были расхищены налетавшими птицами; другія попали на камни—взошли, но усохли; третьи—въ терніе—взошли, но скоро были заглушены дурными травами! *Четвертыя только*, попавшія на добрую почву, принесли плодъ. Эта добрая почва—русская воспріимчивая природа: хорошо взлелѣянныя въ сердцѣ сѣмена Христовы дали все лучшее, что ни есть въ русскомъ характерѣ. Итакъ, для того, чтобы сдѣлаться русскимъ, нужно обратиться къ источнику, безъ котораго русскій не станетъ русскимъ въ значеніи высшемъ этого слова...“ („Письма“, IV, стр. 238—239).

Вотъ именно эту-то фантастическую идею и старался Гоголь выразить идеальными русскими типами третьей части „Мертвыхъ душъ“. По сохранившимся черновымъ наброскамъ мы можемъ безошибочно заключить, что это не удалось и не могло удаться великому художнику. Если не ошибаюсь, можно предположить, что типъ идеальнаго откупщика *Муразова* изъ крестьянъ принадлежалъ собственно третьей части, хотя, конечно, могъ появиться впервые во второй. Во всякомъ случаѣ этотъ „типъ“ наиболѣе ярко и наглядно воспроизводитъ фантастическій замыселъ Гоголя: Муразовъ соединяетъ въ себѣ

положительныя черты Костанжогло съ христіанскимъ смиренномудріемъ, любовью къ ближнему, всепрощеніемъ. Въ немъ русская стихія просвѣтлена и облагорожена свѣтомъ Евангелія. Муразовъ—воплощеніе и христіанской кротости, и государственной мудрости, и природнаго русскаго мужицкаго ума. И то, что говоритъ онъ князю, облеченному исключительными полномочіями въ краѣ, въ самомъ дѣлѣ умно, и по тому времени до невѣроятности смѣло, даже дерзко. Но зато его увѣщанія, обращенныя къ несчастному Чичикову, попавшему подъ судъ и въ кутузку, до невѣроятности наивны и выдаютъ всю несостоятельность главной мысли, положенной въ основаніе „Мертвыхъ душъ": это именно мысль о перерожденіи Чичикова, обращеніи его на путь истины, послѣ всѣхъ треволненій и ударовъ судьбы, при чемъ данъ прозрачный намекъ на какое-то доброе начало и богатыя силы, заключенныя въ легкой душѣ Чичикова. Это мѣсто стоитъ привести. — Муразовъ говоритъ ему:

„Ахъ, Павелъ Ивановичъ, Павелъ Ивановичъ! Какой бы изъ васъ былъ человѣкъ, если бы такъ же, и силою и терпѣніемъ, да подвизались вы на добрый трудъ, имѣя лучшую цѣль! Боже мой, сколько бы вы надѣлали добра! Если бы хоть кто-нибудь изъ тѣхъ людей, которые любятъ добро, да употребили бы столько усилій для него, какъ вы для добыванія своей копейки, да сумѣли бы такъ пожертвовать для добра и собственнымъ самолюбіемъ и честолюбіемъ, не жалѣя себя, какъ вы не жалѣли для добыванія своей копейки,—Боже мой, какъ процвѣла бы наша земля!.. Павелъ Ивановичъ, Павелъ Ивановичъ! Не то жаль, что виноваты вы стали предъ другими, а то жаль, *что предъ собой виноваты—предъ богатыми силами и дарами, которые достались въ удѣлъ вамъ. Назначеніе ваше—быть великимъ человѣкомъ, а вы себя запропастили и погубили*".

Итакъ, нашему милѣйшему Павлу Ивановичу, котораго мы такъ хорошо знаемъ по первой части „Мертвыхъ душъ," предстояло „назначеніе"—„быть великимъ человѣкомъ"! И невольно думается: слава Богу, что онъ самъ не подозрѣвалъ этого высокаго „назначенія", вѣдь иначе какимъ бы Хлестаковымъ предсталъ бы онъ передъ изумленными народами и государствами, которыя „посторанивались" и „давали дорогу" бойкой тройкѣ—Руси. Нѣтъ, ужъ лучше возьмемъ Павла Ивановича такимъ, какимъ мы знаемъ его по первой части „Мертвыхъ душъ", гдѣ онъ украшенъ большою добродѣтелью, скромностью, о себѣ былъ не высокаго мнѣнія и въ великіе люди не лѣзъ. Вѣдь, если Чичиковы возомнятъ себя великими людь-

ми, государственными мужами, общественными дѣятелями, поборниками добра и правды и т. д., то что же изъ этого выйдетъ? А можетъ быть, ужъ это и бывало?

17.

Для правильнаго сужденія *о русскихъ національныхъ типахъ*, какъ они воспроизведены Гоголемъ, необходимо имѣть въ виду слѣдующее; 1) это—типы *сатирическіе*, изображающіе русскую „національную физіономію" не въ ея нормальномъ видѣ, а въ ея „искривленіи"; 2) это — типы *очень широкіе, общерусскіе*, а *широта типа*, какъ и *объемъ понятія*, находится въ обратномъ отношеніи къ *содержанію того и другого*, слѣдовательно, чѣмъ шире національный типъ, тѣмъ меньше національныхъ чертъ воспроизведено въ немъ, и онъ, по необходимости, одностороненъ.

Принимая во вниманіе эти два пункта, мы скажемъ такъ: фигурами Хлестакова и Чичикова проницательный сатирикъ-психологъ, дѣйствительно, „*кое-что* ловко подмѣтилъ" въ нашей національной психологіи и заставилъ насъ самихъ смѣяться надъ самими собой, но, во-первыхъ, „искривленіе" національной физіономіи, представленное въ этихъ типахъ, предполагаетъ существованіе и неискривленной національной физіономіи или, по крайней мѣрѣ, столь мало искривленной, что это отклоненіе отъ нормы въ счетъ не идетъ, а, во-вторыхъ, широта этихъ національныхъ типовъ, свидѣтельствуя о широкой всероссійской распространенности у насъ Хлестаковскихъ и Чичиковскихъ чертъ, въ то же время намекаетъ на то, что въ нашей національной психологіи есть и другія черты, не внесенныя въ данные образы: однѣ изъ нихъ не внесены сюда потому, что мѣшали бы яркому проявленію хлестаковщины и чичиковщины; другія обойдены потому, что не являются чертами столь общими и столь характерными.

Для правильной, для справедливой оцѣнки той или иной національности нужно взять ее во всемъ разнообразіи ея свойствъ. Этого никакъ нельзя достигнуть созданіемъ одного, двухъ, трехъ, хотя бы и высокохудожественныхъ и глубокотипичныхъ образовъ. Нуженъ цѣлый рядъ образовъ, постоянно пополняемый новыми образами, выдвигающими впередъ то, что не было замѣчено раньше. Національная психологія сложна и не остается неподвижною. Она до безконечности видоизмѣняется и по классамъ, и по сословіямъ, даже по профессіямъ и, наконецъ, отъ человѣка къ человѣку. Приблизитель-

ное понятіе о русской національной психологіи мы можемъ составить себѣ только по цѣлой коллекціи типовъ, въ которыхъ выставлены ея различныя стороны: однѣ въ ихъ искривленномъ видѣ, другія — въ ихъ нормальномъ, здоровомъ состояніи. Важнѣйшіе образы, входящіе въ эту коллекцію, суть слѣдующіе: *Хлестаковъ*, *Чичиковъ*, *Ноздревъ*, *Тентетниковъ*, *Обломовъ*, *Каратаевъ и Кутузовъ* (въ „Войнѣ и Мирѣ" Толстого), *Базаровъ и Соломинъ* (въ „Отцахъ и Дѣтяхъ" и „Нови" Тургенева). Кромѣ того, національныя черты отмѣчены, такъ сказать, попутно и во множествѣ типовъ бытовыхъ, взятыхъ изъ той или иной среды, въ купеческихъ типахъ Островскаго, въ фигурахъ провинціальныхъ обывателей у Писемскаго, въ крестьянскихъ типахъ „Записокъ охотника" Тургенева, въ мѣщанахъ, разночинцахъ и мужикахъ Глѣба Успенскаго и т. д., наконецъ, въ типичныхъ представителяхъ интеллигенціи: въ Чацкомъ, Онѣгинѣ, Печоринѣ, Рудинѣ, Лаврецкомъ, въ уже упомянутомъ Базаровѣ и мн. др.

Уже изъ того факта, что Гоголь такъ удачно превращалъ весьма разнообразные *бытовые* типы въ *національные*, можно по праву заключить, что наша національная психологія сложна и богата различными чертами и не исчерпывается тѣми, которыя воплощены въ образахъ Хлестакова и Чичикова.

Наконецъ, нужно принять во вниманіе и то, что національная психологія измѣняется во времени, въ процессѣ историческаго развитія націи. И если въ Хлестаковѣ и Чичиковѣ мѣтко и „ловко подмѣчены" извѣстныя коренныя и широко распространенныя (не въ столь „искривленномъ видѣ") черты русской національной психологіи, то отсюда вовсе не слѣдуетъ, что онѣ пребудутъ во-вѣки. Съ теченіемъ времени, силою прогрессивнаго культурнаго развитія, наша національная психологія можетъ измѣниться до такой степени, что Хлестаковъ и Чичиковъ, даже въ облагороженномъ видѣ, перестанутъ быть для насъ типичными. Тогда они превратятся въ историческій документъ, въ памятникъ прошлаго... А пока, къ сожалѣнію, мы все еще можемъ пользоваться ими, лишь устраняя крайности ихъ выраженія, и долго будемъ пользоваться какъ художественными образами, проливающими свѣтъ на многое въ нашей жизни, личной, общественной и политической, и сплошь и рядомъ приходится намъ вспоминать „искреннее", „художественное" вранье Хлестакова, а иной разъ такъ и хочется толкнуть сосѣда, сказавъ: „вонъ Чичиковъ пошелъ!" и побѣжать за нимъ, приговаривая: Чичиковъ, Чичиковъ, Чичиковъ...

Мы обозрѣли важнѣйшія художественныя произведенія Гоголя отъ „Вечеровъ на хуторѣ“ до сожженныхъ частей „Мертвыхъ душъ“. Мы указали и то направленіе, въ которомъ развивалось геніальное творчество великаго писателя: *отъ романтизма къ реализму*. Въ этомъ направленіи шло развитіе и всей русской художественной литературы. Пушкинъ перешелъ отъ романтизма къ реализму уже въ половинѣ 20-хъ годовъ. И оба они, каждый по своему, предначертали путь, на которомъ русская художественная литература должна была выполнить великое историческое дѣло — созданія нашего національнаго и общественнаго самосознанія.

Роль Гоголя въ этомъ великомъ историческомъ дѣлѣ опредѣляется тѣмъ, что онъ былъ *великимъ поэтомъ смѣха*. Эту сторону, важнѣйшую въ творчествѣ Гоголя, я и старался выдвинуть и освѣтить въ этомъ очеркѣ. Подводя итогъ, скажу такъ:

Отъ веселаго и безобиднаго смѣха „Вечеровъ на хуторѣ“, отъ искрящагося малороссійскаго „жарта“ великій „хохолъ“ очень скоро перешелъ къ ѣдкому, горькому всероссійскому смѣху. Углубляя его смыслъ, создавая широкіе всероссійскіе сатирическіе типы, Гоголь уже въ 1835 году дошелъ *до великой гражданской и національной скорби*, скрытой въ видимомъ смѣхѣ, и на долгія десятилѣтія заставилъ насъ скорбѣть, смѣясь надъ самими собой, и этотъ скорбный смѣхъ и былъ, и остается, и долго еще будетъ смѣхомъ освѣжающимъ, очищающимъ, облагораживающимъ, возрождающимъ насъ. И каждый разъ, когда мы такъ „смѣемся“, мы, въ сущности, этимъ смѣхомъ повторяемъ историческое восклицаніе Пушкина: „Боже, какъ грустна наша Россія!“

Пройдутъ десятилѣтія... много пройдетъ десятилѣтій. Россія, мы вѣримъ, перестанетъ быть „грустною“, жизнь расцвѣтетъ и упорядочится на нашихъ необозримыхъ пространствахъ, и наши далекіе потомки, читая Гоголя, будутъ думать: „невеселая штука была когда-то наша нынѣ богатая, счастливая, цвѣтущая матеріально и духовно Россія!“ И вспоминая всѣхъ этихъ Чичиковыхъ, Хлестаковыхъ, Ноздревыхъ и всѣхъ прочихъ, нѣкогда выражавшихъ нашу искривленную національную физіономію, счастливые потомки наши не перестанутъ умиленно и благоговѣйно чтить память великаго поэта Руси, геніальнаго художника, который такъ глубоко проникалъ въ самую суть нашей національной психологіи и такъ страдальчески сознавалъ ея изъяны.

Д. Овсянико-Куликовскій.

ВЕЧЕРА

НА ХУТОРѢ БЛИЗЪ ДИКАНЬКИ.

ПОВѢСТИ,

ИЗДАННЫЯ

ПАСИЧНИКОМЪ РУДЫМЪ ПАНЬКОМЪ.

Часть первая.

Предисловіе.

„Это что за невидаль: „Вечера на хуторѣ близь Диканьки?“ Что это за „Вечера“? И швырнулъ въ свѣтъ какой-то пасичникъ![1]) Слава Богу! еще мало ободрали гусей на перья и извели тряпья на бумагу! Еще мало народу, всякаго званія и сброду, вымарало пальцы въ чернилахъ! Дернула же охота и пасичника потащиться вслѣдъ за другими! Право, печатной бумаги развелось столько, что не придумаешь скоро, что бы такое завернуть въ нее“.

Слышало, слышало вѣщее мое всѣ эти рѣчи еще за мѣсяцъ! То-есть, я говорю, что нашему брату, хуторянину, высунуть носъ изъ своего захолустья въ большой свѣтъ—батюшки мои!—это все равно, какъ случается, иногда зайдешь въ покои великаго пана: всѣ обступятъ тебя и пойдутъ дурачить; еще бы ничего, пусть уже высшее лакейство,—нѣтъ, какой-нибудь оборванный мальчишка, посмотрѣть—дрянь, который копается на заднемъ дворѣ, и тотъ пристанетъ; и начнутъ со всѣхъ сторонъ притопывать ногами: „Куда? куда? зачѣмъ? пошелъ, мужикъ, пошелъ!“... Я скажу... Да что говорить! Мнѣ легче два раза въ годъ съѣздить въ Миргородъ, въ которомъ, вотъ уже пять лѣтъ, какъ не видалъ меня ни подсудокъ изъ земскаго суда, ни почтенный іерей, чѣмъ показаться въ этотъ великій свѣтъ; а показался,—плачь, не плачь, давай отвѣтъ.

У насъ, мои любезные читатели,—не во гнѣвъ будь сказано (вы, можетъ быть, и разсердитесь, что пасичникъ говоритъ вамъ запросто, какъ будто какому-нибудь свату своему или куму),—у насъ, на хуторахъ, водится издавна: какъ только окончатся работы въ полѣ, мужикъ залѣзетъ отдыхать на всю зиму на печь, и нашъ братъ припрячетъ своихъ пчелъ въ темный погребъ; когда ни журавлей на небѣ, ни грушъ на деревѣ не увидите болѣе; тогда, только вечеръ, уже навѣрно гдѣ-нибудь въ концѣ улицы брезжитъ огонекъ, смѣхъ и пѣсни слышатся издалече, бренчитъ балалайка, а подчасъ и скрипка, говоръ, шумъ... Это у насъ *вечерницы*! Онѣ, изволите видѣть, онѣ похожи на ваши балы; только нельзя сказать, чтобы совсѣмъ. На балы если вы ѣдете, то именно для того, чтобы

[1]) Пчеловодъ.

повертѣть ногами и позѣвать въ руку; а у насъ соберется въ одну хату толпа дѣвушекъ совсѣмъ не для балу, съ веретеномъ, съ гребнями. И сначала будто и дѣломъ займутся: веретена шумятъ, льются пѣсни, и каждая не подыметъ и глазъ въ сторону; но только нагрянутъ въ хату парубки съ скрипачемъ,—подымется крикъ, затѣется шаль, пойдутъ танцы и заведутся такія штуки, что и разсказать нельзя.

Но лучше всего, когда собьются всѣ въ тѣсную кучку и пустятся загадывать загадки, или просто — нести болтовню. Боже ты мой! чего только не разскажутъ! откуда старины не выкопаютъ! какихъ страховъ не нанесутъ! Но нигдѣ, можетъ быть, не было разсказываемо столько диковинъ, какъ на вечерахъ у пасичника Рудого Панька.[1]) За что меня міряне прозвали Рудымъ Панькомъ—ей Богу, не умѣю сказать. И волосы, кажется, у меня теперь болѣе сѣдые, чѣмъ рыжіе. Но у насъ, не извольте гнѣваться, такой обычай: какъ дадутъ кому люди какое прозвище, то и во вѣки-вѣковъ останется оно. Бывало, соберутся наканунѣ праздничнаго дня добрые люди въ гости, въ пасичникову лачужку, усядутся за столъ,—и тогда прошу только слушать. И то сказать, что люди были вовсе не простого десятка, не какіе-нибудь мужики хуторянскіе; да, можетъ, иному и повыше пасичника сдѣлали бы честь посѣщеніемъ. Вотъ, напримѣръ, знаете ли вы дьяка Диканьской церкви, Ѳому Григорьевича? Эхъ, голова! Что за исторіи умѣлъ онъ отпускать! Двѣ изъ нихъ найдете въ этой книжкѣ. Онъ никогда не носилъ пестрядеваго халата, какой встрѣтите вы на многихъ деревенскихъ дьячкахъ; но заходите къ нему и въ будни, онъ васъ всегда приметъ въ балахонѣ изъ тонкаго сукна, цвѣта застуженнаго картофельнаго киселя, за которое платилъ онъ въ Полтавѣ чуть не по шести рублей за аршинъ. Отъ сапогъ его, у насъ никто не скажетъ на цѣломъ хуторѣ, чтобы слышенъ былъ запахъ дегтя; но всякому извѣстно, что онъ чистилъ ихъ самымъ лучшимъ смальцемъ, какого, думаю, съ радостью иной мужикъ положилъ бы себѣ въ кашу. Никто не скажетъ также, чтобы онъ когда-либо утиралъ носъ полою своего балахона, какъ то дѣлаютъ иные люди его званія; но вынималъ изъ-за пазухи опрятно сложенный бѣлый платокъ, вышитый по всѣмъ краямъ красными нитками, и, исправивши, что слѣдуетъ, складывалъ его снова, по обыкновенію, въ двѣнадцатую долю и пряталъ за пазуху. А одинъ изъ гостей... Ну, тотъ уже былъ такой паничъ, что хоть сейчасъ нарядить въ засѣдатели или подкоморіи. Бывало, поставитъ передъ со-

[1]) Рудый—рыжій. Панько—уменьшит. отъ Панасъ, Опанасъ (Аѳанасій).

бою палецъ и, глядя на конецъ его, пойдетъ разсказывать вычурно, да хитро, какъ въ печатныхъ книжкахъ! Иной разъ слушаешь, слушаешь, да и раздумье нападетъ. Ничего, хоть убей, не понимаешь. Откуда онъ словъ понабрался такихъ? Ѳома Григорьевичъ разъ ему насчетъ этого славную сплелъ присказку: онъ разсказалъ ему, какъ одинъ школьникъ, учившійся у какого-то дьяка грамотѣ, пріѣхалъ къ отцу и сталъ такимъ латыньщикомъ, что позабылъ даже нашъ языкъ православный,—всѣ слова сворачиваетъ на *усъ*: лопата у него—лопатусъ, баба—бабусъ. Вотъ, случилось разъ, пошли они вмѣстѣ съ отцомъ въ поле. Латыньщикъ увидѣлъ грабли и спрашиваетъ отца: „Какъ это, батьку, по-вашему называется?" Да и наступилъ, разинувши ротъ, ногою на зубы. Тотъ не успѣлъ собраться съ отвѣтомъ, какъ ручка, размахнувшись, поднялась и—хвать его по лбу! „Проклятыя грабли"!—закричалъ школьникъ, ухватясь рукою за лобъ и подскочивши на аршинъ: „какъ же онѣ,—чортъ бы спихнулъ съ моста отца ихъ,—больно бьются!" Такъ вотъ какъ! припомнилъ и имя, голубчикъ. Такая присказка не по душѣ пришлась затѣйливому разсказчику. Не говоря ни слова, всталъ онъ съ мѣста, разставилъ ноги свои посреди комнаты, нагнулъ голову немного впередъ, засунулъ руку въ задній карманъ гороховаго кафтана своего, вытащилъ круглую, подъ лакомъ, табакерку, щелкнулъ пальцемъ по намалеванной рожѣ какого-то бусурманскаго генерала и, захвативши не малую порцію табаку, растертаго съ золою и листьями любистка, поднесъ ее коромысломъ къ носу и вытянулъ носомъ на лету всю кучку, не дотронувшись даже до большого пальца,—и все ни слова. Да какъ полѣзъ въ другой карманъ и вынулъ синій въ клѣткахъ бумажный платокъ, тогда только проворчалъ про себя, чуть-ли еще не поговорку: „*Не мечите бисера передъ свиньями*"... „Быть же теперь ссорѣ", подумалъ я, замѣтивъ, что пальцы у Ѳомы Григорьевича такъ и складывались дать дулю. Къ счастію, старуха моя догадалась поставить на столъ горячій книшъ съ масломъ. Всѣ принялись за дѣло. Рука Ѳомы Григорьевича вмѣсто того, чтобъ показать шишъ, протянулась къ книшу, и, какъ всегда водится, начали прихваливать мастерицу-хозяйку. Еще былъ у насъ одинъ разсказчикъ; но тотъ (нечего бы къ ночи и вспоминать о немъ) такія выкапывалъ страшныя исторіи, что волосы ходили по головѣ. Я нарочно и не помѣщалъ ихъ сюда: еще напугаешь добрыхъ людей, такъ что пасичника, прости Господи, какъ чорта всѣ станутъ бояться. Пусть лучше, какъ доживу, если дастъ Богъ, до новаго года и выпущу другую книжку, тогда можно будетъ постращать выходцами

съ того свѣта и дивами, какія творились въ старину въ православной сторонѣ нашей. Межъ ними, статься-можетъ, найдете побасенки самого пасичника, какія разсказывалъ онъ своимъ внукамъ. Лишь бы слушали да читали, а у меня, пожалуй, лѣнь только проклятая рыться, наберется и на десять такихъ книжекъ.

Да, вотъ было и позабылъ самое главное: какъ будете, господа, ѣхать ко мнѣ, то прямехонько берите путь по столбовой дорогѣ на Диканьку. Я нарочно и выставилъ ее на первомъ листкѣ, чтобы скорѣе добрались до нашего хутора. Про Диканьку же, думаю, вы наслышались вдоволь. И то сказать, что тамъ домъ почище какого-нибудь пасичникова куреня. А про садъ и говорить нечего: въ Петербургѣ вашемъ, вѣрно, не сыщете такого. Пріѣхавши же въ Диканьку, спросите только перваго попавшагося навстрѣчу мальчишку, пасущаго въ запачканной рубашкѣ гусей: „А гдѣ живетъ пасичникъ Рудый Панько?“—„А вотъ тамъ!“ скажетъ онъ, указавши пальцемъ, и, если хотите, доведетъ васъ до самаго хутора. Прошу, однакожъ, не слишкомъ закладывать назадъ руки и, какъ говорится, финтить, потому что дороги по хуторамъ нашимъ не такъ гладки, какъ передъ вашими хоромами. Ѳома Григорьевичъ, третьяго году, пріѣзжая изъ Диканьки, понавѣдался-таки въ провалъ съ новою таратайкою своею и гнѣдою кобылою, несмотря на то, что самъ правилъ и что, сверхъ своихъ глазъ, надѣвалъ по временамъ еще покупные.

Зато уже, какъ пожалуете въ гости, то дынь подадимъ такихъ, какихъ вы отъ-роду, можетъ быть, не ѣли; а меду, и забожусь, лучшаго не сыщете на хуторахъ: представьте себѣ, что, какъ внесешь сотъ, духъ пойдетъ по всей комнатѣ, вообразить нельзя, какой: чистъ, какъ слеза или хрусталь дорогой, что бываетъ въ серьгахъ. А какими пирогами накормитъ моя старуха! Что за пироги, если бъ вы только знали: сахаръ, совершенный сахаръ! А масло, такъ вотъ и течетъ по губамъ, когда начнешь ѣсть. Подумаешь, право: на что не мастерицы эти бабы! Пили ли вы когда-либо, господа, грушевый квасъ съ терновыми ягодами, или варенуху съ изюмомъ и сливами? Или, не случалось ли вамъ, подчасъ, ѣсть путрю съ молокомъ? Боже ты мой, какихъ на свѣтѣ нѣтъ кушаньевъ! Станешь ѣсть—объяденье, да и полно: сладость неописанная! Прошлаго года... Однакожъ, что я въ самомъ дѣлѣ разболтался?.. Пріѣзжайте только, пріѣзжайте поскорѣй; а накормимъ такъ, что будете разсказывать и встрѣчному и поперечному.

Пасичникъ Рудый Панько.

> Мини нудно въ хати жить.
> Ой вези жъ мене изъ дому,
> Де багацько грому, грому,
> Де гопцюютъ все дивкы,
> Де гуляють парубкы!
>
> *Изъ старинной легенды.*

I.

Какъ упоителенъ, какъ роскошенъ лѣтній день въ Малороссіи! Какъ томительно-жарки тѣ часы, когда полдень блещетъ въ тишинѣ и зноѣ, и голубой, неизмѣримый океанъ, сладострастнымъ куполомъ нагнувшійся надъ землею, кажется, заснулъ, весь потонувши въ нѣгѣ, обнимая и сжимая прекрасную въ воздушныхъ объятіяхъ своихъ! На немъ ни облака; въ полѣ ни рѣчи. Все какъ будто умерло; вверху только, въ небесной глубинѣ, дрожитъ жаворонокъ, и серебряныя пѣсни летятъ по воздушнымъ ступенямъ на влюбленную землю, да изрѣдка крикъ чайки, или звонкій голосъ перепела отдается въ степи. Лѣниво и бездумно, будто гуляющіе безъ цѣли, стоятъ подоблачные дубы, и ослѣпительные удары солнечныхъ лучей зажигаютъ цѣлыя живописныя массы листьевъ, накидывая на другія темную, какъ ночь, тѣнь, по которой только при сильномъ вѣтрѣ прыщетъ золото. Изу-

мруды, топазы, яхонты эѳирныхъ насѣкомыхъ сыплются надъ пестрыми огородами, осѣняемыми статными подсолнечниками. Сѣрыя скирды сѣна и золотые снопы хлѣба станомъ располагаются въ полѣ и кочуютъ по его неизмѣримости. Нагнувшіяся отъ тяжести плодовъ широкія вѣтви черешенъ, сливъ, яблонь, грушъ; небо, его чистое зеркало—рѣка въ зеленыхъ гордо поднятыхъ рамахъ... какъ полно сладострастія и нѣги малороссійское лѣто!

Такою роскошью блисталъ одинъ изъ дней жаркаго августа тысячу восемьсотъ... восемьсотъ... да лѣтъ тридцать будетъ назадъ тому, когда дорога, верстъ за десять до мѣстечка Сорочинецъ, кипѣла народомъ, поспѣшавшимъ со всѣхъ окрестныхъ и дальнихъ хуторовъ на ярмарку. Съ утра еще тянулись нескончаемою вереницею чумаки съ солью и рыбою. Горы горшковъ, закутанныхъ въ сѣно, медленно двигались, кажется, скучая своимъ заключеніемъ и темнотою; мѣстами только какая-нибудь расписанная ярко миска или макитра хвастливо выказывалась изъ высоко-взгроможденнаго на возу плетня и привлекала умиленные взгляды поклонниковъ роскоши. Много прохожихъ поглядывало съ завистью на высокаго гончара, владѣльца сихъ драгоцѣнностей, который медленными шагами шелъ за своимъ товаромъ, заботливо окутывая глиняныхъ своихъ щеголей и кокетокъ ненавистнымъ для нихъ сѣномъ.

Одиноко въ сторонѣ тащился на истомленныхъ волахъ возъ, наваленный мѣшками, пенькою, полотномъ и разною домашнею поклажею, за которымъ брелъ, въ чистой полотняной рубашкѣ и запачканныхъ полотняныхъ шароварахъ, его хозяинъ. Лѣнивою рукою обтиралъ онъ катившійся градомъ потъ со смуглаго лица и даже капавшій съ длинныхъ усовъ, напудренныхъ тѣмъ неумолимымъ парикмахеромъ, который безъ зову является и къ красавицѣ и къ уроду и насильно пудритъ, нѣсколько тысячъ уже лѣтъ, весь родъ человѣческій. Рядомъ съ нимъ шла привязанная къ возу кобыла, смиренный видъ которой обличалъ преклонныя лѣта ея. Много встрѣчныхъ, и особливо молодыхъ парубковъ, брались за шапку, поровнявшись съ нашимъ мужикомъ. Однакожъ, не сѣдые усы и не важная поступь его заставляли это дѣлать; стоило только поднять глаза немного вверхъ, чтобы увидѣть причину такой почтительности: на возу сидѣла хорошенькая дочка, съ круглымъ личикомъ, съ черными бровями, ровными дугами поднявшимися надъ свѣтлыми карими глазами, съ безпечно-улыбавшимися розовыми губками, съ повязанными на головѣ красными и синими лентами, которыя, вмѣстѣ съ длинными косами и пучкомъ полевыхъ цвѣтовъ, богатою короною поко-

ились на ея очаровательной головкѣ. Все, казалось, занимало ее; все было ей чудно, ново... и хорошенькіе глазки безпрестанно бѣгали съ одного предмета на другой. Какъ не разсѣяться! въ первый разъ на ярмаркѣ! Дѣвушка въ осьмнадцать лѣтъ въ первый разъ на ярмаркѣ!.. Но ни одинъ изъ прохожихъ и проѣзжихъ не зналъ, чего ей стоило упросить отца взять съ собою, который и душою радъ бы былъ это сдѣлать, если бы не злая мачиха, выучившаяся держать его въ рукахъ такъ же ловко, какъ онъ вожжи своей старой кобылы, тащившейся, за долгое служеніе, теперь на продажу. Неугомонная супруга... Но мы и позабыли, что и она тутъ же сидѣла на высотѣ воза въ нарядной шерстяной зеленой кофтѣ, по которой, будто по горностаевому мѣху, нашиты были хвостики краснаго только цвѣта, въ богатой плахтѣ, пестрѣвшей какъ шахматная доска, и въ ситцевомъ цвѣтномъ очипкѣ, придававшемъ какую-то особенную важность ея красному полному лицу, по которому проскальзывало что-то столь непріятное, столь дикое, что каждый тотчасъ спѣшилъ перенести встревоженный взглядъ свой на веселенькое личико дочки.

Глазамъ нашихъ путешественниковъ началъ уже открываться Псёлъ; издали уже вѣяло прохладою, которая казалась ощутительнѣе послѣ томительнаго, разрушающаго жара. Сквозь темно-и свѣтло-зеленые листья небрежно раскиданныхъ по лугу осокоровъ, березъ и тополей засверкали огненныя, одѣтыя холодомъ искры, и рѣка-красавица блистательно обнажила серебряную грудь свою, на которую роскошно падали зеленыя кудри деревъ. Своенравная, какъ она, въ тѣ упоительные часы, когда вѣрное зеркало такъ завидно заключаетъ въ себѣ ея полное гордости и ослѣпительнаго блеска чело, лилейныя плечи и мраморную шею, осѣненную темною, упавшею съ русой головы волною, когда съ презрѣніемъ кидаетъ одни украшенія, чтобы замѣнить ихъ другими, и капризамъ ея конца нѣтъ,—она почти каждый годъ перемѣняетъ свои окрестности, выбираетъ себѣ новый путь и окружаетъ себя новыми разнообразными ландшафтами. Ряды мельницъ подымали на тяжелыя свои колеса широкія волны и мощно кидали ихъ, разбивая въ брызги, обсыпая пылью и обдавая шумомъ окрестность. Возъ съ знакомыми намъ пассажирами взъѣхалъ въ это время на мостъ, и рѣка во всей красотѣ и величіи, какъ цѣльное стекло, раскинулась передъ ними. Небо, зеленые и синіе лѣса, люди, возы съ горшками, мельницы—все опрокинулось, стояло и ходило вверхъ ногами, не падая въ голубую прекрасную бездну. Красавица наша задумалась, глядя на роскошь вида, и позабыла даже лущить свой подсолнеч-

никъ, которымъ исправно занималась во все продолженіе пути, какъ вдругъ слова: „Ай, да дивчина!“ поразили слухъ ея. Оглянувшись, увидѣла она толпу стоявшихъ на мосту парубковъ, изъ которыхъ одинъ, одѣтый пощеголеватѣе прочихъ, въ бѣлой шапкѣ и въ сѣрой шапкѣ рѣшетиловскихъ смушекъ, подпершись въ бока, молодецки поглядывалъ на проѣзжающихъ. Красавица не могла не замѣтить его загорѣвшаго, но исполненнаго пріятности лица и огненныхъ очей, казалось, стремившихся видѣть ее насквозь, и потупила глаза при мысли, что, можетъ быть, ему принадлежало произнесенное слово. „Славная дивчина!“ продолжалъ парубокъ въ бѣлой свиткѣ, не сводя съ нея глазъ. „Я бы отдалъ все свое хозяйство, чтобы поцѣловать ее. А вотъ впереди и дьяволъ сидитъ!“ Хохотъ поднялся со всѣхъ сторонъ; но разряженной сожительницѣ медленно выступавшаго супруга не слишкомъ показалось такое привѣтствіе: красныя щеки ея превратились въ огненныя, и трескъ отборныхъ словъ посыпался дождемъ на голову разгульнаго парубка:

„Чтобъ ты подавился, негодный бурлакъ! Чтобъ твоего отца горшкомъ въ голову стукнуло! Чтобъ онъ поскользнулся на льду, антихристъ проклятый! Чтобъ ему на томъ свѣтѣ чортъ бороду обжогъ!“

„Вишь, какъ ругается!“ сказалъ парубокъ, вытаращивъ на нее глаза, какъ будто озадаченный такимъ сильнымъ залпомъ неожиданныхъ привѣтствій: „и языкъ у нея, у столѣтней вѣдьмы, не заболитъ выговорить эти слова!“

„Столѣтней!“... подхватила пожилая красавица. „Нечестивецъ! поди, умойся напередъ! Сорванецъ негодный! Я не видала твоей матери, но знаю, что дрянь. И отецъ дрянь и тетка дрянь. Столѣтней!.. что у него молоко еще на губахъ“...

Тутъ возъ началъ спускаться съ мосту, и послѣднихъ словъ уже невозможно было разслушать; но парубокъ не хотѣлъ, кажется, кончить этимъ: не думая долго, схватилъ онъ комокъ грязи и швырнулъ вслѣдъ за нею. Ударъ былъ удачнѣе, нежели можно было предполагать: весь новый ситцевый очипокъ забрызганъ былъ грязью, и хохотъ разгульныхъ повѣсъ удвоился съ новою силою. Дородная щеголиха вскипѣла гнѣвомъ; но возъ отъѣхалъ въ это время довольно далеко, и месть ея обратилась на безвинную падчерицу и медленнаго сожителя, который привыкнувъ издавна къ подобнымъ явленіямъ, сохранялъ упорное молчаніе и хладнокровно принималъ мятежныя рѣчи разгнѣванной супруги. Однакожъ, несмотря на это, неутомимый языкъ ея трещалъ и болтался во рту до тѣхъ поръ, пока не пріѣхали они въ пригородье, къ старому знакомому

и куму, казаку Цыбулѣ. Встрѣча съ кумовьями, давно не видавшимися, выгнала на время изъ головы это непріятное происшествіе, заставивъ нашихъ путниковъ поговорить объ ярмаркѣ и отдохнуть немного послѣ дальняго пути.

II.

Що Боже, ты мій Господе! чого нема на тій ярмарци! колеса, сало, деготь, тютюнъ, ремень, цыбуля, крамари всяки... такъ, що хоть бы въ кишени було рубливъ и съ тридцять, то и тогди бъ не закупывъ усіеи ярмаркы.

Изъ малороссійской комедіи.

Вамъ, вѣрно, случалось слышать гдѣ-то валящійся отдаленный водопадъ, когда встревоженная окрестность полна гула, и хаосъ чудныхъ неясныхъ звуковъ вихремъ носится передъ вами. Не правда ли, не тѣ ли самыя чувства мгновенно обхватятъ васъ въ вихрѣ сельской ярмарки, когда весь народъ сростается въ одно огромное чудовище и шевелится всѣмъ своимъ туловищемъ на площади и по тѣснымъ улицамъ, кричитъ, гогочетъ, гремитъ? Шумъ, брань, мычаніе, блеяніе, ревъ—все сливается въ одинъ нестройный говоръ. Волы, мѣшки, сѣно, цыгане, горшки, бабы, пряники, шапки—все ярко, пестро, нестройно, мечется кучами и снуется передъ глазами. Разноголосыя рѣчи потопляютъ другъ друга, и ни одно слово не выхватится, не спасется отъ этого потопа; ни одинъ крикъ не выговорится ясно. Только хлопанье по рукамъ торгашей слышится со всѣхъ сторонъ ярмарки. Ломается возъ, звенитъ желѣзо, гремятъ сбрасываемыя на землю доски, и закружившаяся голова недоумѣваетъ, куда обратиться. Пріѣзжій мужикъ нашъ съ чернобровою дочкою давно уже толкался въ народѣ: подходилъ къ одному возу, щупалъ другой, примѣнивался къ цѣнамъ; а между тѣмъ мысли его ворочались безостановочно около десяти мѣшковъ пшеницы и старой кобылы, привезенныхъ имъ на продажу. По лицу его дочки замѣтно было, что ей не слишкомъ пріятно тереться около возовъ съ мукою и пшеницею. Ей бы хотѣлось туда, гдѣ подъ полотняными ятками нарядно развѣшаны красныя ленты, серьги, оловянные, мѣдные кресты и дукаты. Но и тутъ, однакожъ, она находила себѣ много предметовъ для наблюденія: ее смѣшило

до крайности, какъ цыганъ и мужикъ били одинъ другого по рукамъ, вскрикивая сами отъ боли; какъ пьяный жидъ давалъ бабѣ киселя[1]); какъ поссорившіяся перекупки перекидывались бранью и раками; какъ москаль, поглаживая одною рукою свою козлиную бороду, другою... Но вотъ, почувствовала она, кто-то дернулъ ее за шитый рукавъ сорочки. Оглянулась—и парубокъ въ бѣлой свиткѣ, съ яркими очами, стоялъ передъ нею. Жилки ея вздрогнули, и сердце забилось такъ, какъ еще никогда, ни при какой радости, ни при какомъ горѣ: и чудно, и любо ей показалось, и сама не могла растолковать, что дѣлалось съ нею.

„Не бойся, серденько, не бойся!“ говорилъ онъ ей вполголоса, взявши ея руку: „я ничего не скажу тебѣ худого!“

„Можетъ быть, это и правда, что ты ничего не скажешь худого“,—подумала про себя красавица:—„только мнѣ чудно... вѣрно, это лукавый! Сама, кажется, знаешь, что не годится такъ... а силы недостаетъ взять отъ него руку“.

Мужикъ оглянулся и хотѣлъ что-то промолвить дочери, но въ сторонѣ послышалось слово: пшеница. Это магическое слово заставило его, въ ту же минуту, присоединиться къ двумъ громко разговаривавшимъ негоціантамъ, и приковавшагося къ нимъ вниманія уже ничто не въ состояніи было развлечь. Вотъ что говорили негоціанты о пшеницѣ.

III.

Чи бачишь, винъ якый парныще?
На свити трохы есть такыхъ,—
Сивуху такъ, мовъ брагу, хлыще!
Котляревскій. Энеида.

„Такъ ты думаешь, землякъ, что плохо пойдетъ наша пшеница?“—говорилъ человѣкъ, съ виду похожій на заѣзжаго мѣщанина, обитателя какого-нибудь мѣстечка, въ пестрядевыхъ, запачканныхъ дегтемъ и засаленныхъ шароварахъ, другому, въ синей, мѣстами уже съ заплатами, свиткѣ и съ огромною шишкою на лбу.

„Да, думать нечего тутъ: я готовъ вскинуть на себя петлю и болтаться на этомъ деревѣ, какъ колбаса передъ Рождествомъ на хатѣ, если мы продадимъ хоть одну мѣрку“.

[1]) „Давать киселя“ значитъ ударить кого-нибудь сзади ногъ.

„Кого ты, землякъ, морочишь? Привозу вѣдь, кромѣ нашего, нѣтъ вовсе“, —возразилъ человѣкъ въ пестрядевыхъ шароварахъ.

„Да, говорите себѣ, что хотите“,—думалъ про себя отецъ нашей красавицы, не пропускавшій ни одного слова изъ разговора двухъ негоціантовъ: „а у меня десять мѣшковъ есть въ запасѣ“.

„То-то и есть, что если гдѣ замѣшалась чертовщина, то ожидай столько проку, сколько отъ голоднаго москаля“,—значительно сказалъ человѣкъ съ шишкою на лбу.

„Какая чертовщина?“—подхватилъ человѣкъ въ пестрядевыхъ шароварахъ.

„Слышалъ ли ты, что поговариваютъ въ народѣ?“—продолжалъ съ шишкою на лбу, наводя на него искоса свои угрюмыя очи.

„Ну!“

„Ну, то-то, ну! Засѣдатель, чтобъ ему не довелось больше обтирать губъ послѣ панской сливянки, отвелъ для ярмарки проклятое мѣсто, на которомъ, хоть тресни, ни зерна не спустишь. Видишь ли ты тотъ старый, развалившійся сарай, что вонъ-вонъ стоитъ подъ горою?“ (Тутъ любопытный отецъ нашей красавицы подвинулся еще ближе и весь превратился, казалось, во вниманіе). „Въ томъ сараѣ то и дѣло, что водятся чертовскія шашни, и ни одна ярмарка на этомъ мѣстѣ не проходила безъ бѣды. Вчера волостной писарь проходилъ поздно вечеромъ, только глядь,—въ слуховое окно выставилось свиное рыло и хрюкнуло такъ, что у него морозъ подралъ по кожѣ. Того и жди, что опять покажется *красная свитка*!“

„Что-жъ это за *красная свитка?*“

Тутъ у нашего внимательнаго слушателя волосы поднялись дыбомъ. Со страхомъ оборотился онъ назадъ и увидѣлъ, что дочка его и парубокъ спокойно стояли, обнявшись и напѣвая другъ другу какія-то любовныя сказки, позабывъ про всѣ находящіяся на свѣтѣ свитки. Это разогнало его страхъ и заставило обратиться къ прежней безпечности.

„Эге-ге-ге, землякъ! да ты мастеръ, какъ вижу, обниматься! А я на четвертый только день послѣ свадьбы выучился обнимать покойную свою Хвеську, да и то, спасибо куму: бывши *дружкою*, уже надоумилъ“.

Парубокъ замѣтилъ тотъ же часъ, что отецъ его любезной не слишкомъ далекъ, и въ мысляхъ принялся строить планъ, какъ бы склонить его въ свою пользу.

„Ты, вѣрно, человѣкъ добрый, не знаешь меня, а я тебя тотчасъ узналъ“.

„Можетъ, и узналъ“.

„Если хочешь, и имя, и прозвище, и всякую всячину разскажу: тебя зовутъ Солопій Черевикъ“.

„Такъ, Солопій Черевикъ“.

„А вглядись-ка хорошенько: не узнаешь ли меня?“

„Нѣтъ, не познаю. Не во гнѣвъ будь сказано: на вѣку столько довелось наглядѣться рожъ всякихъ, что чортъ ихъ и припомнитъ всѣхъ!“

„Жаль же, что ты не припомнишь Голопупенкова сына!“

„А ты будто Охримовъ сынъ?“

„А кто-жъ? Развѣ одинъ только *лысый дидько*, если не онъ“.

Тутъ пріятели побрались за шапки, и пошло лобызаніе; нашъ Голопупенковъ сынъ, однакожъ, не теряя времени, рѣшился въ ту же минуту осадить новаго своего знакомаго.

„Ну, Солопій, вотъ, какъ видишь, я и дочка твоя полюбили другъ друга такъ, что хоть бы и навѣки жить вмѣстѣ“.

„Что-жъ, Параска“,—сказалъ Черевикъ, оборотившись и смѣясь къ своей дочери:—„можетъ, и въ самомъ дѣлѣ, чтобы уже, какъ говорятъ, вмѣстѣ и того... чтобы и паслись на одной травѣ! Что? по рукамъ? А ну-ка, новобранный зять, давай могарычу!“

И всѣ трое очутились въ извѣстной ярмарочной ресторацiи—подъ яткою у жидовки, усѣянною многочисленной флотиліей сулей, бутылей, фляжекъ всѣхъ родовъ и возрастовъ.

„Эхъ, хватъ! за это люблю!“—говорилъ Черевикъ, немного подгулявши и видя, какъ нареченный зять его налилъ кружку, величиною съ полкварты, и, нимало не поморщившись, выпилъ до дна, хвативъ потомъ ее вдребезги. „Что скажешь, Параска? Какого я жениха тебѣ досталъ! Смотри, смотри: какъ онъ молодецки тянетъ пѣнную!..“

И посмѣиваясь, и покачиваясь, побрелъ онъ съ нею къ своему возу; а нашъ парубокъ отправился по рядамъ съ красными товарами, въ которыхъ находились купцы даже изъ Гадяча и Миргорода, двухъ знаменитыхъ городовъ Полтавской губерніи, выглядывать получше деревянную люльку въ мѣдной, щегольской оправѣ, цвѣтистый по красному полю платокъ и шапку, для свадебныхъ подарковъ тестю и всѣмъ, кому слѣдуетъ.

IV.

Хоть чоловикамъ не онее,
Да коли жинци, бачишь, тее,
Такъ треба угодиты...

Котляревскій.

„Ну, жинка, а я нашелъ жениха дочкѣ!“

„Вотъ, какъ разъ до того теперь, чтобы жениховъ отъискивать! Дурень, дурень! тебѣ, вѣрно, и на роду написано остаться такимъ! Гдѣ-жъ таки ты видѣлъ, гдѣ-жъ таки ты слышалъ, чтобы добрый человѣкъ бѣгалъ теперь за женихами? Ты подумалъ бы лучше, какъ пшеницу съ рукъ сбыть. Хорошъ долженъ быть и женихъ тамъ! Думаю, оборваннѣйшій изъ всѣхъ голодрабцевъ“.

„Э, какъ бы не такъ! Посмотрѣла бы ты, что тамъ за парубокъ! Одна свитка больше стоитъ, чѣмъ твоя зеленая кофта и красные сапоги. А какъ сивуху *важно* дуетъ!.. Чортъ меня возьми вмѣстѣ съ тобою, если я видѣлъ на вѣку своемъ, чтобы парубокъ духомъ вытянулъ полкварты, не поморщившись!“

„Ну, такъ: ему если пьяница да бродяга, такъ и его масти. Бьюсь объ закладъ, если это не тотъ самый сорванецъ, который увязался за нами на мосту. Жаль, что до сихъ поръ онъ не попадется мнѣ: я бы дала ему знать“.

„Что-жъ, Хивря, хоть бы и тотъ самый: чѣмъ же онъ сорванецъ?“

„Э! чѣмъ же онъ сорванецъ? Ахъ, ты безмозглая башка! Слышишь! Чѣмъ же онъ сорванецъ? Куда же ты запряталъ дурацкіе глаза свои, когда проѣзжали мы мельницы? Ему, хоть бы тутъ же, передъ его запачканнымъ въ табачищѣ носомъ, нанесли жинкѣ его безчестье, ему бы и нуждочки не было“.

„Все, однако же, я не вижу въ немъ ничего худого: парень хоть куда! Только развѣ, что заклеилъ на мигъ образину твою навозомъ“.

„Эге! да ты, какъ я вижу, слова не дашь мнѣ выговорить! А что это значитъ? Когда это бывало съ тобою? вѣрно, успѣлъ уже хлебнуть, не продавши ничего?“

Тутъ Черевикъ нашъ замѣтилъ и самъ, что разговорился черезчуръ, и закрылъ въ одно мгновеніе голову свою руками, предполагая, безъ сомнѣнія, что разгнѣванная сожительница не замедлитъ вцѣпиться въ его волосы своими супружескими когтями.

„Туда къ чорту! Вотъ тебѣ и свадьба!“ думалъ онъ про себя, уклоняясь отъ сильно наступавшей супруги. „Придется

отказать доброму человѣку ни за что, ни про что. Господи, Боже мой! за что такая напасть на насъ, грѣшныхъ? И такъ много всякой дряни на свѣтѣ, а Ты еще и жинокъ наплодилъ!“

V.

Не хилися, явороньку,
Ще ты зелененькій:
Не журыся, козаченьку,
Ще ты молоденькій!

Разсѣянно глядѣлъ парубокъ въ бѣлой свиткѣ, сидя у своего воза, на глухо шумѣвшій вокругъ него народъ. Усталое солнце уходило отъ міра, спокойно пропылавъ свой полдень и утро, и угасающій день плѣнительно и ярко румянился. Ослѣпительно блистали верхи бѣлыхъ шатровъ и ятокъ, осѣненные какимъ-то едва примѣтнымъ огненно-розовымъ свѣтомъ. Стекла наваленныхъ кучами оконницъ горѣли, зеленыя фляжки и чарки на столахъ у шинкарокъ превратились въ огненныя; горы дынь, арбузовъ и тыквъ казались вылитыми изъ золота и темной мѣди. Говоръ примѣтно становился рѣже и глуше, и усталые языки перекупокъ, мужиковъ и цыганъ лѣнивѣе и медленнѣе поворачивались. Гдѣ-гдѣ начиналъ сверкать огонекъ, и благовонный паръ отъ варившихся галушекъ разносился по утихавшимъ улицамъ.

„О чемъ загорюнился, Грыцько?“—вскричалъ высокій, загорѣвшій цыганъ, ударивъ по плечу нашего парубка.—„Что-жъ, отдавай волы за двадцать!“

„Тебѣ бы все волы, да волы. Вашему племени все бы корысть только; поддѣть да обмануть добраго человѣка“.

„Тьфу, дьяволъ! Да тебя не на шутку забрало. Ужъ не съ досады ли, что самъ навязалъ себѣ невѣсту?“

„Нѣтъ, это не по-моему: я держу свое слово: что разъ сдѣлалъ, тому и навѣки быть. А вотъ у хрыча Черевика нѣтъ совѣсти, видно, и на полъ-шеляга: сказалъ, да и назадъ... Ну, его и винить нечего: онъ—пень, да и полно. Все это штуки старой вѣдьмы, которую мы сегодня съ хлопцами на мосту ругнули на всѣ бока! Эхъ, если бы я былъ царемъ или паномъ великимъ, я бы первый перевѣшалъ всѣхъ тѣхъ дурней, которые позволяютъ себя сѣдлать бабамъ“...

„А спустишь воловъ за двадцать, если мы заставимъ Черевика отдать намъ Параску?“.

Въ недоумѣніи посмотрѣлъ на него Грыцько. Въ смуглыхъ чертахъ цыгана было что-то злобное, язвительное, низкое и

вмѣстѣ высокомѣрное: человѣкъ, взглянувшій на него, уже готовъ былъ сознаться, что въ этой чудной душѣ кипятъ достоинства великія, но которымъ одна только награда есть на землѣ—висѣлица. Совершенно провалившійся между носомъ и острымъ подбородкомъ ротъ, вѣчно осѣненный язвительною улыбкой, небольшіе, но живые, какъ огонь, глаза и безпрестанно мѣняющіяся на лицѣ молніи предпріятій и умысловъ,—все это какъ будто требовало особеннаго, такого же страннаго для себя костюма, какой именно былъ тогда на немъ. Этотъ темно-коричневый кафтанъ, прикосновеніе къ которому, казалось, превратило бы его въ пыль; длинные, валившіеся по плечамъ охлопьями черные волосы; башмаки, надѣтые на босыя, загорѣлыя ноги,—все это, казалось, приросло къ нему и составляло его природу.

„Не за двадцать, а за пятнадцать отдамъ, если не солжешь только!"—отвѣчалъ парубокъ, не сводя съ него испытующихъ очей.

„За пятнадцать? ладно! Смотри же, не забывай: за пятнадцать! Вотъ тебѣ и синица въ задатокъ!"

„Ну, а если солжешь?"

„Солгу—задатокъ твой."

„Ладно! Ну, давай же по рукамъ!"

„Давай!"

VI.

> Отъ бида: Романъ иде, оттеперъ, якъ разъ, надсадыть мини бебехивъ, да и вамъ, пане Хомо, не безъ лыха буде.
>
> *Изъ малоросс. комедіи.*

„Сюда, Афанасій Ивановичъ! Вотъ тутъ плетень пониже, поднимайте ногу, да не бойтесь: дурень мой отправился на всю ночь съ кумомъ подъ возы, чтобы москали на случай не подцѣпили чего".

Такъ грозная сожительница Черевика ласково ободряла трусливо лѣпившагося около забора поповича, который поднялся скоро на плетень и долго стоялъ на немъ въ недоумѣніи, будто длинное, страшное привидѣніе, измѣривая окомъ, куда бы лучше спрыгнуть, и, наконецъ, съ шумомъ обрушился въ бурьянъ.

„Вотъ бѣда! Не ушиблись ли вы, не сломили ли еще, Боже оборони, шеи?"—лепетала заботливая Хивря.

„Тс! ничего, ничего, любезнѣйшая Хавронья Никифоровна!“ болѣзненно и шопотно произнесъ поповичъ, подымаясь на ноги: „выключая только уязвленія со стороны крапивы, сего зміеподобнаго злака, по выраженію покойнаго отца протопопа.“

„Пойдемте же теперь въ хату; тамъ никого нѣтъ. А я думала было уже, Афанасій Ивановичъ, что къ вамъ *болячка*

„Сюда, Афанасій Ивановичъ! Вотъ тутъ плетень пониже“...
Рисунокъ *В. Маковскаго.*

или *соняшница* пристала: нѣтъ, да и нѣтъ. Каково же вы поживаете? Я слышала, что панъ-отцу перепало теперь не мало всякой всячины?“

„Сущая бездѣлица, Хавронья Никифоровна: батюшка всего получилъ за весь постъ мѣшковъ пятнадцать ярового, проса

Аѳанасій Ивановичъ и Хивря. Рисунокъ *В. Маковскаго.*

мѣшка четыре, кнышей съ сотню; а куръ, если сосчитать, то не будетъ и пятидесяти штукъ; яйца же большею частью протухлыя. Но во-истину сладостныя приношенія, сказать примѣрно, единственно отъ васъ предстоитъ получить, Хавронья Никифоровна!"—продолжалъ поповичъ, умильно поглядывая на нее и подсовываясь поближе.

„Вотъ вамъ и приношеніе, Афанасій Ивановичъ!" проговорила она, ставя на столъ миски и жеманно застегивая свою, будто не нарочно разстегнувшуюся, кофту: „вареники, галушечки пшеничныя, пампушечки, товченички!"

„Бьюсь объ закладъ, если это сдѣлано не хитрѣйшими руками изъ всего Евина рода!" сказалъ поповичъ, принимаясь за товченички и придвигая другою рукою вареничкн. „Однакожъ, Хавронья Никифоровна, сердце мое жаждетъ отъ васъ кушанья послаще всѣхъ пампушечекъ и галушечекъ".

„Вотъ я уже и не знаю, какого вамъ еще кушанья хочется, Афанасій Ивановичъ!"—отвѣчала дородная красавица, притворяясь не понимающею.

„Разумѣется, любви вашей, несравненная Хавронья Никифоровна!"—шопотомъ произнесъ поповичъ, держа въ одной рукѣ вареникъ, а другою обнимая широкій станъ ея.

„Богъ знаетъ, что вы выдумываете, Афанасій Ивановичъ!" сказала Хивря, стыдливо потупивъ глаза свои. „Чего добраго, вы, пожалуй, затѣете еще цѣловаться!"

„Насчетъ этого я вамъ скажу, хоть бы и про себя", продолжалъ поповичъ: „въ бытность мою, примѣрно сказать, еще въ бурсѣ, вотъ, какъ теперь помню..."

Тутъ послышался на дворѣ лай и стукъ въ ворота. Хивря поспѣшно выбѣжала и возвратилась, вся поблѣднѣвши.

„Ну, Афанасій Ивановичъ, мы попались съ вами: народу стучится куча, и мнѣ почудился кумовъ голосъ"...

Вареникъ остановился въ горлѣ поповича... Глаза его выпялились, какъ будто какой-нибудь выходецъ съ того свѣта только-что сдѣлалъ ему передъ симъ визитъ свой.

„Полѣзайте сюда!"—кричала испуганная Хивря, указывая на положенныя подъ самымъ потолкомъ, на двухъ перекладинахъ, доски, на которыхъ была навалена разная домашняя рухлядь.

Опасность придала духу нашему герою. Опамятовавшись немного, вскочилъ онъ на лежанку и полѣзъ оттуда осторожно на доски; а Хивря побѣжала безъ памяти къ воротамъ, потому что стукъ повторялся въ нихъ съ большею силою и нетерпѣніемъ.

VII.

Да тутъ чудасія, мосьпане!
Изъ малоросс. комедіи.

На ярмаркѣ случилось странное происшествіе: все наполнилось слухомъ, что гдѣ-то между товаромъ показалась *красная свитка.* Старухѣ, продававшей бублики, почудился сатана, въ образинѣ свиньи, который безпрестанно наклонялся надъ возами, какъ будто искалъ чего. Это быстро разнеслось по всѣмъ угламъ уже утихнувшаго табора, и всѣ считали преступленіемъ не вѣрить, несмотря на то, что продавица бубликовъ, которой подвижная лавка была рядомъ съ яткою шинкарки, раскланивалась весь день безъ надобности и писала ногами совершенное подобіе своего лакомаго товара. Къ этому присоединились еще увеличенныя вѣсти о чудѣ, видѣнномъ волостнымъ писаремъ въ развалившемся сараѣ, такъ что къ ночи всѣ тѣснѣе жались другъ къ другу; спокойствіе разрушилось, и страхъ мѣшалъ всякому сомкнуть глаза свои; а тѣ, которые были не совсѣмъ храбраго десятка и запаслись ночлегами въ избахъ, убрались домой. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и Черевикъ съ кумомъ и дочкою, которые, вмѣстѣ съ напросившимися къ нимъ въ хату гостями, произвели сильный стукъ, такъ перепугавшій нашу Хиврю. Кума уже немного поразобрало. Это можно было видѣть изъ того, что онъ два раза проѣхалъ съ своимъ возомъ по двору, покамѣстъ нашелъ хату. Гости тоже были всѣ въ веселомъ расположеніи и безъ церемоніи вошли прежде самого хозяина. Супруга нашего Черевика сидѣла, какъ на иголкахъ, когда принялись они шарить по всѣмъ угламъ хаты.

„Что, кума!“ вскричалъ вошедшій кумъ: „тебя все еще трясетъ лихорадка?“

„Да, нездоровится“, отвѣчала Хивря, безпокойно поглядывая на доски, накладенныя подъ потолкомъ.

„А ну, жена, достань-ка тамъ въ возу баклажку!“ говорилъ кумъ пріѣхавшей съ нимъ женѣ: „мы черпнемъ ее съ добрыми людьми, а то проклятыя бабы понапугали насъ такъ, что и сказать стыдно. Вѣдь мы, ей Богу, братцы, по пустякамъ пріѣхали сюда!“ продолжалъ онъ, прихлебывая изъ глиняной кружки. „Я тутъ же ставлю новую шапку, если бабамъ не вздумалось посмѣяться надъ нами. Да хоть бы и въ самомъ дѣлѣ сатана, — что сатана? Плюйте ему на голову! Хоть бы сію же минуту вздумалось ему стать вотъ здѣсь, напримѣръ, передо мною: будь я собачій сынъ, если не поднесъ бы ему дулю подъ самый носъ!“

„Отчего же ты вдругъ поблѣднѣлъ весь?“ закричалъ одинъ изъ гостей, превышавшій всѣхъ головою и старавшійся всегда выказывать себя храбрецомъ.

„Я?... Господь съ вами! приснилось!“

Гости усмѣхнулись; довольная улыбка показалась на лицѣ рѣчистаго храбреца.

„Куда теперь ему блѣднѣть!“ подхватилъ другой: „щеки у него расцвѣли, какъ макъ; теперь онъ не Цыбуля, а бурякъ, или лучше — сама *красная свитка*, которая такъ напугала людей“.

Баклажка прокатилась по столу и сдѣлала гостей еще веселѣе прежняго. Тутъ Черевикъ нашъ, котораго давно мучила *красная свитка* и не давала ни на минуту покою его любопытному духу, приступилъ къ куму.

„Скажи, будь ласковъ, кумъ! Вотъ прошусь, да и не допрошусь исторіи про эту проклятую *свитку*“.

„Э, кумъ! оно бы не годилось разсказывать на ночь; да развѣ уже для того, чтобы угодить тебѣ и добрымъ людямъ (при семъ обратился онъ къ гостямъ), которымъ, я примѣчаю, столько же, какъ и тебѣ, хочется узнать про эту диковинку. Ну, быть такъ. Слушайте-жъ!“

Тутъ онъ почесалъ плеча, утерся полою, положилъ обѣ руки на столъ и началъ:

„Разъ, за какую вину, ей Богу, уже и не знаю, только выгнали одного чорта изъ пекла...“

„Какъ же, кумъ!“ прервалъ Черевикъ: „какъ же могло это статься, чтобы чорта выгнали изъ пекла?“

„Что-жъ дѣлать, кумъ! выгнали да и выгнали, какъ собаку мужикъ выгоняетъ изъ хаты. Можетъ быть, на него нашла блажь сдѣлать какое-нибудь доброе дѣло: ну, и указали двери. Вотъ, чорту бѣдному такъ стало скучно, такъ скучно по пеклѣ, что хоть до петли. Что дѣлать? Давай съ горя пьянствовать. Угнѣздился въ томъ самомъ сараѣ, который, ты видѣлъ, развалился подъ горою и мимо котораго ни одинъ добрый человѣкъ не пройдетъ теперь, не оградивъ напередъ себя крестомъ святымъ; и сталъ чортъ такой гуляка, какого не сыщешь между парубками: съ утра до вечера то и дѣло, что сидитъ въ шинкѣ!“..

Тутъ опять строгій Черевикъ прервалъ нашего разсказчика:

„Богъ знаетъ, что говоришь ты, кумъ! Какъ можно, чтобы чорта впустилъ кто-нибудь въ шинокъ? Вѣдь у него же есть, слава Богу, и когти на лапахъ, и рожки на головѣ“.

„Вотъ то-то и штука, что на немъ была шапка и рукавицы. Кто его распознаетъ? Гулялъ, гулялъ,—наконецъ, пришлось до

того, что пропилъ все, что имѣлъ съ собою. Шинкарь долго вѣрилъ, потомъ и пересталъ. Пришлось чорту заложить красную свитку свою, чуть ли не въ треть цѣны, жиду, шинковавшему тогда на Сорочинской ярмаркѣ. Заложилъ и говоритъ ему: „Смотри, жидъ, я приду къ тебѣ за свиткой ровно черезъ годъ: береги ее!"—и пропалъ, какъ будто въ воду. Жидъ разсмотрѣлъ хорошенько свитку: сукно такое, что и въ Миргородѣ не достанешь! а красный цвѣтъ горитъ, какъ огонь, такъ что не наглядѣлся бы! Вотъ жиду показалось скучно дожидаться срока. Почесалъ себѣ пéсики, да и содралъ съ какого-то пріѣзжаго пана мало не пять червонцевъ. О срокѣ жидъ и позабылъ было совсѣмъ. Какъ вотъ разъ, подъ вечерокъ, приходитъ какой-то человѣкъ: „Ну, жидъ, отдавай мою свитку!" Жидъ сначала было и не позналъ, а послѣ, какъ разглядѣлъ, такъ и прикинулся, будто въ глаза не видалъ: „Какую свитку? У меня нѣтъ никакой свитки! Я знать не знаю твоей свитки!" Тотъ, глядь, и ушелъ; только къ вечеру, когда жидъ, заперши свою конуру и пересчитавши по сундукамъ деньги, накинулъ на себя простыню и началъ по-жидовски молиться Богу,—слышитъ шорохъ... Глядь—во всѣхъ окнахъ повыставились свиныя рыла..."

Тутъ въ самомъ дѣлѣ послышался какой-то неясный звукъ, весьма похожій на хрюканье свиньи; всѣ поблѣднѣли... Потъ выступилъ на лицѣ разсказчика.

„Что?" произнесъ въ испугѣ Черевикъ.

„Ничего!..." отвѣчалъ кумъ, трясясь всѣмъ тѣломъ.

„Ась!" отозвался одинъ изъ гостей.

„Ты сказалъ?...."

„Нѣтъ!„

„Кто-жъ это хрюкнулъ?"

„Богъ знаетъ, чего мы переполошились! Ничего нѣтъ!"

Всѣ боязливо стали осматриваться вокругъ и начали шарить по угламъ. Хивря была ни жива, ни мертва.

„Эхъ, вы, бабы, бабы!" произнесла она громко: „вамъ ли козаковать и быть мужьями! Вамъ бы веретено въ руки, да и посадить за гребень! Одинъ кто-нибудь, можетъ, прости Господи, угрѣшился; подъ кѣмъ-нибудь скамейка заскрипѣла, а всѣ и метнулись, какъ полоумные!"

Это привело въ стыдъ нашихъ храбрецовъ и заставило ихъ ободриться. Кумъ хлебнулъ изъ кружки и началъ разсказывать далѣе:

„Жидъ обмеръ; однакожъ свиньи на ногахъ, длинныхъ, какъ ходули, повлѣзали въ окна и мигомъ оживили жида плетеными тройчатками, заставя его плясать повыше вотъ этого сволока.

Жидъ—въ ноги, признался во всемъ.... Только свитки нельзя уже было воротить скоро. Пана обокралъ на дорогѣ какой-то цыганъ и продалъ свитку перекупкѣ; та привезла ее снова на Сорочинскую ярмарку, но съ тѣхъ поръ уже никто ничего не сталъ покупать у нея. Перекупка дивилась и, наконецъ, смекнула: вѣрно, виною всему красная свитка; не даромъ, надѣвая ее, чувствовала, что ее все давитъ что-то. Не думая, не гадая долго, бросила въ огонь,—не горитъ бѣсовская одежда!... „Э, да это чортовъ подарокъ!“ Перекупка умудрилась и подсунула въ возъ одному мужику, вывезшему продавать масло. Дурень и обрадовался; только масла никто и спрашивать не хочетъ. „Эхъ, не добрыя руки подкинули свитку!“ Схватилъ топоръ и изрубилъ ее въ куски; глядь,—и лѣзетъ одинъ кусокъ къ другому, и опять цѣлая свитка! Перекрестившись, хватилъ топоромъ въ другой разъ, куски разбросалъ по всему мѣсту и уѣхалъ. Только съ тѣхъ поръ каждый годъ, и какъ разъ во время ярмарки, чортъ съ свиною личиною ходитъ по всей площади, хрюкаетъ и подбираетъ куски своей свитки. Теперь, говорятъ, одного только лѣваго рукава не достаетъ ему. Люди съ тѣхъ поръ открещиваются отъ того мѣста, и вотъ уже будетъ лѣтъ съ десятокъ, какъ не было на немъ ярмарки. Да нелегкая дернула теперь засѣдателя от....“

Другая половина слова замерла на устахъ разсказчика: окно брякнуло съ шумомъ; стекла, звеня, вылетѣли вонъ, и страшная свиная рожа выставилась, поводя очами, какъ будто спрашивая: „А что вы тутъ дѣлаете, добрые люди?“

VIII.

...Пиджавъ хвистъ, мовъ собака.
Мовъ Каинъ, затрусывсь увесь;
Изъ носа потекла табака.
Котляревскій. Энеида.

Ужасъ оковалъ всѣхъ, находившихся въ хатѣ. Кумъ, съ разинутымъ ртомъ, превратился въ камень; глаза его выпучились, какъ будто хотѣли выстрѣлить; разверстые пальцы остались неподвижными на воздухѣ. Высокій храбрецъ, въ непобѣдимомъ страхѣ, подскочилъ подъ потолокъ и ударился головою объ перекладину; доски посунулись, и поповичъ съ громомъ и трескомъ полетѣлъ на землю.

„Ай! ай! ай!“ отчаянно закричалъ одинъ, повалившись на лавку въ ужасѣ и болтая на ней руками и ногами.

„Спасайте!“ горланилъ другой, закрывшись тулупомъ.

Кумъ, выведенный изъ окаменѣнія вторичнымъ испугомъ, поползъ въ судорогахъ подъ подолъ своей супруги. Высокій храбрецъ полѣзъ въ печь, несмотря на узкое отверстіе, и самъ задвинулъ себя заслонкою. А Черевикъ, какъ будто облитый горячимъ кипяткомъ, схвативши на голову горшокъ, вмѣсто шапки, бросился къ дверямъ и, какъ полоумный, бѣжалъ по улицамъ, не видя подъ собой земли: одна усталость только заставила его уменьшить скорость бѣга. Сердце его колотилось, какъ мельничная ступа; потъ лилъ градомъ. Въ изнеможеніи готовъ уже былъ онъ упасть на землю, какъ вдругъ послышалось ему, что сзади кто-то гонится за нимъ... Духъ у него занялся...

„А что вы тутъ дѣлаете, добрые люди?“.
Рисунокъ *К. Трутовскаго.*

„Чортъ, чортъ!“ кричалъ онъ безъ памяти, утрояя силы, и черезъ минуту безъ чувствъ повалился на землю.

„Чортъ, чортъ!“ кричало вслѣдъ за нимъ, и онъ слышалъ только, какъ что-то съ шумомъ ринулось на него. Тутъ память отъ него улетѣла, и онъ, какъ страшный жилецъ тѣснаго гроба, остался нѣмъ и недвижимъ посреди дороги.

IX.

Ще спереди, и такъ и такъ;—
А сзади, ей же ей, на чорта!
Изъ простонародной сказки.

„Слышишь, Власъ!“ говорилъ, приподнявшись ночью, одинъ изъ толпы народа, спавшаго на улицѣ: „возлѣ насъ кто-то помянулъ чорта!“

„Мнѣ какое дѣло?“ проворчалъ, потягиваясь, лежавшій возлѣ него цыганъ: „хоть бы и всѣхъ своихъ родичей помянулъ!“

„Но, вѣдь, такъ закричалъ, какъ будто давятъ его!“

„Мало ли чего человѣкъ не совретъ спросонья!“

„Воля твоя, хоть посмотрѣть нужно. А выруби-ка огня!“

Другой цыганъ, ворча про себя, поднялся на ноги, два раза освѣтилъ себя искрами, будто молніями, раздулъ губами трутъ и, съ каганцемъ въ рукахъ—обыкновенною малороссійскою свѣтильнею, состоящею изъ разбитаго черепка, налитаго бараньимъ жиромъ,—отправился, освѣщая дорогу.

„Стой! здѣсь лежитъ что-то. Свѣти сюда!“

Тутъ пристало къ нимъ еще нѣсколько человѣкъ.

„Что лежитъ, Власъ?“

„Такъ, какъ будто бы два человѣка: одинъ наверху, другой внизу; который изъ нихъ чортъ, уже и не распознаю!“

„А кто наверху?“

„Баба!“

„Ну, вотъ, это-жъ то и есть чортъ!“

Всеобщій хохотъ разбудилъ почти всю улицу.

„Баба взлѣзла на человѣка: ну, вѣрно, баба эта знаетъ, какъ ѣздить!“ говорилъ одинъ изъ окружавшей толпы.

„Смотрите, братцы!“ говорилъ другой, поднимая черепокъ отъ горшка, котораго одна уцѣлѣвшая половина держалась на головѣ Черевика: „какую шапку надѣлъ на себя этотъ добрый молодецъ!“

Увеличившійся шумъ и хохотъ заставили очнуться нашихъ мертвецовъ, Солопія и его супругу, которые, полные прошедшаго испуга, долго глядѣли въ ужасѣ неподвижными глазами на смуглыя лица цыганъ: озаряясь свѣтомъ, невѣрно и трепетно горѣвшимъ, они казались дикимъ сонмищемъ гномовъ, окруженныхъ тяжелымъ подземнымъ паромъ, во мракѣ непробудной ночи.

X.

Цуръ тоби, пекъ тоби, сатаныньске наважденiе!

Изъ малоросс. комедіи.

Свѣжесть утра вѣяла надъ пробудившимися Сорочинцами. Клубы дыму со всѣхъ трубъ понеслись навстрѣчу показавшемуся солнцу. Ярмарка зашумѣла. Овцы заблеяли, лошади заржали; крикъ гусей и торговокъ понесся снова по всему табору,—и страшные толки про *красную свитку*, наведшіе такую робость на народъ въ таинственные часы сумерекъ, исчезли съ появленіемъ утра.

Зѣвая и потягиваясь, дремалъ Черевикъ у кума подъ крытымъ соломою сараемъ, между воловъ, мѣшковъ муки и пшеницы, и, кажется, вовсе не имѣлъ желанія разстаться съ своими грёзами, какъ вдругъ услышалъ голосъ, такъ же знакомый, какъ убѣжище лѣни, — благословенная печь его хаты, или шинокъ дальней родственницы, находившійся не далѣе десяти шаговъ отъ его порога.

„Вставай, вставай!“ дребезжала ему на ухо нѣжная супруга, дергая его изо всей силы за руку.

Черевикъ, вмѣсто отвѣта, надулъ щеки и началъ болтать руками, подражая барабанному бою.

„Сумасшедшій!“ закричала она, уклоняясь отъ взмаха руки его, которою онъ чуть было не задѣлъ ее по лицу.

Черевикъ поднялся, протеръ немного глаза и посмотрѣлъ вокругъ.

„Врагъ меня возьми, если мнѣ, голубко, не представилась твоя рожа барабаномъ, на которомъ меня заставили выбивать зорю, словно москаля, тѣ самыя свиныя рожи, отъ которыхъ, какъ говоритъ кумъ...“

„Полно, полно тебѣ чепуху молоть! Ступай, веди скорѣй кобылу на продажу. Смѣхъ, право, людямъ: пріѣхали на ярмарку, и хоть бы горсть пеньки продали...“

„Какъ же, жинка!“ подхватилъ Солопій: „съ насъ, вѣдь, теперь смѣяться будутъ“.

„Ступай, ступай! съ тебя и безъ того смѣются!“

„Ты видишь, что я еще не умывался“, продолжалъ Черевикъ, зѣвая и почесывая спину и стараясь, между прочимъ, выиграть время для своей лѣни.

„Вотъ не кстати пришла блажь быть чистоплотнымъ! Когда это за тобою водилось? Вотъ ручникъ, оботри свою маску“.

Тутъ схватила она что-то свернутое въ комокъ— и съ ужасомъ отбросила отъ себя: это былъ *красный обшлагъ свитки.*

„Ступай, дѣлай свое дѣло“, повторила она, собравшись съ духомъ, своему супругу, видя, что у него страхъ отнялъ ноги и зубы колотились одинъ объ другой.

„Будетъ продажа теперь!“ ворчалъ онъ самъ себѣ, отвязывая кобылу и ведя ее на площадь. „Не даромъ, когда я сбирался на эту проклятую ярмарку, на душѣ было такъ тяжело, какъ будто кто взвалилъ на тебя дохлую корову, и волы два раза сами поворачивали домой. Да чуть ли еще, какъ вспомнилъ я теперь, не въ понедѣльникъ мы выѣхали. Ну, вотъ и зло все!.. Неугомоненъ и чортъ проклятый: носилъ бы уже свитку безъ одного рукава; такъ нѣтъ, нужно же добрымъ людямъ не давать покою. Будь, примѣрно, я чортъ,—чего оборони Боже,—сталъ ли бы я таскаться ночью за проклятыми лоскутьями?“

Тутъ философствованіе нашего Черевика прервано было толстымъ и рѣзкимъ голосомъ. Предъ нимъ стоялъ высокій цыганъ.

„Что продаешь, добрый человѣкъ?“

Продавецъ помолчалъ, посмотрѣлъ на него съ ногъ до головы и сказалъ съ спокойнымъ видомъ, не останавливаясь и не выпуская изъ рукъ узды: „Самъ видишь, что продаю!“

„Ремешки?“ спросилъ цыганъ, поглядывая на находившуюся въ рукахъ его узду.

„Да, ремешки, если только кобыла похожа на ремешки“.

„Однакожъ, чортъ возьми, землякъ, ты, видно, ее соломою кормилъ!“

„Соломою?“

Тутъ Черевикъ хотѣлъ было потянуть узду, чтобы провести свою кобылу и обличить во лжи безстыднаго поносителя; но рука его съ необыкновенною легкостью ударилась въ подбородокъ. Глянулъ—въ ней перерѣзанная узда и къ уздѣ привязанный — о, ужасъ! волосы его поднялись горою! — кусокъ *краснаго рукава свитки*!.. Плюнувъ, крестясь и болтая руками, побѣжалъ онъ отъ неожиданнаго подарка и, быстрѣе молодого парубка, пропалъ въ толпѣ.

XI.

За мое-жъ жито, та мене и побыто.

Пословица.

„Лови! лови его!“ кричало нѣсколько хлопцевъ въ тѣсномъ концѣ улицы, и Черевикъ почувствовалъ, что схваченъ вдругъ дюжими руками.

„Вязать его! это тотъ самый, который укралъ у добраго человѣка кобылу".

„Господь съ вами! за что вы меня вяжете?"

„Онъ же и спрашиваетъ! А за что ты укралъ кобылу у пріѣзжаго мужика, Черевика?"

„Съ ума спятили вы, хлопцы! Гдѣ видано, чтобы человѣкъ самъ у себя кралъ что-нибудь?"

„Старыя штуки! старыя штуки! Зачѣмъ бѣжалъ ты во весь духъ, какъ будто бы самъ сатана за тобою по пятамъ гнался?"

„Поневолѣ побѣжишь, когда сатанинская одежда..."

„Э, голубчикъ! обманывай другихъ этимъ. Будетъ еще тебѣ отъ засѣдателя за то, чтобы не пугалъ чертовщиною людей".

„Лови! лови его!" послышался крикъ на другомъ концѣ улицы: „вотъ онъ, вотъ бѣглецъ!"

И глазамъ нашего Черевика представился кумъ, въ самомъ жалкомъ положеніи, съ заложенными назадъ руками, ведомый нѣсколькими хлопцами.

„Чудеса завелись!" говорилъ одинъ изъ нихъ: „послушали бы вы, что разсказываетъ этотъ мошенникъ, которому стоитъ только заглянуть въ лицо, чтобы увидѣть вора. Когда стали спрашивать: отчего бѣжалъ онъ, какъ полоумный?—„полѣзъ", говоритъ, „въ карманъ понюхать табаку, и, вмѣсто тавлинки, вытащилъ кусокъ чортовой *свитки*, отъ которой вспыхнулъ красный огонь, а онъ—давай Богъ ноги!"

„Эге-ге-ге! да это изъ одного гнѣзда обѣ птицы! Взять ихъ обоихъ вмѣстѣ!"

XII.

„Чымъ, люди добри, такъ оце я провинывся?
„За що глузуете?" сказавъ нашъ небораკъ:
„За що, знущаетесь вы надо мною такъ?
„За що, за що?" сказавъ тай попустывъ патіоки,
Патіоки гиркихъ слезъ, узявшися за боки.

Артемовскій-Гулакъ. Панъ та собака.

„Можетъ, и въ самомъ дѣлѣ, кумъ, ты подцѣпилъ что-нибудь?" спросилъ Черевикъ, лежа связанный, вмѣстѣ съ кумомъ, подъ соломенною яткою.

„И ты туда же, кумъ! Чтобы мнѣ отсохнули руки и ноги. если что-нибудь когда-либо кралъ, выключая развѣ вареники съ сметаною у матери, да и то еще, когда мнѣ было лѣтъ десять отъ роду."

„За что же это, кумъ, на насъ напасть такая? Тебѣ еще ничего: тебя винятъ, по крайней мѣрѣ, за то, что у другого укралъ; но за что мнѣ, несчастливцу, недобрый поклепъ такой, будто у самого себя стянулъ кобылу? Видно намъ, кумъ, на роду уже написано не имѣть счастья!“

„Горе намъ, сиротамъ бѣднымъ!“

Тутъ оба кума принялись всхлипывать навзрыдъ.

„Что съ тобою, Солопій?“ сказалъ вошедшій въ это время Грыцько. „Кто это связалъ тебя?“

„А! Голопупенко, Голопупенко!“ закричалъ, обрадовавшись, Солопій. „Вотъ, кумъ, это тотъ самый, о которомъ я говорилъ тебѣ. Эхъ, хватъ! Вотъ, Богъ убей меня на этомъ мѣстѣ, если не высуслилъ при мнѣ кухоль мало не съ твою голову, и хоть бы разъ поморщился!“

„Оба кума принялись всхлипывать навзрыдъ“.

Рисунокъ *В. Маковскаго.*

„Что-жъ ты, кумъ, такъ неуважилъ такого славнаго парубка?“

„Вотъ, какъ видишь“, продолжалъ Черевикъ, оборотясь къ Грыцько: „наказалъ Богъ, видно, за то, что провинился передъ тобою. Прости, добрый человѣкъ! Ей Богу, радъ бы былъ сдѣлать все для тебя... Но что прикажешь? Въ старухѣ дьяволъ сидитъ“.

„Я не злопамятенъ, Солопій! Если хочешь, я освобожу тебя".

Тутъ онъ мигнулъ хлопцамъ, и тѣ же самые, которые сторожили его, кинулись развязывать.

„За то и ты дѣлай, какъ нужно: свадьбу, да и попируемъ такъ, чтобы цѣлый годъ болѣли ноги отъ гопака!"

„Добре! отъ добре!" сказалъ Солопій, хлопнувъ руками, „Да мнѣ такъ теперь сдѣлалось весело, какъ будто мою старуху москали увезли! Да что думать! годится, или не годится такъ, сегодня свадьбу, да и концы въ воду!"

„Смотри-жъ, Солопій: черезъ часъ я буду къ тебѣ; а теперь ступай домой: тамъ ожидаютъ тебя покупщики твоей кобылы и пшеницы!"

„Какъ! развѣ кобыла нашлась?"

„Нашлась!"

Черевикъ отъ радости сталъ неподвиженъ, глядя вслѣдъ уходившему Грыцьку.

„Что, Грыцько, худо мы сдѣлали свое дѣло?" сказалъ высокій цыганъ спѣшившему парубку. „Волы, вѣдь, мои теперь?"

„Твои, твои!"

XIII.

Не бійся, матинко, не бійся,
Въ червоные чобитки обуйся,
Топчи вороги
Пидъ ноги,
Щобъ твои пидкивки
Брязчалы!
Щобъ твои вороги
Мовчалы!

Свадебная пѣсня.

Подперши локтемъ хорошенькій подбородокъ свой, задумалась Параска, одна сидя въ хатѣ. Много грёзъ обвивалось около русой головы. Иногда вдругъ легкая усмѣшка трогала ея алыя губки, и какое-то радостное чувство подымало темныя ея брови, а иногда снова облако задумчивости опускало ихъ на карія свѣтлыя очи.

„Ну, что, если не сбудется то, что говорилъ онъ?" шептала она съ какимъ-то выраженіемъ сомнѣнія. „Ну, что, если меня не выдадутъ? Если... Нѣтъ, нѣтъ; этого не будетъ! Мачиха дѣлаетъ все, что ей ни вздумается: развѣ и я не могу дѣлать того, что мнѣ вздумается? Упрямства-то и у меня достанетъ. Какой же онъ хорошій! Какъ чудно горятъ его черныя очи!

ТУТЪ ВСТАЛА ОНА, ДЕРЖА ВЪ РУКАХЪ ЗЕРКАЛЬЦЕ, И, НАКЛОНЯСЬ КЪ НЕМУ ГОЛОВОЮ, ТРЕПЕТНО ШЛА ПО ХАТѢ.

Какъ любо говоритъ онъ: *„Парасю, голубко!“* Какъ пристала къ нему бѣлая свитка! Еще бы поясъ поярче!.. Пускай, уже правда, я ему вытку, какъ перейдемъ жить въ новую хату. Не подумаю безъ радости“, продолжала она, вынимая изъ-за пазухи маленькое зеркало, обклеенное красною бумагою, купленное ею на ярмаркѣ, и глядясь въ него съ тайнымъ удовольствіемъ: „какъ я встрѣчусь тогда гдѣ-нибудь съ нею, я ей ни за что не поклонюсь, хоть она себѣ тресни. Нѣтъ, мачиха, полно тебѣ колотить свою падчерицу! Скорѣе песокъ взойдетъ на камнѣ и дубъ погнется въ воду, какъ верба, нежели я нагнусь передъ тобою! Да, я и позабыла... дай примѣрять очипокъ, хоть мачихинъ, какъ-то онъ мнѣ придется?“

Тутъ встала она, держа въ рукахъ зеркальце и, наклонясь къ нему головою, трепетно шла по хатѣ, какъ будто бы опасаясь упасть, видя передъ собою, вмѣсто полу, потолокъ съ накладенными подъ нимъ досками, съ которыхъ низринулся недавно поповичъ, и полки, уставленныя горшками.

„Что я, въ самомъ дѣлѣ, будто дитя“, вскричала она смѣясь: „боюсь ступить ногою!“

И начала притопывать ногами,—чѣмъ далѣе, все смѣлѣе; наконецъ, лѣвая рука ея опустилась и уперлась въ бокъ, и она пошла танцовать, побрякивая подковами, держа передъ собою зеркало и напѣвая любимую свою пѣсню!

Зелененькій барвиночку,
Стелися низенько!
А ты, мылый, чернобрывый,
Присунься блызенько!
Зелененькій барвиночку,
Стелися ще нызче!
А ты, мылый, чернобрывый,
Присунься ще блыжче!

Черевикъ заглянулъ въ это время въ дверь и, увидя дочь свою танцующею передъ зеркаломъ, остановился. Долго глядѣлъ онъ, смѣясь невиданному капризу дѣвушки, которая, задумавшись, не примѣчала, казалось, ничего; но когда же услышалъ знакомые звуки пѣсни, жилки въ немъ зашевелились: гордо подбоченившись, выступилъ онъ впередъ и пустился въ присядку, позабывъ про всѣ дѣла свои. Громкій хохотъ кума заставилъ обоихъ вздрогнуть.

„Вотъ хорошо, батька съ дочкой затѣяли здѣсь сами свадьбу! Ступайте же скорѣе: женихъ пришелъ“.

При послѣднемъ словѣ Параска вспыхнула ярче алой ленты, повязывавшей ея голову, а безпечный отецъ ея вспомнилъ, зачѣмъ пришелъ онъ.

„Ну, дочка, пойдемъ скорѣе! Хивря съ радости, что я продалъ кобылу, побѣжала“, говорилъ онъ, боязливо оглядываясь по сторонамъ: „побѣжала закупать себѣ плахтъ и дерюгъ всякихъ, такъ нужно до приходу ея все кончить!“

Не успѣла Параска переступить за порогъ хаты, какъ почувствовала себя на рукахъ парубка въ бѣлой свиткѣ, который съ кучею народа выжидалъ ее на улицѣ.

„Боже благослови!“ сказалъ Черевикъ, складывая имъ руки. „Пусть ихъ живутъ, какъ вѣнки вьютъ!“ [1]).

Тутъ послышался шумъ въ народѣ.

„Я скорѣе тресну, чѣмъ допущу до этого!“ кричала сожительница Солопія, которую, однакожъ, съ хохотомъ отталкивала толпа народа.

„Не бѣсись, не бѣсись, жинка!“ говорилъ хладнокровно Черевикъ, видя, что пара дюжихъ цыганъ овладѣла ея руками: „что сдѣлано, то сдѣлано; я перемѣнять не люблю!“

„Нѣтъ, нѣтъ! этого-то не будетъ!“ кричала Хивря, но никто не слышалъ ея; нѣсколько паръ обступило новую пару и составили около нея непроницаемую танцующую стѣну.

Странное, неизъяснимое чувство овладѣло бы зрителемъ, при видѣ, какъ отъ одного удара смычкомъ музыканта, въ сермяжной свиткѣ, съ длинными закрученными усами, все обратилось, волею и неволею, къ единству и перешло въ согласіе. Люди, на угрюмыхъ лицахъ которыхъ, кажется, вѣкъ не проскальзывала улыбка, притопывали ногами и вздрагивали плечами. Все неслось, все танцовало. Но еще страннѣе, еще неразгаданнѣе чувство пробудилось бы въ глубинѣ души при взглядѣ на старушекъ, на ветхихъ лицахъ которыхъ вѣяло равнодушіе могилы, толкавшихся между новымъ, смѣющимся, живымъ человѣкомъ. Безпечныя! даже безъ дѣтской радости, безъ искры сочувствія, которыхъ одинъ хмель только, какъ механикъ своего безжизненнаго автомата, заставляетъ дѣлать что-то подобное человѣческому, онѣ тихо покачивали охмелѣвшими головами, подплясывая за веселящимся народомъ, не обращая даже глазъ на молодую чету.

Громъ, хохотъ, пѣсни слышались тише и тише. Смычокъ умиралъ, слабѣя и теряя неясные звуки въ пустотѣ воздуха. Еще слышалось гдѣ-то топанье, что-то похожее на ропотъ отдаленнаго моря, и скоро все стало пусто и глухо.

Не такъ ли и радость, прекрасная и непостоянная гостья, улетаетъ отъ насъ, и напрасно одинокій звукъ думаетъ выразить веселье? Въ собственномъ эхѣ слышитъ уже онъ грусть

[1]) Обыкновенное привѣтствіе у малороссіянъ новобрачнымъ.

и пустыню, и дико внемлетъ ему. Не такъ ли рѣзвые други бурной и вольной юности, поодиночкѣ, одинъ за другимъ, теряются по свѣту и оставляютъ, наконецъ, одного стариннаго брата ихъ? Скучно оставленному! И тяжело, и грустно становится сердцу, и нечѣмъ помочь ему!

„Я скорѣе тресну, чѣмъ допущу до этого!“ Кричала сожительница Солопія.
Рисунокъ *В. Маковскаго*.

Быль,

*разсказанная дьячкомъ ***ской церкви.*

За Ѳомою Григорьевичемъ водилась особеннаго рода странность: онъ до смерти не любилъ пересказывать одно и то же. Бывало, иногда, если упросишь его разсказать что сызнова, то, смотри, что-нибудь да выкинетъ новое, или переиначитъ такъ, что узнать нельзя. Разъ, одинъ изъ тѣхъ господъ,—намъ, простымъ людямъ, мудрено и назвать ихъ: писаки они—не писаки, а вотъ то самое, что барышники на нашихъ ярмаркахъ: нахватаютъ, напросятъ, накрадутъ всякой всячины, да и выпускаютъ книжечки, не толще букваря, каждый мѣсяцъ или недѣлю, одинъ изъ этихъ господъ и выманилъ у Ѳомы Григорьевича эту самую исторію, а онъ вовсе и позабылъ о ней. Только пріѣзжаетъ изъ Полтавы тотъ самый паничъ, въ гороховомъ кафтанѣ, про котораго говорилъ я, и котораго одну

повѣсть вы, думаю, уже прочли,—привозитъ съ собою небольшую книжечку и, развернувши посерединѣ, показываетъ намъ. Ѳома Григорьевичъ готовъ уже былъ осѣдлать носъ свой очками, но вспомнивъ, что онъ забылъ ихъ подмотать нитками и облѣпить воскомъ, передалъ мнѣ. Я, такъ какъ грамоту кое-какъ разумѣю и не ношу очковъ, принялся читать. Не успѣлъ перевернуть двухъ страницъ, какъ онъ вдругъ остановилъ меня за руку.

„Постойте! напередъ скажите мнѣ, что это вы читаете?“

Признаюсь, я немного пришелъ втупикъ отъ такого вопроса.

„Какъ, что читаю, Ѳома Григорьевичъ?—Вашу быль, ваши собственныя слова“.

„Кто вамъ сказалъ, что это мои слова?“

„Да чего лучше? тутъ и напечатано: *разсказанная такимъ-то дьячкомъ*“.

„Плюйте-жъ на голову тому, кто это напечаталъ! *Бреше сучый москаль!* Такъ ли я говорилъ? *Що-то вже, якъ у кого чортъ ма клепки въ голови!* Слушайте, я вамъ разскажу ее сейчасъ“.

Мы придвинулись къ столу, и онъ началъ:

Дѣдъ мой (царство ему небесное! чтобъ ему на томъ свѣтѣ ѣлись одни только буханци пшеничные, да маковники въ меду!) умѣлъ чудно разсказывать. Бывало, поведетъ рѣчь, цѣлый день не подвинулся бы съ мѣста и все бы слушалъ. Ужъ не чета какому-нибудь нынѣшнему балагуру, который какъ начнетъ *москаля везть,* [1]) да еще и языкомъ такимъ, будто ему три дня ѣсть не давали, то хоть берись за шапку, да изъ хаты. Какъ теперь помню,—покойная старуха, мать моя, была еще жива,—какъ въ долгій зимній вечеръ, когда на дворѣ трещалъ морозъ и замуровывалъ наглухо узенькое окно нашей хаты, сидѣла она передъ гребнемъ, выводя рукою длинную нитку, колыша ногою люльку и напѣвая пѣсню, которая какъ будто теперь слышится мнѣ. Каганецъ, дрожа и вспыхивая, какъ бы пугаясь чего, свѣтилъ намъ въ хатѣ. Веретено жужжало; а мы всѣ, дѣти, собравшись въ кучку, слушали дѣда, не слѣзавшаго отъ старости болѣе пяти лѣтъ съ своей печки. Но ни дивныя рѣчи про давнюю старину, про наѣзды запорожцевъ, про ляховъ, про молодецкія дѣла Подковы, Полтора-Кожуха и Сагайдачнаго не занимали насъ такъ, какъ

[1]) Лгать.

разсказы про какое-нибудь старинное чудное дѣло, отъ которыхъ всегда дрожь проходила по тѣлу и волосы ерошились на головѣ. Иной разъ страхъ, бывало, такой заберетъ отъ нихъ, что съ вечера все показывается, Богъ знаетъ, какимъ чудищемъ. Случится, ночью выйдешь за чѣмъ-нибудь изъ хаты, вотъ такъ и думаешь, что на постели твоей уклался спать выходецъ съ того свѣта. И, чтобы мнѣ не довелось разсказывать этого въ другой разъ, если я не принималъ часто издали собственную свитку, положенную въ головахъ, за свернувшагося дьявола. Но главное въ разсказахъ дѣда было то, что въ жизнь свою онъ никогда не лгалъ, и что, бывало, ни скажетъ, то именно такъ и было.

Одну изъ его чудныхъ исторій перескажу теперь вамъ. Знаю, что много наберется такихъ умниковъ, пописывающихъ по судамъ и читающихъ даже гражданскую грамоту, которые, если дать имъ въ руки простой часословъ, не разобрали бы ни аза въ немъ, а показывать на позоръ свои зубы—есть умѣнье. Имъ все, что ни разскажешь, въ смѣхъ. Эдакое невѣрье разошлось по свѣту! Да чего? вотъ, не люби Богъ меня и Пречистая Дѣва!—вы, можетъ, даже не повѣрите: разъ какъ-то заикнулся про вѣдьмъ,—что-жъ? нашелся сорви-голова,—вѣдьмамъ не вѣритъ! Да, славу Богу, вотъ я сколько живу уже на свѣтѣ, видѣлъ такихъ иновѣрцевъ, которымъ *провозить попа въ рѣшетѣ*[1]) было легче, нежели нашему брату понюхать табаку, а и тѣ открещивались отъ вѣдьмъ. Но приснись имъ... не хочется только выговорить, что такое.. Нечего и толковать объ нихъ.

Лѣтъ—куды болѣе чѣмъ за сто!—говорилъ покойникъ дѣдъ мой, нашего села и не узналъ бы никто: хуторъ, самый бѣдный хуторъ! Избенокъ десять, не обмазанныхъ, не укрытыхъ, торчало то тамъ, то сямъ, посреди поля. Ни плетня, ни сарая порядочнаго, гдѣ бы поставить скотину, или возъ. Это-жъ еще богачи тамъ жили; а посмотрѣли бы на нашу братью, на голь: вырытая въ землѣ яма—вотъ вамъ и хата! Только по дыму и можно было узнать, что живетъ тамъ человѣкъ Божій. Вы спросите, отчего они жили такъ? Бѣдность не бѣдность: потому что тогда козаковалъ почти всякій и набиралъ въ чужихъ земляхъ не мало добра: а больше отъ того, что не зачѣмъ было заводиться порядочною хатою. Какого народу тогда не шаталось по всѣмъ мѣстамъ: крымцы, ляхи, литвинство! Бывало то, что и свои наѣдутъ кучами и обдираютъ своихъ же. Всего бывало.

[1]) Солгать на исповѣди.

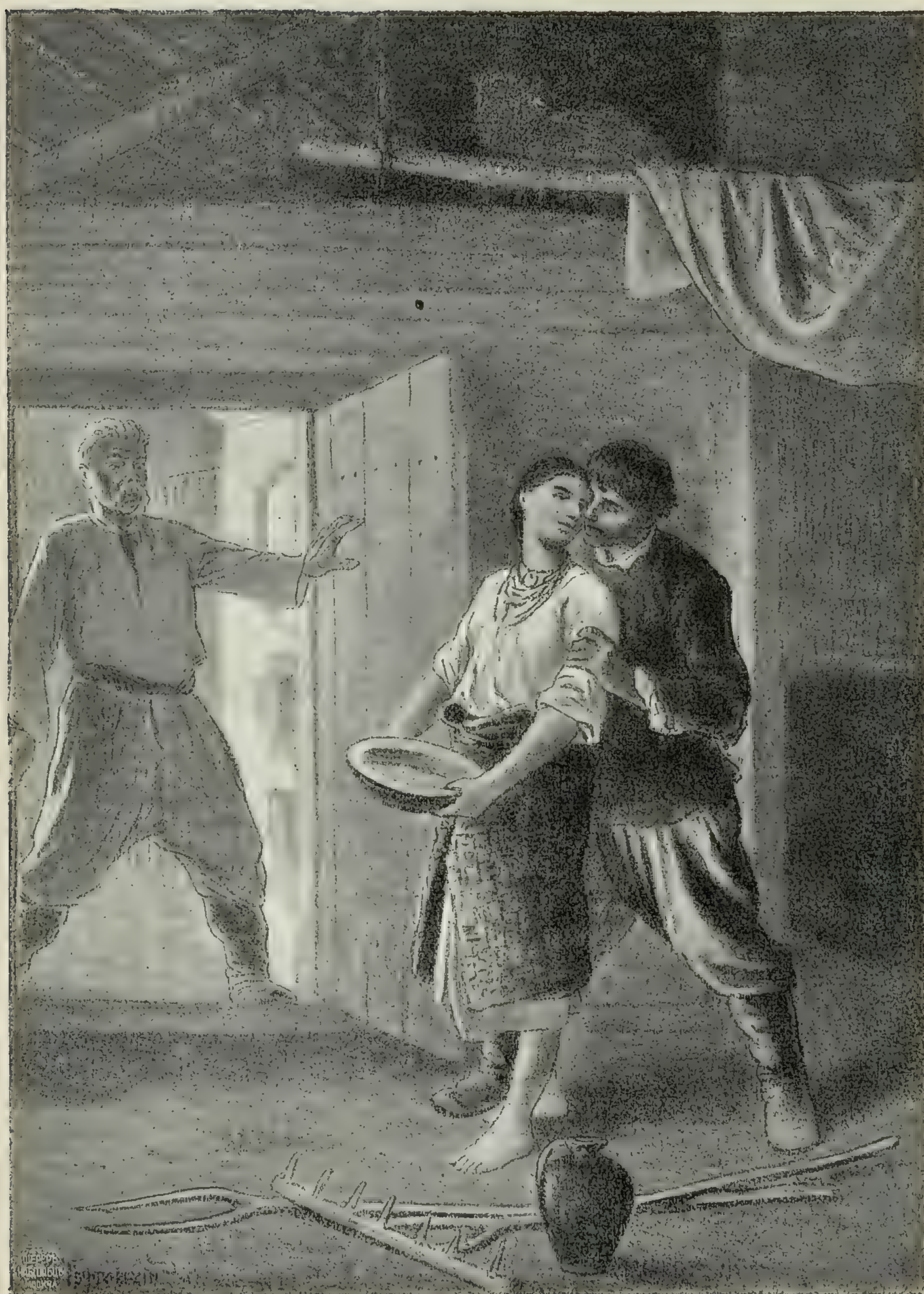
Въ этомъ-то хуторкѣ показывался часто человѣкъ, или лучше, дьяволъ въ человѣческомъ образѣ. Откуда онъ, зачѣмъ приходилъ, никто не зналъ. Гуляетъ, пьянствуетъ и вдругъ пропадетъ, какъ въ воду, и слуху нѣтъ. Тамъ, глядь—снова будто съ неба упалъ, рыскаетъ по улицамъ села, котораго теперь и слѣду нѣтъ, и которое было, можетъ, не дальше ста шаговъ отъ Диканьки. Понаберетъ встрѣчныхъ козаковъ: хохотъ, пѣсни, деньги сыплются, водка—какъ вода... Пристанетъ, бывало, къ краснымъ дѣвушкамъ: надаритъ лентъ, серегъ, монистъ—дѣвать некуда! Правда, что красныя дѣвушки немного призадумывались, принимая подарки: Богъ знаетъ, можетъ, въ самомъ дѣлѣ перешли они черезъ нечистыя руки. Родная тетка моего дѣда, содержавшая въ то время шинокъ по нынѣшней Опошнянской дорогѣ, въ которомъ часто разгульничалъ Басаврюкъ (такъ называли этого бѣсовскаго человѣка), именно говорила, что ни за какія благополучія въ свѣтѣ не согласилась бы принять отъ него подарковъ. Опять, какъ же и не взять?—всякаго проберетъ страхъ, когда нахмуритъ онъ, бывало, свои щетинистыя брови и пуститъ исподлобья такой взглядъ, что, кажется, унесъ бы ноги, Богъ знаетъ куда; а возьмешь, такъ на другую же ночь и тащится въ гости какой-нибудь пріятель изъ болота, съ рогами на головѣ, и давай душить за шею, когда на шеѣ монисто, кусать за палецъ, когда на немъ перстень, или тянуть за косу, когда вплетена въ нее лента. Богъ съ ними тогда, съ этими подарками! Но вотъ бѣда—и отвязаться нельзя: бросишь въ воду,—плыветъ чертовскій перстень или монисто поверхъ воды и къ тебѣ же въ руки.

Въ селѣ была церковь, чуть ли еще, какъ вспомню, не святого Пантелея. Жилъ тогда при ней іерей, блаженной памяти отецъ Аѳанасій. Замѣтивъ, что Басаврюкъ и на Свѣтлое Воскресеніе не бывалъ въ церкви, задумалъ было пожурить его, наложить церковное покаяніе. Куда! насилу ноги унесъ. „Слушай, *паноче*![1])“ загремѣлъ онъ ему въ отвѣтъ: „знай лучше свое дѣло, чѣмъ мѣшаться въ чужія, если не хочешь, чтобы козлиное горло твое было залѣплено горячею кутьею!“ Что дѣлать съ окаяннымъ? Отецъ Аѳанасій объявилъ только, что всякаго, кто спознается съ Басаврюкомъ, станетъ считать за католика, врага Христовой церкви и всего человѣческаго рода.

Въ томъ селѣ былъ у одного козака, прозвищемъ Коржа, работникъ, котораго люди звали Петромъ Безроднымъ,—мо-

[1]) Панъ-отче.

жетъ, отъ того, что никто не помнилъ ни отца его, ни матери. Староста церкви говорилъ, правда, что они на другой же годъ померли отъ чумы; но тетка моего дѣда знать этого не хотѣла и всѣми силами старалась надѣлить его родней, хотя бѣдному Петру было въ ней столько нужды, сколько намъ въ прошлогоднемъ снѣгѣ. Она говорила, что отецъ его и теперь въ Запорожьи, былъ въ плѣну у турокъ, натерпѣлся мукъ, Богъ знаетъ какихъ, и какимъ-то чудомъ, переодѣвшись евнухомъ, далъ тягу. Чернобровымъ дивчатамъ и молодицамъ мало было нужды до родни его. Онѣ говорили только, что если бы одѣть его въ новый жупанъ, затянуть краснымъ поясомъ, надѣть на голову шапку изъ черныхъ смушекъ съ щегольскимъ синимъ верхомъ, привѣсить къ боку турецкую саблю, дать въ одну руку малахай, въ другую люльку въ красивой оправѣ, то заткнулъ бы онъ за поясъ всѣхъ парубковъ тогдашнихъ. Но то бѣда, что у бѣднаго Петруся всего-на-все была одна сѣрая свитка, въ которой было больше дыръ, чѣмъ у иного жида въ карманѣ злотыхъ. И это бы еще не большая бѣда, а вотъ бѣда: у стараго Коржа была дочка, красавица, какую, я думаю, врядъ ли доставалось вамъ видывать! Тетка покойнаго дѣда разсказывала,—а женщинѣ, сами знаете, легче поцѣловаться съ чортомъ, не во гнѣвъ будь сказано, нежели назвать кого красавицею,—что полненькія щеки козачки были свѣжи и ярки, какъ макъ самаго тонкаго розоваго цвѣта, когда, умывшись Божьею росою, горитъ онъ, распрямляетъ листики и охорашивается передъ только-что поднявшимся солнышкомъ; что брови, словно черные шнурочки, какіе покупаютъ теперь для крестовъ и дукатовъ дѣвушки наши у проходящихъ по селамъ съ коробками москалей, ровно нагнувшись, какъ будто глядѣлись въ ясныя очи; что ротикъ, на который глядя облизывалась тогдашняя молодежь, кажись на то и созданъ былъ, чтобы выводить соловьиныя пѣсни; что волосы ея, черные, какъ крылья ворона, и мягкіе, какъ молодой ленъ (тогда еще дѣвушки наши не заплетали ихъ въ дрибушки, перевивая красивыми, яркихъ цвѣтовъ, синдячками), падали курчавыми кудрями на шитый золотомъ кунтушъ. Эхъ! не доведи Господь возглашать мнѣ больше на клиросѣ аллилуія, если бы вотъ тутъ же не расцѣловалъ ея, не смотря на то, что сѣдь пробирается по всему старому лѣсу, покрывающему мою макушку, и подъ бокомъ моя старуха, какъ бѣльмо въ глазу. Ну, если гдѣ парубокъ и дѣвка живутъ близко одинъ отъ другого... сами знаете, что́ выходитъ. Бывало, ни свѣтъ, ни заря, подковы красныхъ сапоговъ и примѣтны на томъ мѣстѣ, гдѣ раздобаривала Пи-

„Одеревенѣлъ Коржъ, разинувъ ротъ"...
Рисунокъ *К. Трутовскаго.*

родка съ своимъ Петрусемъ. Но все бы Коржу и въ умъ не пришло что-нибудь недоброе, да разъ,—ну, это уже и видно, что не кто другой, какъ лукавый дернулъ,—вздумалось Петрусю, не осмотрѣвшись хорошенько въ сѣняхъ, влѣпить поцѣлуй, какъ говорятъ, отъ всей души, въ розовыя губки козачки, и тотъ же самый лукавый,—чтобъ ему, собачьему сыну, приснился крестъ святой!—настроилъ сдуру стараго хрѣна отворить дверь хаты. Одеревенѣлъ Коржъ, разинувъ ротъ и ухватясь рукою за двери. Проклятый поцѣлуй, казалось, оглушилъ его совершенно. Ему почудился онъ громче, чѣмъ ударъ макогона объ стѣну, которымъ обыкновенно въ наше время мужикъ прогоняетъ кутю, за неимѣніемъ фузеи и пороха.

Очнувшись, снялъ онъ со стѣны дѣдовскую нагайку и уже хотѣлъ было покропить ею спину бѣднаго Петра, какъ—откуда ни возьмись—шестилѣтній братъ Пидоркинъ, Ивась, прибѣжалъ и въ испугѣ схватилъ ручонками его за ноги, закричавъ: „Тятя, тятя! не бей Петруся!“ Что прикажешь дѣлать? У отца сердце не каменное: повѣсивши нагайку на стѣну, вывелъ онъ его потихоньку изъ хаты: „Если ты мнѣ когда-нибудь покажешься въ хатѣ, или хоть только подъ окнами, то слушай, Петро: ей Богу, пропадутъ черные усы, да и оселедецъ твой,—вотъ уже онъ два раза обматывается около уха,—не будь я Терентій Коржъ, если не распрощается съ твоей макушей!“ Сказавши это, далъ онъ ему легонькою рукою стусана въ затылокъ, такъ что Петрусь, не взвидя земли, полетѣлъ стремглавъ. Вотъ тебѣ и доцѣловались! Взяла кручина нашихъ голубковъ; а тутъ и слухъ по селу, что къ Коржу повадился ходить какой-то ляхъ, обшитый золотомъ, съ усами, съ саблею, со шпорами, съ карманами, бренчавшими, какъ звонокъ отъ мѣшечка, съ которымъ пономарь нашъ, Тарасъ, отправляется каждый день по церкви. Ну, извѣстно, зачѣмъ ходятъ къ отцу, когда у него водится чернобровая дочка. Вотъ одинъ разъ Пидорка схватила, заливаясь слезами, на руки Ивася своего: „Ивасю мой милый, Ивасю мой любый! бѣги къ Петрусю, мое золотое дитя, какъ стрѣла изъ лука; разскажи ему все: любила-бъ его карія очи, цѣловала бы его бѣлое личико, да не велитъ судьба моя. Не одинъ ручникъ вымочила горючими слезами. Тошно мнѣ, тяжело на сердцѣ. И родной отецъ—врагъ мнѣ: неволитъ итти за нелюбимаго ляха. Скажи ему, что и свадьбу готовятъ, только не будетъ музыки на нашей свадьбѣ: будутъ дьяки пѣть, вмѣсто кобзъ и сопилокъ. Не пойду я танцовать съ женихомъ своимъ: понесутъ меня. Темная, темная моя будетъ хата!—изъ кленоваго дерева, и, вмѣсто трубы, крестъ будетъ стоять на крышѣ!“

Какъ будто окаменѣвъ, не сдвинувшись съ мѣста, слушалъ Петро, когда невинное дитя лепетало ему Пидоркины слова. „А я думалъ, несчастный, итти въ Крымъ и Туречину, навоевать золота и съ добромъ пріѣхать къ тебѣ, моя красавица. Да не быть тому. Недобрый глазъ поглядѣлъ на насъ. Будетъ же, моя дорогая рыбка, будетъ и у меня свадьба: только и дьяковъ не будетъ на той свадьбѣ, воронъ черный прокрячетъ, вмѣсто попа, надо мною; гладкое поле будетъ моя хата; сизая туча моя крыша; орелъ выклюетъ мои карія очи; вымоютъ дожди козацкія косточки, и вихорь высушитъ ихъ. Но что я? На кого? кому жаловаться? Такъ уже, видно, Богъ велѣлъ! Пропадать, такъ пропадать!“—Да прямехонько и побрелъ въ шинокъ.

Тетка покойнаго дѣда немного изумилась, увидѣвши Петруся въ шинкѣ, да еще въ такую пору, когда добрый человѣкъ идетъ къ заутренѣ, и выпучила на него глаза, какъ будто спросонья, когда потребовалъ онъ кухоль сивухи, мало не съ полведра. Только напрасно думалъ бѣдняжка залить свое горе. Водка щипала его за языкъ, словно крапива, и казалась ему горше полыни. Кинулъ отъ себя кухоль на землю. „Полно горевать тебѣ, козакъ!“ загремѣло что-то басомъ надъ нимъ. Оглянулся: Басаврюкъ! У! какая образина! Волосы—щетина, очи—какъ у вола. „Знаю, чего недостаетъ тебѣ: вотъ чего!“ Тутъ брякнулъ онъ съ бѣсовскою усмѣшкою кожанымъ, висѣвшимъ у него возлѣ пояса, кошелькомъ. Вздрогнулъ Петро. „Ге-ге-ге! да какъ горитъ!“ заревѣлъ онъ, пересыпая на руку червонцы: „Ге-ге-ге! да какъ звенитъ! А вѣдь и дѣла только одного потребуютъ за цѣлую гору такихъ цяцекъ“.—„Дьяволъ!“ закричалъ Петро.—„Давай его! на все готовъ!“—Хлопнули по рукамъ.—„Смотри, Петро, ты поспѣлъ какъ разъ въ пору: завтра Ивана Купала. Одну только эту ночь въ году и цвѣтетъ папоротникъ. Не прозѣвай! Я тебя буду ждать о полночи въ Медвѣжьемъ оврагѣ“.

Я думаю, куры такъ не дожидаются той поры, когда баба вынесетъ имъ хлѣбныхъ зеренъ, какъ дожидался Петрусь вечера. То и дѣла, что смотрѣлъ, не становится ли тѣнь отъ дерева длиннѣе, не румянится ли понизившееся солнышко, и чѣмъ далѣе, тѣмъ нетерпѣливѣй. Экая долгота! Видно, день Божій потерялъ гдѣ-нибудь конецъ свой. Вотъ уже и солнца нѣтъ. Небо только краснѣетъ на одной сторонѣ. И оно уже тускнетъ. Въ полѣ становится холоднѣй. Примеркаетъ, примеркаетъ и—смерклось. Насилу! Съ сердцемъ, только-что не хотѣвшимъ выскочить изъ груди, собрался онъ въ дорогу и бережно спустился густымъ лѣсомъ въ глубокій яръ, называемый Медвѣжьимъ оврагомъ. Басаврюкъ уже поджидалъ тамъ. Темно,

хоть въ глаза выстрѣли. Рука объ руку, пробирались они по топкимъ болотамъ, цѣпляясь за густо разросшійся терновникъ и спотыкаясь почти на каждомъ шагу. Вотъ и ровное мѣсто. Оглядѣлся Петро: никогда еще не случалось ему заходить сюда. Тутъ остановился и Басаврюкъ.

„Видишь ли ты, стоятъ передъ тобою три пригорка? Много будетъ на нихъ цвѣтовъ разныхъ: но сохрани тебя нездѣшняя сила сорвать хоть одинъ. Только же зацвѣтетъ папоротникъ, хватай его и не оглядывайся, что бы тебѣ позади ни чудилось“.

Петро хотѣлъ было спросить... глядь—и нѣтъ уже его. Подошелъ къ тремъ пригоркамъ; гдѣ же цвѣты? Ничего не видать. Дикій бурьянъ чернѣлъ кругомъ и глушилъ все своею густотою. Но вотъ блеснула на небѣ зарница, и передъ нимъ показалась цѣлая гряда цвѣтовъ, все чудныхъ, все невиданныхъ; тутъ же и простые листья папоротника. Поусумнился Петро и въ раздумьи сталъ передъ ними, подпершись обѣими руками въ боки.

„Что-жъ тутъ за невидальщина? Десять разъ на день, случается, видишь это зелье: какое же тутъ диво? Не вздумала ли дьявольская рожа посмѣяться?“

Глядь—краснѣетъ маленькая цвѣточная почка и, какъ будто живая, движется. Въ самомъ дѣлѣ чудно! Движется и становится все больше, больше, и краснѣетъ, какъ горячій уголь. Вспыхнула звѣздочка, что-то тихо затрещало,—и цвѣтокъ развернулся передъ его очами, словно пламя, освѣтивъ и другіе около себя.

„Теперь пора!“ подумалъ Петро и протянулъ руку. Смотритъ, тянутся изъ-за него сотни мохнатыхъ рукъ также къ цвѣтку, а позади его что-то перебѣгаетъ съ мѣста на мѣсто. Зажмуривъ глаза, дернулъ онъ за стебелекъ, и цвѣтокъ остался въ его рукахъ. Все утихло. На пнѣ показался сидящимъ Басаврюкъ, весь синій, какъ мертвецъ. Хоть бы пошевелился однимъ пальцемъ. Очи недвижно установлены на что-то, видимое ему одному только; ротъ вполовину разинутъ, и ни отвѣта. Вокругъ не шелохнетъ. Ухъ, страшно!.. Но вотъ послышался свистъ, отъ котораго захолонуло у Петра внутри, и почудилось ему, будто трава зашумѣла, цвѣты начали между собою разговаривать голосомъ тоненькимъ, словно серебряные колокольчики; деревья загремѣли сыпучею бранью... Лицо Басаврюка вдругъ ожило, очи сверкнули. „Насилу воротилась, яга!“ проворчалъ онъ сквозь зубы. „Гляди, Петро, станетъ передъ тобою сейчасъ красавица: дѣлай все, что ни прикажетъ, не то пропалъ навѣки!“ Тутъ раздѣлилъ онъ суковатою палкою кустъ терновника, и передъ ними показалась избушка, какъ говорится, на курьихъ ножкахъ. Басаврюкъ ударилъ кулакомъ, и стѣна за-

шаталась. Большая черная собака выбѣжала навстрѣчу и съ визгомъ, оборотившись въ кошку, кинулась въ глаза имъ. „Не бѣсись, не бѣсись, старая чертовка!“ проговорилъ Басаврюкъ, приправивъ такимъ словцомъ, что добрый человѣкъ и уши бы заткнулъ. Глядь, вмѣсто кошки, старуха, съ лицомъ, сморщившимся, какъ печеное яблоко, вся согнутая въ дугу; носъ съ подбородкомъ, словно щипцы, которыми щелкаютъ орѣхи. „Славная красавица!“ подумалъ Петро, и мурашки пошли по спинѣ его. Вѣдьма вырвала у него цвѣтокъ изъ рукъ, наклонилась и что-то долго шептала надъ нимъ, вспрыскивая какою-то водою. Искры посыпались у ней изо рта, пѣна показалась на губахъ. „Бросай!“ сказала она, отдавая цвѣтокъ ему. Петро подбросилъ, и,—что за чудо!—цвѣтокъ не упалъ прямо, но долго казался огненнымъ шарикомъ посреди мрака и, словно лодка, плавалъ по воздуху; наконецъ, потихоньку началъ спускаться ниже и упалъ такъ далеко, что едва примѣтна была звѣздочка, не больше маковаго зерна. „Здѣсь!“ глухо прохрипѣла старуха, а Басаврюкъ, подавая ему заступъ, промолвилъ: „Копай здѣсь, Петро; тутъ увидишь ты столько золота, сколько ни тебѣ, ни Коржу не снилось“. Петро, поплевавъ въ руки, схватилъ заступъ, надавилъ ногою и выворотилъ землю, въ другой, въ третій, еще разъ... Что-то твердое!.. Заступъ звенитъ и нейдетъ далѣе. Тутъ глаза его ясно начали различать небольшой, окованный желѣзомъ сундукъ. Уже хотѣлъ онъ было достать его рукою, но сундукъ сталъ уходить въ землю, и все, чѣмъ далѣе, глубже, глубже; а позади его слышался хохотъ, болѣе схожій съ змѣинымъ шипѣньемъ. „Нѣтъ, не видать тебѣ золота, покамѣстъ не достанешь крови человѣческой!“ сказала вѣдьма и подвела къ нему дитя, лѣтъ шести, накрытое бѣлою простынею, показывая знакомъ, чтобы онъ отсѣкъ ему голову. Остолбенѣлъ Петро. Малость, отрѣзать ни за что, ни про что человѣку голову, да еще и безвинному ребенку! Въ сердцахъ, сдернулъ онъ простыню, накрывавшую его голову, и что-же? Передъ нимъ стоялъ Ивась. И ручонки сложило бѣдное дитя на-крестъ, и головку повѣсило... Какъ бѣшеный, подскочилъ съ ножомъ къ вѣдьмѣ Петро и уже занесъ было руку...

„А что ты обѣщалъ за дѣвушку?..“ грянулъ Басаврюкъ и словно пулю посадилъ ему въ спину. Вѣдьма топнула ногою: синее пламя выхватилось изъ земли; середина ея вся освѣтилась и стала какъ будто изъ хрусталя вылита, и все, что ни было подъ землею, сдѣлалось видимо, какъ на ладони. Червонцы, дорогіе камни въ сундукахъ, въ котлахъ, грудами были навалены подъ тѣмъ самымъ мѣстомъ, гдѣ они стояли. Глаза

его загорѣлись... умъ помутился... Какъ безумный, ухватился онъ за ножъ, и безвинная кровь брызнула ему въ очи... Дьявольскій хохотъ загремѣлъ со всѣхъ сторонъ. Безобразныя чудища стаями скакали передъ нимъ. Вѣдьма, вцѣпившись руками въ обезглавленный трупъ, какъ волкъ, пила изъ него кровь... Все пошло кругомъ въ головѣ его! Собравши всѣ силы,

„Передъ нимъ стоялъ Ивась“...
Рисунокъ *В. Маковскаго.*

бросился онъ бѣжать. Все покрылось передъ нимъ краснымъ свѣтомъ. Деревья всѣ въ крови, казалось, горѣли и стонали. Небо, раскалившись, дрожало... Огненныя пятна, что молніи, мерещились въ его глазахъ. Выбившись изъ силъ, вбѣжалъ

онъ въ свою лачужку и, какъ снопъ, повалился на землю. Мертвый сонъ охватилъ его.

Два дня и двѣ ночи спалъ Петро безъ просыпу. Очнувшись на третій день, долго осматривалъ онъ углы своей хаты; но напрасно старался что-нибудь припомнить: память его была какъ карманъ стараго скряги, изъ котораго полушки не выманишь. Потянувшись немного, услышалъ онъ, что въ ногахъ брякнуло. Смотритъ: два мѣшка съ золотомъ. Тутъ только, будто сквозь сонъ, вспомнилъ онъ, что искалъ какого-то клада, что было ему одному страшно въ лѣсу... Но за какую цѣну, какъ достался онъ, этого никакимъ образомъ не могъ понять.

Увидѣлъ Коржъ мѣшки—и разнѣжился. „Сякой, такой Петрусь, немазаный! Да я ли не любилъ его? Да не былъ ли у меня онъ, какъ сынъ родной?“ И понесъ хрычъ небывальщину, такъ что того до слезъ разобрало. Пидорка стала разсказывать ему, какъ проходившіе мимо цыгане украли Ивася; но Петро не могъ даже вспомнить его: такъ обморочила проклятая бѣсовщина! Мѣшкать было незачѣмъ. Поляку дали подъ носъ дулю, да и заварили свадьбу: напекли шишекъ, нашили ручниковъ и хустокъ, выкатили бочку горѣлки, посадили за столъ молодыхъ, разрѣзали коровай, брякнули въ бандуры, цымбалы, сопилки, кобзы—и пошла потѣха...

Въ старину свадьба водилась не въ сравненье съ нашей. Тетка моего дѣда, бывало, разскажетъ—люли только! Какъ дѣвчата, въ нарядномъ головномъ уборѣ, изъ желтыхъ, синихъ и розовыхъ стричекъ, поверхъ которыхъ навязывался золотой галунъ, въ тонкихъ рубашкахъ, вышитыхъ по всему шву краснымъ шелкомъ и унизанныхъ мелкими серебряными цвѣточками, въ сафьяныхъ сапогахъ на высокихъ желѣзныхъ подковахъ, плавно, словно павы, и съ шумомъ, что вихорь, скакали въ горлицѣ.[1] Какъ молодицы, съ корабликомъ на головѣ, котораго верхъ сдѣланъ былъ весь изъ сутозолотой парчи, съ небольшимъ вырѣзомъ на затылкѣ, откуда выглядывалъ золотой очипокъ, съ двумя выдававшимися, одинъ напередъ, другой назадъ, рожками самаго мелкаго чернаго смушка въ синихъ, изъ лучшаго полутабенеку, съ красными клапанами, кунтушахъ, важно подбоченившись, выступали поодиночкѣ и мѣрно выбивали гопака [2]) Какъ парубки въ высокихъ козацкихъ шапкахъ, въ тонкихъ суконныхъ свиткахъ, затянутыхъ шитыми серебромъ поясами, съ люльками въ зубахъ, разсыпались передъ ними мелкимъ бѣсомъ и подпускали турусы.

[1]) Названіе танца.
[2]) Тоже малорусскій танецъ.

НА ПНѢ ПОКАЗАЛСЯ СИДЯЩИМЪ БАСАВРЮКЪ. ВЕСЬ СИНІЙ, КАКЪ МЕРТВЕЦЪ.

Самъ Коржъ не утерпѣлъ, глядя на молодыхъ, чтобъ не тряхнуть стариною. Съ бандурою въ рукахъ, потягивая люльку и вмѣстѣ припѣвая, съ чаркою на головѣ, пустился старичина, при громкомъ крикѣ гулякъ, въ присядку. Чего не выдумаютъ навеселѣ? Начнутъ, бывало, наряжаться въ хари,—Боже ты мой, на человѣка не похожи! Ужъ не чета нынѣшнимъ переодѣваньямъ, что бываютъ на свадьбахъ нашихъ. Что теперь? только что корчатъ цыганокъ да москалей. Нѣтъ, вотъ, бывало, одинъ одѣнется жидомъ, а другой чортомъ, начнутъ сперва цѣловаться, а послѣ ухватятся за чубы... Богъ съ вами! Смѣхъ нападетъ такой, что за животъ хватаешься. Поодѣнутся въ турецкія и татарскія платья; все горитъ на нихъ, какъ жаръ... А какъ начнутъ дурить да строить штуки... ну, тогда хоть святыхъ выноси! Съ теткой покойнаго дѣда, которая сама была на этой свадьбѣ, случилась забавная исторія: была она одѣта тогда въ татарское широкое платье и, съ чаркою въ рукахъ, угощала собраніе. Вотъ, одного дернулъ лукавый окатить ее сзади водкою; другой, тоже, видно, не промахъ, высѣкъ въ ту же минуту огня, да и поджегъ... пламя вспыхнуло: бѣдная тетка, перепугавшись, давай сбрасывать съ себя, при всѣхъ, платье... Шумъ, хохотъ, ералашъ поднялся, какъ на ярмаркѣ. Словомъ, старики не запомнили никогда еще такой веселой свадьбы.

Начали жить Пидорка да Петрусь, словно панъ съ панею. Всего вдоволь, все блеститъ... Однако же, добрые люди качали слегка головами, глядя на житье ихъ. „Отъ чорта не будетъ добра“, поговаривали всѣ въ одинъ голосъ. „Откуда, какъ не отъ искусителя люда православнаго, пришло къ нему богатство? Гдѣ ему было взять такую кучу золота? Отчего вдругъ въ самый тотъ день, когда разбогатѣлъ онъ, Басаврюкъ пропалъ, какъ въ воду?“—Говорите же, что люди выдумываютъ! Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, не прошло мѣсяца, Петруся никто узнать не могъ. Отчего, что съ нимъ сдѣлалось,—Богъ знаетъ. Сидитъ на одномъ мѣстѣ и хоть бы слово съ кѣмъ; все думаетъ и какъ будто бы хочетъ что-то припомнить. Когда Пидоркѣ удается заставить его о чемъ-нибудь заговорить, какъ будто и забудется, и поведетъ рѣчь, и развеселится даже; но ненарокомъ посмотритъ на мѣшки: „постой, постой, позабылъ!“ кричитъ, и снова задумывается, и снова силится про что-то вспомнить. Иной разъ, когда долго сидитъ на одномъ мѣстѣ, чудится ему, что вотъ-вотъ все сызнова приходитъ на умъ... и опять все ушло. Кажется: сидитъ въ шинкѣ; несутъ ему водку; жжетъ его водка; противна ему водка; кто-то подходитъ, бьетъ по плечу его; онъ... но далѣе все какъ-будто

туманомъ покрывается передъ нимъ. Потъ валитъ градомъ по лицу его, и онъ въ изнеможенiи садится на свое мѣсто

Чего не дѣлала Пидорка: и совѣщалась съ знахарями, и переполохъ выливали, и соняшницу заваривали [1], — ничто не помогало. Такъ прошло и лѣто. Много козаковъ обкосилось и обжалось; много козаковъ, поразгульнѣе другихъ, и въ походъ потянулось. Стаи утокъ еще толпились на болотахъ нашихъ; но крапивянокъ уже и въ поминѣ не было. Въ степяхъ закраснѣло. Скирды хлѣба то тамъ, то сямъ, словно козацкiя шапки, пестрѣли по полю. Попадались по дорогѣ и возы, наваленные хворостомъ и дровами. Земля сдѣлалась крѣпче и мѣстами стала прохватываться морозомъ. Уже и снѣгъ началъ сѣяться съ неба, и вѣтки деревъ убрались инеемъ, будто заячьимъ мѣхомъ. Вотъ уже въ ясный морозный день красногрудый снигирь, словно щеголеватый польскiй шляхтичъ, прогуливался по снѣговымъ кучамъ, вытаскивая зерно, и дѣти огромными кiями гоняли по льду деревянные кубари, между тѣмъ какъ отцы ихъ спокойно вылеживались на печкѣ, выходя по временамъ, съ зажженною люлькою въ зубахъ, ругнуть добрымъ порядкомъ православный морозецъ, или провѣтриться и промолотить въ сѣняхъ залежалый хлѣбъ. Наконецъ, снѣга стали таять, и *щука хвостомъ ледъ расколотила*; а Петро все тотъ же, и чѣмъ далѣе, тѣмъ еще суровѣе. Какъ будто прикованный, сидитъ посереди хаты, поставивъ себѣ въ ноги мѣшки съ золотомъ. Одичалъ, обросъ волосами, сталъ страшенъ, и все думаетъ объ одномъ, все силится припомнить что-то, и сердится, и злится, что не можетъ вспомнить. Часто дико подымается съ своего мѣста, поводитъ руками, вперяетъ во что-то глаза свои, какъ будто хочетъ уловить его; губы шевелятся, будто хотятъ произнесть какое-то давно забытое слово,—и неподвижно останавливаются... Бѣшенство овладѣваетъ имъ; какъ полоумный, грызетъ и кусаетъ себѣ руки и въ досадѣ рветъ клоками волоса, покамѣстъ, утихнувъ, не упадетъ, будто въ забытьи, и послѣ снова принимается припоминать, и снова бѣшенство, и снова мука... Что это за напасть Божiя? Жизнь не въ жизнь стала Пидоркѣ. Страшно ей было оставаться сперва одной въ хатѣ, да послѣ свыклась, бѣдняжка, съ своимъ горемъ. Но прежней Пидорки уже узнать

[1]) Выливаютъ переполохъ у насъ въ случаѣ испуга, когда хотятъ узнать, отчего приключился онъ: бросаютъ расплавленное олово или воскъ въ воду, и чье примутъ они подобiе, то самое перепугало больного, послѣ чего и весь испугъ проходитъ. Завариваютъ соняшницу отъ дурноты и боли въ животѣ. Для этого зажигаютъ кусокъ пакли, бросаютъ въ кружку и опрокидываютъ ее вверхъ дномъ въ миску, наполненную водой и поставленную на животѣ больного; потомъ, послѣ нашептыванiй, даютъ ему выпить ложку этой воды.

нельзя было. Ни румянца, ни усмѣшки; изныла, изчахла, выплакались ясныя очи. Разъ, кто-то уже, видно, сжалился надъ ней, посовѣтовалъ итти къ колдуньѣ, жившей въ Медвѣжьемъ оврагѣ, про которую ходила слава, что умѣетъ лѣчить всѣ на свѣтѣ болѣзни. Рѣшилась попробовать послѣднее средство; слово за слово, уговорила старуху итти съ собою. Это было ввечеру, какъ разъ наканунѣ Купала. Петро въ безпамятствѣ лежалъ на лавкѣ и не примѣчалъ вовсе новой гостьи. Какъ вотъ, мало-по-малу, сталъ приподниматься и всматриваться.

„Вспомнилъ, вспомнилъ!“ Закричалъ онъ въ страшномъ весельи.
Рисунокъ *К. Трутовскаго.*

Вдругъ весь задрожалъ, какъ на плахѣ; волосы поднялись горою... и онъ засмѣялся такимъ хохотомъ, что страхъ врѣзался въ сердце Пидорки. „Вспомнилъ, вспомнилъ!“ закричалъ онъ въ страшномъ весельи и, размахнувши топоръ, пустилъ имъ изо всей силы въ старуху. Топоръ на два вершка вбѣжалъ въ дубовую дверь. Старуха пропала, и дитя лѣтъ семи, въ бѣлой рубашкѣ, съ накрытою головою, стало посреди хаты... Простыня слетѣла. „Ивась!“ закричала Пидорка и бросилась къ нему; но привидѣніе все, съ ногъ до головы, покрылось кровью и освѣтило всю хату краснымъ свѣтомъ... Въ испугѣ выбѣжала она

въ сѣни; но, опомнившись немного, хотѣла было помочь ему; напрасно!—дверь захлопнулась за нею такъ крѣпко, что не подъ-силу было отпереть. Сбѣжались люди; принялись стучать; высадили дверь: хоть бы душа одна! Вся хата полна дыму, и посерединѣ только, гдѣ стоялъ Петрусь, куча пеплу, отъ котораго мѣстами подымался еще паръ. Кинулись къ мѣшкамъ: одни битые черепки лежали вмѣсто червонцевъ. Выпуча глаза и разинувъ рты, не смѣя пошевельнуть усомъ, стояли козаки, будто вкопанные въ землю. Такой страхъ навело на нихъ это диво.

„Всѣ тотчасъ узнали на бараньей головѣ рожу Басаврюка".
Рисунокъ *К. Трутовскаго.*

Что было далѣе, не вспомню. Пидорка дала обѣтъ итти на богомолье; собрала оставшееся послѣ отца имущество, и черезъ нѣсколько дней ея точно уже не было на селѣ. Куда ушла она, никто не могъ сказать. Услужливыя старухи отправили ее было уже туда, куда и Петро потащился; но пріѣхавшій изъ Кіева козакъ разсказалъ, что видѣлъ въ лаврѣ монахиню, всю высохшую, какъ скелетъ, и безпрестанно молящуюся, въ которой земляки, по всѣмъ примѣтамъ, узнали Пидорку; что будто никто не слыхалъ отъ нея ни одного слова; что пришла

она пѣшкомъ и принесла окладъ къ иконѣ Божьей матери, исцвѣченный такими яркими каменьями, что всѣ зажмуривались, на него глядя.

Позвольте, этимъ еще не все кончилось. Въ тотъ самый день, когда лукавый припряталъ къ себѣ Петруся, показался снова Басаврюкъ; только всѣ бѣгомъ отъ него. Узнали, что это за птица: не кто другой, какъ сатана, принявшій человѣческій образъ для того, чтобы отрывать клады; а какъ клады не даются нечистымъ рукамъ, такъ вотъ онъ и приманиваетъ къ себѣ молодцовъ. Въ томъ же году всѣ побросали землянки свои и перебрались въ село; но и тамъ, однакожъ, не было покою отъ проклятаго Басаврюка. Тетка покойнаго дѣда говорила, что именно злился онъ болѣе всего на нее за то, что оставила прежній шинокъ по Опошнянской дорогѣ, и всѣми силами старался выместить все на ней. Разъ старшины села собрались въ шинокъ и, какъ говорится, бесѣдовали по чинамъ за столомъ, посерединѣ котораго поставленъ былъ, грѣхъ сказать, чтобы малый, жареный баранъ. Калякали о томъ, о семъ; было и про диковинки разныя, и про чуда. Вотъ и померещилось, — еще бы ничего, если бы одному, а то именно всѣмъ, — что баранъ поднялъ голову, блудящіе глаза его ожили и засвѣтились, и вмигъ появившіеся черные щетинистые усы значительно заморгали на присутствующихъ. Всѣ тотчасъ узнали на бараньей головѣ рожу Басаврюка; тетка дѣда моего даже думала уже, что вотъ-вотъ попроситъ водки... Честные старшины за шапки, да скорѣй во-свояси. Въ другой разъ самъ церковный староста, любившій по временамъ раздобаривать глазъ-на-глазъ съ дѣдовскою чаркою, не успѣлъ еще раза два достать дна, какъ видитъ, что чарка кланяется ему въ поясъ. „Чортъ съ тобою!“—давай креститься!... А тутъ съ половиною его тоже диво: только-что начала она замѣшивать тѣсто въ огромной дижѣ, вдругъ дижа́ выпрыгнула. „Стой, стой!“ Куда! подбоченившись важно, пустилась въ присядку по всей хатѣ... Смѣйтесь; однакожъ, не до смѣху было нашимъ дѣдамъ. И даромъ, что отецъ Аѳанасій ходилъ по всему селу со святою водою и гонялъ чорта кропиломъ по всѣмъ улицамъ, а все еще тетка покойнаго дѣда долго жаловалась, что кто-то, какъ только вечеръ, стучитъ въ крышу и царапается по стѣнѣ.

Да чего! Вотъ теперь на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ село наше, кажись, все спокойно; а вѣдь еще не такъ давно, еще покойный отецъ мой и я запомню, какъ мимо развалившагося шинка, который нечистое племя долго послѣ того поправляло на свой счетъ, доброму человѣку пройти нельзя было. Изъ закоптѣвшей трубы столбомъ валилъ дымъ и, поднявшись

высоко, такъ что посмотрѣть — шапка валилась, — разсыпался горячими угольями по всей степи, и чортъ — нечего бы и вспоминать его, собачьяго сына, — такъ всхлипывалъ жалобно въ своей конурѣ, что испуганные гайвороны стаями подымались изъ ближняго дубоваго лѣса и съ дикимъ крикомъ метались по небу.

Врагъ его батька, знае! начнуть що небудь робыть люды хрещены, то мурдуютця, мурдуютця, мовъ хорты за зайцемъ, а все щось не до шмыгу; тильки жъ куды чортъ уплетецця, то верть хвостыкомъ, — такъ де воно й возмецця, ниначе зъ неба.

I.

Ганна.

Звонкая пѣсня лилась рѣкою по улицамъ села***. Было то время, когда утомленные дневными трудами и заботами парубки и дѣвушки шумно собирались въ кружокъ, въ блескѣ чистаго вечера, выливать свое веселье въ звуки, всегда неразлучные съ уныньемъ. И задумавшійся вечеръ мечтательно обнималъ синее небо, превращая все въ неопредѣленность и даль. Уже и сумерки, а пѣсни все не утихали. Съ бандурою въ ру-

кахъ, пробирался ускользнувшій отъ пѣсельниковъ молодой козакъ Левко, сынъ сельскаго головы. На козакѣ рѣшетиловская шапка. Козакъ идетъ по улицѣ, бренчитъ рукою по струнамъ и подплясываетъ. Вотъ онъ тихо остановился передъ дверью хаты, уставленной невысокими вишневыми деревьями. Чья же это хата? Чья это дверь? Немного помолчавши, заигралъ онъ и запѣлъ:

Сонце нызенько, вечеръ блызенько,
Выйды до мене, мое серденько!

„Нѣтъ, видно, крѣпко заснула моя ясноокая красавица", сказалъ козакъ, окончивши пѣсню и приближаясь къ окну. „Галю! Галю! ты спишь, или не хочешь ко мнѣ выйти? Ты боишься, вѣрно, чтобы насъ кто не увидѣлъ, или не хочешь, можетъ быть, показать бѣлое личико на холодъ? Не бойся: никого нѣтъ; вечеръ тепелъ. Но если бы и показался кто, я прикрою тебя свиткою, обмотаю своимъ поясомъ, закрою руками тебя,—и никто насъ не увидитъ. Но если бы и повѣяло холодомъ, я прижму тебя поближе къ сердцу, отогрѣю поцѣлуями, надѣну шапку свою на твои бѣленькія ножки. Сердце мое, рыбка моя, ожерелье! выгляни на мигъ. Просунь сквозь окошечко хоть бѣлую свою ручку... Нѣтъ, ты не спишь, гордая дивчина!" проговорилъ онъ громче и такимъ голосомъ, какимъ выражаетъ себя устыдившійся мгновеннаго униженія: „тебѣ любо издѣваться надо мною; прощай!"

Тутъ онъ отворотился, насунулъ набекрень свою шапку и гордо отошелъ отъ окошка, тихо перебирая струны бандуры. Деревянная ручка у двери въ это время завертѣлась: дверь распахнулась со скрыпомъ, и дѣвушка, на порѣ семнадцатой весны, обвитая сумерками, робко оглядываясь и не выпуская деревянной ручки, переступила черезъ порогъ. Въ полуясномъ мракѣ горѣли привѣтно, будто звѣздочки, ясныя очи; блистало красное коралловое монисто, и отъ орлиныхъ очей парубка не могла укрыться даже краска, стыдливо вспыхнувшая на щекахъ ея.

„Какой же ты нетерпѣливый!" говорила она ему вполголоса: „Уже и разсердился! Зачѣмъ выбралъ ты такое время? Толпа народу шатается то и дѣло по улицамъ... Я вся дрожу..."

„О, не дрожи, моя красная калиночка! Прижмись ко мнѣ покрѣпче!" говорилъ парубокъ, обнимая ее, отбросивъ бандуру, висѣвшую на длинномъ ремнѣ у него на шеѣ, и садясь вмѣстѣ съ нею у дверей хаты. „Ты знаешь, что мнѣ и часу не видать тебя горько".

„Знаешь ли, что я думаю?“ прервала дѣвушка, задумчиво уставивъ въ него свои очи. „Мнѣ все что-то будто на ухо шепчетъ, что впередъ намъ не видаться такъ часто. Недобрые у насъ люди: дѣвушки всѣ глядятъ такъ завистливо, а парубки... Я примѣчаю даже, что мать моя съ недавней поры стала суровѣе приглядывать за мною. Признаюсь, мнѣ веселѣе у чужихъ жить было.“

Какое-то движенiе тоски выразилось на лицѣ ея при послѣднихъ словахъ.

„Два мѣсяца только въ сторонѣ родной и уже соскучилась! Можетъ, и я надоѣлъ тебѣ?“

„О, ты мнѣ не надоѣлъ“, молвила она, усмѣхнувшись. „Я тебя люблю, чернобровый козакъ! За то люблю, что у тебя карiя очи, и какъ поглядишь ты ими, то у меня какъ будто на душѣ усмѣхается: и весело, и хорошо ей; что привѣтливо моргаешь ты черными усомъ своимъ; что ты идешь по улицѣ, поешь и играешь на бандурѣ, и любо слушать тебя.“

„О, моя Галя!“ вскрикнулъ парубокъ, цѣлуя и прижимая ее сильнѣе къ груди своей.

„Постой! Полно. Левко! Скажи напередъ, говорилъ ли ты съ отцомъ своимъ?“

„Что?“ сказалъ онъ, будто проснувшись. „Что я хочу жениться, а ты выйти за меня замужъ? Говорилъ.“ Но какъ то унывно зазвучало въ устахъ его это слово: „говорилъ“.

„Что же?“

„Что станешь дѣлать съ нимъ? Притворился, старый хрѣнъ, по своему обыкновенiю, глухимъ: ничего не слышитъ и еще бранитъ, что шатаюсь, Богъ знаетъ, гдѣ и повѣсничаю съ хлопцами по улицамъ... Но не тужи, моя Галю! вотъ тебѣ слово козацкое, что уломаю его.“

„Да тебѣ только стоитъ, Левко, слово сказать,—и все будетъ по твоему. Я знаю это по себѣ: иной разъ не послушала бы тебя, а скажешь слово,—и невольно дѣлаю, что тебѣ хочется. Посмотри, посмотри!“ продолжала она, положивъ голову на плечо ему и поднявъ глаза вверхъ, гдѣ необъятно синѣло теплое украинское небо, завѣшенное снизу кудрявыми вѣтвями стоявшихъ передъ ними вишенъ. „Посмотри: вонъ-вонъ далеко мелькнули звѣздочки: одна, другая, третья, четвертая, пятая... Не правда ли, вѣдь это ангелы Божіи поотворяли окошечки своихъ свѣтлыхъ домиковъ на небѣ и глядятъ на насъ? Да, Левко? Вѣдь это они глядятъ на нашу землю? Что, если бы у людей были крылья, какъ у птицъ,—туда бы полетѣть высоко, высоко... Ухъ, страшно! Ни одинъ дубъ у насъ не достанетъ до неба. А говорятъ, однако же, есть гдѣ-то, въ какой-то далекой землѣ, такое дерево, которое шумитъ вершиною въ самомъ небѣ, и Богъ сходитъ по немъ на землю ночью передъ свѣтлымъ праздникомъ“.

„Нѣтъ, Галю; у Бога есть длинная лѣстница отъ неба до самой земли. Ее становятъ передъ Свѣтлымъ Воскресеніемъ святые архангелы, и какъ только Богъ ступитъ на первую ступень, всѣ нечистые духи полетятъ стремглавъ и кучами попадаютъ въ пекло, и оттого на Христовъ праздникъ ни одного злого духа не бываетъ на землѣ“.

„Какъ тихо колышется вода, будто дитя въ люлькѣ!“ продолжала Ганна, указывая на прудъ, угрюмо обставленный темнымъ кленовымъ лѣсомъ и оплакиваемый вербами, потопившими въ немъ жалобныя свои вѣтви. Какъ безсильный старецъ, держалъ онъ въ холодныхъ объятіяхъ своихъ далекое темное небо, осыпая ледяными поцѣлуями огненныя звѣзды, которыя тускло рѣяли среди теплаго океана ночного воздуха, какъ бы предчувствуя скорое появленіе блистательнаго царя ночи. Возлѣ лѣса, на горѣ, дремалъ съ закрытыми ставнями старый деревянный домъ; мохъ и дикая трава покрывали его крышу; кудрявыя яблони разрослись передъ его окнами; лѣсъ, обнимая своею тѣнью, бросалъ на него дикую мрачность; орѣховая роща стлалась у подножія его и скатывалась къ пруду.

„Я помню, будто сквозь сонъ“, сказала Ганна, не спуская глазъ съ него: „давно, давно, когда я еще была маленькою и жила у матери, что-то страшное разсказывали про домъ этотъ. Левко, ты вѣрно знаешь; разскажи!..“

„Богъ съ нимъ, моя красавица! Мало ли чего не разскажутъ бабы и народъ глупый. Ты себя только потревожишь, станешь бояться и не заснется тебѣ покойно“.

„Разскажи, разскажи, милый, чернобровый парубокъ!" говорила она, прижимаясь лицомъ своимъ къ щекѣ его и обнимая его. „Нѣтъ, ты, видно, не любишь меня; у тебя есть другая дѣвушка. Я не буду бояться; я буду спокойно спать ночь. Теперь-то не засну, если не разскажешь. Я стану мучиться да думать... Разскажи, Левко!.."

„Видно, правду говорятъ люди, что у дѣвушекъ сидитъ чортъ, подстрекающій ихъ любопытство. Ну, слушай. Давно, мое серденько, жилъ въ этомъ домѣ сотникъ. У сотника была дочка, ясная панночка, бѣлая какъ снѣгъ, какъ твое личико. Сотникова жена давно уже умерла; задумалъ сотникъ жениться на другой. „Будешь ли ты меня нѣжить постарому, батька, когда возьмешь другую жену?"—„Буду, моя дочка; еще крѣпче прежняго стану прижимать тебя къ сердцу! Буду, моя дочка; еще ярче стану дарить серьги и монисты!"

„Привезъ сотникъ молодую жену въ новый домъ свой. Хороша была молодая жена. Румяна и бѣла собою была молодая жена; только такъ страшно взглянула на свою падчерицу, что та вскрикнула, ее увидѣвши, и хоть бы слово во весь день сказала суровая мачиха. Настала ночь: ушелъ сотникъ съ молодою женою въ свою опочивальню; заперлась и бѣлая панночка въ своей свѣтлицѣ. Горько сдѣлалось ей; стала плакать. Глядитъ, страшная черная кошка крадется къ ней; шерсть на ней горитъ, и желѣзные когти стучатъ по полу. Въ испугѣ, вскочила она на лавку,—кошка за нею; перепрыгнула на лежанку,—кошка и туда, и вдругъ бросилась къ ней на шею и душитъ ее. Съ крикомъ оторвавши отъ себя, кинула ее на полъ. Опять крадется страшная кошка. Тоска ее взяла. На стѣнѣ висѣла отцовская сабля. Схватила ее и брякъ по полу,—лапа съ желѣзными когтями отскочила, и кошка съ визгомъ пропала въ темномъ углу. Цѣлый день не выходила изъ свѣтлицы своей молодая жена; на третій день вышла съ перевязанною рукою. Угадала бѣдная панночка, что мачиха ея—вѣдьма, и что она ей перерубила руку. На четвертый день приказалъ сотникъ своей дочкѣ носить воду, мести хату, какъ простой мужичкѣ, и не показываться въ панскіе покои. Тяжело было бѣдняжкѣ, да нечего дѣлать: стала выполнять отцовскую волю. На пятый день выгналъ сотникъ свою дочку босую изъ дому и куска хлѣба не далъ на дорогу. Тогда только зарыдала панночка, закрывши руками бѣлое лицо свое: „Погубилъ ты, батька, родную дочку свою! Погубила вѣдьма грѣшную душу твою! Прости тебя Богъ; а мнѣ, несчастной, видно, не велитъ Онъ жить на бѣломъ свѣтѣ..."

„И вонъ, видишь ли ты?"... Тутъ оборотился Левко къ Ган-

нѣ, указывая пальцемъ на домъ. „Гляди сюда: вонъ подалѣе отъ дома, самый высокій берегъ! Съ этого берега кинулась панночка въ воду, и съ той поры не стало ея на свѣтѣ...“

„А вѣдьма?“ боязливо прервала Ганна, устремивъ на него прослезившіяся очи.

„Вѣдьма?“ Старухи выдумали, что съ той поры всѣ утопленницы выходили въ лунную ночь въ панскій садъ грѣться на мѣсяцѣ, и сотникова дочка сдѣлалась надъ ними главною. Въ одну ночь увидѣла она мачиху свою возлѣ пруда, напала на нее и съ крикомъ утащила въ воду. Но вѣдьма и тутъ нашлась: оборотилась подъ водою въ одну изъ утопленницъ, и черезъ то ушла отъ плети изъ зеленаго тростника, которою хотѣли ее бить утопленницы. Вѣрь бабамъ! Разсказываютъ еще, что панночка собираетъ всякую ночь утопленницъ и заглядываетъ поодиночкѣ каждой въ лицо, стараясь узнать, которая изъ нихъ вѣдьма; но до сихъ поръ не узнала. И если попадется изъ людей кто, тотчасъ заставляетъ его угадывать; не то грозитъ утопить въ водѣ. Вотъ, моя Галю, какъ разсказываютъ старые люди!.. Теперешній панъ хочетъ строить на томъ мѣстѣ винницу и прислалъ нарочно для того сюда винокура... Но я слышу говоръ. Это наши возвращаются съ пѣсенъ. Прощай, Галю! Спи спокойно, да не думай объ этихъ бабьихъ выдумкахъ“.

Сказавши это, онъ обнялъ ее крѣпче, поцѣловалъ и ушелъ.

„Прощай, Левко!“ говорила Ганна, задумчиво вперивъ очи на темный лѣсъ.

Огромный огненный мѣсяцъ величественно сталъ въ это время вырѣзываться изъ земли. Еще половина его была подъ землею, а уже весь міръ исполнился какого-то торжественнаго свѣта. Прудъ тронулся искрами. Тѣнь отъ деревьевъ ясно стала отдѣляться на темной зелени.

„Прощай, Ганна!“ раздались позади ея слова, сопровождаемыя поцѣлуемъ.

„Ты воротился!“ сказала она, оглянувшись; но, увидѣвъ передъ собою незнакомаго парубка, отвернулась въ сторону.

„Прощай, Ганна!“ раздалось снова, и снова поцѣловалъ ее кто-то въ щеку.

„Вотъ принесла нелегкая и другого!“ проговорила она съ сердцемъ.

„Прощай, милая Ганна!“

„Еще и третій!“

„Прощай! прощай! прощай, Ганна!“ и поцѣлуи засыпали ее со всѣхъ сторонъ.

„Да тутъ ихъ цѣлая ватага!“ кричала Ганна, вырываясь изъ толпы парубковъ, наперерывъ спѣшившихъ обнимать ее. „Какъ имъ не надоѣстъ безпрестанно цѣловаться! Скоро, ей Богу, нельзя будетъ показаться на улицѣ!“

Вслѣдъ за сими словами дверь захлопнулась, и только слышно было, какъ съ визгомъ задвинулся желѣзный засовъ.

II.

Голова.

Знаете ли вы украинскую ночь? О, вы не знаете украинской ночи! Всмотритесь въ нее: съ середины неба глядитъ мѣсяцъ; необъятный небесный сводъ раздался, раздвинулся еще необъятнѣе; горитъ и дышитъ онъ. Земля вся въ серебряномъ свѣтѣ; и чудный воздухъ и прохладно-душенъ, и полонъ нѣги, и движетъ океанъ благоуханій. Божественная ночь! Очаровательная ночь! Недвижно, вдохновенно стали лѣса, полные мрака, и кинули огромную тѣнь отъ себя. Тихи и покойны эти пруды; холодъ и мракъ водъ ихъ угрюмо заключенъ въ темно-зеленыя стѣны садовъ. Дѣвственныя чащи черемухъ и черешенъ пугливо протянули свои корни въ ключевой холодъ и изрѣдка лепечутъ листьями, будто сердясь и негодуя, когда прекрасный вѣтреникъ — ночной вѣтеръ, подкравшись мгновенно, цѣлуетъ ихъ. Весь ландшафтъ спитъ. А вверху все дышитъ; все дивно, все торжественно. А на душѣ и необъятно, и чудно, и толпы серебряныхъ видѣній стройно возникаютъ въ ея глубинѣ. Божественная ночь! Очаровательная ночь! И вдругъ все ожило: и лѣса, и пруды, и степи. Сыплется величественный громъ украинскаго соловья, и чудится, что и мѣсяцъ заслушался его посреди неба... Какъ очарованное, дремлетъ на возвышеніи село. Еще бѣлѣе, еще лучше блестятъ при мѣсяцѣ толпы хатъ; еще ослѣпительнѣе вырѣзываются изъ мрака низкія ихъ стѣны. Пѣсни умолкли. Все тихо. Благочестивые люди уже спятъ. Гдѣ-гдѣ только свѣтятся узенькія окна. Передъ порогами иныхъ только хатъ запоздалая семья совершаетъ свой поздній ужинъ.

„Да, гопакъ не такъ танцуется! То-то я гляжу, не клеится все. Что-жъ это разсказываетъ кумъ?.. А, ну: гопъ трала! гопъ трала! гопъ, гопъ, гопъ!“ Такъ разговаривалъ самъ съ собою подгулявшій мужикъ среднихъ лѣтъ, танцуя по улицѣ. „Ей Богу, не такъ танцуется гопакъ! Что мнѣ лгать? Ей

Богу не такъ! А, ну: гопъ трала! гопъ трала! гопъ, гопъ, гопъ!“

„Вотъ одурѣлъ человѣкъ! добро бы еще хлопецъ какой, а то старый кабанъ, дѣтямъ на смѣхъ, танцуетъ ночью по улицѣ!“ вскричала проходящая пожилая женщина, неся въ рукѣ солому. „Ступай въ хату свою! Пора спать давно!“

„Я пойду!“ сказалъ, остановившись мужикъ. „Я пойду. Я не посмотрю на какого-нибудь голову. Что онъ думаетъ, *дидько бы утыся его батькови*[1]), что онъ голова, что онъ обливаетъ людей на морозѣ холодною водою, такъ и носъ поднялъ! Ну, голова, голова. Я самъ себѣ голова. Вотъ, убей меня Богъ! Богъ меня убей! Я самъ себѣ голова. Вотъ что, а не то, что...“ продолжалъ онъ, подходя къ первой попавшейся хатѣ, и остановился передъ окошкомъ, скользя пальцами по стеклу и стараясь найти деревянную ручку. „Баба, отворяй! Баба, живѣй, говорятъ тебѣ, отворяй! Козаку спать пора!“

„Куда ты, Калениκъ? Ты въ чужую хату попалъ“, закричали, смѣясь, позади его дѣвушки, ворочавшіяся съ веселыхъ пѣсней. „Показать тебѣ твою хату?“

„Покажите, любезныя молодушки!“

„Молодушки? Слышите ли“, подхватила одна: „какой учтивый Калениκъ? За это ему нужно показать хату... но нѣтъ, напередъ потанцуй“.

„Потанцовать?.. эхъ, вы, замысловатыя дѣвушки!“ протяжно произнесъ Калениκъ, смѣясь и грозя пальцемъ и оступаясь, потому что ноги его не могли держаться на одномъ мѣстѣ. „А дадите перецѣловать себя? Всѣхъ перецѣлую, всѣхъ!“... И косвенными шагами пустился бѣжать за ними. Дѣвушки подняли крикъ, перемѣшались; но послѣ, ободрившись, перебѣжали на другую сторону, увидя, что Калениκъ не слишкомъ былъ скоръ на ноги.

„Вонъ твоя хата!“ закричали онѣ ему, уходя и показывая на избу, гораздо поболѣе прочихъ, принадлежащую сельскому головѣ. Калениκъ послушно побрелъ въ ту сторону, принимаясь снова бранить голову.

Но кто же этотъ голова, возбудившій такіе невыгодные о себѣ толки и рѣчи? О! этотъ голова важное лицо на селѣ. Покамѣстъ Калениκъ достигнетъ конца пути своего, мы, безъ сомнѣнія, успѣемъ кое-что сказать о немъ. Все село, завидѣвши его, берется за шапки; а дѣвушки, самыя молоденькія, отдаютъ *добриденъ*. Кто бы изъ парубковъ не захотѣлъ быть головою? Головѣ открытъ свободный ходъ во всѣ тавлинки, и

[1]) Чортъ бы влѣзъ въ его отца.

дюжій мужикъ почтительно стоитъ, снявши шапку, во все продолженіе, когда голова запускаетъ свои толстые и грубые пальцы въ его лубочную табакерку. Въ мірской сходкѣ, или громадѣ, несмотря на то, что власть его ограничена нѣсколькими голосами, голова всегда беретъ верхъ и почти по своей волѣ высылаетъ, кого ему угодно, ровнять и гладить дорогу, или копать рвы. Голова угрюмъ, суровъ съ виду и не любитъ много говорить. Давно еще, очень давно, когда блаженной памяти великая царица Екатерина ѣздила въ Крымъ, былъ онъ выбранъ въ провожатые; цѣлые два дня находился онъ въ этой должности и даже удостоился сидѣть на козлахъ съ царицынымъ кучеромъ. И съ той самой поры еще голова выучился раздумно и важно потуплять голову, гладить длинные, закрутившіеся внизъ усы и кидать соколиный взглядъ исподлобья. И съ той поры голова, объ чемъ бы ни заговорили съ нимъ, всегда умѣетъ поворотить рѣчь на то, какъ онъ везъ царицу и сидѣлъ на козлахъ царской кареты. Голова любитъ иногда прикинуться глухимъ, особливо если услышитъ то, чего не хотѣлось бы ему слышать. Голова терпѣть не можетъ щегольства: носитъ всегда свитку чернаго домашняго сукна, перепоясывается шерстянымъ цвѣтнымъ поясомъ, и никто никогда не видалъ его въ другомъ костюмѣ, выключая развѣ только времени проѣзда царицы въ Крымъ, когда на немъ былъ синій козацкій жупанъ. Но это время врядъ ли кто могъ запомнить изъ цѣлаго села; а жупанъ держитъ онъ въ сундукѣ подъ замкомъ. Голова вдовъ; но у него живетъ въ домѣ свояченица, которая варитъ обѣдать и ужинать, моетъ лавки, бѣлитъ хату, прядетъ ему на рубашки и завѣдываетъ всѣмъ домомъ. На селѣ поговариваютъ, будто она совсѣмъ ему не родственница; но мы уже видѣли, что у головы много недоброжелателей, которые рады распускать всякую клевету. Впрочемъ, можетъ быть, къ этому подало поводъ и то, что свояченицѣ всегда не нравилось, если голова заходилъ въ поле, усѣянное жницами, или къ козаку, у котораго была молодая дочка. Голова кривъ, но зато одинокій глазъ его—злодѣй, и далеко можетъ увидѣть хорошенькую поселянку. Не прежде, однакожъ, онъ наведетъ его на смазливенькое личико, пока не осмотрится хорошенько, не глядитъ ли откуда свояченица. Но мы почти все уже разсказали, что нужно, о головѣ, а пьяный Калиникъ не добрался еще и до половины дороги, и долго еще угощалъ голову всѣми отборными словами, какія могли только впасть на лѣниво и несвязно поворачивавшійся языкъ его.

III.

Неожиданный соперникъ. Заговоръ.

„Нѣтъ, хлопцы, нѣтъ, не хочу! Что за разгулье такое! Какъ вамъ не надоѣстъ повѣсничать? И безъ того уже прослыли мы, Богъ знаетъ, какими буянами. Ложитесь лучше спать!“ Такъ говорилъ Левко разгульнымъ товарищамъ своимъ, подговаривавшимъ его на новыя проказы. „Прощайте, братцы! покойная вамъ ночь!“ и быстрыми шагами шелъ отъ нихъ по улицѣ.

„Спитъ ли моя ясноокая Ганна?“ думалъ онъ, подходя къ знакомой намъ хатѣ съ вишневыми деревьями. Среди тишины послышался тихій говоръ. Левко остановился. Между деревьями забѣлѣла рубашка... „Что это значитъ?“ подумалъ онъ и, подкравшись поближе, спрятался за дерево. При свѣтѣ мѣсяца блистало лицо стоявшей передъ нимъ дѣвушки... Это Ганна! Но кто же этотъ высокій человѣкъ, стоящій къ нему спиною? Напрасно всматривался онъ: тѣнь покрывала его съ ногъ до головы. Спереди только онъ былъ освѣщенъ немного; но малѣйшій шагъ Левка впередъ уже подвергалъ его непріятности быть открытымъ. Тихо прислонившись къ дереву, рѣшился онъ остаться на мѣстѣ. Дѣвушка ясно выговорила его имя.

„Левко? Левко еще молокососъ!“ говорилъ хрипло и вполголоса высокій человѣкъ. „Если я встрѣчу его когда-нибудь у тебя, я его выдеру за чубъ“...

„Хотѣлось бы мнѣ знать, какая это шельма похваляется выдрать меня за чубъ!“ тихо проговорилъ Левко и протянулъ шею, стараясь не проронить ни одного слова. Но незнакомецъ продолжалъ такъ тихо, что нельзя было ничего разслушать.

„Какъ тебѣ не стыдно!“ сказала Ганна по окончаніи его рѣчи. „Ты лжешь; ты обманываешь меня; ты меня не любишь; я никогда не повѣрю, чтобы ты меня любилъ!“

„Знаю“, продолжалъ высокій человѣкъ: „Левко много наговорилъ тебѣ пустяковъ и вскружилъ твою голову“ (тутъ показалось парубку, что голосъ незнакомца не совсѣмъ незнакомъ, и какъ будто онъ когда-то его слышалъ): „но я дамъ себя знать Левку!“ продолжалъ все такъ же незнакомецъ. „Онъ думаетъ, что я не вижу всѣхъ его шашней. Попробуетъ онъ, собачій сынъ, каковы у меня кулаки!“

При этомъ словѣ Левко не могъ уже болѣе удержать своего гнѣва. Подошедши на три шага къ нему, замахнулся онъ изо всей силы, чтобы дать треуха, отъ котораго незнакомецъ, несмотря на свою видимую крѣпость, не устоялъ бы, можетъ

быть, на мѣстѣ; но въ это время свѣтъ палъ на лицо его, и Левко остолбенѣлъ, увидѣвши, что передъ нимъ стоялъ отецъ его. Невольное покачиваніе головою и легкій сквозь зубы свистъ одни только выразили его изумленіе. Въ сторонѣ послышался шорохъ; Ганна поспѣшно влетѣла въ хату, захлопнувъ за собою дверь.

„Прощай, Ганна“, закричалъ въ это время одинъ изъ парубковъ, подкравшись и обнявши голову,—и съ ужасомъ отскочилъ назадъ, встрѣтивши жесткіе усы.

„Прощай, красавица!“ вскричалъ другой; но на сей разъ полетѣлъ стремглавъ отъ тяжелаго толчка головы.

„Прощай, прощай, Ганна!“ закричало нѣсколько парубковъ, повиснувъ ему на шею.

„Провалитесь, проклятые сорванцы,“ кричалъ голова, отбиваясь и притопывая на нихъ ногами. „Что я вамъ за Ганна! Убирайтесь вслѣдъ за отцами на висѣлицу, чортовы дѣти! Поприставали, какъ мухи къ меду! Дамъ я вамъ Ганны!..“

„Голова! голова! Это голова!“ Закричали хлопцы и разбѣжались во всѣ стороны.

„Ай да батько!“ говорилъ Левко, очнувшись отъ своего изумленія и глядя вслѣдъ уходившему съ ругательствами головѣ. „Вотъ какія за тобою водятся проказы! Славно! А я дивлюсь да передумываю, что-бъ это значило, что онъ все притворяется глухимъ, когда станешь говорить о дѣлѣ! Постой же, старый хрѣнъ, ты у меня будешь знать, какъ шататься подъ окнами молодыхъ дѣвушекъ; будешь знать, какъ отбивать чужихъ невѣстъ! Гей, хлопцы! сюда, сюда!“ кричалъ онъ, махая рукою парубкамъ, которые снова собирались въ кучу: „Ступайте сюда! Я увѣщевалъ васъ итти спать, но теперь раздумалъ и готовъ хотя цѣлую ночь самъ гулять съ вами“.

„Вотъ это дѣло!“ сказалъ плечистый и дородный парубокъ, считавшійся первымъ гулякой и повѣсой на селѣ. „Мнѣ все кажется тошно, когда не удается погулять порядкомъ и настроить штукъ. Все какъ будто недостаетъ чего-то, какъ будто потерялъ шапку, или люльку: словомъ, не козакъ, да и только“.

„Согласны ли вы побѣсить хорошенько сегодня голову?“

„Голову?“

„Да, голову. Что онъ въ самомъ дѣлѣ задумалъ? Онъ управляется у насъ, какъ будто гетманъ какой. Мало того, что помыкаетъ, какъ своими холопьями, еще и подъѣзжаетъ къ дѣвчатамъ нашимъ. Вѣдь, я думаю, на всемъ селѣ нѣтъ смазливой дѣвки, за которою бы не волочился голова“.

„Это такъ, это такъ!“ закричали въ одинъ голосъ всѣ хлопцы.

„Что-жъ мы, ребята, за холопья? Развѣ мы не такого роду, какъ и онъ? Мы, слава Богу, вольные козаки! Покажемъ ему, хлопцы, что мы вольные козаки!“

„Покажемъ!“ закричали парубки. „Да если голову, то и писаря не минуть!“

„Не минемъ и писаря! А у меня, какъ нарочно, сложилась въ умѣ славная пѣсня про голову. Пойдемте, я васъ выучу“, продолжалъ Левко, ударивъ рукой по струнамъ бандуры. „Да слушайте: попереодѣвайтесь, кто во что ни попало!“

„Гуляй, козацкая голова!“ говорилъ дюжій повѣса, ударивъ ногою въ ногу и хлопнувъ руками. „Что за роскошь! Что за воля! Какъ начнешь бѣситься, чудится, будто поминаешь давніе годы. Любо, вольно на сердцѣ, а душа какъ будто въ раю. Гей, хлопцы! Гей! гуляй!...“

И толпа шумно понеслась по улицамъ. И благочестивыя старушки, пробужденныя крикомъ, подымали окошки и крестились сонными руками, говоря: „Ну, теперь гуляютъ парубки!“

IV.

Парубки гуляютъ.

Одна только хата свѣтилась еще въ концѣ улицы. Это—жилище головы. Голова уже давно окончилъ свой ужинъ и, безъ сомнѣнія, давно бы уже заснулъ; но у него былъ въ это время гость, винокуръ, присланный строить винокурню помѣщикомъ, имѣвшимъ небольшой участокъ земли между вольными козаками. Подъ самымъ покутомъ, на почетномъ мѣстѣ, сидѣлъ гость—низенькій, толстенькій человѣчекъ, съ маленькими, вѣчно смѣющимися глазками, въ которыхъ, кажется, написано было то удовольствіе, съ какимъ курилъ онъ свою коротенькую люльку, поминутно сплевывая и придавливая пальцемъ вылѣзавшій изъ нея превращенный въ золу табакъ. Облака дыма быстро разростались надъ нимъ, одѣвая его въ сизый туманъ. Казалось, будто широкая труба съ какой-нибудь винокурни, наскуча сидѣть на своей крышѣ, задумала прогуляться и чинно усѣлась за столомъ въ хатѣ головы. Подъ носомъ торчали у него коротенькіе и густые усы; но они такъ неясно мелькали сквозь табачную атмосферу, что казались мышью, которую винокуръ поймалъ и держалъ во рту своемъ, подрывая монополію амбарнаго кота. Голова, какъ хозяинъ, сидѣлъ въ одной только рубашкѣ и полотняныхъ шароварахъ.

Орлиный глазъ его, какъ вечерѣющее солнце, начиналъ мало-по-малу жмуриться и меркнуть. На концѣ стола курилъ люльку одинъ изъ сельскихъ десятскихъ, составлявшихъ команду головы, сидѣвшій, изъ почтенія къ хозяину, въ свиткѣ.

„Скоро же вы думаете", сказалъ голова, оборотившись къ винокуру и кладя крестъ на зѣвнувшій ротъ свой, „поставить вашу винокурню?"

„Когда Богъ поможетъ, то этою осенью, можетъ, и закуримъ. На Покровъ, бьюсь объ закладъ, что панъ-голова будетъ писать ногами нѣмецкіе крендели по дорогѣ".

По произнесеніи этихъ словъ глазки винокура пропали; вмѣсто нихъ потянулись лучи до самыхъ ушей; все туловище стало колебаться отъ смѣха, и веселыя губы оставили на мгновеніе дымившуюся люльку.

„Дай Богъ!" сказалъ голова, выразивъ на лицѣ своемъ что-то подобное улыбкѣ. „Теперь еще, слава Богу, винницъ развелось немного. А вотъ, въ старое время, когда провожалъ я царицу по переяславской дорогѣ, еще покойный Безбородько"...

„Ну, сватъ, вспомнилъ время! Тогда отъ Кременчуга до самыхъ Роменъ не насчитывали и двухъ винницъ. А теперь... Слышалъ ли ты, что повыдумали проклятые нѣмцы? Скоро, говорятъ, будутъ курить не дровами, какъ всѣ честные христіане, а какимъ-то чертовскимъ паромъ..." Говоря эти слова, винокуръ въ размышленіи глядѣлъ на столъ и на разставленныя на немъ руки свои. „Какъ это паромъ,—ей Богу, не знаю!"

„Что за дурни, прости Господи, эти нѣмцы!" сказалъ голова. „Я бы батогомъ ихъ, собачьихъ дѣтей! Слыханное ли дѣло, чтобы паромъ можно было кипятить что? Поэтому ложку борщу нельзя поднести ко рту, не изжаривши губъ, вмѣсто молодого поросенка..."

„И ты, сватъ", отозвалась сидѣвшая на лежанкѣ, поджавши подъ себя ноги, свояченица: „будешь все это время жить у насъ безъ жены?"

„А для чего она мнѣ? Другое дѣло, если бы что доброе было".

„Будто не хороша?" спросилъ голова, устремивъ на него глазъ свой.

„Куды тебѣ хороша! *Стара, якъ бисъ*. Харя вся въ морщинахъ, будто выпорожненный кошелекъ". И низенькое строеніе винокура расшаталось снова отъ громкаго смѣха.

Въ это время что-то стало шарить за дверью; дверь растворилась,—и мужикъ, не снимая шапки, ступилъ черезъ по-

рогъ и сталъ, какъ будто въ раздумьи, посереди хаты, разинувши ротъ и оглядывая потолокъ. Это былъ знакомецъ нашъ, Каленикъ.

„Вотъ, я и домой пришелъ!“ говорилъ онъ, садясь на лавку у дверей и не обращая никакого вниманія на присутствующихъ. „Вишь, какъ растянулъ вражій сынъ, сатана, дорогу! Идешь, идешь, и конца нѣтъ! Ноги какъ будто переломалъ кто-нибудь. Достань-ка тамъ, баба, тулупъ подостлать мнѣ. На печь къ тебѣ не приду, ей Богу, не приду: ноги болятъ! Достань его; тамъ онъ лежитъ, близъ покута; гляди только, не опрокинь горшка съ тертымъ табакомъ. Или нѣтъ, не тронь, не тронь! Ты, можетъ быть, пьяна сегодня... Пусть, уже я самъ достану“.

Каленикъ приподнялся немного, но неодолимая сила приковала его къ скамейкѣ.

„За это люблю“, сказалъ голова: „пришелъ въ чужую хату и распоряжается, какъ дома! Выпроводить его по-добру, поздорову!...“

„Оставь, сватъ, отдохнуть!“ сказалъ винокуръ, удерживая его за руку. „Это полезный человѣкъ: побольше такого народу,—и винница наша славно бы пошла...“

Однакожъ, не добродушіе вынудило эти слова. Винокуръ вѣрилъ всѣмъ примѣтамъ, и тотчасъ прогнать человѣка, уже сѣвшаго на лавку, значило у него накликать бѣду.

„Что-то, какъ старость придетъ!..“ ворчалъ Каленикъ, ложась на лавку. „Добро бы, еще сказать, пьянъ, такъ нѣтъ же, не пьянъ. Ей Богу, не пьянъ! Что мнѣ лгать? Я готовъ объявить это хоть самому головѣ. Что мнѣ голова? Чтобъ онъ издохнулъ, собачій сынъ! Я плюю на него! Чтобъ его, одноглазаго чорта, возомъ переѣхало! Что онъ обливаетъ людей на морозѣ...“

„Эге! влѣзла свинья въ хату, да и лапы суетъ на столъ“, сказалъ голова, гнѣвно подымаясь съ своего мѣста; но въ это время увѣсистый камень, разбивши окно вдребезги, полетѣлъ ему подъ ноги. Голова остановился. „Если бы я зналъ, говорилъ онъ, подымая камень: какой это висѣльникъ швырнулъ камнемъ, я бы выучилъ его, какъ кидаться! Экія проказы!“ продолжалъ онъ, разсматривая его на рукѣ пылающимъ взглядомъ. „Чтобы онъ подавился этимъ камнемъ!“...

„Стой, стой! Боже тебя сохрани, сватъ!“ подхватилъ, поблѣднѣвши, винокуръ. „Боже сохрани тебя, и на томъ, и на этомъ свѣтѣ, поблагословить кого-нибудь такою побранкою!“

„Вотъ нашелся заступникъ! Пусть онъ пропадетъ!..“

„И не думай, сватъ! Ты не знаешь, вѣрно, что случилось съ покойною тещею моей?“

„Съ тещей?“

„Да, съ тещей. Вечеромъ, немного, можетъ, раньше теперешняго, усѣлись вечерять: покойная теща, покойный тесть, да наймытъ, да наймычка, да дѣтей штукъ съ пятеро. Теща отсыпала немного галушекъ изъ большого казана въ миску, чтобы не такъ были горячи. Послѣ работъ всѣ проголодались и не хотѣли ждать, пока галушки простынутъ. Вздѣвши ихъ на длинныя деревянныя спички, начали ѣсть. Вдругъ откуда ни возьмись человѣкъ: какого онъ роду, Богъ его знаетъ, проситъ и его допустить къ трапезѣ. Какъ не накормить голоднаго человѣка? Дали и ему спичку. Только гость упрятываетъ галушки, какъ корова сѣно. Покамѣстъ тѣ съѣли по одной и опустили спички за другими, дно было гладко, какъ панскій помостъ. Теща насыпала еще; думаетъ, гость наѣлся и будетъ убирать меньше. Ничего не бывало: еще лучше сталъ уплетать! и другую выпорожнилъ! „А чтобъ ты подавился этими галушками!“ подумала голодная теща, какъ вдругъ тотъ поперхнулся и упалъ. Кинулись къ нему,—и духъ вонъ. Удавился“.

„Такъ ему, обжорѣ проклятому, и нужно!“ сказалъ голова.

„Такъ бы, да не такъ вышло: съ того времени покою не было тещѣ. Чуть только ночь, мертвецъ и тащится. Сядетъ верхомъ на трубу, проклятый, и галушку держитъ въ зубахъ. Днемъ все покойно, и слуху нѣтъ про него; а только станетъ примеркать, погляди на крышу: уже и осѣдлалъ, собачій сынъ, трубу“.

„И галушка въ зубахъ?“

„И галушка въ зубахъ.“

„Чудно, сватъ! Я слышалъ что-то похожее еще за покойницу...“

Тутъ голова остановился. Подъ окномъ послышался шумъ и топанье танцующихъ. Сперва тихо звукнули струны бандуры, къ нимъ присоединился голосъ. Струны загремѣли сильнѣе; нѣсколько голосовъ стали подтягивать,—и пѣсня зашумѣла вихремъ:

Хлопцы, слышали ли вы?
Наши-ль головы не крѣпки!
У кривого головы
Въ головѣ разсѣлись клепки.
Набей, бондарь, голову
Ты стальными обручами!
Вспрысни, бондарь, голову
Батогами, батогами!

Голова нашъ сѣдъ и кривъ;
Старъ, какъ бѣсъ, а что за дурень!
Прихотливъ и похотливъ:
Жмется къ дѣвкамъ... Дурень, дурень!
И тебѣ лѣзть къ парубкамъ!
Тебя-бъ нужно въ домовину.
По усамъ, да по шеямъ!
За чуприну! за чуприну!

„Славная пѣсня, сватъ!“ сказалъ винокуръ наклоня немного на-бокъ голову и оборотившись къ головѣ, остолбенѣвшему отъ удивленія при видѣ такой дерзости. „Славная! скверно только, что голову поминаютъ несовсѣмъ благопристойными словами...“

И онъ опять положилъ руки на столъ съ какимъ-то сладкимъ умиленіемъ въ глазахъ, приготовляясь слушать еще, потому что подъ окномъ гремѣлъ хохотъ и крики: „снова! снова!“ Однакожъ проницательный глазъ увидѣлъ бы тотчасъ что не изумленіе удерживало долго голову на одномъ мѣстѣ. Такъ только старый, опытный котъ допускаетъ иногда неопытную мышь бѣгать около своего хвоста, а между тѣмъ быстро созидаетъ планъ, какъ перерѣзать ей путь въ нору. Еще одинокій глазъ головы былъ устремленъ на окно, а уже рука, давши знакъ десятскому, держалась за деревянную ручку двери, и вдругъ на улицѣ поднялся крикъ... Винокуръ, къ числу многихъ достоинствъ своихъ присоединявшій и любопытство, быстро набивши табакомъ свою люльку, выбѣжалъ на улицу; но шалуны уже разбѣжались.

„Нѣтъ, ты не ускользнешь отъ меня!“ кричалъ голова, таща за руку человѣка въ вывороченномъ шерстью вверхъ овчинномъ черномъ тулупѣ. Винокуръ, пользуясь временемъ, подбѣжалъ, чтобы посмотрѣть въ лицо этому нарушителю спокойствія; но съ робостью попятился назадъ, увидѣвши длинную бороду и страшно размалеванную рожу. „Нѣтъ, ты не ускользнешь отъ меня!“ кричалъ голова, продолжая тащить прямо въ сѣни своего плѣнника, который, не оказывая никакого сопротивленія, спокойно слѣдовалъ за нимъ, какъ будто въ свою хату. „Карпо отворяй комору!“ сказалъ голова десятскому. „Мы его въ темную комору! А тамъ разбудимъ писаря, соберемъ десятскихъ, переловимъ всѣхъ этихъ буяновъ и сегодня же и резолюцію всѣмъ имъ учинимъ!“

Десятскій забренчалъ небольшимъ висячимъ замкомъ въ сѣняхъ и отворилъ комору. Въ это самое время плѣнникъ, пользуясь темнотою сѣней, вдругъ вырвался съ необыкновенною силою изъ рукъ его.

„Куда?“ закричалъ голова, ухвативъ его еще крѣпче за воротъ.

„Пусти, это я!“ слышался тоненькій голосъ.

„Не поможетъ! не поможетъ, братъ! Визжи себѣ хоть чортомъ, не только бабою, меня не проведешь!“ и толкнулъ его въ темную комору такъ, что бѣдный плѣнникъ застоналъ, упавши на полъ, а самъ, въ сопровожденіи десятскаго, отправился въ хату писаря, и вслѣдъ за ними, какъ пароходъ, задымился винокуръ.

Въ размышленіи шли они всѣ трое, потупивъ головы, и вдругъ, на поворотѣ въ темный переулокъ, разомъ вскрикнули отъ сильнаго удара по лбамъ, и такой же крикъ отгрянулъ въ отвѣтъ имъ. Голова, прищуривши глазъ свой, съ изумленіемъ увидѣлъ писаря съ двумя десятскими.

„А я къ тебѣ иду, панъ писарь!“

„А я къ твоей милости, панъ голова!“

„Чудеса завелися, панъ писарь!“

„Чудныя дѣла, панъ голова!

„А что?“

„Хлопцы бѣсятся! безчинствуютъ цѣлыми кучами по улицамъ. Твою милость величаютъ такими словами... словомъ, сказать стыдно; пьяный москаль побоится вымолвить ихъ нечестивымъ своимъ языкомъ (Все это худощавый писарь, въ пестрядевыхъ шароварахъ и жилетѣ цвѣта винныхъ дрождей, сопровождалъ протягиваніемъ шеи впередъ и приведеніемъ ея тотъ же часъ въ прежнее состояніе). „Вздремнулъ было немного, подняли съ постели проклятые сорванцы своими срамными пѣснями и стукомъ! Хотѣлъ было хорошенько приструнить ихъ, да покамѣстъ надѣлъ шаровары и жилетъ, всѣ разбѣжались, куда ни попало. Самый главный, однакоже, не увернулся отъ насъ. Распѣваетъ онъ теперь въ той хатѣ, гдѣ держатъ колодниковъ. Душа горѣла у меня узнать эту птицу, да рожа замазана сажею, какъ у чорта, что куетъ гвозди для грѣшниковъ.“

„А какъ онъ одѣтъ, панъ писарь?“

„Въ черномъ вывороченномъ тулупѣ собачій сынъ, панъ голова!“

„А не лжешь ты, панъ писарь? Что, если этотъ сорванецъ сидитъ теперь у меня въ коморѣ?“

„Нѣтъ, панъ голова! Ты самъ, не во гнѣвъ будь сказано, погрѣшилъ немного“.

„Давайте огня! мы посмотримъ его!“

Огонь принесли, дверь отперли,—и голова ахнулъ отъ удивленія, увидѣвъ передъ собою свояченицу.

„Скажи, пожалуйста“, съ такими словами она приступила къ нему: „ты не свихнулъ еще съ послѣдняго ума? Была ли въ одноглазой башкѣ твоей хоть капля мозгу, когда толкнулъ ты меня въ темную комору? Счастье, что не ударилась головою объ желѣзный крюкъ. Развѣ я не кричала тебѣ, что это я? Схватилъ, проклятый медвѣдь, своими желѣзными лапами, да и толкаетъ! Чтобъ тебя на томъ свѣтѣ толкали черти!..“

Послѣднія слова вынесла она за дверь, на улицу, куда отправилась для какихъ-нибудь своихъ причинъ.

„Да, я вижу, что это ты!“ сказалъ голова, очнувшись.

„Что скажешь, панъ-писарь: не шельма этотъ проклятый сорви-голова?“

„Шельма, панъ-голова!“

„Не пора ли намъ всѣхъ этихъ повѣсъ прошколить хорошенько и заставить ихъ заниматься дѣломъ?“

„Давно пора, давно пора, панъ-голова!“

„Они, дурни, забрали себѣ... Кой чортъ? мнѣ почудился крикъ свояченицы на улицѣ... Они, дурни, забрали себѣ въ голову, что я имъ ровня. Они думаютъ, что я какой-нибудь ихъ братъ, простой козакъ!..“ Небольшой, послѣдовавшій за симъ, кашель и устремленіе глаза исподлобья вокругъ давали догадываться, что голова готовился говорить о чемъ-то важномъ. „Въ тысячу... этихъ проклятыхъ названій годовъ, хоть убей, не выговорю; ну,—году, комиссару тогдашнему, Ледачему, данъ былъ приказъ выбрать изъ козаковъ такого, который бы былъ посмышленѣе всѣхъ. О! (это „о!“ голова произнесъ, поднявши палецъ вверхъ) посмышленѣе всѣхъ! въ проводники къ царицѣ. Я тогда...“

„Что и говорить! это всякій уже знаетъ, панъ-голова! Всѣ знаютъ, какъ ты выслужилъ царскую ласку. Признайся теперь, моя правда вышла: хватилъ немного на душу грѣха, сказавши, что поймалъ этого сорванца въ вывороченномъ тулупѣ?“

„А что до этого дьявола въ вывороченномъ тулупѣ, то его, въ примѣръ другимъ, заковать въ кандалы и наказать примѣрно! Пусть знаютъ, что значитъ власть! Отъ кого же и голова поставленъ, какъ не отъ царя? Потомъ доберемся и до другихъ хлопцевъ: я не забылъ, какъ проклятые сорванцы вогнали въ огородъ стадо свиней, переѣвшихъ мою капусту и огурцы; я не забылъ, какъ чортовы дѣти отказались вымолотить мое жито; я не забылъ... Но провались они, мнѣ нужно непремѣнно узнать, какая это шельма въ вывороченномъ тулупѣ“.

„Это проворная, видно, птица!“ сказалъ винокуръ, котораго щеки, въ продолженіе всего этого разговора, безпрерывно заряжались дымомъ, какъ осадная пушка, и губы, оставивъ коротенькую люльку, выбросили цѣлый облачный фонтанъ. „Этакого человѣка не худо, на всякій случай, и при винницѣ держать; а еще лучше повѣсить на верхушкѣ дуба, вмѣсто паникадила“.

Такая острота показалась не совсѣмъ глупою винокуру, и онъ тотъ же часъ рѣшился, не дожидаясь одобренія другихъ наградить себя хриплымъ смѣхомъ.

Въ это время стали приближаться они къ небольшой, почти повалившейся на землю хатѣ. Любопытство нашихъ путниковъ увеличилось: всѣ столпились у дверей. Писарь вынулъ ключъ, загремѣлъ имъ около замка; но этотъ ключъ былъ отъ сундука его. Нетерпѣніе увеличилось. Засунувъ руку, началъ онъ шарить и сыпать побранки, не отыскивая его.

„Здѣсь!“ сказалъ онъ, наконецъ, нагнувшись и вынимая его изъ глубины обширнаго кармана, которымъ снабжены были его пестрядевые шаровары.

При этомъ словѣ сердца нашихъ героевъ, казалось, слились въ одно, и это огромное сердце забилось такъ сильно, что неровный стукъ его не былъ заглушенъ даже брякнувшимъ замкомъ. Двери отворились, и... голова сталъ блѣденъ, какъ полотно; винокуръ почувствовалъ холодъ, и волосы его, казалось, хотѣли улетѣть на небо; ужасъ изобразился въ лицѣ писаря; десятскіе приросли къ землѣ и не въ состояніи были сомкнуть дружно разинутыхъ ртовъ своихъ: передъ ними стояла свояченица.

Изумленная не менѣе ихъ, она, однакожъ, немного очнулась и сдѣлала движеніе, чтобы подойти къ нимъ.

„Стой!“ закричалъ дикимъ голосомъ голова и захлопнулъ за нею дверь. „Господа, это сатана!“ продолжалъ онъ. „Огня! живѣе огня! Не пожалѣю казенной хаты! Зажигай ее, зажигай, чтобы и костей чортовыхъ не осталось на землѣ!“

Свояченица въ ужасѣ кричала, слыша за дверью грозное опредѣленіе.

„Что вы, братцы!“ говорилъ винокуръ. „Слава Богу, волосы у васъ чуть не въ снѣгу, а до сихъ поръ ума не нажили: отъ простого огня вѣдьма не загорится! Только огонь изъ люльки можетъ зажечь оборотня. Постойте, я сейчасъ все улажу!“

Сказавши это, высыпалъ онъ горячую золу изъ трубки въ пукъ соломы и началъ раздувать ее. Отчаяніе придало въ это время духу бѣдной свояченицѣ: громко стала она умолять и разувѣрять ихъ.

„Постойте, братцы! Зачѣмъ напрасно грѣха набираться? Можетъ быть, это и не сатана!“ сказалъ писарь. „Если оно, то-есть, то самое, которое сидитъ тамъ, согласится положить на себя крестное знаменіе, то это вѣрный знакъ, что не чортъ“.

Предложеніе одобрено.

„Чуръ меня, сатана!“ продолжалъ писарь, приложась губами къ скважинкѣ въ дверяхъ. „Если не пошевелишься съ мѣста, мы отворимъ дверь“.

Дверь отворили.

„Перекрестись!“ сказалъ голова, оглядываясь назадъ, какъ будто выбирая безопасное мѣсто, въ случаѣ ретирады.

Свояченица перекрестилась.

„Кой чортъ! точно, это свояченица!

„Какая нечистая сила затащила тебя, кума, въ эту конуру?“

И свояченица, всхлипывая, разсказала, какъ схватили ее хлопцы въ охапку на улицѣ и, несмотря на сопротивленіе, опустили въ широкое окно хаты и заколотили ставнемъ. Писарь взглянулъ: петли у широкаго ставня оторваны, и онъ приколоченъ только сверху деревяннымъ брусомъ.

„Добро ты, одноглазый сатана!“ вскричала она, приступивъ къ головѣ, который попятился назадъ и все еще продолжалъ ее мѣрять своимъ глазомъ. „Я знаю твой умыселъ: ты хотѣлъ, ты радъ былъ случаю съѣсть меня, чтобы свободнѣе было тебѣ волочиться за дѣвчатами, чтобы некому было видѣть, какъ дурачится сѣдой дѣдъ. Ты думаешь, я не знаю, о чемъ говорилъ ты сего вечера съ Ганною? О, я знаю все. Меня трудно провесть и не твоей безтолковой башкѣ. Я долго терплю, но послѣ не погнѣвайся...“

Сказавши это, она показала кулакъ и быстро ушла, оставивъ въ остолбенѣніи голову.

„Нѣтъ, тутъ не на шутку сатана вмѣшался“, думалъ онъ, сильно почесывая свою макушку.

„Поймали!“ вскрикнули вошедшіе въ это время десятскіе.

„Кого поймали?“ спросилъ голова.

„Дьявола въ вывороченномъ тулупѣ“.

„Подавайте его!“ закричалъ голова, схвативъ за руки приведеннаго плѣнника. „Вы съ ума сошли: да это пьяный Каленикъ!“

„Что за пропасть! въ рукахъ нашихъ былъ, панъ голова!“ отвѣчали десятскіе. „Въ переулкѣ окружили проклятые хлопцы, стали танцовать, дергать, высовывать языки, вырывать изъ рукъ... Чортъ съ вами!.. И какъ мы попали на эту ворону, вмѣсто его, Богъ одинъ знаетъ!“

„Властью моею и всѣхъ мірянъ дается повелѣніе“, сказалъ голова: „изловить сей же мигъ сего разбойника, а онымъ образомъ и всѣхъ, кого найдете на улицѣ, и привесть на расправу ко мнѣ!..“

„Помилуй, панъ голова!“ закричали нѣкоторые, кланяясь въ ноги. „Увидѣлъ бы, какія хари: убей Богъ насъ, и родились, и крестились,—не видали такихъ мерзкихъ рожъ. Долго ли до грѣха, панъ голова? Перепугаютъ добраго человѣка такъ, что послѣ ни одна баба не возьмется вылить переполоху“.

„Дамъ я вамъ переполоху! Что вы? не хотите слушаться? Вы, вѣрно, держите ихъ руку? Вы бунтовщики? Что это?.. Да что это?.. Вы заводите разбои!.. Вы... Вы... Я донесу комиссару! Сей же часъ, слышите, сей же часъ! бѣгите, летите птицею. Чтобъ я васъ... Чтобъ вы мнѣ...“

Всѣ разбѣжались.

V.

Утопленница.

Не безпокоясь ни о чемъ, не заботясь о разосланныхъ погоняхъ, виновникъ всей этой кутерьмы медленно подходилъ къ старому дому и пруду. Не нужно, думаю, сказывать, что это былъ Левко. Черный тулупъ его былъ разстегнутъ; шапку держалъ онъ въ рукѣ; потъ валилъ съ него градомъ. Величественно и мрачно чернѣлъ кленовый лѣсъ, обсыпаясь только на оконечности, стоявшей лицомъ къ мѣсяцу, тонкою серебряною пылью. Неподвижный прудъ подулъ свѣжестью на усталаго пѣшехода и заставилъ его отдохнуть на берегу. Все было тихо; въ глубокой чащѣ лѣса слышались только раскаты соловья. Непреодолимый сонъ быстро сталъ смыкать ему зѣницы; усталые члены готовы были забыться и онѣмѣть; голова клонилась... „Нѣтъ, э такъ я засну еще здѣсь!“ говорилъ онъ, подымаясь на ноги и протирая глаза. Оглянулся: ночь казалась передъ нимъ еще блистательнѣе. Какое-то странное, упоительное сіяніе примѣшалось къ блеску мѣсяца. Никогда еще не случалось ему видѣть подобнаго. Серебряный туманъ палъ на окрестность. Запахъ отъ цвѣтущихъ яблонь и ночныхъ цвѣтовъ

Русалки.

лился по всей землѣ. Съ изумленіемъ глядѣлъ онъ въ недвижимыя воды пруда: старинный господскій домъ, опрокинувшись внизъ, виденъ былъ въ немъ чистъ и въ какомъ-то ясномъ величіи. Вмѣсто мрачныхъ ставней глядѣли веселыя стеклянныя окна и двери. Сквозь чистыя стекла мелькала позолота. И вотъ почудилось, будто окно отворилось. Притаивши духъ, не дрогнувъ и не спуская глазъ съ пруда, онъ, казалось, переселился въ глубину его и видитъ: прежде выставился въ окно бѣлый локоть, потомъ выглянула привѣтливая головка съ блестящими очами, тихо свѣтившими сквозь темнорусыя волны волосъ, и оперлась на локоть. И, видитъ, она качаетъ слегка головою, она машетъ, она усмѣхается... Сердце его вдругъ забилось... Вода задрожала, и окно закрылось снова. Тихо отошелъ онъ отъ пруда и взглянулъ на домъ: мрачныя ставни были открыты; стекла сіяли при мѣсяцѣ. „Вотъ какъ мало нужно полагаться на людскіе толки“, подумалъ онъ про себя. „Домъ новенькій; краски живы, какъ будто сегодня онъ выкрашенъ. Тутъ живетъ кто-нибудь“. И молча подошелъ онъ ближе; но въ домѣ все было тихо. Сильно и звучно перекликались блистательныя пѣсни соловьевъ, и когда онѣ, казалось, умирали въ томленіи и нѣгѣ, слышался шелестъ и трещаніе кузнечиковъ или гудѣніе болотной птицы, ударявшей скользкимъ носомъ своимъ въ широкое водное зеркало. Какую-то сладкую тишину и раздолье ощутилъ Левко въ своемъ сердцѣ. Настроивъ бандуру, заигралъ онъ и запѣлъ.

Ой, ты, мисяцю, мій мисяченьку!
И ты, зоре ясна!
Ой, свитыть тамъ по подворью,
Де дивчина красна.

Окно тихо отворилось, и та же самая головка, которой отраженіе видѣлъ онъ въ прудѣ, выглянула, внимательно прислушиваясь къ пѣснѣ. Длинныя рѣсницы ея были полуопущены на глаза. Вся она была блѣдна, какъ полотно, какъ блескъ мѣсяца; но какъ чудна, какъ прекрасна! Она засмѣялась!.. Левко вздрогнулъ. „Спой мнѣ, молодой козакъ, какую-нибудь пѣсню!“ тихо молвила она, наклонивъ свою голову набокъ и опустивъ совсѣмъ густыя рѣсницы.

„Какую же тебѣ пѣсню спѣть, моя ясная панночка?“

Слезы тихо покатились по блѣдному лицу ея. „Парубокъ“, говорила она, и что-то неизъяснимо трогательное слышалось въ ея рѣчи: „парубокъ, найди мнѣ мою мачиху! Я ничего не пожалѣю для тебя. Я награжу тебя. Я тебя богато и роскошно награжу! У меня есть зарукавья, шитыя шелкомъ, кораллы,

ожерелья. Я подарю тебѣ поясъ, унизанный жемчугомъ. У меня золото есть... Парубокъ, найди мнѣ мою мачиху! Она страшная вѣдьма: мнѣ не было отъ нея покою на бѣломъ свѣтѣ. Она мучила меня, заставляла работать, какъ простую мужичку. Посмотри на лицо: она вывела румянецъ своими нечистыми чарами со щекъ моихъ. Погляди на бѣлую шею мою: они не смываются! они не смываются! они ни за что не смоются, эти синія пятна отъ желѣзныхъ когтей ея! Погляди на бѣлыя ноги мои: онѣ много ходили, не по коврамъ только,—по песку горячему, по землѣ сырой, по колючему терновнику онѣ ходили! А на очи мои, посмотри на очи: онѣ не глядятъ отъ слезъ!.. Найди ее, парубокъ, найди мнѣ мою мачиху!..“

Голосъ ея, который вдругъ было возвысился, остановился. Ручьи слезъ покатились по блѣдному лицу. Какое-то тяжелое чувство, полное жалости и грусти, сперлось въ груди парубка.

„Я готовъ на все для тебя, моя панночка!“ сказалъ онъ въ сердечномъ волненіи: „но какъ мнѣ, гдѣ ее найти?“

„Посмотри, посмотри!“ быстро говорила она: „она здѣсь! она на берегу играетъ въ хороводѣ между моими дѣвушками и грѣется на мѣсяцѣ. Но она лукава и хитра. Она приняла на себя видъ утопленницы; но я знаю, но я слышу, что она здѣсь. Мнѣ тяжело, мнѣ душно отъ нея. Я не могу чрезъ нее плавать легко и вольно, какъ рыба. Я тону и падаю на дно, какъ ключъ. Отыщи ее, парубокъ!“

Левко посмотрѣлъ на берегъ: въ тонкомъ серебряномъ туманѣ мелькали дѣвушки, легкія, какъ будто тѣни, въ бѣлыхъ, какъ убранный ландышами лугъ, рубашкахъ; золотыя ожерелья, монисты, дукаты блистали на ихъ шеяхъ; но онѣ были блѣдны: тѣло ихъ было какъ будто сваяно изъ прозрачныхъ облаковъ, и будто свѣтилось насквозь при серебряномъ мѣсяцѣ. Хороводъ, играя, придвинулся къ нему ближе. Послышались голоса.

„Давайте въ ворона, давайте играть въ ворона!“ зашумѣли всѣ, будто прирѣчный тростникъ, тронутый, въ тихій часъ сумерокъ, воздушными устами вѣтра.

„Кому же быть ворономъ?“

Кинули жеребей,—и одна дѣвушка вышла изъ толпы. Левко принялся разглядывать ее. Лицо, платье, все на ней такое же, какъ и на другихъ. Замѣтно только было, что она неохотно играла эту роль. Толпа вытянулась вереницею и быстро перебѣгала отъ нападеній хищнаго врага.

„Нѣтъ, я не хочу быть ворономъ!“ сказала дѣвушка, изнемогая отъ усталости: „Мнѣ жалко отнимать цыплятъ у бѣдной матери!“

„Ты не вѣдьма!“ подумалъ Левко.

„Кто же будетъ ворономъ?“

Дѣвушки снова собирались кинуть жеребей.

„Я буду ворономъ!“ вызвалась одна изъ средины.

Левко сталъ пристально вглядываться въ лицо ей. Скоро и смѣло гналась она за вереницею и кидалась во всѣ стороны, чтобы изловить свою жертву. Тутъ Левко сталъ замѣчать, что тѣло ея не такъ свѣтилось, какъ у прочихъ; внутри его видѣлось что-то черное. Вдругъ раздался крикъ: воронъ бросился на одну изъ вереницы, схватилъ ее, и Левку почудилось, будто у ней выпустились когти и на лицѣ ея сверкнула злобная радость.

„Вѣдьма!“ сказалъ онъ, вдругъ указавъ на нее пальцемъ и оборотившись къ дому.

Панночка засмѣялась, и дѣвушки съ крикомъ увели за собою представлявшую ворона.

„Чѣмъ наградить тебя, парубокъ? Я знаю, тебѣ не золото нужно: ты любишь Ганну; но суровый отецъ мѣшаетъ тебѣ жениться на ней. Онъ теперь не помѣшаетъ; возьми, отдай ему эту записку...“

Бѣлая ручка протянулась, лицо ея какъ-то чудно засвѣтилось и засіяло... Съ непостижимымъ трепетомъ и томительнымъ біеніемъ сердца схватилъ онъ записку и... проснулся.

VI.

Пробужденіе.

„Неужели это я спалъ?“ сказалъ про себя Левко, вставая съ небольшого пригорка. „Такъ живо, какъ будто наяву!.. Чудно, чудно!“ повторилъ онъ, оглядываясь. Мѣсяцъ, остановившійся надъ его головою, показывалъ полночь; вездѣ—тишина; отъ пруда вѣялъ холодъ; надъ нимъ печально стоялъ ветхій домъ съ закрытыми ставнями; мохъ и дикій бурьянъ показывали, что давно изъ него удалились люди. Тутъ онъ разогнулъ свою руку, которая судорожно была сжата во все время сна, и вскрикнулъ отъ изумленія, почувствовавши въ ней записку. „Эхъ, если бы я зналъ грамотѣ!“ подумалъ онъ, оборачивая ее передъ собою на всѣ стороны. Въ это мгновеніе послышался позади его шумъ.

„Не бойтесь, прямо хватайте его! Чего струсили? насъ десятокъ. Я держу закладъ, что это человѣкъ, а не чортъ!..“ Такъ кричалъ голова своимъ сопутникамъ, и Левко почувствовалъ себя схваченнымъ нѣсколькими руками, изъ которыхъ иныя дрожали отъ страха. „Скидавай-ка, пріятель, свою страшную личину! Полно тебѣ дурачить людей!“ проговорилъ голова, ухвативъ его за воротъ, и оторопѣлъ, выпучивъ на него глазъ свой. „Левко! сынъ!“ вскричалъ онъ, отступая отъ удивленія и опуская руки. „Это ты, собачій сынъ! Вишь, бѣсовское рожденіе! Я думаю, какая это шельма, какой это вывороченный дьяволъ строитъ штуки! А это, выходитъ, все ты—невареный кисель твоему батькѣ въ горло!—изволишь заводить по улицѣ разбои, сочиняешь пѣсни!.. Эге, ге, ге, Левко! А что это? Видно, чешется у тебя спина! Вязать его!“

„Постой, батько! Велѣно отдать тебѣ эту записочку“, проговорилъ Левко.

„Не до записокъ теперь, голубчикъ! Вязать его!“

„Постой, панъ голова!“ сказалъ писарь, развернувъ записку: „комиссарова рука!“

„Комиссара?“

„Комиссара?“ повторили машинально десятскіе.

„Комиссара? чудно! еще непонятнѣе!“ подумалъ про себя Левко.

„Читай, читай!“ сказалъ голова: „что тамъ пишетъ комиссаръ?“

„Послушаемъ, что пишетъ комиссаръ!“ произнесъ винокуръ, держа въ зубахъ люльку и высѣкая огонь.

Писарь откашлялся и началъ читать:

„Приказъ головѣ Евтуху Макогоненку. Дошло до насъ, что ты, старый дуракъ, вмѣсто того, чтобы собрать прежнія недоимки и вести на селѣ порядокъ, одурѣлъ и строишь пакости...“

„Вотъ, ей Богу“, прервалъ голова: „ничего не слышу!“

Писарь началъ снова:

„Приказъ головѣ Евтуху Макогоненку. Дошло до насъ, что ты, старый ду...“

„Стой, стой! не нужно!“ закричалъ голова: „хоть и не слышалъ, однакожъ знаю, что главнаго тутъ дѣла еще нѣтъ. Читай далѣе.“

„А вслѣдствіе того, приказываю тебѣ сей же часъ женить твоего сына Левка Макогоненка на козачкѣ изъ вашего же села Ганнѣ Петрыченковой, а также починить мосты по столбовой дорогѣ и не давать обывательскихъ лошадей безъ моего вѣдома судовымъ паничамъ, хоть бы они ѣхали прямо изъ казенной палаты. Если же, по пріѣздѣ моемъ, найду оное приказаніе мое не приведеннымъ въ исполненіе, то тебя одного потребую къ отвѣту. Комиссаръ, отставной поручикъ Козьма Деркачъ-Дришпановскій“.

„Вотъ что!“ сказалъ голова, разинувши ротъ „слышите ли вы, слышите ли: за все съ головы спросятъ, и потому слушаться! безпрекословно слушаться! не то, прошу извинить... А тебя“, продолжалъ онъ, оборотясь къ Левку, „вслѣдствіе приказанія комиссара,—хотя чудно мнѣ, какъ это дошло до него,—я женю; только напередъ попробуешь ты нагайки! Знаешь ту, что виситъ у меня на стѣнѣ возлѣ покута? Я поновлю ее завтра... Гдѣ ты взялъ эту записку?“

Левко, несмотря на изумленіе, происшедшее отъ такого нежданнаго оборота его дѣла, имѣлъ благоразуміе приготовить въ умѣ своемъ другой отвѣтъ и утаить настоящую истину, какимъ образомъ досталась записка.

„Я отлучался“, сказалъ онъ, „вчера ввечеру еще въ городъ и встрѣтилъ комиссара, вылѣзавшаго изъ брички. Узнавши, что я изъ нашего села, далъ онъ мнѣ эту записку и велѣлъ на словахъ тебѣ сказать, батько, что заѣдетъ на возвратномъ пути къ намъ обѣдать“.

„Онъ это говорилъ?"

„Говорилъ".

„Слышите-ли?" сказалъ голова съ важною осанкою, оборотившись къ своимъ спутникамъ: „комиссаръ самъ своею особою прiѣдетъ къ нашему брату, т. е. ко мнѣ, на обѣдъ. „О!.." Тутъ голова поднялъ палецъ вверхъ и голову привелъ въ такое положенiе, какъ будто бы она прислушивалась къ чему-нибудь. „Комиссаръ, слышите ли, комиссаръ прiѣдетъ ко мнѣ обѣдать! Какъ думаешь, панъ писарь, и ты, сватъ, это не совсѣмъ пустая честь! Не правда ли?"

„Еще, сколько могу припомнить", подхватилъ писарь: „ни одинъ голова не угощалъ комиссара обѣдомъ".

„Не всякiй голова головѣ чета!" произнесъ съ самодовольнымъ видомъ голова. Ротъ его покривился, и что-то въ родѣ тяжелаго, хриплаго смѣха, похожаго болѣе на гудѣнiе отдаленнаго грома, зазвучало въ его устахъ. „Какъ думаешь, панъ писарь, нужно бы для именитаго гостя дать приказъ, чтобы съ каждой хаты принесли хоть по цыпленку, ну, полотна, еще кое-чего... А?.."

„Нужно бы, нужно, панъ голова!"

„А когда же свадьбу, батько?" спросилъ Левко.

„Свадьбу? Далъ бы я тебѣ свадьбу!.. Ну, да для именитаго гостя... завтра васъ попъ и обвѣнчаетъ. Чортъ съ вами! Пусть комиссаръ увидитъ, что значитъ исправность! Ну, ребята, теперь спать! Ступайте по домамъ!.. Сегодняшнiй случай припомнилъ мнѣ то время, когда я..." При этихъ словахъ голова пустилъ обыкновенный свой важный и значительный взглядъ исподлобья.

„Ну теперь пойдетъ голова разсказывать, какъ везъ царицу!" сказалъ Левко, и быстрыми шагами и радостно спѣшилъ къ знакомой хатѣ, окруженной низенькими вишнями. „Дай тебѣ Богъ небесное царство, добрая и прекрасная панночка!" думалъ онъ про себя. „Пусть тебѣ на томъ свѣтѣ вѣчно усмѣхается между ангелами святыми! Никому не разскажу про диво, случившееся въ эту ночь; тебѣ одной только, Галю, передамъ его; ты одна только повѣришь мнѣ и вмѣстѣ со мною помолишься за упокой души несчастной утопленницы!" Тутъ онъ приблизился къ хатѣ; окно было отперто; лучи мѣсяца проходили чрезъ него и падали на спящую передъ нимъ Ганну; голова ея оперлась на руку, щеки тихо горѣли; губы шевелились, неясно произнося его имя. „Спи, моя красавица! Приснись тебѣ все, что есть лучшаго на свѣтѣ; но и то не будетъ лучше нашего пробужденiя!" Перекрестивъ ее, закрылъ онъ окошко и тихонько удалился. И чрезъ нѣсколько минутъ все

уже уснуло на селѣ; одинъ только мѣсяцъ такъ же блистательно и чудно плылъ въ необъятныхъ пустыняхъ роскошнаго украинскаго неба. Такъ же торжественно дышало въ вышинѣ, и ночь, божественная ночь, величественно догорала. Такъ же прекрасна была земля въ дивномъ серебряномъ блескѣ; но уже никто не упивался ими: все погрузилось въ сонъ. Изрѣдка только прерывалось мгновенно молчаніе лаемъ собакъ, и долго еще пьяный Каленикъ шатался по уснувшимъ улицамъ, отыскивая свою хату.

Пропавшая грамота

БЫЛЬ,

*разсказанная дьячкомъ ***ской церкви.*

—Такъ вы хотите, чтобы я вамъ еще разсказалъ про дѣда? -Пожалуй, почему же не потѣшить прибауткой? Эхъ, старина, старина! Что за радость, что за разгулье падетъ на сердце, когда услышишь про то, что давно-давно, и года ему, и мѣсяца нѣтъ, дѣялось на свѣтѣ! А какъ еще впутается какой-нибудь родичъ, дѣдъ и прадѣдъ,—ну, тогда и рукой махни: чтобъ мнѣ поперхнулось за акаѳистомъ великомученицѣ Варварѣ, если не чудится, что вотъ-вотъ самъ все это дѣлаешь, какъ будто залѣзъ въ прадѣдовскую душу, или прадѣдовская душа шалитъ въ тебѣ... Нѣтъ, мнѣ пуще всего наши дѣвчата и молодицы; покажись только на глаза имъ: „Ѳома Григорьевичъ! Ѳома Григорьевичъ! *а нуте, яку-нибудь страховинну казочку, а нуте, нуте!...*“ тара-та-та, та-та-та, и пойдутъ, и пойдутъ... Разсказать-то, конечно, не жаль, да загляните-ка, что дѣлается съ ними въ постели. Вѣдь я знаю, что каждая дрожитъ подъ одѣяломъ, какъ будто бьетъ ее лихорадка, и рада бы съ головою влѣзть въ тулупъ свой. Царапни горшкомъ крыса, сама какъ-нибудь задѣнь ногою кочергу,—и Боже упаси! и душа въ пяткахъ. А на другой день ничего не бывало; навязывается сызнова: разскажи ей страшную сказку да и только. Что-жъ бы такое разсказать вамъ? Вдругъ не взбредетъ на умъ... Да, разскажу я вамъ, какъ вѣдьмы играли съ покойнымъ дѣдомъ

въ дурня. [1]) Только заранѣе прошу васъ, господа, не сбивайте съ толку, а то такой кисель выйдетъ, что совѣстно будетъ и въ ротъ взять. Покойный дѣдъ, надобно вамъ сказать, былъ не изъ простыхъ въ свое время козаковъ. Зналъ и твердо-онъ-то и словотитлу поставить. Въ праздникъ отхватаетъ апостола, бывало, такъ, что теперь и поповичъ иной спрячется. Ну, сами знаете, что въ тогдашнія времена, если собрать со всего Батурина грамотеевъ, то нечего и шапки подставлять, — въ одну горсть можно было всѣхъ уложить. Стало-быть, и дивиться нечего, когда всякій встрѣчный кланялся дѣду мало не въ поясъ.

Одинъ разъ задумалось вельможному гетьману послать за чѣмъ-то къ царицѣ грамоту. Тогдашній полковой писарь, — вотъ, нелегкая его возьми, и прозвища не вспомню... Вискрякъ не Вискрякъ, Мотузочка не Мотузочка, Голопуцекъ не Голопуцекъ... знаю только, что какъ-то чудно начинается мудреное прозвище,—позвалъ къ себѣ дѣда и сказалъ ему, что вотъ наряжаетъ его самъ гетьманъ гонцомъ съ грамотою къ царицѣ. Дѣдъ не любилъ долго собираться: грамоту зашилъ въ шапку, вывелъ коня, чмокнулъ жену и двухъ своихъ, какъ самъ онъ называлъ, поросенковъ, изъ которыхъ одинъ былъ родной отецъ хоть бы и нашего брата, и поднялъ такую за собою пыль, какъ будто бы пятнадцать хлопцевъ задумали посреди улицы играть въ кашу. На другой день, еще пѣтухъ не кричалъ въ четвертый разъ, дѣдъ уже былъ въ Конотопѣ. На ту пору была тамъ ярмарка: народу высыпало по улицамъ столько, что въ глазахъ рябило. Но такъ какъ было рано, то все дремало, протянувшись на землѣ. Возлѣ коровы лежалъ гуляка парубокъ, съ покраснѣвшимъ, какъ снигирь, носомъ; подалѣ храпѣла, сидя, перекупка съ кремнями, синькою, дробью и бубликами; подъ телѣгою лежалъ цыганъ; на возу съ рыбой—чумакъ; на самой дорогѣ раскинулъ ноги бородачъ-москаль съ поясами и рукавицами... ну, всякаго сброду, какъ водится по ярмаркамъ. Дѣдъ пріостановился, чтобы разглядѣть хорошенько. Между тѣмъ въ ятках начало мало-по-малу шевелиться; жидовки стали побрякивать фляжками; дымъ покатило то тамъ, то сямъ кольцами, и запахъ горячихъ сластенъ понесся по всему табору. Дѣду вспало на умъ, что у него нѣтъ ни огнива, ни табаку наготовѣ: вотъ и пошелъ таскаться по ярмаркѣ. Не успѣлъ пройти двадцати шаговъ, —навстрѣчу запорожецъ. Гуляка, и по лицу видно! Красные, какъ жаръ, шаровары, синій жупанъ, яркій цвѣтной поясъ, при боку сабля

[1]) Въ дурачки.

и люлька съ мѣдною цѣпочкою по самыя пяты,—запорожецъ да и только! Эхъ, народецъ! станетъ, вытянется, поведетъ рукою молодецкіе усы, брякнетъ подковами—и пустится! Да вѣдь какъ пустится: ноги отплясываютъ, словно веретено въ бабьихъ рукахъ; что вихорь, дернетъ рукою по всѣмъ струнамъ бандуры, и тутъ же, подпершися ею въ боки, несется въ-присядку; зальется пѣсней,—душа гуляетъ!.. Нѣтъ, прошло времячко: не увидать больше запорожцевъ! Да. Такъ встрѣтились. Слово за слово,—долго ли до знакомства? Пошли калякать, калякать, такъ что дѣдъ совсѣмъ уже было позабылъ про путь свой. Попойка завелась, какъ на свадьбѣ передъ постомъ великимъ, Только, видно, наконецъ прискучило бить горшки и швырять въ народъ деньгами, да и ярмаркѣ не вѣкъ же стоять! Вотъ сговорились новые пріятели, чтобъ не разлучаться и путь держать вмѣстѣ. Было давно подъ вечеръ, когда выѣхали они въ поле. Солнце убралось на отдыхъ; гдѣ-гдѣ горѣли вмѣсто него красноватыя полосы; по полю пестрѣли нивы, что праздничныя плахты чернобровыхъ молодицъ. Нашего запорожца раздобаръ взялъ страшный. Дѣдъ и еще другой, приплетшійся къ нимъ гуляка, подумали уже, не бѣсъ ли засѣлъ въ него. Откуда что набиралось. Исторіи и присказки такія диковинныя, что дѣдъ нѣсколько разъ хватался за бока и чуть не надсадилъ своего живота со смѣху. Но въ полѣ становилось чѣмъ далѣе, тѣмъ сумрачнѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ становилась несвязнѣе и молодецкая молвь. Наконецъ, разсказчикъ нашъ притихъ совсѣмъ и вздрагивалъ при малѣйшемъ шорохѣ.

„Ге, ге, землякъ! да ты не на шутку принялся считать совъ. Ужъ думаешь, какъ бы домой, да на печь!“

„Передъ вами нечего таиться“, сказалъ онъ, вдругъ оборотившись и неподвижно уставивъ на нихъ глаза свои. „Знаете ли, что душа моя давно продана нечистому?“

„Экая невидальщина! Кто на вѣку своемъ не знался съ нечистымъ? Тутъ-то и нужно гулять, какъ говорится, на прахъ“.

„Эхъ, хлопцы! гулялъ бы, да въ ночь эту срокъ молодцу! Эй, братцы!“ сказалъ онъ, хлопнувъ по рукамъ ихъ: „эй, не выдайте! не поспите одной ночи! Вѣкъ не забуду вашей дружбы!“

Почему-жъ не пособить человѣку въ такомъ горѣ? Дѣдъ объявилъ напрямикъ, что скорѣе дастъ онъ отрѣзать оселедецъ съ собственной головы, чѣмъ допуститъ чорта понюхать собачьей мордой своей христіанской души.

Козаки наши ѣхали бы, можетъ, и далѣе, если бы не обволокло всего неба ночью, словно чернымъ рядномъ, и въ полѣ не стало такъ же темно, какъ подъ овчиннымъ тулупомъ. Издали только мерещился огонекъ, и кони, чуя близкое стойло, торопились, насторожа уши и вковавши очи во мракъ. Огонекъ, казалось, несся навстрѣчу, и передъ козаками показался шинокъ, повалившійся на одну сторону, словно баба на пути съ веселыхъ крестинъ. Въ тѣ поры шинки были не то, что теперь. Доброму человѣку не только развернуться, пріударить горлицы или гопака,—прилечь даже негдѣ было, когда въ голову заберется хмель, и ноги начнутъ писать покой-онъ-по. Дворъ былъ уставленъ весь чумацкими возами; подъ повѣтками, въ ясляхъ, въ сѣняхъ, иной свернувшись, другой развернувшись, храпѣли, какъ коты. Шинкарь одинъ, передъ каганцомъ, нарѣзывалъ рубцами на палочкѣ, сколько квартъ и осьмухъ высушили чумацкія головы. Дѣдъ, спросивши треть ведра на троихъ, отправился въ сарай. Всѣ трое легли рядомъ. Только не успѣлъ онъ повернуться, какъ видитъ, что его земляки спятъ уже мертвецкимъ сномъ. Разбудивши приставшаго къ нимъ третьяго козака, дѣдъ напомнилъ ему про данное товарищу обѣщаніе. Тотъ привсталъ, протеръ глаза и снова уснулъ. Нечего дѣлать, пришлось одному караулить. Чтобы чѣмъ-нибудь разогнать сонъ, осмотрѣлъ онъ всѣ возы, провѣдалъ коней, закурилъ люльку, пришелъ назадъ и сѣлъ опять около своихъ. Все было тихо, такъ что, кажись, ни одна муха не пролетѣла. Вотъ и чудится ему, что изъ-за сосѣдняго воза что-то сѣрое выказываетъ роги... Тутъ глаза его начали смыкаться, такъ что принужденъ онъ былъ ежеминутно протирать ихъ кулакомъ и промывать оставшеюся водкой. Но какъ скоро немного прояснялись они, все пропадало. Наконецъ, мало погодя, опять показывается изъ-подъ воза чудище... Дѣдъ вытаращилъ глаза, сколько могъ; но проклятая дремота все туманила передъ нимъ; руки его окостенѣли, голова скатилась, и крѣпкій сонъ схватилъ его такъ, что онъ повалился, словно убитый. Долго спалъ дѣдъ, и, какъ припекло порядочно уже солнце его выбритую макушку, тогда только схватился онъ на ноги. Потянувшись раза два и почесавъ спину, замѣтилъ онъ, что возовъ стояло уже не такъ много, какъ съ вечера. Чумаки, видно, потянулись еще до свѣта. Къ своимъ—казакъ спитъ, а запорожца нѣтъ. Выспрашивать,—никто знать не знаетъ; одна только верхняя свитка лежала на томъ мѣстѣ. Страхъ и раздумье взяло дѣда. Пошелъ посмотрѣть коней—ни своего, ни запорожскаго! Что-бъ это значило? Положимъ, запорожца взяла нечистая сила, кто же коней? Сообразя все,

дѣдъ заключилъ, что, вѣрно, чортъ приходилъ пѣшкомъ, а какъ до пекла не близко, то и стянулъ его коня. Больно ему было крѣпко, что не сдержалъ козацкаго слова. „Ну“, думаетъ, „нечего дѣлать, пойду пѣшкомъ: авось попадется на дорогѣ какой-нибудь барышникъ, ѣдущій съ ярмарки, какъ-нибудь уже куплю коня“. Только хватился за шапку,—и шапки нѣтъ. Всплеснулъ руками покойный дѣдъ, какъ вспомнилъ, что вчера еще помѣнялись они на время съ запорожцемъ. Кому больше утащить, какъ не нечистому! Вотъ тебѣ и гетьманскій гостинецъ! Вотъ тебѣ и привезъ грамоту къ царицѣ! Тутъ дѣдъ принялся угощать чорта такими прозвищами, что, думаю, ему не одинъ разъ чихалось тогда въ пеклѣ. Но бранью мало пособишь; а затылка сколько ни чесалъ дѣдъ, никакъ не могъ ничего придумать. Что дѣлать? Кинулся достать чужого ума: собралъ всѣхъ, бывшихъ тогда въ шинкѣ, добрыхъ людей, чумаковъ и просто заѣзжихъ и разсказалъ, что такъ и такъ, такое-то приключилось горе. Чумаки долго думали, подперши батогами подбородки свои, крутили головами и сказали, что не слышали такого дива на крещеномъ свѣтѣ, чтобы гетьманскую грамоту утащилъ чортъ. Другіе же прибавили, что когда чортъ да москаль украдутъ что-нибудь, то поминай, какъ и звали. Одинъ только шинкарь сидѣлъ молча въ углу. Дѣдъ и подступилъ къ нему. Ужъ когда молчитъ человѣкъ, то, вѣрно, зашибъ много умомъ. Только шинкарь не такъ-то былъ щедръ на слова, и если бы дѣдъ не полѣзъ въ карманъ за пятью злотыми, то простоялъ бы передъ нимъ даромъ.

„Я научу тебя, какъ найти грамоту“, сказалъ онъ, отводя его въ сторону. У дѣда и на сердцѣ отлегло. „Я вижу уже по глазамъ, что ты козакъ—не баба. Смотри же! Близко шинка будетъ поворотъ направо въ лѣсъ. Только станетъ въ полѣ примеркать, чтобы ты былъ уже наготовѣ. Въ лѣсу живутъ цыганы и выходятъ изъ норъ своихъ ковать желѣзо въ такую ночь, въ какую однѣ вѣдьмы ѣздятъ на своихъ кочергахъ. Чѣмъ они промышляютъ на самомъ дѣлѣ, знать тебѣ нечего. Много будетъ стуку по лѣсу, только ты не иди въ тѣ стороны, откуда заслышишь стукъ; а будетъ передъ тобою малая дорожка, мимо обожженнаго дерева: дорожкою этою иди, иди, иди... Станетъ тебя терновникъ царапать, густой орѣшникъ заслонять дорогу,—ты все иди; и какъ придешь къ небольшой рѣчкѣ, тогда только можешь остановиться. Тамъ и увидишь, кого нужно. Да не позабудь набрать въ карманы того, для чего и карманы сдѣланы... Ты понимаешь, это добро и дьяволы, и люди любятъ“. Сказавши это, шинкарь ушелъ въ свою конуру и не хотѣлъ больше говорить ни слова.

Покойный дѣдъ былъ человѣкъ—не то, чтобы изъ трусливаго десятка; бывало, встрѣтитъ волка, такъ и хватаетъ прямо за хвостъ; пройдетъ съ кулаками промежъ козаковъ, — всѣ, какъ груши, повалятся на землю. Однакожъ, что-то подирало его по кожѣ, когда вступилъ онъ въ такую глухую ночь въ лѣсъ. Хоть бы звѣздочка на небѣ. Темно и глухо, какъ въ винномъ подвалѣ; только слышно было, что далеко-далеко вверху, надъ головою, холодный вѣтеръ гулялъ по верхушкамъ деревъ, и деревья, что охмелѣвшія козацкія головы, разгульно покачивались, шопоча листьями пьяную молвь. Какъ вотъ завѣяло такимъ холодомъ, что дѣдъ вспомнилъ и про овчинный тулупъ свой, и вдругъ словно сто молотовъ застучало по лѣсу такимъ стукомъ, что у него зазвенѣло въ головѣ. И, будто зарницею, освѣтило на минуту весь лѣсъ. Дѣдъ тотчасъ увидѣлъ дорожку, пробиравшуюся промежъ мелкаго кустарника. Вотъ и обожженное дерево, и кусты терновника! Такъ, все такъ, какъ было ему говорено; нѣтъ, не обманулъ шинкарь. Однакожъ, не совсѣмъ весело было продираться черезъ колючіе кусты; еще отъ роду не видалъ онъ, чтобы проклятые шипы и сучья такъ больно царапались; почти на каждомъ шагу забирало его вскрикнуть. Мало-по-малу выбрался онъ на просторное мѣсто, и, сколько могъ замѣтить, деревья рѣдѣли и становились, чѣмъ далѣе, такія широкія, какихъ дѣдъ не видывалъ и по ту сторону Польши. Глядь, между деревьями мелькнула и рѣчка, черная, словно вороненая сталь. Долго стоялъ дѣдъ у берега, посматривая на всѣ стороны. На другомъ берегу горитъ огонь и, кажется, вотъ-вотъ готовится погаснуть, и снова отсвѣчивается въ рѣчкѣ, вздрагивавшей, какъ польскій шляхтичъ въ козачьихъ лапахъ. Вотъ и мостикъ! „Ну, тутъ одна только чертовская таратайка развѣ проѣдетъ". Дѣдъ, однакожъ, ступилъ смѣло, и скорѣе, чѣмъ бы иной успѣлъ достать рожокъ, понюхать табаку, былъ уже на другомъ берегу. Теперь только разглядѣлъ онъ, что возлѣ огня сидѣли люди и такія смазливыя рожи, что въ другое время, Богъ знаетъ, чего бы не далъ, лишь бы ускользнуть отъ этого знакомства. Но теперь, нечего дѣлать, нужно было завязаться. Вотъ дѣдъ и отвѣсилъ имъ поклонъ, мало не въ поясъ: „Помогай Богъ вамъ, добрые люди!" Хоть бы одинъ кивнулъ головой: сидятъ да молчатъ, да что-то сыплютъ въ огонь. Видя одно мѣсто незанятымъ, дѣдъ безъ всякихъ околичностей сѣлъ и самъ. Смазливыя рожи—ничего; ничего и дѣдъ. Долго сидѣли молча. Дѣду уже и прискучило; давай шарить въ карманѣ, вынулъ люльку, посмотрѣлъ вокругъ,— ни одинъ не глядитъ на него. „Уже, добродѣйство, будьте

ласковы: какъ бы такъ, чтобы, примѣрно сказать, того"... (дѣдъ живалъ въ свѣтѣ не мало, зналъ уже, какъ подпускать турусы, и при случаѣ, пожалуй, и передъ царемъ не ударилъ бы лицомъ въ грязь) „чтобы, примѣрно сказать, и себя не забыть, да и васъ не обидѣть,—люлька-то у меня есть, да того, чѣмъ бы зажечь ее, *чортъ-ма* (не имѣется)." И на эту рѣчь хоть бы

„Батюшки мои"! ахнулъ дѣдъ, разглядѣвши хорошенько.
Рисунокъ *П. Пряишникова.*

слово; только одна рожа сунула горячую головню прямехонько дѣду въ лобъ, такъ что, если бы онъ немного не посторонился, то, статься можетъ, распрощался бы навѣки съ однимъ глазомъ. Видя, наконецъ, что время даромъ проходитъ, рѣшился — будетъ ли слушать нечистое племя, или нѣтъ—разсказать дѣло. Рожи и уши наставили, и лапы протянули. Дѣдъ дога-

дался, забралъ въ горсть всѣ бывшія съ нимъ деньги и кинулъ, словно собакамъ, имъ въ середину. Какъ только кинулъ онъ деньги, все передъ нимъ перемѣшалось, земля задрожала и какъ уже,—онъ и самъ разсказать не умѣлъ,—попалъ чуть ли не въ самое пекло. „Батюшки мои!“ ахнулъ дѣдъ, разглядѣвши хорошенько. Что за чудища! рожи на рожѣ, какъ говорится, не видно. Вѣдьмъ такая гибель, какъ случается иногда на Рождество выпадетъ снѣгу: разряжены, размазаны, словно панночки на ярмаркѣ. И всѣ, сколько ни было ихъ тамъ, какъ хмельныя, отплясывали какого-то чертовскаго трепака. Пыль подняли, Боже упаси, какую! Дрожь бы проняла крещенаго человѣка при одномъ видѣ, какъ высоко скакало бѣсовское племя. На дѣда, несмотря на весь страхъ, смѣхъ напалъ, когда увидѣлъ, какъ черти съ собачьими мордами, на нѣмецкихъ ножкахъ, вертя хвостами, увивались около вѣдьмъ, будто парни около красныхъ дѣвушекъ, а музыканты тузили себя въ щеки кулаками, словно въ бубны, и свистали носами, какъ въ валторны. Только завидѣли дѣда,—и турнули къ нему ордою. Свиныя, собачьи, козлиныя, дрофиныя, лошадиныя рыла—всѣ повытягивались, и вотъ такъ и лѣзутъ цѣловаться. Плюнулъ дѣдъ, такая мерзость напала! Наконецъ, схватили его и посадили за столъ, длиною, можетъ, съ дорогу отъ Конотопа до Батурина. „Ну, это еще не совсѣмъ худо“, подумалъ дѣдъ, завидѣвши на столѣ свинину, колбасы, крошеный съ капустой лукъ и много всякихъ сластей: „видно, дьявольская сволочь не держитъ постовъ“. Дѣдъ-таки, не мѣшаетъ вамъ знать, не упускалъ при случаѣ перехватить того-сего на зубы. Ѣдалъ, покойникъ, аппетитно, и потому, не пускаясь въ разсказы, придвинулъ къ себѣ миску съ нарѣзаннымъ саломъ и окорокъ ветчины, взялъ вилку, мало чѣмъ поменьше тѣхъ вилъ, которыми мужикъ беретъ сѣно, захватилъ ею самый увѣсистый кусокъ, подставилъ корку хлѣба—и, глядь, и отправилъ въ чужой ротъ, вотъ-вотъ возлѣ самыхъ ушей, и слышно даже, какъ чья-то морда жуетъ и щелкаетъ зубами на весь столъ. Дѣдъ ничего; схватилъ другой кусокъ и вотъ, кажись, и по губамъ зацѣпилъ, только опять не въ свое горло. Въ третій разъ—снова мимо. Взбѣленился дѣдъ: позабылъ и страхъ, и въ чьихъ лапахъ находится онъ, прискочилъ къ вѣдьмамъ: „Что вы, Иродово племя, задумали, смѣяться, что ли, надо мной? Если не отдадите сей же часъ моей козацкой шапки, то будь я католикъ, когда не переворочу свиныхъ рылъ вашихъ на затылокъ!“ Не успѣлъ онъ докончить послѣднихъ словъ, какъ всѣ чудища выскалили зубы и подняли такой смѣхъ, что у дѣда на душѣ захолонуло.

„Ладно!“ провизжала одна изъ вѣдьмъ, которую дѣдъ почелъ за старшую надъ всѣми, потому личина у нея была чуть ли еще не красивѣе всѣхъ: „шапку отдадимъ тебѣ, только не прежде, пока сыграешь съ нами три раза въ *дурня*!“

Что прикажешь дѣлать? Козаку сѣсть съ бабами въ дурня! Дѣдъ отпираться, отпираться, наконецъ, сѣлъ. Принесли карты, замасленныя, какими только у насъ поповны гадаютъ про жениховъ.

„Слушай же!“ залаяла вѣдьма въ другой разъ: „если хоть разъ выиграешь,—твоя шапка; когда же всѣ три раза останешься дурнемъ, то не прогнѣвайся, не только шапки, можетъ, и свѣта больше не увидишь!“

„Сдавай, сдавай, хрычовка! Что будетъ, то будетъ“.

Вотъ и карты розданы. Взялъ дѣдъ свои въ руки,—смотрѣть не хочется, такая дрянь: хоть бы на смѣхъ одинъ козырь. Изъ масти десятка самая старшая, паръ даже нѣтъ; а вѣдьма все подваливаетъ пятериками. Пришлось остаться дурнемъ! Только что дѣдъ успѣлъ остаться дурнемъ, и со всѣхъ сторонъ заржали, залаяли, захрюкали морды: „дурень, дурень, дурень!“

„Чтобъ вы перелопались, дьявольское племя!“ закричалъ дѣдъ, затыкая пальцами себѣ уши. „Ну“, думаетъ, „вѣдьма подтасовала, теперь я самъ буду сдавать“. Сдалъ; засвѣтилъ козыря; поглядѣлъ въ карты: масть хоть куда, козыри есть. И сначала дѣло шло, какъ нельзя лучше; только вѣдьма—пятерикъ съ королями! У дѣда на рукахъ одни козыри! Не думая, не гадая долго, хвать королей всѣхъ по усамъ козырями!

„Ге, ге! да это не по-козацки! А чѣмъ ты кроешь, землякъ?“

„Какъ—чѣмъ? Козырями!“

„Можетъ быть, по вашему, это и козыри, только по нашему -нѣтъ!“

Глядь,—въ самомъ дѣлѣ простая масть. Что за дьявольщина! Пришлось въ другой разъ быть дурнемъ, и чертаньё пошло снова драть горло: „дурень! дурень!“ такъ что столъ дрожалъ и карты прыгали по столу. Дѣдъ разгорячился; сдалъ въ послѣдній. Опять идетъ ладно. Вѣдьма опять пятерикъ; дѣдъ покрылъ и набралъ изъ колоды полную руку козырей.

„Козырь!“ вскричалъ онъ, ударивъ по столу картою такъ, что ее свернуло коробомъ; та, не говоря ни слова, покрыла восьмеркою масти. „А чѣмъ ты, старый дьяволъ, бьешь? Вѣдьма подняла карту: подъ нею была простая шестерка. „Вишь, бѣсовское обморачиванье!“ сказалъ дѣдъ и съ досады хватилъ кулакомъ, что силы, по столу. Къ счастью еще, что у вѣдьмы

„А чѣмъ ты, старый дьяволъ, бьешь?..“

Рис. В. Маковскаго.

была плохая масть; у дѣда, какъ нарочно, на ту пору пары. Сталъ набирать карты изъ колоды, только мочи нѣтъ: дрянь такая лѣзетъ, что дѣдъ и руки опустилъ. Въ колодѣ ни одной карты. Пошелъ уже такъ, не глядя, простою шестеркою; вѣдьма приняла. „Вотъ тебѣ на! это что? Э, э! вѣрно, что-нибудь да не такъ!" Вотъ, дѣдъ карты потихоньку подъ столъ и перекрестилъ; глядь—у него на рукахъ тузъ, король, валетъ козырей, а онъ вмѣсто шестерки спустилъ кралю. „Ну, дурень же я былъ! Король козырей! Что! приняла? А? кошечье отродье! А туза не хочешь? Тузъ! валетъ!"... Громъ пошелъ по пеклу; на вѣдьму напали корчи, и, откуда ни возьмись, шапка бухъ дѣду прямехонько въ лицо. „Нѣтъ, этого мало!" закричалъ дѣдъ, прихрабрившись и надѣвъ шапку. „Если сейчасъ не станетъ передо мною молодецкій конь мой, то вотъ убей меня громъ на этомъ самомъ нечистомъ мѣстѣ, когда я не перекрещу святымъ крестомъ всѣхъ васъ!" и уже было и руку поднялъ, какъ вдругъ загремѣли передъ нимъ конскія кости. „Вотъ тебѣ конь твой!"

Заплакалъ бѣдняга, глядя на нихъ, что дитя неразумное. Жаль стараго товарища! „Дайте же мнѣ какого-нибудь коня выбраться изъ гнѣзда вашего!" Чортъ хлопнулъ арапникомъ,— конь, какъ огонь, взвился подъ нимъ, и дѣдъ, что птица, вынесся наверхъ.

Страхъ, однакожъ, напалъ на него посреди дороги, когда конь, не слушаясь ни крику, ни поводовъ, скакалъ черезъ провалы и болота. Въ какихъ мѣстахъ онъ не былъ, такъ дрожь забирала при однихъ разсказахъ. Глянулъ какъ-то себѣ подъ ноги—и пуще перепугался: пропасть! крутизна страшная! А сатанинскому животному и нужды нѣтъ: прямо черезъ нее. Дѣдъ держаться: не тутъ-то было. Черезъ пни, черезъ кочки полетѣлъ стремглавъ въ провалъ и такъ хватился на днѣ его о землю, что, кажись, и духъ вышибло. По крайней мѣрѣ, что дѣялось съ нимъ въ то время, ничего не помнилъ; и какъ очнулся немного и осмотрѣлся, то уже разсвѣло совсѣмъ: передъ нимъ мелькали знакомыя мѣста, и онъ лежалъ на крышѣ своей же хаты.

Перекрестился дѣдъ, когда слѣзъ долой. Экая чертовщина! Что за пропасть, какія съ человѣкомъ чудеса дѣлаются! Глядь на руки,—всѣ въ крови; посмотрѣлъ въ стоявшую торчмя бочку съ водою,—и лицо также. Обмывшись хорошенько, чтобы не испугать дѣтей, входитъ онъ потихоньку въ хату, смотритъ: дѣти пятятся къ нему задомъ и въ испугѣ указываютъ ему пальцами, говоря: „*Дывись! дывись! маты, мовъ дурна, скаче!*"[1])

[1]) Смотри, смотри, мать, словно сумасшедшая, скачетъ.

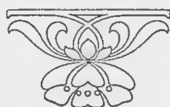
И въ самомъ дѣлѣ, баба сидитъ, заснувши передъ гребнемъ, держитъ въ рукахъ веретено и сонная подпрыгиваетъ на лавкѣ. Дѣдъ, взявши за руку, потихоньку разбудилъ ее: „Здравствуй, жена, здорова ли ты?“ Та долго смотрѣла, выпучивши глаза, и, наконецъ, уже узнала дѣда и разсказала, какъ ей снилось, что печь ѣздила по хатѣ, выгоняя вонъ лопатою горшки, ло-

Конь, какъ огонь, взвился подъ нимъ . . .
Рисунокъ *П. Пряишникова.*

ханки... и, чортъ знаетъ, что еще такое. „Ну“, говоритъ дѣдъ, „тебѣ во снѣ, мнѣ наяву. Нужно, вижу, будетъ освятить нашу хату; мнѣ же теперь мѣшкать нечего“. Сказавши это и отдохнувши немного, дѣдъ досталъ коня и уже не останавливался ни днемъ, ни ночью, пока не доѣхалъ до мѣста и не отдалъ грамоты самой царицѣ. Тамъ наглядѣлся дѣдъ такихъ

дивъ, что стало ему надолго послѣ того разсказывать: какъ повели его въ палаты, такія высокія, что если бы хатъ десять поставить одну на другую, и тогда, можетъ быть, не достало бы; какъ взглянулъ онъ въ одну комнату—нѣтъ; въ другую—нѣтъ; въ третью—еще нѣтъ; въ четвертой даже нѣтъ; да въ пятой уже, глядь,—сидитъ сама, въ золотой коронѣ, въ сѣрой новехонькой свиткѣ, въ красныхъ сапогахъ, и золотыя галушки ѣстъ; какъ велѣла ему насыпать цѣлую шапку *синицами*; какъ... всего и вспомнить нельзя! Объ featureвознѣ своей съ чертями дѣдъ и думать позабылъ, и если случалось, что кто-нибудь и напоминалъ объ этомъ, то дѣдъ молчалъ, какъ будто не до него и дѣло шло, и великаго стоило труда упросить его пересказать все, какъ было. И, видно, уже въ наказаніе, что не спохватился тотчасъ послѣ того освятить хату, бабѣ ровно черезъ каждый годъ, и именно въ то самое время, дѣлалось такое диво, что танцуется, бывало, да и полно. За что ни примется, ноги затѣваютъ свое, и вотъ такъ и дергаетъ пуститься въ присядку.

ВЕЧЕРА

НА ХУТОРѢ БЛИЗЪ ДИКАНЬКИ.

ПОВѢСТИ,

ИЗДАННЫЯ

ПАСИЧНИКОМЪ РУДЫМЪ ПАНЬКОМЪ.

Часть вторая.

Предисловіе.

Вотъ вамъ и другая книжка, а лучше сказать, послѣдняя! Не хотѣлось, крѣпко не хотѣлось выдавать и этой. Право, пора знать честь. Я вамъ скажу, что на хуторѣ уже начинаютъ смѣяться надо мною: „Вотъ“, говорятъ, „одурѣлъ старый дѣдъ: на старости лѣтъ тѣшится ребяческими игрушками!“ И точно, давно пора на покой. Вы, любезные читатели, вѣрно, думаете, что я прикидываюсь только старикомъ. Куда тутъ прикидываться, когда во рту совсѣмъ зубовъ нѣтъ! Теперь, если что мягкое попадется, то буду какъ-нибудь жевать, а твердое-то ни за что не откушу. Такъ вотъ вамъ опять книжка! Не бранитесь только! Не хорошо браниться на прощаньи, особенно съ тѣмъ, съ которымъ, Богъ знаетъ, скоро ли увидитесь. Въ этой книжкѣ услышите разсказчиковъ, все почти для васъ незнакомыхъ, выключая только развѣ Ѳомы Григорьевича! А того гороховаго панича, что разсказывалъ такимъ вычурнымъ языкомъ, котораго много остряковъ и изъ московскаго народу не могло понять, уже давно нѣтъ. Послѣ того, какъ разссорился со всѣми, онъ и не заглядывалъ къ намъ. Да, я вамъ не разсказывалъ этого случая? Послушайте, тутъ прекомедія была. Прошлый годъ, такъ какъ-то около лѣта, да чуть ли не на самый день моего патрона, пріѣхали ко мнѣ въ гости... (Нужно вамъ сказать, любезные читатели, что земляки мои, дай Богъ имъ здоровье, не забываютъ старика. Уже есть пятидесятый годъ, какъ я началъ помнить свои именины; который же точно мнѣ годъ, этого ни я, ни старуха моя вамъ не скажемъ. Должно-быть, близь семидесяти. Диканьскій-то попъ, отецъ Харлампій, зналъ, когда я родился; да жаль, что уже пятьдесятъ лѣтъ, какъ его нѣтъ на свѣтѣ). Вотъ пріѣхали ко мнѣ гости: Захаръ Кирилловичъ Чухопупенко, Степанъ Ивановичъ Курочка, Тарасъ Ивановичъ Смачненькій, засѣдатель Харлампій Кирилловичъ Хлоста; пріѣхалъ еще... вотъ позабылъ, право, имя и фамилію... Осипъ... Осипъ... Боже мой, его знаетъ весь Миргородъ! онъ еще, когда говоритъ, то всегда щелкнетъ напередъ пальцемъ и подопрется въ боки... Ну, Богъ съ нимъ! Въ другое время вспомню. Пріѣхалъ и знакомый вамъ паничъ изъ Полтавы. Ѳомы Григорьевича я не считаю: то уже свой человѣкъ. Разговорились всѣ (опять нужно вамъ замѣтить, что у насъ никогда о пустякахъ не бываетъ разговора: я всегда люблю приличные разговоры, чтобы, какъ говорятъ, вмѣстѣ и услажденіе и назидательность была),—раз-

говорились объ томъ, какъ нужно солить яблоки. Старуха моя начала было говорить, что нужно напередъ хорошенько вымыть яблоки, потомъ намочить въ квасу, а потомъ уже... „Ничего изъ этого не будетъ!“ подхватилъ полтавецъ, заложивши руку въ гороховый кафтанъ свой и прошедши важнымъ шагомъ по комнатѣ: „ничего не будетъ! Прежде всего нужно пересыпать кануперомъ, а потомъ уже“... Ну, я на васъ ссылаюсь, любезные читатели, скажите по совѣсти: слышали ли вы когда-нибудь, чтобы яблоки пересыпали кануперомъ? Правда, кладутъ смородинный листъ, нечуй-вѣтеръ, трилистникъ; но чтобы клали канулеръ... нѣтъ, я не слыхивалъ объ этомъ, Уже, кажется, лучше моей старухи никто не знаетъ про эти дѣла. Ну, говорите же вы! Нарочно, какъ добраго человѣка, отвелъ я его потихоньку въ сторону: „Слушай, Макаръ Назаровичъ, эй, не смѣши народъ! Ты человѣкъ немаловажный: самъ, какъ говоришь, обѣдалъ разъ съ губернаторомъ за однимъ столомъ. Ну, скажешь что-нибудь подобное тамъ, вѣдь тебя же осмѣютъ всѣ!“ Чтожъ бы, вы думали, онъ сказалъ на это?—Ничего! плюнулъ на полъ, взялъ шапку и вышелъ. Хоть бы простился съ кѣмъ, хоть бы кивнулъ кому головою: только слышали мы, какъ подъѣхала къ воротамъ телѣжка со звонкомъ; сѣлъ и уѣхалъ. И лучше! Не нужно намъ такихъ гостей! Я вамъ скажу, любезные читатели, что хуже нѣтъ ничего на свѣтѣ, какъ эта знать. Что его дядя былъ когда-то комиссаромъ, такъ и носъ несетъ вверхъ. Да будто комиссаръ такой уже чинъ, что выше нѣтъ на свѣтѣ? Слава Богу, есть и больше комиссара. Нѣтъ, не люблю я этой знати. Вотъ вамъ въ примѣръ Ѳома Григорьевичъ; кажется, и не знатный человѣкъ, а посмотрѣть на него: въ лицѣ какая-то важность сіяетъ, даже когда станетъ нюхать обыкновенный табакъ, и тогда чувствуешь невольное почтеніе. Въ церкви, когда запоетъ на крылосѣ,—умиленіе неизобразимое! Растаялъ бы, казалось, весь!.. А тотъ... ну, Богъ съ нимъ! Онъ думаетъ, что безъ его сказокъ и обойтиться нельзя. Вотъ, все-же-таки набралась книжка.

Я, помнится, обѣщалъ вамъ, что въ этой книжкѣ будетъ и моя сказка. И точно, хотѣлъ было это сдѣлать, но увидѣлъ, что для сказки моей нужно, по крайней мѣрѣ, три такихъ книжки. Думалъ было особо напечатать ее, но передумалъ. Вѣдь я знаю васъ: станете смѣяться надъ старикомъ. Нѣтъ, не хочу! Прощайте! Долго, а, можетъ быть, совсѣмъ не увидимся. Да что? вѣдь вамъ все равно, хоть бы и не было совсѣмъ меня на свѣтѣ. Пройдетъ годъ, другой,—и изъ васъ никто послѣ не вспомнитъ и не пожалѣетъ о старомъ пасичникѣ Рудомъ Панькѣ.

Ночь передъ Рождествомъ

ослѣдній день передъ Рождествомъ прошелъ. Зимняя, ясная ночь наступила; глянули звѣзды; мѣсяцъ величаво поднялся на небо посвѣтить добрымъ людямъ и всему міру, чтобы всѣмъ было весело колядовать и славить Христа *). Морозило сильнѣе, чѣмъ съ утра; но зато такъ было тихо, что скрипъ мороза подъ сапогомъ слышался за полверсты. Еще ни одна толпа парубковъ не показывалась подъ окнами хатъ; мѣсяцъ одинъ только заглядывалъ въ нихъ украдкою, какъ бы вызы-

*) Колядовать у насъ называется пѣть подъ окнами наканунѣ Рождества пѣсни, которыя называются колядками. Тому, кто колядуетъ, всегда кинетъ въ мѣшокъ хозяйка, или хозяинъ, или кто остается дома, колбасу или хлѣбъ, или мѣдный грошъ, чѣмъ кто богатъ. Говорятъ, что былъ когда-то болванъ Коляда, котораго принимали за Бога, и что будто отъ того пошли и колядки. Кто это знаетъ? Не намъ, простымъ людямъ, объ этомъ толковать. Прошлый годъ отецъ Осипъ запретилъ было колядовать по хуторамъ, говоря, что будто этимъ народъ угождаетъ сатанѣ. Однакожъ, если сказать правду, то въ колядкахъ и слова нѣтъ про Коляду. Поютъ часто про Рождество Христово, а при концѣ желаютъ здоровья хозяину, хозяйкѣ, дѣтямъ и всему дому.

Замѣчаніе пасичника.

вая принаряживавшихся дѣвушекъ выбѣжать скорѣе на скрипучій снѣгъ. Тутъ черезъ трубу одной хаты клубами повалилъ дымъ и пошелъ тучею по небу, и, вмѣстѣ съ дымомъ, поднялась вѣдьма верхомъ на метлѣ.

Если бы въ это время проѣзжалъ Сорочинскій засѣдатель на тройкѣ обывательскихъ лошадей, въ шапкѣ съ барашковымъ околышкомъ, сдѣланной по манеру уланскому, въ синемъ тулупѣ, подбитомъ черными смушками, съ дьявольски сплетенною плетью, которою имѣетъ онъ обыкновеніе подгонять своего ямщика, то онъ вѣрно бы примѣтилъ ее, потому что отъ Сорочинскаго засѣдателя ни одна вѣдьма на свѣтѣ не ускользнетъ. Онъ знаетъ наперечетъ, сколько у каждой бабы свинья мечетъ поросятъ, и сколько въ сундукѣ лежитъ полотна, и что именно изъ своего платья и хозяйства заложитъ добрый человѣкъ, въ воскресный день, въ шинкѣ. Но Сорочинскій засѣдатель не проѣзжалъ, да и какое ему дѣло до чужихъ,—у него своя волость. А вѣдьма между тѣмъ поднялась такъ высоко, что однимъ только чернымъ пятнышкомъ мелькала вверху. Но гдѣ ни показывалось пятнышко, тамъ звѣзды, одна за другою, пропадали на небѣ. Скоро вѣдьма набрала ихъ полный рукавъ. Три или четыре еще блестѣли. Вдругъ, съ противной стороны, показалось другое пятнышко, увеличилось, стало растягиваться, и уже было не пятнышко. Близорукій, хотя бы надѣлъ на носъ, вмѣсто очковъ, колеса съ комиссаровой брички, и тогда бы не распозналъ, что это такое. Спереди совершенно нѣмецъ *): узенькая, безпрестанно вертѣвшаяся и нюхавшая все, что ни попадалось, мордочка оканчивалась, какъ и у нашихъ свиней, кругленькимъ пятачкомъ; ноги были такъ тонки, что если бы такія имѣлъ Ересковскій голова, то онъ переломалъ бы ихъ въ первомъ козачкѣ. Но зато сзади онъ былъ настоящій губернскій стряпчій въ мундирѣ, потому что у него висѣлъ хвостъ, такой острый и длинный, какъ теперешнія мундирныя фалды; только развѣ по козлиной бородѣ подъ мордой, по небольшимъ рожкамъ, торчавшимъ на головѣ, и что весь былъ не бѣлѣе трубочиста, можно было догадаться, что онъ не нѣмецъ и не губернскій стряпчій, а просто чортъ, которому послѣдняя ночь осталась шататься по бѣлому свѣту и выучивать грѣхамъ добрыхъ людей. Завтра же, съ первыми колоколами къ заутренѣ, побѣжитъ онъ безъ оглядки, поджавши хвостъ, въ свою берлогу.

*) Нѣмцемъ называютъ у насъ всякаго, кто только изъ чужой земли, хоть будь онъ французъ, или цесарецъ, или шведъ—все нѣмецъ.

Между тѣмъ чортъ крался потихоньку къ мѣсяцу и уже протянулъ было руку схватить его; но вдругъ отдернулъ ее назадъ, какъ бы обжегшись, пососалъ пальцы, заболталъ ногою и забѣжалъ съ другой стороны, и снова отскочилъ и отдернулъ руку. Однакожъ, несмотря на всѣ неудачи, хитрый чортъ не оставилъ своихъ проказъ. Подбѣжавши, вдругъ схватилъ онъ обѣими руками мѣсяцъ: кривляясь и дуя, перекидывалъ его изъ одной руки въ другую, какъ мужикъ, доставшій голыми руками огонь для своей люльки; наконецъ, поспѣшно спряталъ въ карманъ и, какъ будто ни въ чемъ не бывало, побѣжалъ далѣе.

Въ Диканькѣ никто не слышалъ, какъ чортъ укралъ мѣсяцъ. Правда, волостной писарь, выходя на четвереренькахъ изъ шинка, видѣлъ, что мѣсяцъ, ни съ того, ни съ сего, танцовалъ на небѣ, и увѣрялъ съ божбою въ томъ все село; но міряне качали головами и даже подымали его на смѣхъ. Но какая же была причина рѣшиться чорту на такое беззаконное дѣло? А вотъ какая: онъ зналъ, что богатый козакъ Чубъ приглашенъ дьякомъ на кутью, гдѣ будутъ: голова, пріѣхавшій изъ архіерейской пѣвческой родичъ дьяка, въ синемъ сюртукѣ, бравшій самаго низкаго баса, козакъ Свербыгузъ и еще кое-кто; гдѣ, кромѣ кутьи, будетъ варенуха, перегонная на шафранъ водка и много всякаго съѣстного. А между тѣмъ его дочка, красавица на всемъ селѣ, останется дома, а къ дочкѣ, навѣрное, придетъ кузнецъ, силачъ и дѣтина хоть куда, который чорту былъ противнѣе проповѣдей отца Кондрата. Въ досужее отъ дѣлъ время кузнецъ занимался малеваніемъ и слылъ лучшимъ живописцемъ во всемъ околоткѣ. Самъ, еще тогда здравствовавшій, сотникъ Л....ко вызывалъ его нарочно въ Полтаву выкрасить досчатый заборъ около его дома. Всѣ миски, изъ которыхъ диканьскіе козаки хлебали борщъ, были размалеваны кузнецомъ. Кузнецъ былъ богобоязливый человѣкъ и писалъ часто образа святыхъ: и теперь еще можно найти въ Т... церкви его евангелиста Луку. Но торжествомъ его искусства была одна картина, намалеванная на стѣнѣ церковной въ правомъ притворѣ, на которой изобразилъ онъ святого Петра въ день страшнаго суда, съ ключами въ рукахъ, изгонявшаго изъ ада злого духа: испуганный чортъ метался во всѣ стороны, предчувствуя свою погибель, а заключенные прежде грѣшники били и гоняли его кнутами, полѣнами и всѣмъ, чѣмъ ни попало. Въ то время, когда живописецъ трудился надъ этою картиною и писалъ ее на большой деревянной доскѣ, чортъ всѣми силами старался мѣшать ему: толкалъ невидимо подъ руку, подымалъ изъ горнила въ кузницѣ

золу и обсыпалъ ею картину; но, несмотря на все, работа была кончена, доска внесена въ церковь и вдѣлана въ стѣну притвора, и съ той поры чортъ поклялся мстить кузнецу.

Одна только ночь оставалась ему шататься на бѣломъ свѣтѣ; но и въ эту ночь онъ выискивалъ чѣмъ-нибудь выместить на кузнецѣ свою злобу. И для этого рѣшился украсть мѣсяцъ, въ той надеждѣ, что старый Чубъ лѣнивъ и не легокъ на подъемъ, къ дьяку же отъ избы не такъ близко: дорога шла по заселамъ мимо мельницъ, мимо кладбища, огибала оврагъ. Еще при мѣсячной ночи варенуха и водка, настоянная на шафранѣ, могла бы заманить Чуба; но въ такую темноту врядъ ли бы удалось кому стащить его съ печки и вызвать изъ хаты. А кузнецъ, который былъ издавна не въ ладахъ съ нимъ, при немъ ни за что не отважится идти къ дочкѣ, несмотря на свою силу.

Такимъ-то образомъ, какъ только чортъ спряталъ въ карманъ свой мѣсяцъ, вдругъ по всему міру сдѣлалось такъ темно, что не всякій бы нашелъ дорогу къ шинку, не только къ дьяку. Вѣдьма, увидѣвши себя вдругъ въ темнотѣ, вскрикнула. Тутъ чортъ, подъѣхавши мелкимъ бѣсомъ, подхватилъ ее подъ руку и пустился нашептывать на ухо то самое, что обыкновенно нашептываютъ всему женскому роду. Чудно устроено на нашемъ свѣтѣ! Все, что ни живетъ въ немъ, все силится перенимать и передразнивать одинъ другого. Прежде, бывало, въ Миргородѣ одинъ судья да городничій хаживали зимою въ крытыхъ сукномъ тулупахъ, а все мелкое чиновничество носило просто нагольные: теперь же и засѣдатель, и подкоморій отсмолили себѣ новыя шубы изъ рѣшетиловскихъ смушекъ съ суконною покрышкою. Канцеляристъ и волостной писарь третьяго года взяли синей китайки по шести гривенъ аршинъ. Пономарь сдѣлалъ себѣ нанковыя на лѣто шаровары и жилетъ изъ полосатаго гаруса. Словомъ, все лѣзетъ въ люди! Когда это люди не будутъ суетны! Можно побиться объ закладъ, что многимъ покажется удивительно видѣть чорта, пустившагося и себѣ туда же. Досаднѣе всего то, что онъ, вѣрно, воображаетъ себя красавцемъ, между тѣмъ какъ фигура — взглянуть совѣстно. Рожа, какъ говоритъ Ѳома Григорьевичъ, мерзость-мерзостью, однакожъ, и онъ строитъ любовныя куры! Но на небѣ и подъ небомъ такъ сдѣлалось темно, что ничего нельзя уже было видѣть, что происходило далѣе между ними.

„Такъ ты, кумъ, еще не былъ у дьяка въ новой хатѣ?“ говорилъ козакъ Чубъ, выходя изъ дверей своей избы, сухощавому, высокому, въ короткомъ тулупѣ, мужику съ обросшею

бородою, показывавшею, что уже болѣе двухъ недѣль не прикасался къ ней обломокъ косы, которымъ обыкновенно мужики бреютъ свою бороду, за неимѣніемъ бритвы. „Тамъ теперь будетъ добрая попойка!“ продолжалъ Чубъ, осклабивъ при этомъ свое лицо. „Какъ бы только намъ не опоздать!“

При семъ Чубъ поправилъ свой поясъ, перехватывавшій плотно его тулупъ, нахлобучилъ крѣпче свою шапку, стиснулъ въ рукѣ кнутъ—страхъ и грозу докучливыхъ собакъ; но, взглянувъ вверхъ, остановился... „Что за дьяволъ! Смотри! смотри, Панасъ!“...

„Что?“ произнесъ кумъ и поднялъ свою голову также вверхъ.

„Какъ, что? Мѣсяца нѣтъ!“

„Что за пропасть! Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ мѣсяца“.

„То-то, что нѣтъ!“ выговорилъ Чубъ съ нѣкоторою досадою на неизмѣнное равнодушіе кума. „Тебѣ, небось, и нужды нѣтъ.“

„А что мнѣ дѣлать?“

„Надобно же было,“ продолжалъ Чубъ, утирая рукавомъ усы, „какому-то дьяволу—чтобъ ему не довелось, собакѣ, поутру рюмки водки выпить!—вмѣшаться... Право, какъ будто на смѣхъ... Нарочно, сидѣвши въ хатѣ, глядѣлъ въ окно: ночь—чудо! Свѣтло, снѣгъ блещетъ при мѣсяцѣ; все было видно, какъ днемъ. Не успѣлъ выйти за дверь, и вотъ, хоть глазъ выколи! Чтобъ ему переломались объ черствый гречаникъ всѣ зубы!“

Чубъ долго еще ворчалъ и бранился, а между тѣмъ, въ то же время, раздумывалъ, на что бы рѣшиться. Ему до смерти хотѣлось покалякать о всякомъ вздорѣ у дьяка, гдѣ, безъ всякаго сомнѣнія, сидѣлъ уже и голова, и пріѣзжій басъ, и дегтярь Микита, ѣздившій черезъ каждыя двѣ недѣли въ Полтаву на торги и отпускавшій такія штуки, что всѣ міряне брались за животы со смѣху. Уже видѣлъ Чубъ мысленно стоявшую на столѣ варенуху. Все это было заманчиво, правда; но темнота ночи напомнила ему о той лѣни, которая такъ мила всѣмъ козакамъ. Какъ бы хорошо теперь лежать, поджавши подъ себя ноги, на лежанкѣ, курить спокойно люльку и слушать сквозь упоительную дремоту колядки и пѣсни веселыхъ парубковъ и дѣвушекъ, толпящихся кучами подъ окнами! Онъ бы, безъ всякаго сомнѣнія, рѣшился на послѣднее, если бы былъ одинъ; но теперь обоимъ не такъ скучно и страшно идти темною ночью, да и не хотѣлось таки показаться передъ другими лѣнивымъ или трусливымъ. Окончивши побранки, обратился онъ снова къ куму.

„Такъ нѣтъ, кумъ, мѣсяца?“

„Нѣтъ.“

„Чудно, право! А дай понюхать табаку! У тебя, кумъ, славный табакъ! Гдѣ ты берешь его?“

„Кой чортъ, славный!“ отвѣчалъ кумъ, закрывая берестовую тавлинку, исколотую узорами: „старая курица не чихнетъ!“

„Я помню“, продолжалъ все такъ же Чубъ; „мнѣ покойный шинкарь Зузуля разъ привезъ табаку изъ Нѣжина. Эхъ, табакъ былъ! Добрый табакъ былъ! Такъ что же, кумъ, какъ намъ быть? Вѣдь темно на дворѣ“.

„Такъ, пожалуй, останемся дома“, произнесъ кумъ, ухватясь за ручку двери.

Если бы кумъ не сказалъ этого, то Чубъ навѣрно бы рѣшился остаться; но теперь его какъ будто что-то дергало идти наперекоръ. „Нѣтъ, кумъ, пойдемъ! Нельзя, нужно идти!“

Сказавши это, онъ уже и досадовалъ на себя, что сказалъ. Ему было очень непріятно тащиться въ такую ночь, но его утѣшало то, что онъ самъ нарочно этого захотѣлъ и сдѣлалъ-таки не такъ, какъ ему совѣтовали.

Кумъ, не выразивъ на лицѣ своемъ ни малѣйшаго движенія досады, какъ человѣкъ, которому рѣшительно все равно, сидѣть ли дома, или тащиться изъ дому, осмотрѣлся, почесалъ палочкой батога свои плечи,—и два кума отправились въ дорогу.

Теперь посмотримъ, что дѣлаетъ, оставшись одна, красавица-дочка. Оксанѣ не минуло еще и семнадцати лѣтъ, какъ во всемъ почти свѣтѣ, и по ту сторону Диканьки, и по эту сторону Диканьки, только и рѣчей было, что про нее. Парубки гуртомъ провозгласили, что лучшей дѣвки и не было еще никогда, и не будетъ никогда на селѣ. Оксана знала и слышала все, что про нее говорили, и была капризна, какъ красавица. Если бы она ходила не въ плахтѣ и запаскѣ, а въ какомъ-нибудь капотѣ, то разогнала бы всѣхъ своихъ дѣвокъ. Парубки гонялись за нею толпами; но потерявши терпѣніе, оставляли мало-по-малу своенравную красавицу и обращались къ другимъ, не такъ избалованнымъ. Одинъ только кузнецъ былъ упрямъ и не оставлялъ своего волокитства, несмотря на то, что и съ нимъ поступали ничуть не лучше, чѣмъ съ другими. По выходѣ отца своего, Оксана долго еще принаряжалась и жеманилась передъ небольшимъ, въ оловянныхъ рамкахъ, зеркаломъ и не могла налюбоваться собою.

„Что людямъ вздумалось разславлять, будто я хороша?“ говорила она, какъ бы разсѣянно, для того только, чтобы объ

чемъ-нибудь поболтать съ собою. „Лгутъ люди, я совсѣмъ не хороша!“

Но мелькнувшее въ зеркалѣ свѣжее, живое, въ дѣтской юности лицо, съ блестящими черными очами и невыразимо пріятной усмѣшкой, прожигавшей душу, вдругъ доказало противное.

„Развѣ черныя брови и очи мои“, продолжала красавица, не выпуская зеркала: „такъ хороши, что уже равныхъ имъ нѣтъ и на свѣтѣ? Что тутъ хорошаго въ этомъ вздернутомъ кверху носѣ? и въ щекахъ? и въ губахъ? Будто хороши мои черныя косы? Ухъ, ихъ можно испугаться вечеромъ: онѣ какъ длинныя змѣи, перевились и обвились вокругъ моей головы. Я вижу теперь, что я совсѣмъ не хороша!“ И, отодвигая нѣсколько подалѣе отъ себя зеркало, вскрикнула: „Нѣтъ, хороша я! Ахъ, какъ хороша! Чудо! Какую радость принесу я тому, чьей буду женою! Какъ будетъ любоваться мною мой мужъ! Онъ не вспомнитъ себя отъ радости. Онъ зацѣлуетъ меня на смерть.“

„Чудная дѣвка!“ прошепталъ вошедшій тихо кузнецъ. „И хвастовства у нея мало! Съ часъ стоитъ, глядясь въ зеркало, и не наглядится, и еще хвалитъ себя вслухъ!“

„Да, парубки, вамъ ли чета я? Вы поглядите на меня“, продолжала хорошенькая кокетка: „какъ я плавно выступаю; у меня сорочка шита краснымъ шелкомъ. А какія ленты на головѣ! Вамъ вѣкъ не увидать богаче галуна! Все это накупилъ мнѣ отецъ мой для того, чтобы на мнѣ женился самый лучшій молодецъ на свѣтѣ“. И, усмѣхнувшись, поворотилась она въ другую сторону и увидѣла кузнеца...

Вскрикнула и сурово остановилась передъ нимъ.

Кузнецъ и руки опустилъ.

Трудно разсказать, что выражало смугловатое лицо чудной дѣвушки: и суровость въ немъ была видна, и сквозь суровость какая-то издѣвка надъ смутившимся кузнецомъ, и едва замѣтная краска досады тонко разливалась по лицу; и все это такъ смѣшалось и такъ было неизобразимо-хорошо, что расцѣловать ее милліонъ разъ—вотъ все, что можно было сдѣлать тогда наилучшаго.

„Зачѣмъ ты пришелъ сюда?“ такъ начала говорить Оксана. „Развѣ хочется, чтобы я выгнала тебя за дверь лопатою? Вы всѣ мастера подъѣзжать къ намъ. Вмигъ пронюхаете, когда отцовъ нѣтъ дома. О, я знаю васъ! Что, сундукъ мой готовъ?“

„Будетъ готовъ, мое серденько, послѣ праздника будетъ готовъ. Если бы ты знала, сколько возился около него: двѣ ночи не выходилъ изъ кузницы. Зато ни у одной поповны

не будетъ такого сундука. Желѣзо на оковку положилъ такое, какого не клалъ въ сотникову таратайку, когда ходилъ на работу въ Полтаву. А какъ будетъ расписанъ! Хоть весь околотокъ выходи своими бѣленькими ножками, не найдешь такого! По всему полю будутъ раскиданы красные и синіе цвѣты. Горѣть будетъ, какъ жаръ. Не сердись же на меня! Позволь хоть поговорить, хоть поглядѣть на тебя!"

„Кто-жъ тебѣ запрещаетъ? Говори и гляди!"

Тутъ сѣла она на лавку и снова взглянула въ зеркало и стала поправлять на головѣ свои косы. Взглянула на шею, на новую сорочку, вышитую шелкомъ, и тонкое чувство самодовольствія выразилось на устахъ, на свѣжихъ ланитахъ и отсвѣтилось въ очахъ.

„Позволь и мнѣ сѣсть возлѣ тебя!" сказалъ кузнецъ.

„Садись", проговорила Оксана, сохраняя въ устахъ и въ довольныхъ очахъ то же самое чувство.

„Чудная, ненаглядная Оксана, позволь поцѣловать тебя!" произнесъ ободренный кузнецъ и прижалъ ее къ себѣ, въ намѣреніи схватить поцѣлуй. Но Оксана отклонила свои щеки, находившіяся уже на непримѣтномъ разстояніи отъ губъ кузнеца и оттолкнула его.—„Чего тебѣ еще хочется? Ему, когда медъ, такъ и ложка нужна! Поди прочь, у тебя руки жестче желѣза. Да и самъ ты пахнешь дымомъ. Я думаю, меня всю обмаралъ своею сажею".

Тутъ она поднесла зеркало и снова начала передъ нимъ охорашиваться.

„Не любитъ она меня!" думалъ про себя, повѣся голову, кузнецъ. „Ей все игрушки; а я стою передъ нею, какъ дуракъ, и очей не свожу съ нея. И все бы стоялъ передъ нею, и вѣкъ бы не сводилъ съ нея очей! Чудная дѣвка! Чего бы я не далъ, чтобы узнать, что у нея на сердцѣ, кого она любитъ. Но нѣтъ, ей и нужды нѣтъ ни до кого. Она любуется сама собою; мучитъ меня бѣднаго, а я за грустью не вижу свѣта. А я ее такъ люблю, какъ ни одинъ человѣкъ на свѣтѣ не любилъ и не будетъ никогда любить".

„Правда ли, что твоя мать вѣдьма?" произнесла Оксана и засмѣялась; и кузнецъ почувствовалъ, что внутри его все засмѣялось. Смѣхъ этотъ какъ будто разомъ отозвался въ сердцѣ и въ тихо встрепенувшихся жилахъ, и за всѣмъ тѣмъ досада запала въ его душу, что онъ не во власти расцѣловать такъ пріятно засмѣявшееся лицо.

„Что мнѣ до матери? ты у меня мать и отецъ, и все, что ни есть дорогого на свѣтѣ. Если-бъ меня призвалъ царь и сказалъ: „Кузнецъ Вакула, проси у меня всего, что ни есть

лучшаго въ моемъ царствѣ, все отдамъ тебѣ. Прикажу тебѣ сдѣлать золотую кузницу, и станешь ты ковать серебряными молотами".—„Не хочу", сказалъ бы я царю, „ни каменьевъ дорогихъ, ни золотой кузницы, ни всего твоего царства: дай мнѣ лучше мою Оксану!"

„Видишь, какой ты! Только отецъ мой самъ не промахъ. Увидишь, когда онъ не женится на твоей матери!" проговорила, лукаво усмѣхнувшись, Оксана. „Однакожъ, дѣвчата не приходятъ... Чтобъ это значило? Давно уже пора колядовать, мнѣ становится скучно".

„Богъ съ ними, моя красавица!"

„Какъ бы не такъ! Съ ними, вѣрно, придутъ парубки. Тутъ-то пойдутъ балы. Воображаю, какихъ наговорятъ смѣшныхъ исторій!"

„Такъ тебѣ весело съ ними?"

„Да ужъ веселѣе, чѣмъ съ тобою. А! кто-то стукнулъ; вѣрно, дѣвчата съ парубками".

„Чего мнѣ больше ждать?" говорилъ самъ съ собою кузнецъ. „Она издѣвается надо мною. Ей я столько же дорогъ, какъ перержавѣвшая подкова. Но если-жъ такъ, не достанется по крайней мѣрѣ другому посмѣяться надо мною. Пусть только я навѣрное замѣчу, кто ей нравится болѣе моего, я отучу"...

Стукъ въ дверь и рѣзко зазвучавшій на морозѣ голосъ: „отвори!" прервалъ его размышленія.

„Постой, я самъ отворю", сказалъ кузнецъ и вышелъ въ сѣни, въ намѣреніи отломать съ досады бока первому попавшемуся человѣку.

Морозъ увеличился, и вверху такъ сдѣлалось холодно, что чортъ перепрыгивалъ съ одного копытца на другое и дулъ себѣ въ кулакъ, желая сколько-нибудь отогрѣть мерзнувшія руки. Не мудрено, однакожъ, и озябнуть тому, кто толкался отъ утра до утра въ аду, гдѣ, какъ извѣстно, не такъ холодно, какъ у насъ зимою, и гдѣ, надѣвши колпакъ и ставши передъ очагомъ, будто въ самомъ дѣлѣ кухмистеръ, поджаривалъ онъ грѣшниковъ съ такимъ удовольствіемъ, съ какимъ обыкновенно баба жаритъ на Рождество колбасу.

Вѣдьма сама почувствовала, что холодно, несмотря на то, что была тепло одѣта; и потому, поднявши руки кверху, отставила ногу и, приведши себя въ такое положеніе, какъ человѣкъ, летящій наونькахъ, не сдвинувшись ни однимъ суставомъ, спустилась по воздуху, будто по ледяной покатой горѣ, и прямо въ трубу.

Чортъ такимъ же порядкомъ отправился вслѣдъ за нею. Но такъ какъ это животное проворнѣе всякаго франта въ чулкахъ, то не мудрено, что онъ наѣхалъ при самомъ входѣ въ трубу на шею своей любовницы, и оба очутились въ просторной печкѣ между горшками.

Путешественница отодвинула потихоньку заслонку, поглядѣть, не назвалъ ли сынъ ея Вакула въ хату гостей; но, увидѣвши, что никого не было, выключая только мѣшки, которые лежали посереди хаты, вылѣзла изъ печи, скинула теплый кожухъ, оправилась, и никто бы не могъ узнать, что она за минуту назадъ ѣздила на метлѣ.

Мать кузнеца Вакулы имѣла отъ роду не больше сорока лѣтъ. Она была ни хороша, ни дурна собою. Трудно и быть хорошею въ такіе годы. Однакожъ, она такъ умѣла причаровать къ себѣ самыхъ степенныхъ козаковъ (которымъ, не мѣшаетъ между прочимъ замѣтить, мало было нужды до красоты), что къ ней хаживалъ и голова, и дьякъ Осипъ Никифоровичъ (конечно, если дьячихи не было дома), и козакъ Корній Чубъ, и козакъ Касьянъ Свербыгузъ. И, къ чести ея сказать, она умѣла искусно обходиться съ ними: ни одному изъ нихъ и въ умъ не приходило, что у него есть соперникъ. Шелъ ли набожный мужикъ, или дворянинъ, какъ называютъ себя козаки, одѣтый въ кобенякъ съ видлогою, въ воскресенье въ церковь, или, если дурная погода, въ шинокъ,—какъ не зайти къ Солохѣ, не поѣсть жирныхъ съ сметаною вареииковъ и не поболтать въ теплой избѣ съ говорливой и угодливой хозяйкой? И дворянинъ нарочно для этого давалъ большой крюкъ, прежде чѣмъ достигалъ шинка, и называлъ это—заходить по дорогѣ. А пойдетъ ли, бывало, Солоха, въ праздникъ, въ церковь, надѣвши яркую плахту съ китайчатою запаскою, а сверхъ ея синюю юбку, на которой сзади нашиты были золотые усы, и станетъ прямо близь праваго крылоса, то дьякъ уже, вѣрно, закашливался и прищуривалъ невольно въ ту сторону глаза; голова гладилъ усы, заматывалъ за ухо оселедецъ и говорилъ стоявшему близь его сосѣду: „Эхъ, добрая баба! чортъ-баба!“ Солоха кланялась каждому, и каждый думалъ, что она кланяется ему одному.

Но охотникъ мѣшаться въ чужія дѣла тотчасъ бы замѣтилъ, что Солоха была привѣтливѣе всего съ козакомъ Чубомъ. Чубъ былъ вдовъ. Восемь скирдъ хлѣба всегда стояли передъ его хатою. Двѣ пары дюжихъ воловъ всякій разъ высовывали свои головы изъ плетенаго сарая на улицу и мычали, когда завидывали шедшую куму-корову, или дядю-толстаго быка. Бородатый козелъ взбирался на самую крышу

и дребезжалъ оттуда рѣзкимъ голосомъ, какъ городничій, дразня выступавшихъ по двору индѣекъ и оборачиваясь задомъ, когда завидывалъ своихъ непріятелей — мальчишекъ, издѣвавшихся надъ его бородою. Въ сундукахъ у Чуба водилось много полотна, жупановъ и старинныхъ кунтушей съ золотыми галунами: покойная жена его была щеголиха. Въ огородѣ, кромѣ маку, капусты, подсолнечниковъ, засѣвалось еще каждый годъ двѣ нивы табаку. Все это Солоха находила не лишнимъ присоединить къ своему хозяйству, заранѣе размышляя о томъ, какой оно приметъ порядокъ, когда перейдетъ въ ея руки, и удвоивала благосклонность къ старому Чубу. А чтобы какимъ-нибудь образомъ сынъ ея Вакула не подъѣхалъ къ его дочери и не успѣлъ прибрать всего себѣ, и тогда бы, навѣрно, не допустилъ ее мѣшаться ни во что, она прибѣгнула къ обыкновенному средству всѣхъ сорокалѣтнихъ кумушекъ—ссорить, какъ можно чаще, Чуба съ кузнецомъ. Можетъ быть, эти самыя хитрости и смѣтливость ея были виною, что кое-гдѣ начали поговаривать старухи, особливо, когда выпивали гдѣ-нибудь на веселой сходкѣ лишнее, что Солоха точно вѣдьма; что парубокъ Кизяколупенко видѣлъ у нея сзади хвостъ, величиною не болѣе бабьяго веретена; что она еще въ позапрошлый четвергъ черною кошкою перебѣжала дорогу; что къ попадьѣ разъ прибѣжала свинья, закричала пѣтухомъ, надѣла на голову шапку отца Кондрата и убѣжала назадъ.

Случилось, что тогда, когда старушки толковали объ этомъ, пришелъ какой-то коровій пастухъ Тымишъ Коростявый. Онъ не преминулъ разсказать, какъ лѣтомъ, передъ самыми петровками, когда онъ легъ спать въ хлѣву, подмостивши подъ голову солому, видѣлъ собственными глазами, что вѣдьма, съ распущенною косою, въ одной рубашкѣ, начала доить коровъ, а онъ не могъ пошевельнуться,—такъ былъ околдованъ, и помазала его губы чѣмъ-то такимъ гадкимъ, что онъ плевалъ послѣ того цѣлый день. Но все это что-то сомнительно, потому что одинъ только Сорочинскій засѣдатель можетъ увидѣть вѣдьму. И оттого всѣ именитые козаки махали руками, когда слышали такія рѣчи. „Брешутъ, сучи бабы!“ бывалъ обыкновенный отвѣтъ ихъ.

Вылѣзши изъ печки и оправившись, Солоха, какъ добрая хозяйка, начала убирать и ставить все къ своему мѣсту; но мѣшковъ не тронула: „это Вакула принесъ, пусть же самъ и вынесетъ!“ Чортъ, между тѣмъ, когда еще влеталъ въ трубу, какъ-то нечаянно оборотившись, увидѣлъ Чуба, объ руку съ кумомъ, уже далеко отъ избы. Вмигъ вылетѣлъ онъ изъ печки,

перебѣжалъ имъ дорогу и началъ разрывать со всѣхъ сторонъ кучи замерзшаго снѣгу. Поднялась метель. Въ воздухѣ забѣлѣло. Снѣгъ метался взадъ и впередъ сѣткою и угрожалъ залѣпить глаза, ротъ и уши пѣшеходамъ. А чортъ улетѣлъ снова въ трубу, въ твердой увѣренности, что Чубъ возвратится съ кумомъ назадъ, застанетъ кузнеца и, навѣрное, отпочтуетъ его такъ, что онъ долго будетъ не въ силахъ взять въ руки кисть и малевать обидныя карикатуры.

Въ самомъ дѣлѣ, едва только поднялась мятель, и вѣтеръ сталъ рѣзать прямо въ глаза, какъ Чубъ уже изъявилъ раскаяніе и, нахлобучивая глубже на голову капелюхи, угощалъ побранками себя, чорта и кума. Впрочемъ, эта досада была притворная. Чубъ очень радъ былъ поднявшейся метели. До дьяка еще оставалось въ восемь разъ больше того разстоянія, которое они прошли. Путешественники поворотили назадъ. Вѣтеръ дулъ въ затылокъ, но сквозь метущій снѣгъ ничего не было видно.

„Стой, кумъ! мы, кажется, не туда идемъ“, сказалъ, немного отошедши, Чубъ. „Я не вижу ни одной хаты. Эхъ, какая метель! Свороти-ка ты, кумъ, немного въ сторону,—не найдешь ли дороги, а я тѣмъ временемъ поищу здѣсь. Дернетъ же нечистая сила таскаться по такой вьюгѣ. Не забудь закричать, когда найдешь дорогу. Экъ, какую кучу снѣга напустилъ въ очи сатана!“

Дороги, однакожъ, не было видно. Кумъ, отошедши въ сторону, бродилъ въ длинныхъ сапогахъ взадъ и впередъ и, наконецъ, набрелъ прямо на шинокъ. Эта находка такъ его обрадовала, что онъ позабылъ все и, стряхнувши съ себя снѣгъ, вошелъ въ сѣни, нимало не безпокоясь объ оставшемся на улицѣ кумѣ. Чубу показалось между тѣмъ, что онъ нашелъ дорогу. Остановившись, принялся онъ кричать во все горло, но, видя, что кумъ не является, рѣшился итти самъ. Немного пройдя, увидѣлъ онъ свою хату. Сугробы снѣгу лежали около нея и на крышѣ. Хлопая озябшими на холодѣ руками, принялся онъ стучать въ дверь и кричать повелительно своей дочери отпереть ее.

„Чево тебѣ тутъ нужно?“ сурово закричалъ вышедшій кузнецъ.

Чубъ, узнавши голосъ кузнеца, отступилъ нѣсколько назадъ. „Э, нѣтъ, это не моя хата“, говорилъ онъ про себя: „въ мою хату не забредетъ кузнецъ. Опять же, если присмотрѣться хорошенько, то и не кузнецова. Чья бы была эта хата? Вотъ

на! не распозналъ! Эта хата хромого Левченка, который недавно женился на молодой женѣ. У него одного только хата похожа на мою. То-то мнѣ показалось и сначала немного чудно, что такъ скоро пришелъ домой. Однакожъ, Левченко сидитъ теперь у дьяка, это я знаю. Зачѣмъ же кузнецъ?.. Э, ге, ге, ге! онъ ходитъ къ его молодой женѣ. Вотъ какъ! Хорошо!.. Теперь я все понялъ".

„Кто ты такой и зачѣмъ таскаешься подъ дверями?" произнесъ кузнецъ суровѣе прежняго и подойдя ближе.

„Нѣтъ, не скажу ему, кто я", подумалъ Чубъ: „чего добраго, еще приколотитъ проклятый выродокъ!" И перемѣнивъ голосъ, отвѣчалъ: „Это я, человѣкъ добрый! Пришелъ вамъ на забаву поколядовать немного подъ окнами".

„Убирайся къ чорту съ своими колядками!" сердито закричалъ Вакула. „Что-жъ ты стоишь? Слышишь! Убирайся сей же часъ вонъ!"

Чубъ самъ уже имѣлъ это благоразумное намѣреніе; но ему досадно показалось, что принужденъ слушаться приказаній кузнеца. Казалось, какой-то злой духъ толкалъ его подъ руку и вынуждалъ сказать что-нибудь наперекоръ. „Что-жъ ты въ самомъ дѣлѣ такъ раскричался?" произнесъ онъ тѣмъ же голосомъ. „Я хочу колядовать, да и полно!"

„Эге! да ты, какъ вижу, отъ словъ не уймешься!" Вслѣдъ за сими словами Чубъ почувствовалъ пребольной ударъ въ плечо.

„Да вотъ это ты, какъ я вижу, начинаешь уже драться!" произнесъ онъ, немного отступая.

„Пошелъ, пошелъ!" кричалъ кузнецъ, наградивъ Чуба другимъ толчкомъ.

„Что жъ ты!" произнесъ Чубъ такимъ голосомъ, въ которомъ изображалась и боль, и досада, и робость. „Ты, я вижу, не въ шутку дерешься, и еще больно дерешься!"

„Пошелъ, пошелъ!" закричалъ кузнецъ и захлопнулъ дверь.

„Смотри, какъ расхрабрился!" говорилъ Чубъ, оставшись одинъ на улицѣ. „Попробуй, подойди! Вишь какой! Вотъ большая цаца. Ты думаешь, я на тебя суда не найду? Нѣтъ, голубчикъ, я пойду, и пойду прямо до комиссара. Ты у меня будешь знать! Я не посмотрю, что ты кузнецъ и маляръ. Однакожъ, посмотрѣть на спину и плечи: я думаю, синія пятна есть. Должно-быть, больно поколотилъ вражій сынъ. Жаль, что холодно и не хочется скидать кожуха. Постой ты, бѣсовскій кузнецъ, чтобъ чортъ поколотилъ и тебя, и твою кузницу: ты у меня напляшешься! Вишь, проклятый шибе-

никъ! Однакожъ, вѣдь теперь его нѣтъ дома. Солоха, думаю, сидитъ одна. Гм... Оно вѣдь недалеко отсюда,—пойти бы! Время теперь такое, что насъ никто не застанетъ. Можетъ, и того будетъ можно... Вишь, какъ больно поколотилъ проклятый кузнецъ!"

Тутъ Чубъ, почесавъ свою спину, отправился въ другую сторону. Пріятность, ожидавшая его впереди, при свиданіи съ Солохою, умаляла немного боль и дѣлала нечувствительнымъ и самый морозъ, который трещалъ по всѣмъ улицамъ, не заглушаемый свистомъ вьюги. По временамъ на лицѣ его, котораго бороду и усы метель намылила снѣгомъ проворнѣе всякаго цирюльника, тирански хватающаго за носъ свою жертву, показывалась полусладкая мина. Но если бы, однакожъ, снѣгъ не крестилъ взадъ и впередъ всего передъ глазами, то долго еще можно было бы видѣть, какъ Чубъ останавливался, почесывалъ спину, произносилъ: „Больно поколотилъ проклятый кузнецъ!" и снова отправлялся въ путь.

Въ то время, когда проворный франтъ съ хвостомъ и козлиною бородою леталъ изъ трубы и потомъ снова въ трубу, висѣвшая у него на перевязи при боку лядунка, въ которую онъ спряталъ украденный мѣсяцъ, какъ-то нечаянно зацѣпившись въ печкѣ, растворилась, и мѣсяцъ, пользуясь этимъ случаемъ, вылетѣлъ черезъ трубу Солохиной хаты и плавно поднялся по небу. Все освѣтилось. Метели какъ не бывало. Снѣгъ загорѣлся широкимъ серебрянымъ полемъ и весь осыпался хрустальными звѣздами. Морозъ какъ бы потеплѣлъ. Толпы парубковъ и дѣвушекъ показались съ мѣшками. Пѣсни зазвенѣли, и подъ рѣдкою хатою не толпились колядующіе.

Чудно блещетъ мѣсяцъ! Трудно разсказать, какъ хорошо потолкаться въ такую ночь между кучею хохочущихъ и поющихъ дѣвушекъ и между парубками, готовыми на всѣ шутки и выдумки, какія можетъ только внушить весело смѣющаяся ночь. Подъ плотнымъ кожухомъ тепло; отъ мороза еще живѣе горятъ щеки, а на шалости самъ лукавый подталкиваетъ сзади.

Кучи дѣвушекъ съ мѣшками вломились въ хату Чуба, окружили Оксану. Крикъ, хохотъ, разсказы оглушили кузнеца. Всѣ наперерывъ спѣшили разсказать красавицѣ что-нибудь новое, выгружали мѣшки и хвастались паляницами, колбасами, варениками, которыхъ успѣли уже набрать довольно за свои колядки. Оксана, казалось, была въ совершенномъ удовольствіи и радости, болтала то съ той, то съ другой, и хохотала безъ умолку.

Съ какой-то досадой и завистью глядѣлъ кузнецъ на такую веселость и на этотъ разъ проклиналъ колядки, хотя самъ бывалъ отъ нихъ безъ ума.

„Эй Одарка!“ сказала веселая красавица, оборотившись къ одной изъ дѣвушекъ: „у тебя новые черевики. Ахъ, какіе хорошіе! и съ золотомъ! Хорошо тебѣ, Одарка, у тебя есть такой человѣкъ, который все тебѣ покупаетъ, а мнѣ некому достать такіе славные черевички.“

„Не тужи, моя ненаглядная Оксана!“ подхватилъ кузнецъ: „я тебѣ достану такіе черевики, какіе рѣдкая панночка носитъ“.

„Ты?“ сказала Оксана, скоро и надменно поглядѣвъ на него. „Посмотрю я, гдѣ ты достанешь такіе черевики, которые могла бы я надѣть на свою ногу. Развѣ принесешь тѣ самые, которые носитъ царица?“

„Видишь, какихъ захотѣла!“ закричала со смѣхомъ дѣвичья толпа.

„Да!“ продолжала гордо красавица: „будьте всѣ вы свидѣтельницы: если кузнецъ Вакула принесетъ тѣ самые черевики, которые носитъ царица, то вотъ мое слово, что выйду тотъ же часъ за него замужъ“.

Дѣвушки увели съ собою капризную красавицу.

„Смѣйся! смѣйся!“ говорилъ кузнецъ, выходя вслѣдъ за ними. „Я самъ смѣюсь надъ собою! Думаю и не могу надумать, куда дѣвался мой умъ? Она меня не любитъ,—ну, Богъ съ ней! Будто только на всемъ свѣтѣ одна Оксана. Слава Богу, дѣвчатъ много хорошихъ и безъ нея на селѣ. Да что Оксана? изъ нея никогда не будетъ доброй хозяйки: она только мастерица рядиться. Нѣтъ, полно! Пора перестать дурачиться“.

Но въ самое то время, когда кузнецъ готовился быть рѣшительнымъ, какой-то злой духъ проносилъ передъ нимъ смѣющійся образъ Оксаны, говорившей насмѣшливо: „Достань, кузнецъ, царицыны черевики, выйду за тебя замужъ!“ Все въ немъ волновалось, и онъ думалъ только объ одной Оксанѣ.

Толпы колядующихъ, парубки особо, дѣвушки особо, спѣшили изъ одной улицы въ другую. Но кузнецъ шелъ и ничего не видалъ и не участвовалъ въ тѣхъ веселостяхъ, которыя когда-то любилъ болѣе всѣхъ.

Чортъ между тѣмъ не на шутку разнѣжился у Солохи; цѣловалъ ея руку съ такими ужимками, какъ засѣдатель у поповны, брался за сердце, охалъ и сказалъ напрямикъ, что если она не согласится удовлетворить его страсти и, какъ

водится, наградить, то онъ готовъ на все: кинется въ воду, а душу отправитъ прямо въ пекло. Солоха была не такъ жестока; притомъ же чортъ, какъ извѣстно, дѣйствовалъ съ нею заодно. Она таки любила видѣть волочившуюся за собою толпу и рѣдко бывала безъ компаніи. Этотъ вечеръ, однакожъ, думала провесть одна, потому что всѣ именитые обитатели села званы были на кутью къ дьяку. Но все пошло иначе: чортъ только что представилъ свое требованіе, какъ вдругъ послышался стукъ и голосъ дюжаго головы. Солоха побѣжала отворить дверь, а проворный чортъ влѣзъ въ лежавшій мѣшокъ.

Голова, стряхнувъ съ своихъ капелюхъ снѣгъ и выпивши изъ рукъ Солохи чарку водки, разсказалъ, что онъ не пошелъ къ дьяку, потому что поднялась метель; а, увидѣвши свѣтъ въ ея хатѣ, завернулъ къ ней, въ намѣреніи провесть вечеръ съ нею.

Не успѣлъ голова это сказать, какъ въ дверь послышался стукъ и голосъ дьяка. „Спрячь меня куда-нибудь“, шепталъ голова: „мнѣ не хочется теперь встрѣтиться съ дьякомъ“.

Солоха думала долго, куда спрятать такого плотнаго гостя; наконецъ, выбрала самый большой мѣшокъ съ углемъ: уголь высыпала въ кадку, и дюжій голова влѣзъ съ усами, съ головою и съ капелюхами въ мѣшокъ.

Дьякъ вошелъ, покряхтывая и потирая руки, и разсказалъ, что у него не былъ никто, и что онъ сердечно радъ этому случаю *погулять* немного у нея, и не испугался метели. Тутъ онъ подошелъ къ ней ближе, кашлянулъ, усмѣхнулся, дотронулся своими длинными пальцами ея обнаженной, полной руки и произнесъ съ такимъ видомъ, въ которомъ высказывалось и лукавство, и самодовольствіе: „А что это у васъ, великолѣпная Солоха?“ И, сказавши это, отскочилъ онъ нѣсколько назадъ.

„Какъ что? рука, Осипъ Никифоровичъ!“ отвѣчала Солоха.

„Гм! рука! Хе, хе, хе!“ произнесъ сердечно довольный своимъ началомъ дьякъ и прошелся по комнатѣ.

„А это что у васъ, дражайшая Солоха?“ произнесъ онъ съ такимъ же видомъ, подступивъ къ ней снова и схвативъ ее слегка рукою за шею и такимъ же порядкомъ отскочивъ назадъ.

„Будто не видите, Осипъ Никифоровичъ!“ отвѣчала Солоха: „шея, а на шеѣ монисто“.

„Гм! на шеѣ монисто! Хе, хе, хе!“ и дьякъ снова прошелся по комнатѣ, потирая руки.

„А это что у васъ, несравненная Солоха?...“ Неизвѣстно, къ чему бы теперь притронулся сладострастный дьякъ своими длинными пальцами, какъ вдругъ послышался въ дверь стукъ и голосъ козака Чуба.

„Ахъ, Боже мой, стороннее лицо!“ закричалъ въ испугѣ дьякъ. „Что теперь, если застанутъ особу моего званія?... Дойдетъ до отца Кондрата...“

Но опасенія дьяка были другого рода; онъ боялся болѣе того, чтобы не узнала его половина, которая и безъ того страшною рукою своею сдѣлала изъ его толстой косы самую узенькую. „Ради Бога, добродѣтельная Солоха!“ говорилъ онъ, дрожа всѣмъ тѣломъ: „ваша доброта, какъ говоритъ писаніе Луки, глава трина... трин... Стучатся, ей Богу, стучатся! Охъ, спрячьте меня куда-нибудь“.

Солоха высыпала уголь въ кадку изъ другого мѣшка, и неслишкомъ объемистый тѣломъ дьякъ влѣзъ въ него и сѣлъ на самое дно, такъ что сверхъ его можно было насыпать еще съ полмѣшка угля.

„Здравствуй, Солоха!“ сказалъ, входя въ хату, Чубъ. „Ты, можетъ-быть, не ожидала меня, а? Правда, не ожидала? можетъ быть, я помѣшалъ?...“ продолжалъ Чубъ, показавъ на лицѣ своемъ веселую и значительную мину, которая заранѣе давала знать, что неповоротливая голова его трудилась и готовилась отпустить какую-нибудь колкую и затѣйливую шутку. „Можетъ быть, вы тутъ забавлялись съ кѣмъ-нибудь!... Можетъ быть, ты кого-нибудь спрятала уже, а?“ И восхищенный такимъ замѣчаніемъ своимъ, Чубъ засмѣялся, внутренно торжествуя, что онъ одинъ только пользуется благосклонностью Солохи. „Ну, Солоха, дай теперь выпить водки. Я думаю, у меня горло замерзло отъ проклятаго морозу. Послалъ же Богъ такую ночь передъ Рождествомъ! Какъ схватилась, слышишь, Солоха, какъ схватилась... Экъ окостенѣли руки; не разстегну кожуха! Какъ схватилась вьюга...“

„Отвори!“ раздался на улицѣ голосъ, сопровождаемый толчкомъ въ дверь.

„Стучитъ кто-то“, сказалъ остановившійся Чубъ.

„Отвори!“ закричали сильнѣе прежняго.

„Это кузнецъ!“ произнесъ, схватясь за капелюхи, Чубъ. „Слышишь, Солоха: куда хочешь, дѣвай меня; я ни за что на свѣтѣ не захочу показаться этому выродку проклятому, чтобъ ему набѣжало, дьявольскому сыну, подъ обоими глазами по пузырю въ копну величиною!“

Солоха, испугавшись сама, металась, какъ угорѣлая, и, позабывшись, дала знакъ Чубу лѣзть въ тотъ самый мѣшокъ, въ которомъ сидѣлъ уже дьякъ. Бѣдный дьякъ не смѣлъ даже изъявить кашлемъ и кряхтѣньемъ боли, когда сѣлъ ему почти на голову тяжелый мужикъ и помѣстилъ свои намерзнувшіе на морозѣ сапоги по обѣимъ сторонамъ его висковъ.

Кузнецъ вошелъ, не говоря ни слова, не снимая шапки, и почти повалился на лавку. Замѣтно было, что онъ былъ весьма не въ духѣ.

Въ то самое время, когда Солоха затворяла за нимъ дверь, кто-то постучался снова. Это былъ козакъ Свербыгузъ. Этого уже нельзя было спрятать въ мѣшокъ, потому что и мѣшка такого нельзя было найти нигдѣ. Онъ былъ погрузнѣе тѣломъ самого головы и повыше ростомъ Чубова кума. И потому Солоха повела его въ огородъ, чтобы выслушать отъ него все то, что онъ хотѣлъ ей объявить.

Кузнецъ разсѣянно оглядывалъ углы своей хаты, вслушиваясь по временамъ въ далеко разносившіяся по селу пѣсни колядующихъ; наконецъ, остановилъ глаза на мѣшкахъ. „Зачѣмъ тутъ лежатъ эти мѣшки? ихъ давно бы пора убрать отсюда. Черезъ эту глупую любовь я одурѣлъ совсѣмъ. Завтра праздникъ, а въ хатѣ до сихъ поръ еще лежитъ всякая дрянь. Отнести ихъ въ кузницу!“

Тутъ кузнецъ присѣлъ къ огромнымъ мѣшкамъ, перевязалъ ихъ крѣпче и готовился взвалить себѣ на плечи. Но замѣтно было, что его мысли гуляли Богъ знаетъ гдѣ; иначе онъ бы услышалъ, какъ зашипѣлъ Чубъ, когда волоса на головѣ его прикрутила завязавшая мѣшокъ веревка, и дюжій голова началъ было икать довольно явственно.

„Неужели не выбьется изъ ума моего эта негодная Оксана?“ говорилъ кузнецъ. „Не хочу думать о ней, а все думается, и, какъ нарочно, о ней одной только. Отчего это такъ, что дума противъ воли лѣзетъ въ голову? Кой чортъ! Мѣшки стали какъ будто тяжелѣе прежняго! Тутъ, вѣрно, положено еще что-нибудь, кромѣ угля. Дурень я! я и позабылъ, что теперь мнѣ все кажется тяжелѣе. Прежде, бывало, я могъ согнуть и разогнуть въ одной рукѣ мѣдный пятакъ и лошадиную подкову, а теперь мѣшковъ съ углемъ не подыму. Скоро буду отъ вѣтра валиться...“ „Нѣтъ!“ вскричалъ онъ, помолчавъ и ободрившись. „Что я за баба! Не дамъ никому смѣяться надъ собою! Хоть десять такихъ мѣшковъ,—всѣ подыму“. И бодро взвалилъ себѣ на плечи мѣшки, которыхъ не понесли бы два дюжихъ человѣка. „Взять и этотъ“, продолжалъ онъ, подымая маленькій, на днѣ котораго лежалъ, свернувшись, чортъ. „Тутъ, кажется, я положилъ струментъ свой“. Сказавъ это, онъ вышелъ вонъ изъ хаты, насвистывая пѣсню:

Мини съ жинкой не возиться...

Шумнѣе и шумнѣе раздавались по улицамъ пѣсни, хохотъ и крики. Толпы толкавшагося народа были увеличены еще пришедшими изъ сосѣднихъ деревень. Парубки шалили и бѣсились въ волю. Часто, между колядками, слышалась какаянибудь веселая пѣсня, которую тутъ же успѣлъ сложить ктонибудь изъ молодыхъ козаковъ. То вдругъ одинъ изъ толпы, вмѣсто колядки, отпускалъ щедровку и ревѣлъ во все горло.

Щедрыкъ, ведрыкъ!
Дайте вареникъ!
Грудочку кашки,
Кильце ковбаски!

Хохотъ награждалъ затѣйника. Маленькія окна подымались, и сухощавая рука старухи (которыя однѣ только вмѣстѣ съ степенными отцами оставались въ избахъ) высовывалась изъ окошка съ колбасою въ рукахъ или кускомъ пирога. Парубки и дѣвушки наперерывъ подставляли мѣшки и ловили свою добычу. Въ одномъ мѣстѣ парубки, зашедши со всѣхъ сторонъ, окружали толпу дѣвушекъ: шумъ, крикъ; одинъ бросалъ комомъ снѣга, другой вырывалъ мѣшокъ со всякой всячиной. Въ другомъ мѣстѣ дѣвушки ловили парубка, подставляли ему ногу, и онъ летѣлъ вмѣстѣ съ мѣшкомъ стремглавъ на землю. Казалось, всю ночь напролетъ готовы были провеселиться. И ночь, какъ нарочно, такъ роскошно теплилась! И еще бѣлѣе казался свѣтъ мѣсяца отъ блеска снѣга!

Кузнецъ остановился со своими мѣшками. Ему почудился въ толпѣ дѣвушекъ голосъ и тоненькій смѣхъ Оксаны. Всѣ жилки въ немъ вздрогнули; бросивши на землю мѣшки такъ, что находившійся на днѣ дьякъ заохалъ отъ ушиба и голова икнулъ во все горло, побрелъ онъ съ маленькимъ мѣшкомъ на плечахъ вмѣстѣ съ толпою парубковъ, шедшихъ слѣдомъ за дѣвичьей толпою, между которою ему послышался голосъ Оксаны,

„Такъ, это она! Стоитъ, какъ царица, и блеститъ черными очами. Ей разсказываетъ что-то видный парубокъ; вѣрно, забавное, потому что она смѣется. Но она всегда смѣется“. Какъ будто невольно, самъ не понимая какъ, протерся кузнецъ сквозь толпу и сталъ около нея.

„А, Вакула, ты тутъ! здравствуй!“ сказала красавица съ той же самой усмѣшкой, которая чуть не сводила Вакулу съ ума. „Ну, много наколядовалъ? Э, да какой маленькій мѣшокъ! А черевики, которые носитъ царица, досталъ? Достань черевики, выйду за тебя замужъ“... И засмѣявшись, убѣжала съ толпою дѣвушекъ.

Какъ вкопанный, стоялъ кузнецъ на одномъ мѣстѣ. „Нѣтъ, не могу; нѣтъ силъ больше“... произнесъ онъ, наконецъ. „Но, Боже ты мой, отчего она такъ чертовски хороша? Ея взглядъ, и рѣчи, и все, ну вотъ такъ и жжетъ, такъ и жжетъ... Нѣтъ, не въ мочь уже пересилить себя. Пора положить конецъ всему. Пропадай душа! Пойду, утоплюсь въ пролубѣ, и поминай, какъ звали!“

Тутъ рѣшительнымъ шагомъ пошелъ онъ впередъ, догналъ толпу дѣвчатъ, поровнялся съ Оксаною и сказалъ твердымъ голосомъ: „Прощай, Оксана! Ищи себѣ, какого хочешь, жениха, дурачь, кого хочешь; а меня не увидишь уже больше на этомъ свѣтѣ.“

Красавица казалась удивленною, хотѣла что-то сказать, но кузнецъ махнулъ рукой и убѣжалъ.

„Куда, Вакула?“ кричали парубки, видя бѣгущаго кузнеца.

„Прощайте, братцы!“ кричалъ въ отвѣтъ кузнецъ. „Дастъ Богъ, увидимся на томъ свѣтѣ, а на этомъ уже не гулять намъ вмѣстѣ. Прощайте! Не поминайте лихомъ! Скажите отцу Кондрату, чтобы сотворилъ панихиду по моей грѣшной душѣ. Свѣчей къ иконамъ Чудотворца и Божіей Матери, грѣшенъ, не обмалевалъ за мірскими дѣлами. Все добро, какое найдется въ моей скрынѣ, на церковь. Прощайте!“

Проговоривши это, кузнецъ принялся снова бѣжать съ мѣшкомъ на спинѣ.

„Онъ повредился!“ говорили парубки.

„Пропадшая душа!“ набожно пробормотала проходившая мимо старуха: „пойти разсказать, какъ кузнецъ повѣсился!“

Вакула между тѣмъ, пробѣжавши нѣсколько улицъ, остановился перевесть духъ. „Куда я въ самомъ дѣлѣ бѣгу?“ подумалъ онъ; „какъ будто уже все пропало. Попробую еще средство: пойду къ запорожцу, Пузатому Пацюку. Онъ, говорятъ, знаетъ всѣхъ чертей и все сдѣлаетъ, что захочетъ. Пойду, вѣдь душѣ все же придется пропадать!“

При этомъ чортъ, который долго лежалъ безъ всякаго движенія, запрыгалъ въ мѣшкѣ отъ радости; но кузнецъ, подумавъ, что онъ какъ-нибудь зацѣпилъ мѣшокъ рукою и произвелъ самъ это движеніе, ударилъ по мѣшку дюжимъ кулакомъ и, встряхнувъ его на плечахъ, отправился къ Пузатому Пацюку.

Этотъ Пузатый Пацюкъ былъ точно когда-то запорожцемъ; но выгнали его, или онъ самъ убѣжалъ изъ Запорожья, этого никто не зналъ. Давно уже, лѣтъ десять, а можетъ, и пятнад-

цать, какъ онъ жилъ въ Диканькѣ. Сначала онъ жилъ, какъ настояшій запорожецъ: ничего не работалъ, спалъ три четверти дня, ѣлъ за шестерыхъ косарей и выпивалъ за однимъ разомъ по цѣлому ведру; впрочемъ, было гдѣ и помѣститься, потому что Пацюкъ, несмотря на небольшой ростъ, въ ширину былъ довольно увѣсистъ. Притомъ же шаровары, которыя носилъ онъ, были такъ широки, что какой бы большой ни сдѣлалъ онъ шагъ, ногъ совершенно не было замѣтно, и, казалось, винокуренная кадь двигалась по улицѣ. Можетъ быть, это самое подало поводъ прозвать его Пузатымъ. Не прошло нѣсколькихъ недѣль послѣ прибытія его въ село, какъ всѣ уже узнали, что онъ знахарь. Бывалъ ли кто боленъ чѣмъ, тотчасъ призывалъ Пацюка; а Пацюку стоило только пошептать нѣсколько словъ, и недугъ какъ будто рукою снимался. Случалось ли, что проголодавшійся дворянинъ подавился рыбьей костью, Пацюкъ умѣлъ такъ искусно ударить кулакомъ въ спину, что кость отправлялась, куда ей слѣдуетъ, не причинивъ никакого вреда дворянскому горлу. Въ послѣднее время его рѣдко видали гдѣ-нибудь. Причиною этому была, можетъ быть, лѣнь, а можетъ и то, что пролѣзать въ двери дѣлалось для него съ каждымъ годомъ труднѣе. Тогда міряне должны были отправляться къ нему сами, если имѣли въ немъ нужду.

Кузнецъ не безъ робости отворилъ дверь и увидѣлъ Пацюка, сидѣвшаго на полу, по-турецки, передъ небольшою кадушкою, на которой стояла миска съ галушками. Эта миска стояла, какъ нарочно, наравнѣ съ его ртомъ. Не подвинувшись ни однимъ пальцемъ, онъ наклонилъ слегка голову къ мискѣ и хлебалъ жижу, схватывая по временамъ зубами галушки.

„Нѣтъ, этотъ“, подумалъ Вакула про себя, „еще лѣнивѣе Чуба: тотъ, по крайней мѣрѣ, ѣстъ ложкою, а этотъ и руки не хочетъ поднять!“

Пацюкъ, вѣрно, крѣпко занятъ былъ галушками, потому что, казалось, совсѣмъ не замѣтилъ прихода кузнеца, который, едва ступивши на порогъ, отвѣсилъ ему пренизкій поклонъ.

„Я къ твоей милости пришелъ, Пацюкъ!“ сказалъ Вакула, кланяясь снова.

Толстый Пацюкъ поднялъ голову и снова началъ хлебать галушки.

„Ты, говорятъ, не во гнѣвъ будь сказано“... сказалъ, собираясь съ духомъ, кузнецъ: „я веду объ этомъ рѣчь не для того, чтобы тебѣ нанесть какую обиду,—приходишься немного сродни чорту“.

Проговоря эти слова, Вакула испугался, подумавъ, что выразился все еще напрямикъ и мало смягчилъ крѣпкія слова, и ожидая, что Пацюкъ, схвативши кадушку вмѣстѣ съ мискою, пошлетъ ему прямо въ голову, отсторонился немного и закрылся рукавомъ, чтобы горячая жижа съ галушекъ не обрызгала ему лица.

Но Пацюкъ взглянулъ и снова началъ хлебать галушки.

Ободренный кузнецъ рѣшился продолжалъ: „Къ тебѣ пришелъ, Пацюкъ. Дай Боже тебѣ всего, добра всякаго въ довольствіи, хлѣба въ пропорціи!“ (Кузнецъ иногда умѣлъ ввернуть модное слово: въ томъ онъ понаторѣлъ въ бытность еще въ Полтавѣ, когда размалевывалъ сотнику досчатый заборъ). „Пропадать приходится мнѣ, грѣшному! Ничто не поможетъ мнѣ на свѣтѣ! Что будетъ, то будетъ. Приходится просить помощи у самого чорта. Что-жъ, Пацюкъ“, произнесъ кузнецъ, видя неизмѣнное его молчаніе, „какъ мнѣ быть?“

„Когда нужно чорта, то и ступай къ чорту!“ отвѣчалъ Пацюкъ, не подымая на него глазъ и продолжая убирать галушки.

„Для того-то и я пришелъ къ тебѣ“, отвѣчалъ кузнецъ, отвѣшивая поклонъ: „кромѣ тебя, думаю, никто на свѣтѣ не знаетъ къ нему дороги“.

Пацюкъ ни слова, и доѣдалъ остальныя галушки. „Сдѣлай милость, человѣкъ добрый, не откажи!“ наступалъ кузнецъ. „Свинины ли, колбасъ, муки гречневой, ну, полотна, пшена, или иного прочаго, въ случаѣ потребности... какъ обыкновенно между добрыми людьми водится... не поскупимся. Разскажи хоть, какъ, примѣрно сказать, попасть на дорогу къ нему?“

„Тому не нужно далеко ходить, у кого чортъ за плечами“, произнесъ равнодушно Пацюкъ, не измѣняя своего положенія.

Вакула уставилъ въ него глаза, какъ будто бы на лбу его написано было изъясненіе этихъ словъ. „Что онъ говоритъ?“ безмолвно спрашивала его мина; а полуотверстый ротъ готовился проглотить, какъ галушку, первое слово.

Но Пацюкъ молчалъ.

Тутъ замѣтилъ Вакула, что ни галушекъ, ни кадушки передъ нимъ не было; но вмѣсто того на полу стояли двѣ деревянныя миски; одна была наполнена варениками, другая сметаною. Мысли его и глаза невольно устремились на эти кушанья. „Посмотримъ“, говорилъ онъ самъ себѣ: „какъ будетъ ѣсть Пацюкъ вареники. Наклоняться онъ, вѣрно, не захочетъ, чтобы хлебать, какъ галушки, да и нельзя; нужно вареникъ сперва обмакнуть въ сметану“.

Только что онъ успѣлъ это подумать, Пацюкъ разинулъ ротъ, поглядѣлъ на вареники и еще сильнѣе разинулъ ротъ. Въ это время вареникъ выплеснулся изъ миски, шлепнулся въ сметану, перевернулся на другую сторону, подскочилъ вверхъ и какъ разъ попалъ ему въ ротъ. Пацюкъ съѣлъ и снова разинулъ ротъ, и вареникъ такимъ же порядкомъ отправился снова. На себя только принималъ онъ трудъ жевать и проглатывать.

„Вишь, какое диво!“ подумалъ кузнецъ, разинувъ отъ удивленія ротъ, и тотъ же часъ замѣтилъ, что вареникъ лѣзетъ и къ нему въ ротъ, и уже вымазалъ губы сметаною. Оттолкнувши вареникъ и вытерши губы, кузнецъ началъ размышлять о томъ, какія чудеса бываютъ на свѣтѣ и до какихъ мудростей доводитъ человѣка нечистая сила, замѣчая притомъ, что одинъ только Пацюкъ можетъ помочь ему.

„Поклонюсь ему еще, пусть растолкуетъ хорошенько... Однако, что за чортъ! Вѣдь сегодня *голодная кутья*, а онъ ѣстъ вареники, вареники скоромные! Что я, въ самомъ дѣлѣ, за дуракъ: стою тутъ и грѣха набираюсь! Назадъ!...“ И набожный кузнецъ опрометью выбѣжалъ изъ хаты.

Однакожъ, чортъ, сидѣвшій въ мѣшкѣ и заранѣе уже радовавшійся, не могъ вытерпѣть, чтобы ушла изъ рукъ его такая славная добыча. Какъ только кузнецъ опустилъ мѣшокъ, онъ выскочилъ изъ него и сѣлъ верхомъ ему на шею.

Морозъ подралъ по кожѣ кузнеца: испугавшись и поблѣднѣвъ, не зналъ онъ, что дѣлать; уже хотѣлъ перекреститься... Но чортъ, наклонивъ свое собачье рыльце ему на правое ухо, сказалъ: „Это я, твой другъ; все сдѣлаю для товарища и друга! Денегъ дамъ, сколько хочешь“, пискнулъ онъ ему въ лѣвое ухо. „Оксана будетъ сегодня же наша“, шепнулъ онъ, заворотивши свою морду снова на правое ухо. Кузнецъ стоялъ, размышляя.

„Изволь“, сказалъ онъ, наконецъ: „за такую цѣну готовъ быть твоимъ!“

Чортъ всплеснулъ руками и началъ отъ радости галопировать на шеѣ кузнеца. „Теперь-то попался кузнецъ!“ думалъ онъ про себя: „теперь-то вымещу я на тебѣ, голубчикъ, всѣ твои малеванья и небылицы, взводимыя на чертей! Что теперь скажутъ мои товарищи, когда узнаютъ, что самый набожнѣйшій изъ всего села человѣкъ въ моихъ рукахъ?“

Тутъ чортъ засмѣялся отъ радости, вспомнивши, какъ будетъ дразнить въ аду все хвостатое племя, какъ будетъ бѣситься хромой чортъ, считавшійся между ними первымъ на выдумки.

„Ну, Вакула!“ пропищалъ чортъ, все также не слѣзая съ шеи, какъ бы опасаясь, чтобы онъ не убѣжалъ: „ты знаешь, что безъ контракта ничего не дѣлаютъ“.

„Я готовъ!“ сказалъ кузнецъ. „У васъ, я слышалъ, расписываются кровью; постой же, я достану въ карманѣ гвоздь!“

Тутъ онъ заложилъ назадъ руку,—и хвать чорта за хвостъ.

„Вишь, какой шутникъ!“ закричалъ, смѣясь, чортъ: „ну, полно, довольно уже шалить!“

„Постой, голубчикъ!“ закричалъ кузнецъ. „А вотъ это какъ тебѣ покажется?“ При этомъ словѣ онъ сотворилъ крестъ, и чортъ сдѣлался такъ тихъ, какъ ягненокъ. „Постой же“, сказалъ онъ, стаскивая его за хвостъ на землю: „будешь ты у меня знать подучивать на грѣхи добрыхъ людей и честныхъ христіанъ“.

Тутъ кузнецъ вскочилъ на него верхомъ и поднялъ руку для крестнаго знаменія.

„Помилуй, Вакула!“ жалобно простоналъ чортъ: „все, что для тебя нужно, все сдѣлаю; отпусти только душу на покаяніе: не клади на меня страшнаго креста!“

„А, вотъ какимъ голосомъ запѣлъ, нѣмецъ проклятый! Теперь я знаю, что мнѣ дѣлать. Вези меня сей же часъ на себѣ! Слышишь? Да несись, какъ птица!“

„Куда?“ произнесъ печальный чортъ.

„Въ Петербургъ, прямо къ царицѣ!“ И кузнецъ обомлѣлъ отъ страха, чувствуя себя поднимающимся на воздухъ.

Долго стояла Оксана, раздумывая о странныхъ рѣчахъ кузнеца. Уже внутри ея что-то говорило, что она слишкомъ жестоко поступила съ нимъ. „Что, если онъ въ самомъ дѣлѣ рѣшится на что-нибудь страшное? Чего добраго! Можетъ быть, онъ съ горя вздумаетъ влюбиться въ другую, и съ досады станетъ называть ее первою красавицею на селѣ? Но нѣтъ, онъ меня любитъ. Я такъ хороша! Онъ меня ни за что не промѣняетъ; онъ шалитъ, прикидывается. Не пройдетъ минутъ десяти, какъ онъ, вѣрно, придетъ поглядѣть на меня. Я, въ самомъ дѣлѣ, сурова. Нужно ему дать, какъ будто нехотя, поцѣловать себя. То-то онъ обрадуется!“ И вѣтреная красавица уже шутила со своими подругами.

„Постойте“, сказала одна изъ нихъ: „кузнецъ позабылъ мѣшки свои; смотрите, какіе страшные мѣшки! Онъ не по нашему наколядовалъ; я думаю, сюда по цѣлой четверти барана кидали; а колбасамъ и хлѣбамъ, вѣрно, счету нѣтъ. Роскошь! цѣлые праздники можно объѣдаться“.

„Это кузнецовы мѣшки?“ подхватила Оксана: „утащимъ скорѣе ихъ хоть ко мнѣ въ хату и разглядимъ хорошенько, что онъ сюда наклалъ“.

Всѣ со смѣхомъ одобрили такое предложеніе.

„Но мы не поднимемъ ихъ!“ закричала вся толпа вдругъ, силясь сдвинуть мѣшки.

„Постойте“, сказала Оксана: „побѣжимъ скорѣе за санками и отвеземъ на санкахъ!“

И толпа побѣжала за санками.

Плѣнникамъ сильно прискучило сидѣть въ мѣшкахъ, несмотря на то, что дьякъ проткнулъ для себя пальцемъ порядочную дыру. Если бы еще не было народу, то, можетъ быть, онъ нашелъ бы средство и вылѣзть; но вылѣзть изъ мѣшка при всѣхъ, показать себя на смѣхъ... это удерживало его, и онъ рѣшился ждать, слегка только покряхтывая подъ невѣжливыми сапогами Чуба. Чубъ самъ не менѣе желалъ свободы, чувствуя, что подъ нимъ лежитъ что-то такое, на чемъ сидѣть страхъ было неловко. Но какъ скоро услышалъ рѣшеніе своей дочери, успокоился и не хотѣлъ уже вылѣзть, разсуждая, что къ хатѣ своей нужно пройти, по крайней мѣрѣ, шаговъ съ сотню, а можетъ быть, и другую; вылѣзши же, нужно оправиться, застегнуть кожухъ, подвязать поясъ—сколько работы! да и капелюхи остались у Солохи. Пусть же лучше дѣвчата довезутъ на санкахъ.

Но случилось совсѣмъ не такъ, какъ ожидалъ Чубъ. Въ то время, когда дѣвчата убѣжали за санками, худощавый кумъ выходилъ изъ шинка разстроенный и не въ духѣ. Шинкарка никакимъ образомъ не рѣшалась ему вѣрить въ долгъ. Онъ хотѣлъ было дожидаться въ шинкѣ, авось-либо придетъ какой-нибудь набожный дворянинъ и попотчуетъ его; но, какъ нарочно, всѣ дворяне оставались дома и, какъ честные христіане, ѣли кутью посреди своихъ домашнихъ. Размышляя о развращеніи нравовъ и о деревянномъ сердцѣ жидовки, продающей вино, кумъ набрелъ на мѣшки и остановился въ изумленіи. „Вишь, какіе мѣшки кто-то бросилъ на дорогѣ!“ сказалъ онъ, осматриваясь по сторонамъ. „Должно-быть, тутъ и свинина есть. Полѣзло же кому-то счастье наколядовать столько всякой всячины! Экіе страшные мѣшки! Положимъ, что они набиты гречаниками да коржами, и то *добре*; хотя бы были тутъ однѣ паляницы, и то *въ шмакъ*: жидовка за каждую паляницу даетъ осьмуху водки. Утащить скорѣе, чтобы кто не увидѣлъ“.

Тутъ взвалилъ онъ себѣ на плечи мѣшокъ съ Чубомъ и дьякомъ, но почувствовалъ, что онъ слишкомъ тяжелъ. „Нѣтъ,

одному будетъ тяжело несть“, проговорилъ онъ. „А вотъ, какъ нарочно, идетъ ткачъ Шапуваленко. Здравствуй, Остапъ!“

„Здравствуй“, сказалъ, остановившись, ткачъ.

„Куда идешь?“

„А такъ; иду, куда ноги идутъ“.

„Помоги, человѣкъ добрый, мѣшки снесть! Кто-то колядовалъ, да и кинулъ посереди дороги. Добромъ раздѣлимся пополамъ“.

„Мѣшки? а съ чѣмъ мѣшки: съ книшами или паляницами?“

„Да, думаю, всего есть“.

Тутъ выдернули они наскоро изъ плетня палки, положили на нихъ мѣшокъ и понесли на плечахъ.

„Куда-жъ мы понесемъ его? въ шинокъ?“ спросилъ дорогою ткачъ.

„Оно бы и я такъ думалъ, чтобы въ шинокъ; да вѣдь проклятая жидовка не повѣритъ, подумаетъ еще, что гдѣ-нибудь украли; къ тому же я только-что изъ шинка. Мы отнесемъ его въ мою хату. Намъ никто не помѣшаетъ: жинки нѣтъ дома.

„Да точно ли ея нѣтъ дома?“ спросилъ осторожный ткачъ.

„Слава Богу, мы не совсѣмъ еще безъ ума“, сказалъ кумъ: „чортъ ли бы принесъ меня туда, гдѣ она. Она, думаю, протаскается съ бабами до свѣта“.

„Кто тамъ?“ закричала кумова жена, услышавъ шумъ въ сѣняхъ, произведенный приходомъ двухъ пріятелей съ мѣшкомъ, и отворяя дверь хаты.

Кумъ остолбенѣлъ.

„Вотъ тебѣ на!“ произнесъ ткачъ, опустя руки.

Кумова жена была такого рода сокровище, какихъ не мало на бѣломъ свѣтѣ. Такъ же, какъ ея мужъ, она почти никогда не сидѣла дома и почти весь день пресмыкалась у кумушекъ и зажиточныхъ старухъ, хвалила и ѣла съ большимъ аппетитомъ и дралась только по утрамъ со своимъ мужемъ, потому что въ это только время и видѣла его иногда. Хата ихъ была вдвое старѣе шароваръ волостного писаря; крыша въ нѣкоторыхъ мѣстахъ была безъ соломы. Плетня видны были одни остатки, потому что всякій, выходившій изъ дому, никогда не бралъ палки для собакъ, въ надеждѣ, что будетъ проходить мимо кумова огорода и выдернетъ любую изъ его плетня. Печь не топилась дня по три. Все, что ни напрашивала нѣжная супруга у добрыхъ людей, прятала какъ можно подалѣе отъ своего мужа, и часто самоуправно отнимала у

него добычу, если только онъ не успѣвалъ ее пропить въ шинкѣ. Кумъ, несмотря на всегдашнее хладнокровіе, не любилъ уступать ей, и оттого почти всегда уходилъ изъ дому съ фонарями подъ обоими глазами, а дорогая половина, охая, плелась разсказывать старушкамъ о безчинствѣ своего мужа и о претерпѣнныхъ ею отъ него побояхъ.

Теперь можно себѣ представить, какъ были озадачены ткачъ и кумъ такимъ неожиданнымъ явленіемъ. Опустивши мѣшокъ, они заступили его собою и закрыли полами; но уже было поздно: кумова жена, хотя и дурно видѣла старыми глазами, однакожъ, мѣшокъ замѣтила. „Вотъ это хорошо", сказала она съ такимъ видомъ, въ которомъ замѣтна была радость ястреба. „Это хорошо, что наколядовали столько! Вотъ такъ всегда дѣлаютъ добрые люди; только нѣтъ, я думаю, гдѣнибудь подцѣпили. Покажите мнѣ сейчасъ, слышите, покажите сей же часъ мѣшокъ вашъ!

„Лысый чортъ тебѣ покажетъ, а не мы", сказалъ, пріосанясь, кумъ.

„Тебѣ какое дѣло?" сказалъ ткачъ; мы наколядовали, а не ты".

„Нѣтъ, ты мнѣ покажешь, негодный пьяница!" вскричала жена, ударивъ высокаго кума кулакомъ въ подбородокъ и продираясь къ мѣшку.

Но ткачъ и кумъ мужественно отстояли мѣшокъ и заставили ее попятиться назадъ. Не успѣли они оправиться, какъ супруга выбѣжала въ сѣни уже съ кочергою въ рукахъ. Проворно хватила кочергою мужа по рукамъ, ткача по спинѣ и уже стояла возлѣ мѣшка.

„Что мы допустили ее!" сказалъ ткачъ, очнувшись.

„Э, что мы допустили! А отчего ты допустилъ?" сказалъ хладнокровно кумъ.

„У васъ кочерга, видно, желѣзная!" сказалъ послѣ небольшого молчанія ткачъ, почесывая спину. „Моя жинка купила прошлый годъ на ярмаркѣ кочергу, дала пивкопы: та ничего... не больно..."

Между тѣмъ торжествующая супруга, поставивъ на полъ каганецъ, развязала мѣшокъ и заглянула въ него.

Но, вѣрно, старые глаза ея, которые такъ хорошо увидѣли мѣшокъ, на этотъ разъ обманулись. „Э, да тутъ лежитъ цѣлый кабанъ!" вскрикнула она, всплеснувъ отъ радости въ ладоши.

„Кабанъ! слышишь: цѣлый кабанъ!" толкалъ ткачъ кума: „а все ты виноватъ!"

„Что жъ дѣлать!" произнесъ, пожимая плечами, кумъ.

„Какъ что? чего мы стоимъ? Отнимемъ мѣшокъ! Ну, приступай!“

„Пошла прочь! пошла! Это нашъ кабанъ!“ кричалъ, выступая, ткачъ.

„Ступай, ступай, чортова баба! Это не твое добро!“ говорилъ, приближаясь, кумъ.

Супруга принялась снова за кочергу, но Чубъ въ это время вылѣзъ изъ мѣшка и сталъ посереди сѣней, потягиваясь, какъ человѣкъ, только-что пробудившійся отъ долгаго сна.

Кумова жена вскрикнула, ударивши объ полы руками, и всѣ невольно разинули рты.

„Что-жъ она, дура, говоритъ: кабанъ! Это не кабанъ!“ сказалъ кумъ, выпучивъ глаза.

„Вишь, какого человѣка кинуло въ мѣшокъ!“ сказалъ ткачъ, пятясь отъ испугу. „Хоть, что хочешь, говори, хоть тресни, а не обошлось безъ нечистой силы. Вѣдь онъ не пролѣзетъ въ окошко!“

„Это кумъ!“ вскрикнулъ, вглядѣвшись, кумъ.

„А ты думалъ кто?“ сказалъ Чубъ, усмѣхаясь. „Что, славную я выкинулъ надъ вами штуку? А вы, небось, хотѣли меня съѣсть вмѣсто свинины? Постойте же, я васъ порадую: въ мѣшкѣ лежитъ еще что-то, если не кабанъ, то навѣрно поросенокъ или иная живность. Подо мною безпрестанно что-то шевелилось.

Ткачъ и кумъ кинулись къ мѣшку, хозяйка дома уцѣпилась съ противной стороны, и драка возобновилась бы снова, если бы самъ дьякъ, увидѣвши теперь, что ему некуда скрыться, не выкарабкался изъ мѣшка.

Кумова жена, остолбенѣвъ, выпустила изъ рукъ ногу, за которую начала было тянуть дьяка изъ мѣшка.

„Вотъ и другой еще!“ вскрикнулъ со страхомъ ткачъ. „Чортъ знаетъ, какъ стало на свѣтѣ... Голова идетъ кругомъ... Не колбасъ и не паляницъ, а людей кидаютъ въ мѣшки!“

„Это дьякъ!“ произнесъ, изумившійся болѣе всѣхъ, Чубъ. „Вотъ тебѣ на! ай да Солоха! Посадить въ мѣшокъ... То-то я гляжу, у нея полная хата мѣшковъ... Теперь я все знаю: у нея въ каждомъ мѣшкѣ сидѣло по два человѣка. А я думалъ, что она только мнѣ одному... Вотъ тебѣ и Солоха!“

Дѣвушки немного удивились, не найдя одного мѣшка.

„Нечего дѣлать, будетъ съ насъ и этого“, лепетала Оксана.

Всѣ принялись за мѣшокъ и взвалили его на санки.

Голова рѣшился молчать, разсуждая, что если онъ закричитъ, чтобы его выпустили и развязали мѣшокъ, глупыя дѣвчата разбѣгутся; подумаютъ, что въ мѣшкѣ сидитъ дьяволъ,— и онъ останется на улицѣ, можетъ быть, до завтра.

Дѣвушки, между тѣмъ, дружно взявшись за руки, полетѣли, какъ вихорь, съ санками по скрипучему снѣгу. Многія изъ нихъ, шаля, садились на санки; другія взбирались даже на самого голову. Голова рѣшился сносить все.

Наконецъ, пріѣхали, отворили настежь двери въ сѣняхъ и хатѣ, и съ хохотомъ втащили мѣшокъ.

„Посмотримъ, что-то лежитъ тутъ", закричали всѣ, бросившись развязывать.

Тутъ икота, которая не переставала мучить голову во все время сидѣнія его въ мѣшкѣ, такъ усилилась, что онъ началъ икать и кашлять во все горло.

„Ахъ, тутъ сидитъ кто-то!" закричали всѣ и въ испугѣ бросились вонъ изъ дверей.

„Что за чортъ! куда вы мечетесь, какъ угорѣлыя?" сказалъ, входя въ дверь, Чубъ.

„Ай, батько!" произнесла Оксана: „въ мѣшкѣ сидитъ кто-то!"

„Въ мѣшкѣ? Гдѣ вы взяли этотъ мѣшокъ?"

„Кузнецъ бросилъ его посереди дороги" сказали всѣ вдругъ.

„Ну, такъ; не говорилъ ли я?..." подумалъ про себя Чубъ.

„Чего-жъ вы испугались? посмотримъ.—А ну-ка, человиче,—прошу не погнѣвиться, что не называемъ по имени и отчеству,—вылѣзай изъ мѣшка!"

Голова вылѣзъ.

„Ахъ!" вскрикнули дѣвушки.

„И голова влѣзъ туда-жъ", говорилъ про себя Чубъ въ недоумѣніи, мѣряя его съ головы до ногъ. „Вишь какъ!... Э!..." Болѣе онъ ничего не могъ сказать.

Голова самъ былъ не менѣе смущенъ и не зналъ, что начать. „Должно-быть, на дворѣ холодно?" сказалъ онъ, обращаясь къ Чубу.

„Морозецъ есть", отвѣчалъ Чубъ. „А позволь спросить тебя: чѣмъ ты смазываешь свои сапоги, смальцемъ или дегтемъ?" Онъ хотѣлъ не то сказать; онъ хотѣлъ спросить: „какъ ты, голова, залѣзъ въ этотъ мѣшокъ?" но самъ не понималъ, какъ выговорилъ совершенно другое.

„Дегтемъ лучше", сказалъ голова. „Ну, прощай, Чубъ!" И, нахлобучивъ капелюхи, вышелъ изъ хаты.

„Для чего спросилъ я сдуру, чѣмъ онъ мажетъ сапоги!" произнесъ Чубъ, поглядывая на двери, въ которыя вышелъ

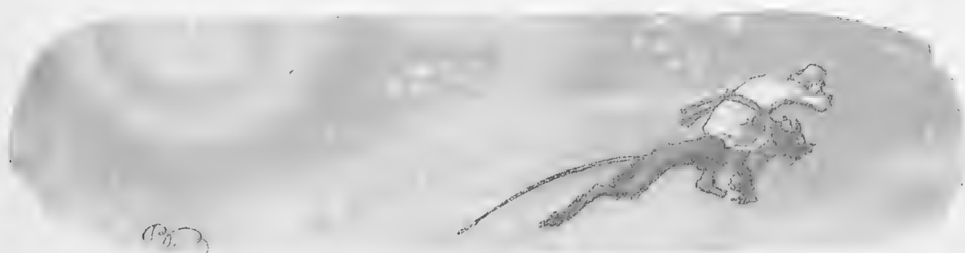
голова. Ай да Солоха! этакого человѣка засадить въ мѣшокъ!.. Вишь, чортова баба! А я дуракъ... Да гдѣ же тотъ проклятый мѣшокъ?“

„Я кинула его въ уголъ, тамъ больше ничего нѣтъ“, сказала Оксана.

„Знаю я эти штуки, ничего нѣтъ! Подайте его сюда: тамъ еще одинъ сидитъ! Встряхните его хорошенько... Что, нѣтъ? Вишь, проклятая баба! А поглядѣть на нее—какъ святая, какъ будто и скоромнаго никогда не брала въ ротъ!...“

Но оставимъ Чуба изливать на досугѣ свою досаду и возвратимся къ кузнецу, потому что уже на дворѣ, вѣрно, есть часъ девятый.

Сначала страшно показалось Вакулѣ, особливо когда поднялся онъ отъ земли на такую высоту, что ничего уже не могъ видѣть внизу, и пролетѣлъ, какъ муха, подъ самымъ мѣсяцемъ, такъ что, если бы не наклонился немного, то зацѣпилъ бы его шапкою. Однакожъ, немного спустя, онъ ободрился и уже сталъ подшучивать надъ чортомъ. (Его забавляло до крайности, какъ чортъ чихалъ и кашлялъ, когда онъ снималъ съ шеи кипарисный крестикъ и подносилъ къ нему. Нарочно поднималъ онъ руку почесать голову, а чортъ, думая, что его собираются крестить, летѣлъ еще быстрѣе). Все было свѣтло въ вышинѣ. Воздухъ, въ легкомъ серебряномъ туманѣ, былъ прозраченъ. Все было видно, и даже можно было замѣтить, какъ вихремъ пронесся мимо нихъ, сидя въ горшкѣ, колдунъ; какъ звѣзды, собравшись въ кучу, играли въ жмурки; какъ клубился въ сторонѣ облакомъ цѣлый рой

духовъ, какъ плясавшій при мѣсяцѣ чортъ снялъ шапку, увидѣвши кузнеца, скачущаго верхомъ; какъ летѣла возвращавшаяся назадъ метла, на которой, видно, только что съѣздила, куда нужно, вѣдьма... Много еще дряни встрѣчали они. Все, видя кузнеца, на минуту останавливалось поглядѣть на него, и потомъ снова неслось далѣе и продолжало свое; кузнецъ

все летѣлъ, и вдругъ заблестѣлъ передъ нимъ Петербургъ весь въ огнѣ. (Тогда была по какому-то случаю иллюминація). Чортъ, перелетѣвъ черезъ шлагбаумъ, оборотился въ коня, и кузнецъ увидѣлъ себя на лихомъ бѣгунѣ среди улицы.

Боже мой! стукъ, громъ, блескъ; по обѣимъ сторонамъ громоздятся четырехъ-этажныя стѣны; стукъ конскихъ копытъ и колесъ отзывался громомъ и отдавался съ четырехъ сторонъ; дома росли и будто подымались изъ земли на каждомъ шагу; мосты дрожали; кареты летали; извозчики, форейторы кричали; снѣгъ свистѣлъ подъ тысячью летящихъ со всѣхъ сторонъ саней; пѣшеходы жались и тѣснились подъ домами, унизанными плошками, и огромныя тѣни ихъ мелькали по стѣнамъ, досягая головою трубъ и крышъ.

Съ изумленіемъ оглядывался кузнецъ на всѣ стороны. Ему казалось, что всѣ дома устремили на него свои безчисленныя огненныя очи и глядѣли. Господъ, въ крытыхъ сукномъ шубахъ, онъ увидѣлъ такъ много, что не зналъ, кому шапку снимать. „Боже ты мой, сколько тутъ панства!“ подумалъ кузнецъ. „Я думаю, каждый, кто ни пройдетъ по улицѣ въ шубѣ, то и засѣдатель, то и засѣдатель! А тѣ, что катаются въ такихъ чудныхъ бричкахъ со стеклами, тѣ, когда не городничіе, то вѣрно комиссары, а, можетъ, еще и больше“. Его слова прерваны были вопросомъ чорта: „Прямо ли ѣхать къ царицѣ?“ — „Нѣтъ, страшно“, подумалъ кузнецъ. „Тутъ, гдѣ-то, не знаю, пристали запорожцы, которые проѣзжали осенью чрезъ Диканьку. Они ѣхали изъ Сѣчи съ бумагами къ царицѣ; все бы таки посовѣтоваться съ ними. Эй, сатана! полѣзай ко мнѣ въ карманъ, да веди къ запорожцамъ!“

И чортъ въ одну минуту похудѣлъ и сдѣлался такимъ маленькимъ, что безъ труда влѣзъ къ нему въ карманъ. А Вакула не успѣлъ оглянуться, какъ очутился передъ большимъ домомъ, взошелъ, самъ не зная, какъ, на лѣстницу, отворилъ дверь и подался немного назадъ отъ блеска, увидѣвши убранную комнату; но немного ободрился, узнавши тѣхъ самыхъ запорожцевъ, которые проѣзжали черезъ Диканьку, а теперь сидѣли на шелковыхъ диванахъ, поджавши подъ себя намазанные дегтемъ сапоги, и курили самый крѣпкій табакъ, называемый обыкновенно корешками.

„Здравствуйте, панове! Помогай Богъ вамъ, вотъ гдѣ увидѣлись!“ сказалъ кузнецъ, подошедши близко и отвѣсивши поклонъ до земли.

„Что тамъ за человѣкъ?“ спросилъ сидѣвшій передъ самымъ кузнецомъ другого, сидѣвшаго подалѣе.

„А вы не познали?“ сказалъ кузнецъ. „Это я, Вакула, кузнецъ! Когда проѣзжали осенью черезъ Диканьку, то прогостили, дай Боже вамъ всякаго здоровья и долголѣтія, у меня безъ малаго два дня. Я новую шину тогда поставилъ на переднее колесо у вашей кибитки!“

„А!“ сказалъ тотъ же запорожецъ: „это тотъ самый кузнецъ, который малюетъ важно. Здорово, землякъ! Зачѣмъ тебя Богъ принесъ?“

„А такъ, захотѣлось поглядѣть; говорятъ...“

„Что-жъ, землякъ“, сказалъ, пріосанясь, запорожецъ, и желая показать, что онъ можетъ говорить и по-русски: „што, балшой городъ?“

Кузнецъ и себя не хотѣлъ осрамить и показаться новичкомъ, притомъ же, какъ имѣли случай видѣть выше сего, онъ зналъ и самъ грамотный языкъ. „Гобернія знатная!“ отвѣчалъ онъ равнодушно: „нечего сказать, домы балшущіе, картины висятъ скрозь важныя. Многіе домы исписаны буквами изъ сусальнаго золота до чрезвычайности. Нечего сказать, чудная пропорція!“

Запорожцы, услышавши кузнеца, такъ свободно изъясняющагося, вывели заключеніе, очень для него выгодное.

„Послѣ потолкуемъ съ тобою, землякъ, побольше, теперь же мы ѣдемъ сейчасъ до царицы“.

„До царицы? а будьте ласковы, панове, возьмите и меня съ собою!“

„Тебя?“ произнесъ запорожецъ съ такимъ видомъ, съ какимъ говоритъ дядька четырехлѣтнему своему воспитаннику, который проситъ посадить его на настоящую, на большую лошадь. „Что ты будешь тамъ дѣлать? Нѣтъ, не можно.—При этомъ на лицѣ его выразилась значительная мина. „Мы, братъ, будемъ съ царицею толковать про свое“.

„Возьмите!“ настаивалъ кузнецъ. „Проси!“ шепнулъ онъ тихо чорту, ударивъ кулакомъ по карману.

Не успѣлъ онъ этого сказать, какъ другой запорожецъ проговорилъ: „Возьмемъ его, въ самомъ дѣлѣ, братцы!“

„Пожалуй, возьмемъ!“ произнесли другіе.

„Надѣвай же платье такое, какъ и мы“.

Кузнецъ схватился натянуть на себя зеленый жупанъ, какъ вдругъ дверь отворилась и вошедшій съ позументами человѣкъ сказалъ, что пора ѣхать.

Чудно снова показалось кузнецу, когда понесся онъ, въ огромной каретѣ, качаясь на рессорахъ, когда съ обѣихъ сторонъ мимо его бѣжали назадъ четырехъ-этажные дома, и мостовая, гремя, казалось, сама катилась подъ ноги лошадямъ.

„Боже ты мой, какой свѣтъ!“ думалъ про себя кузнецъ: „у насъ днемъ не бываетъ такъ свѣтло.“

Кареты остановились передъ дворцомъ. Запорожцы вышли, вступили въ великолѣпныя сѣни и начали подыматься на блистательно освѣщенную лѣстницу.

„Что за лѣстница!“ шепталъ про себя кузнецъ; „жаль ногами топтать. Экія украшенія! Вотъ, говорятъ: лгутъ сказки! Кой чортъ лгутъ! Боже ты мой! что за перила! Какая работа! Тутъ одного желѣза рублей на пятьдесятъ пошло!“

Уже взобравшись на лѣстницу, запорожцы прошли первую залу. Робко слѣдовалъ за ними кузнецъ, опасаясь на каждомъ шагу поскользнуться на паркетѣ. Прошли три залы, кузнецъ все еще не переставалъ удивляться. Вступивши въ четвертую, онъ невольно подошелъ къ висѣвшей на стѣнѣ картинѣ. Это была Пречистая Дѣва съ младенцемъ на рукахъ.

„Что за картина! что за чудная живопись!“ разсуждалъ онъ. „Вотъ, кажется, говоритъ! кажется, живая! А Дитя Святое! и ручки прижало, и усмѣхается, бѣдное! А краски! Боже ты мой, какія краски! Тутъ вохры, я думаю, и на копѣйку не пошло, все ярь да баканъ. А голубая такъ и горитъ! Важная работа! Должно быть, грунтъ наведенъ былъ самымъ дорогимъ блейвасомъ. Сколь однакожъ ни удивительно сіе малеваніе, но эта мѣдная ручка“, продолжалъ онъ, подходя къ двери и щупая замокъ: „еще большаго достойна удивленія. Экъ какая чистая выдѣлка! Это все, я думаю, нѣмецкіе кузнецы за самыя дорогія цѣны дѣлали...“

Можетъ быть, долго еще бы разсуждалъ кузнецъ, если бы лакей съ галунами не толкнулъ его подъ руку и не напомнилъ, чтобы онъ не отставалъ отъ другихъ. Запорожцы прошли еще двѣ залы и остановились. Тутъ велѣно имъ было дожидаться. Въ залѣ толпилось нѣсколько генераловъ въ шитыхъ золотомъ мундирахъ. Запорожцы поклонились на всѣ стороны и стали въ кучу.

Минуту спустя, вошелъ, въ сопровожденіи цѣлой свиты, величественнаго роста, довольно плотный человѣкъ въ гетьманскомъ мундирѣ, въ желтыхъ сапожкахъ. Волосы на немъ были растрепаны, одинъ глазъ немного кривъ, на лицѣ изображалась какая-то надменная величавость, во всѣхъ движеніяхъ видна была привычка повелѣвать. Всѣ генералы, которые расхаживали довольно спѣсиво въ золотыхъ мундирахъ, засуетились и съ низкими поклонами, казалось, ловили каждое его слово и даже малѣйшее движеніе, чтобы сейчасъ летѣть выполнять его. Но гетьманъ не обратилъ даже и внима-

нія на все это, едва кивнулъ головою и подошелъ къ запорожцамъ.

Запорожцы всѣ отвѣсили поклонъ въ ноги.

„Всѣ ли вы здѣсь?“ спросилъ онъ протяжно, произнося слова немного въ носъ.

„*Та вси, батько*!“ отвѣчали запорожцы, кланяясь снова.

„Не забудьте говорить такъ, какъ я васъ училъ!“

„Нѣтъ, батько, не позабудемъ“.

„Это царь?“ спросилъ кузнецъ одного изъ запорожцевъ.

„Куда тебѣ царь! это самъ Потемкинъ“, отвѣчалъ тотъ.

Въ другой комнатѣ послышались голоса, и кузнецъ не зналъ, куда дѣть свои глаза отъ множества вошедшихъ дамъ, въ атласныхъ платьяхъ, съ длинными хвостами, и придворныхъ въ шитыхъ золотомъ кафтанахъ и съ пучками назади. Онъ только видѣлъ одинъ блескъ и больше ничего.

Запорожцы вдругъ всѣ пали на землю и закричали въ одинъ голосъ: „Помилуй, мамо! помилуй!“

Кузнецъ, не видя ничего, растянулся и самъ, со всѣмъ усердіемъ, на полу.

„Встаньте!“ прозвучалъ надъ ними повелительный и вмѣстѣ пріятный голосъ. Нѣкоторые изъ придворныхъ засуетились и толкали запорожцевъ.

„Не встанемъ, мамо! не встанемъ! Умремъ, а не встанемъ!“ кричали запорожцы.

Потемкинъ кусалъ себѣ губы; наконецъ, подошелъ самъ и повелительно шепнулъ одному изъ запорожцевъ. Запорожцы поднялись.

Тутъ осмѣлился и кузнецъ поднять голову и увидѣлъ стоявшую передъ собою небольшого роста женщину, нѣсколько даже дородную, напудренную, съ голубыми глазами и вмѣстѣ съ тѣмъ величественно улыбающимся видомъ, который такъ умѣлъ покорять себѣ все и могъ только принадлежать одной царствующей женщинѣ.

„Свѣтлѣйшій обѣщалъ меня познакомить сегодня съ моимъ народомъ, котораго я до сихъ поръ еще не видала“, говорила дама съ голубыми глазами, разсматривая съ любопытствомъ запорожцевъ. „Хорошо ли васъ здѣсь содержатъ?“ продолжала она, подходя ближе.

„*Та спасиби, мамо!* Провіянтъ даютъ хорошій, хотя бараны здѣшніе совсѣмъ не то, что у насъ на Запорожьи,—почему жъ не жить какъ-нибудь?..“

Потемкинъ поморщился, видя, что запорожцы говорятъ совершенно не то, чему онъ ихъ училъ...

Одинъ изъ запорожцевъ, пріосанясь, выступилъ впередъ: „Помилуй, мамо! Чѣмъ тебя твой вѣрный народъ прогнѣвилъ? Развѣ держали мы руку поганаго татарина; развѣ соглашались въ чемъ-либо съ турчиномъ; развѣ измѣнили тебѣ дѣломъ или помышленіемъ? За что жъ немилость? Прежде слышали мы, что приказываешь вездѣ строить крѣпости отъ насъ; послѣ слышали, что хочешь *поворотить въ карабинеры*; теперь слышимъ новыя напасти. Чѣмъ виновато запорожское войско? Тѣмъ ли, что перевело твою армію чрезъ Перекопъ и помогло твоимъ енераламъ порубать крымцевъ?..“

Потемкинъ молчалъ и небрежно чистилъ небольшою щеточкою свои брильянты, которыми были унизаны его руки.

„Чего же хотите вы?“ заботливо спросила Екатерина.

Запорожцы значительно взглянули другъ на друга.

„Теперь пора! царица спрашиваетъ, чего хотите!“ сказалъ самъ себѣ кузнецъ и вдругъ повалился на землю.

„Ваше царское величество, не прикажите казнить, прикажите миловать! Изъ чего, не во гнѣвъ будь сказано вашей царской милости, сдѣланы черевички, что на ногахъ вашихъ? Я думаю, ни одинъ швецъ, ни въ одномъ государствѣ на свѣтѣ, не сумѣетъ такъ сдѣлать. Боже ты мой, что если бы моя жинка надѣла такіе черевики!“

Государыня засмѣялась. Придворные засмѣялись тоже. Потемкинъ и хмурился, и улыбался вмѣстѣ. Запорожцы начали толкать подъ руку кузнеца, думая, не съ ума ли онъ сошелъ.

„Встань!“ сказала ласково государыня. „Если такъ тебѣ хочется имѣть такіе башмаки, то это не трудно сдѣлать. Принесите ему сей же часъ башмаки самые дорогіе, съ золотомъ! Право, мнѣ очень нравится это простодушіе! Вотъ вамъ“, продолжала государыня, устремивъ глаза на стоявшаго подалѣе отъ другихъ господина, съ полнымъ, но нѣсколько блѣднымъ лицомъ, котораго скромный кафтанъ съ большими перламутровыми пуговицами показывалъ, что онъ не принадлежалъ къ числу придворныхъ: „предметъ, достойный остроумнаго пера вашего“.

„Вы, ваше императорское величество, слишкомъ милостивы. Тутъ нуженъ, по крайней мѣрѣ, Лафонтенъ!, отвѣчалъ, поклонясь, человѣкъ съ перламутровыми пуговицами.

„По чести скажу вамъ: я до сихъ поръ безъ памяти отъ вашего „Бригадира“, Вы удивительно хорошо читаете! Однакожъ“, продолжала государыня, обращаясь снова къ запорожцамъ: „я слышала, что на Сѣчѣ у васъ никогда не женятся“.

„*Якъ же, мамо!* Вѣдь человѣку, сама знаешь, безъ жинки нельзя жить“, отвѣчалъ тотъ самый запорожецъ, который разговаривалъ съ кузнецомъ, и кузнецъ удивился, слыша, что этотъ запорожецъ, зная такъ хорошо грамотный языкъ, говоритъ съ царицею, какъ будто нарочно, самымъ грубымъ, обыкновенно называемымъ мужицкимъ нарѣчіемъ. „Хитрый народъ!“ подумалъ онъ самъ въ себѣ; „вѣрно, не даромъ онъ это дѣлаетъ“.

„Мы не чернецы“, продолжалъ запорожецъ, а люди грѣшные. Падки, какъ и все честное христіанство, до скоромнаго. Есть у насъ не мало такихъ, которые имѣютъ женъ, только не живутъ съ ними на Сѣчѣ. Есть такіе, что имѣютъ женъ въ Польшѣ; есть такіе, что имѣютъ женъ въ Украйнѣ; есть такіе, что имѣютъ женъ и въ Турещинѣ“.

Въ это время кузнецу принесли башмаки.

„Боже ты мой, что за украшеніе! вскрикнулъ онъ радостно, ухвативъ башмаки. „Ваше царское величество! что жъ, когда башмаки такіе на ногахъ, и въ нихъ, чаятельно, ваше благородіе, ходите и на ледъ *ковзяться*,[1]) какія жъ должны быть самыя ножки? Думаю, по малой мѣрѣ, изъ чистаго сахара“.

Государыня, которая точно имѣла самыя стройныя и прелестныя ножки, не могла не улыбнуться, слыша такой комплиментъ изъ устъ простодушнаго кузнеца, который въ своемъ запорожскомъ платьѣ могъ почесться красавцемъ, несмотря на смуглое лицо.

Обрадованный такимъ благосклоннымъ вниманіемъ, кузнецъ уже хотѣлъ было разспросить хорошенько царицу обо всемъ: правда ли, что цари ѣдятъ одинъ только медъ да сало, и тому подобное; но почувствовавъ, что запорожцы толкаютъ его подъ бока, рѣшился замолчать. И когда государыня, обратившись къ старикамъ, начала разспрашивать, какъ у нихъ живутъ на Сѣчѣ, какіе обычаи водятся, онъ, отошедши назадъ, нагнулся къ карману, сказалъ тихо: „выноси меня отсюда скорѣй!“ и вдругъ очутился—за шлагбаумомъ.

„Утонулъ! ей Богу, утонулъ! Вотъ, чтобы я не сошла съ этого мѣста, если не утонулъ!“ лепетала толстая ткачиха, стоя въ кучѣ Диканьскихъ бабъ, посереди улицы.

„Что-жъ, развѣ я лгунья какая? Развѣ я у кого-нибудь корову украла? Развѣ я сглазила кого, что ко мнѣ не имѣютъ

[1]) Кататься, скользить.

вѣры?“ кричала баба въ козацкой свиткѣ съ фіолетовымъ носомъ, размахивая руками. „Вотъ, чтобы мнѣ воды не захотѣлось пить, если старая Переперчиха не видѣла собственными глазами, какъ повѣсился кузнецъ!“

„Кузнецъ повѣсился? Вотъ тебѣ на!“ сказалъ голова, выходившій отъ Чуба, остановился и протѣснился ближе къ разговаривавшимъ.

„Скажи лучше, чтобъ тебѣ водки не захотѣлось пить, старая пьяница!“ отвѣчала ткачиха. „Нужно быть такой сумасшедшей, какъ ты, чтобы повѣситься! Онъ утонулъ! утонулъ въ пролубѣ! Это я такъ знаю, какъ то, что ты была сейчасъ у шинкарки“.

„Срамница! вишь, чѣмъ стала попрекать!“ гнѣвно возразила баба съ фіолетовымъ носомъ. „Молчала бы, негодница! Развѣ я не знаю, что къ тебѣ дьякъ ходитъ каждый вечеръ“.

Ткачиха вспыхнула.

„Что дьякъ? къ кому дьякъ? что ты врешь?“

„Дьякъ?“ пропѣла, тѣснясь къ ссорившимся, дьячиха, въ тулупѣ изъ заячьяго мѣха, крытомъ синею китайкой. „Я дамъ знать дьяка! Кто это говоритъ: дьякъ?“

„А вотъ къ кому ходитъ дьякъ!“ сказала баба съ фіолетовымъ носомъ, указывая на ткачиху.

„Такъ это ты, сука?“ сказала дьячиха, подступая къ ткачихѣ: „такъ это ты, вѣдьма, напускаешь на него туманъ и поишь нечистымъ зельемъ, чтобы ходилъ къ тебѣ?“

„Отвяжись отъ меня, сатана!“ говорила, пятясь, ткачиха.

„Вишь, проклятая вѣдьма, чтобъ ты не дождалась дѣтей своихъ видѣть! Негодная! Тьфу!“ Тутъ дьячиха плюнула прямо въ глаза ткачихѣ.

Ткачиха хотѣла и себѣ сдѣлать то же, но, вмѣсто того, плюнула въ небритую бороду головѣ, который, чтобы лучше все слышать, подобрался къ самымъ спорившимъ.

„А, скверная баба!“ закричалъ голова, обтирая полою лицо и поднявши кнутъ. Это движеніе заставило всѣхъ разойтись, съ ругательствами, въ разныя стороны. „Экая мерзость!“ повторялъ голова, продолжая обтираться. „Такъ кузнецъ утонулъ! Боже ты мой! А какой важный живописецъ былъ! Какіе ножи крѣпкіе, серпы, плуги умѣлъ выковывать! Что за сила была! Да“, продолжалъ онъ, задумавшись: „такихъ людей мало у насъ на селѣ. То-то я, еще сидя въ проклятомъ мѣшкѣ, замѣчалъ, что бѣдняжка былъ крѣпко не въ духѣ. Вотъ тебѣ и кузнецъ! былъ, а теперь и нѣтъ! А я собирался было подковать свою рябую кобылу!...“ И, будучи полонъ такихъ христіанскихъ мыслей, голова тихо побрелъ въ свою хату.

Оксана смутилась, когда до нея дошли такія вѣсти. Она мало вѣрила глазамъ Переперчихи и толкамъ бабъ; она знала, что кузнецъ довольно набоженъ, чтобы рѣшиться погубить свою душу. Но что, если онъ, въ самомъ дѣлѣ, ушелъ съ намѣреніемъ никогда не возвращаться въ село? А врядъ ли и въ другомъ мѣстѣ найдется такой молодецъ, какъ кузнецъ. Онъ же такъ любилъ ее! Онъ долѣе всѣхъ выносилъ ея капризы... Красавица всю ночь подъ своимъ одѣяломъ поворачивалась съ праваго бока на лѣвый, съ лѣваго на правый, и не могла заснуть. То, разметавшись въ обворожительной наготѣ, которую ночной мракъ скрывалъ даже отъ нея самой, она почти вслухъ бранила себя; то, пріутихнувъ, рѣшалась ни объ чемъ не думать—и все думала. И вся горѣла, и къ утру влюбилась по уши въ кузнеца.

Чубъ не изъявилъ ни радости, ни печали объ участи Вакулы. Его мысли заняты были однимъ: онъ никакъ не могъ позабыть вѣроломства Солохи и, сонный, не переставалъ бранить ее.

Настало утро. Вся церковь еще до свѣта была полна народа. Пожилыя женщины, въ бѣлыхъ намиткахъ, въ бѣлыхъ суконныхъ свиткахъ, набожно крестились у самаго входа церковнаго. Дворянки, въ зеленыхъ и желтыхъ кофтахъ, а иныя даже въ синихъ кунтушахъ, съ золотыми назади усами, стояли впереди ихъ. Дѣвчата, у которыхъ на головахъ намотана была цѣлая лавка лентъ, а на шеѣ монистъ, крестовъ и дукатовъ, старались пробраться еще ближе къ иконостасу. Но впереди всѣхъ стояли дворяне и простые мужики съ усами, съ чубами, съ толстыми шеями и только что выбритыми подбородками, всѣ большею частію въ кобенякахъ, изъ подъ которыхъ выказывалась бѣлая, а у иныхъ и синяя свитка. На всѣхъ лицахъ, куда ни взглянь, видѣнъ былъ праздникъ. Голова заранѣе облизывался, воображая, какъ онъ разговѣется колбасою; дѣвчата помышляли о томъ, какъ онѣ будутъ *ковзяться* съ хлопцами на льду; старухи усерднѣе, нежели когда-либо, шептали молитвы. По всей церкви слышно было, какъ козакъ Свербыгузъ клалъ поклоны. Одна только Оксана стояла какъ будто не своя: молилась и не молилась. На сердцѣ у нея столпилось столько разныхъ чувствъ, одно другого досаднѣе, одно другого печальнѣе, что лицо ея выражало одно только сильное смущеніе; слезы дрожали въ глазахъ. Дѣвчата не могли понять этому причины и не подозрѣвали, чтобы виною былъ кузнецъ. Однакожъ, не одна Оксана была занята кузнецомъ. Всѣ міряне замѣтили, что праздникъ—какъ будто не праздникъ, что какъ будто все чего-то недостаетъ. Какъ на бѣду,

„Погляди, какія я тебѣ принесъ черевики!“—сказалъ Вакула...

Рис. В. Замирайло.

дьякъ, послѣ путешествія въ мѣшкѣ, охрипъ и дребезжалъ едва слышнымъ голосомъ; правда, пріѣзжій пѣвчій славно бралъ басомъ, но куда бы лучше было, еслибы и кузнецъ былъ, который всегда, бывало, какъ только пѣли „Отче нашъ“ или „Иже херувимы“, всходилъ на крылосъ и выводилъ оттуда тѣмъ же самымъ напѣвомъ, какимъ поютъ и въ Полтавѣ. Къ тому же онъ одинъ исправлялъ должность церковнаго титара. Уже отошла заутреня, послѣ заутрени отошла обѣдня... Куда-жъ это, въ самомъ дѣлѣ, запропастился кузнецъ?

Еще быстрѣе въ остальное время ночи несся чортъ съ кузнецомъ назадъ, и мигомъ очутился Вакула около своей хаты. Въ это время пропѣлъ пѣтухъ.

„Куда?“ закричалъ кузнецъ, ухватя за хвостъ хотѣвшаго убѣжать чорта. „Постой, пріятель, еще не все: я еще не поблагодарилъ тебя“.

Тутъ, схвативши хворостину, отвѣсилъ онъ ему три удара, и бѣдный чортъ припустилъ бѣжать, какъ мужикъ, котораго только что выпарилъ засѣдатель. Итакъ, вмѣсто того, чтобы провесть, соблазнить и одурачить другихъ, врагъ человѣческаго рода былъ самъ одураченъ.

Послѣ сего Вакула вошелъ въ сѣни, зарылся въ сѣно и проспалъ до обѣда. Проснувшись, онь испугался, когда увидѣлъ, что солнце уже высоко: „Я проспалъ заутреню и обѣдню!“

Тутъ благочестивый кузнецъ погрузился въ уныніе, разсуждая, что это, вѣрно, Богъ нарочно, въ наказаніе за грѣшное его намѣреніе погубить свою душу, наслалъ сонъ, который не далъ даже ему побывать, въ такой торжественный праздникъ, въ церкви. Но, однакожъ, успокоивъ себя тѣмъ, что въ слѣдующую недѣлю исповѣдается въ этомъ попу, и съ нынѣшняго же дня начнетъ бить по пятидесяти поклоновъ цѣлый годъ, заглянулъ онъ въ хату; но въ ней не было никого. Видно, Солоха еще не возвращалась.

Бережно вынулъ онъ изъ-за пазухи башмаки и снова изумился дорогой работѣ и чудному происшествію минувшей ночи; умылся, одѣлся, какъ можно лучше, надѣлъ то самое платье, которое досталъ отъ запорожцевъ, вынулъ изъ сундука новую шапку рѣшетиловскихъ смушекъ съ синимъ верхомъ, которой не надѣвалъ еще ни разу съ того времени, какъ купилъ ее еще въ бытность въ Полтавѣ; вынулъ также новый всѣхъ цвѣтовъ поясъ; положилъ все это вмѣстѣ съ нагайкою въ платокъ и отправился прямо къ Чубу.

Чубъ выпучилъ глаза, когда вошелъ къ нему кузнецъ, и не зналъ, чему дивиться: тому ли, что кузнецъ воскресъ, тому ли, что кузнецъ смѣлъ къ нему прійти, или тому, что онъ нарядился такимъ щеголемъ и запорожцемъ. Но еще больше изумился онъ, когда Вакула развязалъ платокъ и положилъ передъ нимъ новехонькую шапку и поясъ, какого не видано было на селѣ, а самъ повалился ему въ ноги и проговорилъ умоляющимъ голосомъ: „Помилуй, батько! не гнѣвись! Вотъ тебѣ и нагайка: бей, сколько душа пожелаетъ. Отдаюсь самъ, во всемъ каюсь; бей, да не гнѣвись только. Ты жъ, когда-то, братался съ покойнымъ батькомъ, вмѣстѣ хлѣбъ-соль ѣли и магарычъ пили".

Чубъ не безъ тайнаго удовольствія видѣлъ, какъ кузнецъ, который никому на селѣ въ усъ не дулъ, сгибалъ въ рукѣ пятаки и подковы, какъ гречневые блины, тотъ самый кузнецъ лежалъ теперь у ногъ его. Чтобъ еще больше не уронить себя, Чубъ взялъ нагайку и ударилъ ею три раза по спинѣ. „Ну, будетъ съ тебя, вставай! Старыхъ людей всегда слушай! Забудемъ все, что было межъ нами. Ну, теперь говори, чего тебѣ хочется?"

„Отдай, батько, за меня Оксану!"

Чубъ немного подумалъ, поглядѣлъ на шапку и поясъ: шапка была чудная, поясъ также не уступалъ ей; вспомнилъ о вѣроломной Солохѣ и сказалъ рѣшительно: „*Добре!* присылай сватовъ!"

„Ай!" вскрикнула Оксана, переступая черезъ порогъ и увидѣвъ кузнеца, и вперила съ изумленіемъ и радостью въ него очи.

„Погляди, какіе я тебѣ принесъ черевики!" сказалъ Вакула: „тѣ самые, которые носитъ царица".

„Нѣтъ, нѣтъ! мнѣ не нужно черевиковъ!" говорила она, махая руками и не сводя съ него очей: „я и безъ черевиковъ"... Далѣе она не договорила и покраснѣла.

Кузнецъ подошелъ ближе, взялъ ее за руку; красавица и очи потупила. Еще никогда не была она такъ чудно хороша. Восхищенный кузнецъ тихо поцѣловалъ ее, и лицо ея пуще загорѣлось, и она стала еще лучше.

Проѣзжалъ черезъ Диканьку блаженной памяти архіерей, хвалилъ мѣсто, на которомъ стоитъ село и, проѣзжая по улицѣ, остановился передъ новою хатою.

„А чья это такая размалеванная хата?" спросилъ преосвященный у стоявшей близь дверей красивой женщины съ дитятей на рукахъ.

„Кузнеца Вакулы!“ сказала ему, кланяясь, Оксана, потому что это именно была она.

„Славно! славная работа!“ сказалъ преосвященный, разглядывая двери и окна. А окна всѣ были обведены кругомъ красною краскою; на дверяхъ же вездѣ были козаки на лошадяхъ, съ трубками въ зубахъ.

Но еще больше похвалилъ преосвященный Вакулу, когда узналъ, что онъ выдержалъ церковное покаяніе и выкрасилъ даромъ весь лѣвый крылосъ зеленою краскою съ красными цвѣтами.

Это, однакожъ, не все. На стѣнѣ съ боку, какъ войдешь въ церковь, намалевалъ Вакула чорта въ аду, такого гадкаго, что всѣ плевали, когда проходили мимо; а бабы, какъ только расплакивалось у нихъ на рукахъ дитя, подносили его къ картинѣ и говорили: *„онъ бачъ, яка кака намалевана!“* И дитя, удерживая слезёнки, косилось на картину и жалось къ груди своей матери.

СТРАШНАЯ МЕСТЬ.

Шумитъ, гремитъ конецъ Кіева: есаулъ Горобець празднуетъ свадьбу своего сына. Наѣхало много людей къ есаулу въ гости. Въ старину любили хорошенько поѣсть, еще лучше любили попить, а еще лучше любили повеселиться. Пріѣхалъ на гнѣдомъ конѣ своемъ и запорожецъ Микита прямо съ разгульной попойки съ Перешляя поля, гдѣ поилъ онъ семь дней и семь ночей королевскихъ шляхтичей краснымъ виномъ. Пріѣхалъ и названный братъ есаула, Данило Бурульбашъ, съ другого берега Днѣпра, гдѣ, промежъ двумя горами, былъ его хуторъ, съ молодою женою Катериною и съ годовымъ сыномъ. Дивились гости бѣлому лицу пани Катерины, чернымъ, какъ нѣмецкій бархатъ, бровямъ, нарядной суснѣ и исподницѣ изъ голубого полутабенеку, сапогамъ съ серебряными подковами; но еще больше дивились тому, что не пріѣхалъ вмѣстѣ съ нею старый отецъ. Всего только годъ жилъ онъ на Заднѣпровьи, а двадцать одинъ пропадалъ безъ вѣсти и воротился къ дочкѣ своей, когда уже та вышла замужъ и родила сына. Онъ вѣрно, много наразсказалъ бы дивнаго. Да какъ и не разсказать, бывши такъ долго въ чужой землѣ! Тамъ все не такъ; и люди не тѣ, и церквей христовыхъ нѣтъ... Но онъ не пріѣхалъ.

Гостямъ поднесли варенуху съ изюмомъ и сливами, и на немаломъ блюдѣ коровай. Музыканты принялись за исподку его, испеченную вмѣстѣ съ деньгами и, на время притихнувъ, положили возлѣ себя цимбалы, скрипки и бубны. Между тѣмъ молодицы и дѣвчата, утершись шитыми платками, выступали снова изъ рядовъ своихъ; а парубки, схватившись въ боки, гордо озираясь на стороны, готовы были понестись имъ навстрѣчу,—какъ старый есаулъ вынесъ двѣ иконы благословить молодыхъ. Тѣ иконы достались ему отъ честнаго схимника, старца Варѳоломея. Не богата на нихъ утварь, не горитъ

„Пропади, образъ сатаны! Тутъ тебѣ нѣтъ мѣста".
Рисунокъ *К. Трутовскаго.*

ни серебро, ни золото, но никакая нечистая сила не посмѣетъ прикоснуться къ тому, у кого онѣ въ домѣ. Приподнявъ иконы вверхъ, есаулъ готовился сказать короткую молитву... какъ вдругъ закричали, перепугавшись, игравшія на землѣ дѣти, а вслѣдъ за ними попятился народъ, и всѣ показывали со страхомъ пальцами на стоявшаго посреди ихъ козака. Кто онъ таковъ, никто не зналъ. Но уже онъ протанцовалъ на славу козачка и уже успѣлъ насмѣшить обступившую его толпу. Когда же есаулъ поднялъ иконы, вдругъ все лицо козака перемѣнилось: носъ выросъ и наклонился на сторону, вмѣсто карихъ запрыгали зеленыя очи, губы засинѣли,

подбородокъ задрожалъ и заострился, какъ копье, изо рта выбѣжалъ клыкъ, изъ-за головы поднялся горбъ, и сталъ козакъ—старикъ.

„Это онъ! это онъ!“ кричали въ толпѣ, тѣсно прижимаясь другъ къ другу.

„Колдунъ показался снова!“ кричали матери, хватая за руки дѣтей своихъ.

Величаво и сановито выступилъ впередъ есаулъ и сказалъ громкимъ голосомъ, выставивъ противъ него иконы: „Пропади, образъ сатаны! тутъ тебѣ нѣтъ мѣста“. И, зашипѣвъ и щелкнувъ, какъ волкъ, зубами, пропалъ чудный старикъ.

Пошли, пошли и зашумѣли, какъ море въ непогоду, толки и рѣчи между народомъ.

„Что это за колдунъ?“ спрашивали молодые и небывалые люди.

„Бѣда будетъ!“ говорили старые, качая головами. И вездѣ, по всему широкому подворью есаула, стали собираться въ кучки и слушать исторіи про чуднаго колдуна. Но всѣ почти говорили разно, и навѣрно никто не могъ разсказать про него.

На дворъ выкатили бочку меду и не мало поставили ведеръ грецкаго вина. Все повеселѣло снова. Музыканты грянули,—дѣвчата, молодицы, лихое козачество, въ яркихъ жупанахъ, понеслись. Девяностолѣтнее и столѣтнее старье, подгулявъ, пустилось и себѣ приплясывать, поминая не даромъ пропавшіе годы, Пировали до поздней ночи, и пировали такъ, какъ теперь уже не пируютъ. Стали гости расходиться, но мало побрело во-свояси: много осталось ночевать у есаула на широкомъ дворѣ; а еще больше козачества заснуло само, непрошенное, подъ лавками, на полу, возлѣ коня, близъ хлѣва: гдѣ пошатнулась съ хмеля козацкая голова, тамъ и лежитъ и храпитъ на весь Кіевъ.

II.

Тихо свѣтитъ по всему міру: то мѣсяцъ показался изъ-за горы. Будто Дамасскою дорогою и бѣлою, какъ снѣгъ, кисеею покрылъ онъ гористый берегъ Днѣпра, и тѣнь ушла еще далѣе въ чащу сосенъ.

Посреди Днѣпра плылъ дубъ.[1]) Сидятъ впереди два хлопца черныя козацкія шапки на бекрень, и подъ веслами, какъ будто отъ огнива огонь, летятъ брызги во всѣ стороны.

Отчего не поютъ козаки? Не говорятъ ни о томъ, какъ уже ходятъ по Украйнѣ ксендзы и перекрещиваютъ козацкій народъ въ католиковъ, ни о томъ, какъ два дня билась при

[1]) Большая лодка.

Соленомъ озерѣ орда? Какъ имъ пѣть, какъ говорить про лихія дѣла? Панъ ихъ Данило призадумался и рукавъ его кармазиннаго жупана опустился изъ дуба и черпаетъ воду; пани ихъ Катерина тихо колышетъ дитя и не сводитъ съ нею очей, а на незастланную полотномъ нарядную сукню сѣрою пылью валится вода.

Любо глянуть съ середины Днѣпра на высокія горы, на широкіе луга, на зеленые лѣса! Горы тѣ—не горы: подошвы у нихъ нѣтъ, внизу ихъ, какъ и вверху, острая вершина, и подъ ними и надъ ними высокое небо. Тѣ лѣса, что стоятъ на холмахъ, не лѣса: то волосы, поросшіе на косматой головѣ лѣсного дѣда. Подъ нею въ водѣ моется борода, и подъ бородою, и надъ волосами высокое небо. Тѣ луга—не луга: то зеленый поясъ, перепоясавшій посерединѣ круглое небо; и въ верхней половинѣ, и въ нижней половинѣ прогуливается мѣсяцъ.

Не глядитъ панъ Данило по сторонамъ, глядитъ онъ на молодую жену свою. „Что, моя молодая жена, моя золотая Катерина, вдалася въ печаль?“

„Я не въ печаль вдалася, панъ мой Данило! Меня устрашили чудные разсказы про колдуна. Говорятъ, что онъ родился такимъ страшнымъ,.. и никто изъ дѣтей сызмала не хотѣлъ играть съ нимъ. Слушай, панъ Данило, какъ страшно говорятъ: что будто ему все чудилось, что всѣ смѣются надъ нимъ. Встрѣтится ли подъ темный вечеръ съ какимъ-нибудь человѣкомъ, и ему тотчасъ покажется, что онъ открываетъ ротъ и скалитъ зубы. И на другой день находили мертвымъ того человѣка. Мнѣ чудно, мнѣ страшно было, когда я слушала эти разсказы“, говорила Катерина, вынимая платокъ и вытирая имъ лицо спавшаго на рукахъ дитяти. На платкѣ были вышиты ею краснымъ шелкомъ листья и ягоды.

Панъ Данило ни слова, и сталъ поглядывать на темную сторону, гдѣ далеко, изъ-за лѣса, чернѣлъ земляной валъ, изъ за вала подымался старый замокъ. Надъ бровями разомъ вырѣзались три морщины; лѣвая рука гладила молодецкіе усы. „Не такъ еще страшно, что колдунъ“, говорилъ онъ: „какъ страшно то, что онъ недобрый гость. Что ему за блажь пришла притащиться сюда? Я слышалъ, что хотятъ ляхи строить какую-то крѣпость, чтобы перерѣзать намъ дорогу къ запорожцамъ. Пусть это правда... Я размечу чертовское гнѣздо, если только пронесется слухъ, что у него какой-нибудь притонъ. Я сожгу стараго колдуна, такъ что и воронамъ нечего будетъ расклевать. Однакожъ, думаю, онъ не безъ золота и всякаго добра. Вотъ гдѣ живетъ этотъ дьяволъ! Если у него водится золото... Мы сейчасъ будемъ плыть мимо кре-

стовъ—это кладбище! Тутъ гнiютъ его нечистые дѣды. Говорятъ, они всѣ готовы были себя продать за денежку сатанѣ и съ душою, и съ ободранными жупанами. Если жъ у него точно есть золото, то мѣшкать нечего теперь: не всегда на войнѣ можно добыть"...

„Знаю, что затѣваешь ты: не предвѣщаетъ мнѣ ничего добраго встрѣча съ нимъ. Но ты такъ тяжело дышишь, такъ сурово глядишь, брови твои такъ угрюмо надвинулись на очи!"...

„Молчи, баба!" съ сердцемъ сказалъ Данило: „съ вами кто свяжется, самъ станетъ бабой. Хлопецъ, дай мнѣ огня въ люльку!" Тутъ оборотился онъ къ одному изъ гребцовъ, который, выколотивши изъ своей люльки горячую золу, сталъ перекладывать ее въ люльку своего пана. „Пугаетъ меня колдуномъ!" продолжалъ панъ Данило. „Козакъ, слава Богу, ни чертей, ни ксендзовъ не боится. Много было бы проку, если бы мы стали слушаться женъ. Не та́къ ли, хлопцы? Наша жена—люлька да острая сабля!"

Катерина замолчала, потупивши очи въ сонную воду; а вѣтеръ дергалъ воду рябью, и весь Днѣпръ серебрился, какъ волчья шерсть середи ночи.

Дубъ повернулъ и сталъ держаться лѣсистаго берега. На берегу виднѣлось кладбище: ветхiе кресты толпились въ кучу. Ни калина не растетъ межъ ними, ни трава не зеленѣетъ, только мѣсяцъ грѣетъ ихъ съ небесной вышины.

„Слышите ли, хлопцы, крики? Кто-то зоветъ насъ на помощь!" сказалъ панъ Данило, оборотясь къ гребцамъ своимъ.

„Мы слышимъ крики, и, кажется, съ той стороны", разомъ сказали хлопцы, указывая на кладбище.

Но все стихло. Лодка поворотила, и стала огибать выдавшiйся берегъ. Вдругъ гребцы опустили весла и недвижно уставили очи. Остановился и панъ Данило: страхъ и холодъ прорѣзался въ козацкiя жилы.

Крестъ на могилѣ зашатался, и тихо поднялся изъ нея высохшiй мертвецъ. Борода до пояса; на пальцахъ когти длинные, еще длиннѣе самыхъ пальцевъ. Тихо поднялъ онъ руки вверхъ. Лицо все задрожало у него и покривилось. Страшную муку, видно, терпѣлъ онъ. „Душно мнѣ! душно!" простоналъ онъ дикимъ, не человѣчьимъ голосомъ. Голосъ его, будто ножъ, царапалъ сердце, и мертвецъ вдругъ ушелъ подъ землю. Зашатался другой крестъ, и опять вышелъ мертвецъ, еще страшнѣе, еще выше прежняго: весь заросъ, борода по колѣна, и еще длиннѣе костяные когти. Еще диче закричалъ онъ: „душно мнѣ!" и ушелъ подъ землю. Пошатнулся третiй крестъ, поднялся третiй мертвецъ. Казалось, однѣ только ко-

Пошатнулся третій крестъ. Поднялся третій мертвецъ.

сти поднялись высоко надъ землею. Борода по самыя пяты, пальцы съ длинными когтями вонзились въ землю. Страшно протянулъ онъ руки вверхъ, какъ будто хотѣлъ достать мѣсяцъ, и закричалъ такъ, какъ будто кто-нибудь сталъ пилить его желтыя кости...

Дитя, спавшее на рукахъ у Катерины, вскрикнуло и пробудилось; сама пани вскрикнула; гребцы пороняли шапки въ Днѣпръ; самъ панъ вздрогнулъ.

Все вдругъ пропало, какъ будто не бывало; однакожъ, долго хлопцы не брались за весла. Заботливо поглядѣлъ Бурульбашъ на молодую жену, которая въ испугѣ качала на рукахъ кричавшее дитя, прижалъ ее къ сердцу и поцѣловалъ въ лобъ. „Не пугайся, Катерина! Гляди: ничего нѣтъ!“ говорилъ онъ, указывая по сторонамъ. „Это колдунъ хочетъ устрашить людей, чтобы никто не добрался до нечистаго гнѣзда его. Бабъ только однѣхъ онъ напугаетъ этимъ! Дай сюда на руки сына!“

При семъ словѣ поднялъ панъ Данило своего сына вверхъ и поднесъ къ губамъ: „Что, Иванъ, ты не боишься колдуновъ?—„Нѣтъ“, говори; „тятя, я козакъ“.—Полно же, перестань плакать! домой прiѣдемъ! Прiѣдемъ домой—мать накормитъ кашею, положитъ тебя спать въ люльку, запоетъ:

Люли, люли, люли!
Люли, сынку, люли!
Да выростай, выростай въ забаву!
Козачеству на славу,
Вороженькамъ въ расправу!

„Слушай, Катерина: мнѣ кажется, что отецъ твой не хочетъ жить въ ладу съ нами. Прiѣхалъ угрюмый, суровый, какъ будто сердится... Ну, недоволенъ,—зачѣмъ и прiѣзжать? Не хотѣлъ выпить за козацкую волю! Не покачалъ на рукахъ дитяти! Сперва было я ему хотѣлъ повѣрить все, что лежитъ на сердцѣ, да не беретъ что-то, и рѣчь заикнулась. Нѣтъ, у него не козацкое сердце! Козацкiя сердца, когда встрѣтятся гдѣ, какъ не выбьются изъ груди другъ другу навстрѣчу! Что, мои любые хлопцы, скоро берегъ? Ну, шапки я вамъ дамъ новыя. Тебѣ, Стецько, дамъ выложенную бархатомъ съ золотомъ. Я ее снялъ вмѣстѣ съ головою у татарина: весь его снарядъ достался мнѣ; одну только его душу я выпустилъ на волю. Ну, причаливай! Вотъ, Иванъ, мы и прiѣхали, а ты все плачешь! Возьми его, Катерина!“

Всѣ вышли. Изъ-за горы показалась соломенная кровля: то дѣдовскiе хоромы пана Данила. За ними еще гора, а тамъ уже и поле, а тамъ хоть сто верстъ пройди, не сыщешь ни одного козака.

III.

Хуторъ пана Данила между двумя горами въ узкой долинѣ, сбѣгающей къ Днѣпру. Невысокіе у него хоромы; хата на видъ, какъ и у простыхъ козаковъ, и въ ней одна свѣтлица; но есть гдѣ помѣститься тамъ и ему, и женѣ его, и старой прислужницѣ, и десяти отборнымъ молодцамъ. Вокругъ стѣнъ вверху идутъ дубовыя полки. Густо на нихъ стоятъ миски, горшки для трапезы. Есть межъ ними и кубки серебряные, и чарки, оправленныя въ золото, дарственныя и добытыя на войнѣ. Ниже висятъ дорогіе мушкеты, сабли, пищали, копья; волею и неволею перешли они отъ татаръ, турокъ и ляховъ; не мало за то и вызубрены. Глядя на нихъ, панъ Данило какъ будто по значкамъ припоминалъ свои схватки. Подъ стѣною, внизу, дубовыя, гладко вытесанныя лавки; возлѣ нихъ, передъ лежанкою, виситъ на веревкахъ, продѣтыхъ въ кольцо, привинченное къ потолку, люлька. Во всей свѣтлицѣ полъ гладко убитый и смазанный глиною. На лавкахъ спитъ съ женою панъ Данило, на лежанкѣ старая прислужница; въ люлькѣ тѣшится и убаюкивается малое дитя; на полу покотомъ ночуютъ молодцы. Но козаку лучше спать на гладкой землѣ при вольномъ небѣ; ему не пуховикъ и не перина нужны: онъ моститъ себѣ подъ голову свѣжее сѣно и вольно протягивается на травѣ. Ему весело, проснувшись середи ночи, взглянуть на высокое, засѣянное звѣздами небо и вздрогнуть отъ ночного холода, принесшаго свѣжесть козацкимъ косточкамъ; потягиваясь и бормоча сквозь сонъ, закуриваетъ онъ люльку и закутывается крѣпче въ теплый кожухъ.

Не рано проснулся Бурульбашъ послѣ вчерашняго веселья и, проснувшись, сѣлъ въ углу на лавкѣ и началъ натачивать новую, вымѣнянную имъ, турецкую саблю; а пани Катерина принялась вышивать золотомъ шелковый ручникъ.

Вдругъ вошелъ Катерининъ отецъ, разсерженъ, нахмуренъ, съ заморскою люлькою въ зубахъ, приступилъ къ дочкѣ и сурово сталъ выспрашивать ее: что за причина тому, что такъ поздно воротилась она домой.

„Про эти дѣла, тесть, не ее, а меня спрашивать! Не жена, а мужъ отвѣчаетъ. У насъ уже такъ водится, не погнѣвайся!“ говорилъ Данило, не оставляя своего дѣла: „можетъ, въ иныхъ невѣрныхъ земляхъ этого не бываетъ,—я не знаю“.

Краска выступила на суровомъ лицѣ тестя, и очи дико блеснули. „Кому жъ, какъ не отцу, смотрѣть за своею дочкой!“ бормоталъ онъ про себя. „Ну, я тебя спрашиваю: гдѣ таскался до поздней ночи?“

„А вотъ это дѣло, дорогой тесть! На это я тебѣ скажу, что я давно уже вышелъ изъ тѣхъ, которыхъ бабы пеленаютъ. Знаю, какъ сидѣть на конѣ; умѣю держать въ рукахъ и саблю острую, еще кое-что умѣю... Умѣю никому и отвѣта не давать въ томъ, что дѣлаю“.

„Я вижу, Данило, я знаю, ты желаешь ссоры! Кто скрывается, у того, вѣрно, на умѣ недоброе дѣло“.

„Думай себѣ, что хочешь“, сказалъ Данило: „думаю и я себѣ. Слава Богу, ни въ одномъ еще безчестномъ дѣлѣ не былъ; всегда стоялъ за вѣру православную и отчизну, не такъ, какъ иные бродяги: таскаются, Богъ знаетъ, гдѣ, когда православные бьются на смерть, а послѣ нагрянутъ убирать не ими засѣянное жито. На уніатовъ даже не похожи: не заглянутъ въ Божію церковь. Такихъ бы нужно допросить порядкомъ, гдѣ они таскаются“.

„Э, козакъ! знаешь ли ты... Я плохо стрѣляю: всего за сто саженъ пуля моя пронизываетъ сердце; я и рублюсь незавидно: отъ человѣка остаются куски мельче крупъ, изъ которыхъ варятъ кашу“.

„Я готовъ“, сказалъ панъ Данило, бойко перекрестивши воздухъ саблею, какъ будто зналъ, на что ее выточилъ.

„Данило!“ закричала громко Катерина, ухвативши его за руку и повиснувъ на ней: „вспомни, безумный, погляди, на кого ты подымаешь руку! Батько, твои волосы бѣлы, какъ снѣгъ, а ты разгорѣлся, какъ неразумный хлопецъ!“

„Жена!“ крикнулъ грозно панъ Данило: „ты знаешь, я не люблю этого; вѣдай свое бабье дѣло!“

Сабли страшно звукнули; желѣзо рубило желѣзо, и искрами, будто пылью, обсыпали себя козаки. Съ плачемъ ушла Катерина въ особую свѣтлицу, кинулась въ постель и закрыла уши, чтобы не слышать сабельныхъ ударовъ. Но не такъ худо бились козаки, чтобы можно было заглушить ихъ удары. Сердце ея хотѣло разорваться на части; по всему ея тѣлу, слышала она, какъ проходили звуки: тукъ, тукъ. „Нѣтъ, не вытерплю, не вытерплю... Можетъ, уже алая кровь бьетъ ключомъ изъ бѣлаго тѣла; можетъ, теперь изнемогаетъ мой милый, а я лежу здѣсь!“ И вся блѣдная, едва переводя духъ, вошла въ хату.

Ровно и страшно бились козаки; ни тотъ, ни другой не одолѣваетъ. Вотъ наступаетъ Катерининъ отецъ—подается панъ Данило; наступаетъ панъ Данило—подается суровый отецъ, и опять наравнѣ. Кипятъ. Размахнулись... ухъ! Сабли звенятъ... и, гремя, отлетѣли въ сторону клинки.

,,Благодарю Тебя Боже!" сказала Катерина и вскрикнула снова, когда увидѣла, что козаки взялись за мушкеты. Поправили кремни, взвели курки.

Выстрѣлилъ панъ Данило,—не попалъ. Нацѣлился отецъ... Онъ старъ, онъ видитъ не такъ зорко, какъ молодой, однакожъ, не дрожитъ его рука. Выстрѣлъ загремѣлъ... Пошатнулся панъ Данило; алая кровь выкрасила лѣвый рукавъ козацкаго жупана.

,,Нѣтъ!" закричалъ онъ: ,,я не продамъ такъ дешево себя. Не лѣвая рука, а правая атаманъ. Виситъ у меня на стѣнѣ турецкій пистолетъ: еще ни разу во всю жизнь не измѣнялъ онъ мнѣ. Слѣзай со стѣны, старый товарищъ! покажи другу услугу!" Данило протянулъ руку.

,,Данило!" закричала въ отчаяніи, схвативши его за руки и бросившись ему въ ноги, Катерина: „не за себя молю. Мнѣ одинъ конецъ: та недостойная жена, которая живетъ послѣ своего мужа; Днѣпръ, холодный Днѣпръ будетъ мнѣ могилою... Но погляди на сына, Данило! погляди на сына! Кто пригрѣетъ бѣдное дитя? Кто приголубитъ его? Кто выучитъ его летать на ворономъ конѣ, биться за волю и вѣру, пить и гулять по-козацки? Пропадай, сынъ мой! пропадай! Тебя не хочетъ знать отецъ твой! Гляди, какъ онъ отворачиваетъ лицо свое. О, я теперь знаю тебя! Ты звѣрь, а не человѣкъ! У тебя волчье сердце, а дума лукавой гадины! Я думала, что у тебя капля жалости есть, что въ твоемъ каменномъ тѣлѣ человѣчье чувство горитъ. Безумно же я обманулась. Тебѣ это радость принесетъ. Твои кости станутъ танцовать въ гробѣ съ веселья, когда услышатъ, какъ нечестивые звѣри ляхи кинутъ въ пламя твоего сына, когда сынъ твой будетъ кричать подъ ножами и окропомъ. О, я знаю тебя! Ты радъ бы изъ гроба встать и раздувать шапкою огонь, взвихрившійся подъ нимъ!"

,,Постой, Катерина! Ступай, мой ненаглядный Иванъ, я поцѣлую тебя! Нѣтъ, дитя мое, никто не тронетъ волоска твоего. Ты выростешь на славу отчизны; какъ вихорь, будешь ты летать передъ козаками, съ бархатною шапочкою на головѣ, съ острою саблею въ рукѣ. Дай, отецъ, руку! Забудемъ бывшее между нами! Что сдѣлалъ передъ тобою неправаго—винюсь. Что же ты не даешь руки?" говорилъ Данило отцу Катерины, который стоялъ на одномъ мѣстѣ, не выражая на лицѣ своемъ ни гнѣва, ни примиренія.

,,Отецъ!" вскричала Катерина, обнявъ и поцѣловавъ его: ,,не будь неумолимъ, прости Данила: онъ не огорчитъ больше тебя!"

„Для тебя только, моя дочь, прощаю!“ отвѣчалъ онъ, поцѣловавъ ее и блеснувъ странно очами.

Катерина немного вздрогнула: чуденъ показался ей и поцѣлуй, и странный блескъ очей. Она облокотилась на столъ, на которомъ перевязывалъ раненую свою руку панъ Данило, передумывая, что худо и не по-козацки сдѣлалъ онъ, прося прощенія, когда не былъ ни въ чемъ виноватъ.

IV.

Блеснулъ день, но не солнечный: небо хмурилось, и тонкій дождь сѣялся на поля, на лѣса, на широкій Днѣпръ. Проснулась пани Катерина, но не радостна: очи заплаканы, и вся она смутна и неспокойна. „Мужъ мой милый, мужъ дорогой! чудный мнѣ сонъ снился!“

„Какой сонъ, моя любая пани Катерина?“

„Снилось мнѣ, чудно, право, и такъ живо, будто наяву, снилось мнѣ, что отецъ мой есть тотъ самый уродъ, котораго мы видѣли у есаула. Но, прошу тебя, не вѣрь сну: какихъ глупостей не привидится! Будто я стояла передъ нимъ, дрожала вся, боялась, и отъ каждаго слова его стонали мои жилы. Еслибъ ты слышалъ, что онъ говорилъ...“

„Что же онъ говорилъ, моя золотая Катерина?“

„Говорилъ: „Ты посмотри на меня, Катерина, я хорошъ! Люди напрасно говорятъ, что я дуренъ. Я буду тебѣ славнымъ мужемъ. Посмотри, какъ я поглядываю очами!“—Тутъ навелъ онъ на меня огненныя очи, я вскрикнула и пробудилась“.

„Да, сны много говорятъ правды. Однакожъ, знаешь ли ты, что за горою не такъ спокойно? Чуть ли не ляхи стали выглядывать снова. Мнѣ Горобець прислалъ сказать, чтобы я не спалъ; напрасно только онъ заботится: я и безъ того не сплю. Хлопцы мои въ эту ночь срубили двѣнадцать засѣковъ. Посполитство будемъ угощать свинцовыми сливами, а шляхтичи потанцуютъ и отъ батоговъ“.

„А отецъ знаетъ объ этомъ?“

„Сидитъ у меня на шеѣ твой отецъ! Я до сихъ поръ разгадать его не могу. Много, вѣрно, онъ грѣховъ надѣлалъ въ чужой землѣ. Что-жъ, въ самомъ дѣлѣ, за причина: живетъ около мѣсяца, и хоть бы разъ развеселился, какъ добрый козакъ! Не захотѣлъ выпить меду! Слышишь, Катерина: не захотѣлъ меду выпить, который я вытрусилъ у Брестовскихъ жидовъ. Эй, хлопецъ!“ крикнулъ панъ Данило: „бѣги, малый, въ погребъ, да принеси жидовскаго меду! Горѣлки даже не

пьетъ! Экая пропасть! Мнѣ кажется, пани Катерина, что онъ и въ Господа Христа не вѣруетъ? А? какъ тебѣ кажется?"

„Богъ знаетъ, что говоришь ты, панъ Данило!"

„Чудно, пани!" продолжалъ Данило, принимая глиняную кружку отъ козака: „поганые католики даже падки до водки; одни только турки не пьютъ. Что, Стецько, много хлебнулъ меду въ подвалѣ?"

„Попробовалъ только, панъ!"

„Лжешь, собачій сынъ! Вишь, какъ мухи напали на усы! Я по глазамъ вижу, что хватилъ съ полведра. Эхъ, козаки! Что за дикой народъ! Все отдать готовъ товарищу, а хмельное высушитъ самъ. Я, пани Катерина, что-то давно уже былъ пьянъ. А?"

„Вотъ давно! а въ прошедшій..."

„Не бойся, не бойся, больше кружки не выпью! А вотъ и турецкій игуменъ лѣзетъ въ дверь!" проговорилъ онъ сквозь зубы, увидя тестя, нагнувшагося, чтобъ войти въ дверь.

„А что-жъ это, моя дочь!" сказалъ отецъ, снимая съ головы шапку и поправляя поясъ, на которомъ висѣла сабля съ чудными каменьями: „солнце уже высоко, а у тебя обѣдъ не готовъ".

„Готовъ обѣдъ, панъ отецъ, сейчасъ поставимъ! Вынимай горшокъ съ галушками!" сказала пани Катерина старой прислужницѣ, обтиравшей деревянную посуду. „Постой, лучше я сама выну", продолжала Катерина: „а ты позови хлопцевъ".

Всѣ сѣли на полу въ кружокъ: противъ покута панъ отецъ, по лѣвую руку панъ Данило, по правую руку пани Катерина и десять наивѣрнѣйшихъ молодцовъ, въ синихъ и желтыхъ жупанахъ.

„Не люблю я этихъ галушекъ!" сказалъ панъ отецъ, немного поѣвши и положивши ложку: „никакого вкуса нѣтъ!"

„Знаю, что тебѣ лучше жидовская лапша", подумалъ про себя Данило. „Отчего же, тесть", продолжалъ онъ вслухъ: „ты говоришь, что вкуса нѣтъ въ галушкахъ? Худо сдѣланы, что ли? Моя Катерина такъ дѣлаетъ галушки, что и гетьману рѣдко достается ѣсть такія. А брезгать ими нечего: это христіанское кушанье! Всѣ святые люди и угодники Божіи ѣдали галушки".

Ни слова отецъ; замолчалъ и панъ Данило.

Подали жаренаго кабана съ капустою и сливами. „Я не люблю свинины!" сказалъ Катерининъ отецъ, выгребая ложкою капусту.

„Для чего же не любить свинины?“ сказалъ Данило: „одни турки и жиды не ѣдятъ свинины“.

Еще суровѣе нахмурился отецъ.

Только одну лемишку съ молокомъ и ѣлъ старый отецъ и потянулъ, вмѣсто водки, изъ фляжки, бывшей у него за пазухой, какую-то черную воду.

Пообѣдавши, заснулъ Данило молодецкимъ сномъ и проснулся только около вечера. Сѣлъ и сталъ писать листы въ козацкое войско; а пани Катерина начала качать ногою люльку, сидя на лежанкѣ. Сидитъ панъ Данило, глядитъ лѣвымъ глазомъ на писаніе, а правымъ въ окошко. А изъ окошка далеко блестятъ горы и Днѣпръ; за Днѣпромъ синѣютъ лѣса; мелькаетъ сверху прояснившееся ночное небо. Но не далекимъ небомъ и не синимъ лѣсомъ любуется панъ Данило: глядитъ онъ на выдавшійся мысъ, на которомъ чернѣлъ старый зàмокъ. Ему почудилось, будто блеснуло въ замкѣ огнемъ узенькое окошко. Но все тихо; это, вѣрно, показалось ему. Слышно только, какъ глухо шумитъ внизу Днѣпръ, и съ трехъ сторонъ, одинъ за другимъ, отдаются удары мгновенно пробудившихся волнъ. Онъ не бунтуетъ; онъ, какъ старикъ, ворчитъ и ропщетъ; ему все не мило; все перемѣнилось около него; тихо враждуетъ онъ съ прибережными горами, лѣсами, лугами и несетъ на нихъ жалобу въ Черное море.

Вотъ по широкому Днѣпру зачернѣла лодка, и въ зàмкѣ снова какъ будто блеснуло что-то. Потихоньку свистнулъ Данило и выбѣжалъ на свистъ вѣрный хлопецъ. „Бери, Стецько, съ собою скорѣе острую саблю да винтовку, да ступай за мною!“

„Ты идешь?“ спросила пани Катерина.

„Иду, жена. Нужно осмотрѣть всѣ мѣста, все ли въ порядкѣ“.

„Мнѣ, однакожъ, страшно оставаться одной. Меня сонъ такъ и клонитъ; что, если мнѣ приснится то же самое? Я даже не увѣрена, точно ли то сонъ былъ,—такъ это происходило живо“.

„Съ тобою старуха остается; а въ сѣняхъ и на дворѣ спятъ козаки!“

„Старуха спитъ уже, а козакамъ что-то не вѣрится. Слушай, панъ Данило: замкни меня въ комнатѣ, а ключъ возьми съ собою. Мнѣ тогда не такъ будетъ страшно; а козаки пусть лягутъ передъ дверями“.

„Пусть будетъ такъ!“ сказалъ Данило, стирая пыль съ винтовки и насыпая на полку порохъ.

Вѣрный Стецько уже стоялъ одѣтый по всей козацкой сбруѣ. Данило надѣлъ смушевую шапку, закрылъ окошко, задвинулъ засовами дверь, замкнулъ и, промежъ спавшими своими козаками, вышелъ потихоньку изъ двора въ горы.

Небо почти все прочистилось. Свѣжій вѣтеръ чуть-чуть повѣвалъ съ Днѣпра. Если бы не слышно было издали стенанія чайки, то все бы казалось онѣмѣвшимъ. Но вотъ почудился шорохъ... Бурульбашъ съ вѣрнымъ слугою тихо спрятался за терновникъ, прикрывавшій срубленный засѣкъ. Кто-то въ красномъ жупанѣ, съ двумя пистолетами, съ саблею при боку, спускался съ горы.—„Это тесть!“ проговорилъ панъ Данило, разглядывая его изъ-за куста. „Зачѣмъ и куда ему итти въ эту пору? Стецько, не зѣвай, смотри въ оба глаза, куда возьметъ дорогу панъ отецъ“. Человѣкъ въ красномъ жупанѣ сошелъ на самый берегъ и поворотилъ къ выдавшемуся мысу. „А! вотъ куда!“ сказалъ панъ Данило. „Что, Стецько, вѣдь онъ какъ разъ потащился къ колдуну въ дупло?“

„Да, вѣрно, не въ другое мѣсто, панъ Данило! иначе мы бы видѣли его на другой сторонѣ; но онъ пропалъ около зáмка“.

„Постой же, вылѣземъ, а потомъ пойдемъ по слѣдамъ. Тутъ что-нибудь да кроется. Нѣтъ, Катерина, я говорилъ тебѣ, что отецъ твой недобрый человѣкъ; не такъ онъ и дѣлалъ все, какъ православный“.

Уже мелькнули панъ Данило и его вѣрный хлопецъ на выдавшемся берегу. Вотъ уже ихъ и не видно; непробудный лѣсъ, окружавшій зáмокъ, спряталъ ихъ. Верхнее окошко тихо засвѣтилось; внизу стоятъ козаки и думаютъ, какъ бы влѣзть имъ: ни воротъ, ни дверей не видно; со двора, вѣрно, есть ходъ; но какъ войти туда? Издали слышно, какъ гремятъ цѣпи и бѣгаютъ собаки.

„Что я думаю долго?“ сказалъ панъ Данило, увидя передъ окномъ высокій дубъ: „стой тутъ, малый! Я полѣзу на дубъ: съ него прямо можно глядѣть въ окошко“.

Тутъ снялъ онъ съ себя поясъ, бросилъ внизъ саблю, чтобъ не звенѣла, и, ухватясь за вѣтви, поднялся вверхъ. Окошко все еще свѣтилось. Присѣвши на сукъ, возлѣ самаго окна, уцѣпился онъ рукою за дерево и глядитъ: въ комнатѣ и свѣчи нѣтъ, а свѣтитъ. По стѣнамъ чудные знаки; виситъ оружіе, но все странное: такого не носятъ ни турки, ни крымцы, ни ляхи, ни христіане, ни славный народъ шведскій. Подъ потолкомъ взадъ и впередъ мелькаютъ нетопыри, и тѣнь отъ нихъ мелькаетъ по стѣнамъ, по дверямъ, по помосту. Вотъ отворилась безъ скрипа дверь. Входитъ кто-то въ красномъ

„О! Зачѣмъ ты меня вызвалъ?“—тихо простонала она.

Рис. К. Маковскаго.

жупанѣ и прямо къ столу, накрытому бѣлою скатертью. „Это онъ, это тесть!“ Панъ Данило опустился немного ниже и прижался крѣпче къ дереву.

Но тестю некогда глядѣть, смотритъ ли кто въ окошко, или нѣтъ. Онъ пришелъ пасмуренъ, не въ духѣ, сдернулъ со стола скатерть—и вдругъ по всей комнатѣ тихо разлился прозрачно-голубой свѣтъ; только не смѣшавшіяся волны прежняго блѣдно-золотого переливались, ныряли, словно въ голубомъ морѣ, и тянулись слоями, будто на мраморѣ. Тутъ поставилъ онъ на столъ горшокъ и началъ кидать въ него какія-то травы.

Панъ Данило сталъ вглядываться и не замѣтилъ уже на немъ краснаго жупана; вмѣсто того показались на немъ широкія шаровары, какія носятъ турки; за поясомъ пистолеты; на головѣ какая-то чудная шапка, исписанная вся не русскою и не польскою грамотою. Глянулъ въ лицо—и лицо стало перемѣняться: носъ вытянулся и повиснулъ надъ губами; ротъ въ минуту раздался до ушей; зубъ выглянулъ изо рта, нагнулся на сторону, и сталъ передъ нимъ тотъ самый колдунъ, который показался на свадьбѣ у есаула. „Правдивъ сонъ твой, Катерина!“ подумалъ Бурульбашъ.

Колдунъ сталъ прохаживаться вокругъ стола, знаки стали быстрѣе перемѣняться на стѣнѣ, а нетопыри залетали сильнѣе внизъ и вверхъ, взадъ и впередъ. Голубой свѣтъ становился рѣже, рѣже и совсѣмъ какъ будто потухнулъ. И свѣтлица освѣтилась уже тонкимъ розовымъ свѣтомъ. Казалось, съ тихимъ звономъ разливался чудный свѣтъ по всѣмъ угламъ и вдругъ пропалъ, и стала тьма. Слышался только шумъ, будто вѣтеръ въ тихій часъ вечера наигрывалъ, кружась по водному зеркалу, нагибая еще ниже въ воду серебряныя ивы. И чудится пану Данилѣ, что въ свѣтлицѣ блеститъ мѣсяцъ, ходятъ звѣзды, неясно мелькаетъ темносинее небо и холодъ ночного воздуха пахнулъ даже ему въ лицо. И чудится пану Данилѣ (тутъ онъ сталъ щупать себя за усы, не спитъ ли), что уже не небо въ свѣтлицѣ, а его собственная опочивальня: висятъ на стѣнѣ его татарскія и турецкія сабли; около стѣнъ полки, на полкахъ домашняя посуда и утварь; на столѣ хлѣбъ и соль: виситъ люлька... но вмѣсто образовъ выглядываютъ страшныя лица: на лежанкѣ... но сгустившійся туманъ покрылъ все, и стало опять темно. И опять съ чуднымъ звономъ освѣтилась вся свѣтлица розовымъ свѣтомъ, и опять стоитъ колдунъ неподвижно въ чудной чалмѣ своей. Звуки стали сильнѣе и гуще, тонкій розовый свѣтъ становился ярче, и что-то бѣлое, какъ будто облако, вѣяло посреди хаты; и чудится пану

Данилѣ, что облако то не облако, что то стоитъ женщина; только изъ чего она: изъ воздуха, что ли, выткана? Отчего же она стоитъ и земли не трогаетъ, и не опершись ни на что, и сквозь нее просвѣчиваетъ розовый свѣтъ и мелькаютъ на стѣнѣ знаки? Вотъ она какъ-то пошевелила прозрачною головою своею: тихо свѣтятся ея блѣдно-голубыя очи; волосы вьются и падаютъ по плечамъ ея, будто свѣтло-сѣрый туманъ; губы блѣдно алѣютъ, будто сквозь бѣло-прозрачное утреннее небо льется едва примѣтный алый свѣтъ зари; брови слабо темнѣютъ... Ахъ! это Катерина! Тутъ почувствовалъ Данило, что члены у него оковались; онъ силился говорить, но губы шевелились безъ звука.

Неподвижно стоялъ колдунъ на своемъ мѣстѣ. „Гдѣ ты была?“ спросилъ онъ, и стоявшая передъ нимъ затрепетала.

„О! зачѣмъ ты меня вызвалъ?“ тихо простонала она. „Мнѣ было такъ радостно. Я была въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ родилась и прожила пятнадцать лѣтъ. О, какъ хорошо тамъ! Какъ зеленъ и душистъ тотъ лугъ, гдѣ я играла въ дѣтствѣ! И полевые цвѣточки тѣ же, и хата наша, и огородъ! О, какъ обняла меня добрая мать моя! Какая любовь у ней въ очахъ! Она приголубливала меня, цѣловала въ уста и щеки, расчесывала частымъ гребнемъ мою русую косу... Отецъ!“ тутъ она вперила въ колдуна блѣдныя очи: „зачѣмъ ты зарѣзалъ мать мою?“

Грозно колдунъ погрозилъ пальцемъ. „Развѣ я тебя просилъ говорить про это?“ И воздушная красавица задрожала.— „Гдѣ теперь пани твоя?“

„Пани моя, Катерина, теперь заснула, а я и обрадовалась тому, вспорхнула и полетѣла. Мнѣ давно хотѣлось увидѣть мать. Мнѣ вдругъ сдѣлалось пятнадцать лѣтъ; я вся стала легка, какъ птица. Зачѣмъ ты меня вызвалъ?“

„Ты помнишь все то, что я говорилъ тебѣ вчера?“ спросилъ колдунъ такъ тихо, что едва можно было разслушать.“

„Помню, помню; но чего бы не дала я, чтобы только забыть это. Бѣдная Катерина! она многаго не знаетъ изъ того, что знаетъ душа ея“.

„Это Катеринина душа“, подумалъ панъ Данило; но все еще не смѣлъ пошевелиться.

„Покайся, отецъ! Не страшно ли, что послѣ каждаго убійства твоего мертвецы поднимаются изъ могилъ?“

„Ты опять за старое!“ грозно прервалъ колдунъ. „Я поставлю на своемъ, я заставлю тебя сдѣлать, что мнѣ хочется. Катерина полюбитъ меня!..“

„О, ты чудовище, а не отецъ мой!“ простонала она. „Нѣтъ, не будетъ по-твоему! Правда, ты взялъ нечистыми чарами твоими власть вызывать душу и мучить ее; но одинъ только Богъ можетъ заставлять ее дѣлать то, что Ему угодно. Нѣтъ, никогда Катерина, доколѣ я буду держаться въ ея тѣлѣ, не рѣшится на богопротивное дѣло. Отецъ! близокъ страшный судъ! Еслибъ ты и не отецъ мой былъ, и тогда бы не заставилъ меня измѣнить моему любому, вѣрному мужу. Еслибы мужъ мой и не былъ мнѣ вѣренъ и милъ, и тогда бы я не измѣнила ему, потому что Богъ не любитъ клятвопреступныхъ и невѣрныхъ душъ“.

Тутъ вперила она блѣдныя очи свои въ окошко, подъ которымъ сидѣлъ панъ Данило, и неподвижно остановилась...

„Куда ты глядишь? Кого ты тамъ видишь?“ закричалъ колдунъ.

Воздушная Катерина задрожала. Но ужъ панъ Данило былъ давно на землѣ и пробирался съ своимъ вѣрнымъ Стецькомъ въ свои горы. „Страшно, страшно!“ говорилъ онъ про себя, почувствовавъ какую-то робость въ козацкомъ сердцѣ, и скоро прошелъ дворъ свой, на которомъ такъ же крѣпко спали козаки, кромѣ одного, сидѣвшаго на сторожѣ и курившаго люльку.

Небо все было засѣяно звѣздами.

V.

„Какъ хорошо ты сдѣлалъ, что разбудилъ меня!“ говорила Катерина, протирая очи шитымъ рукавомъ своей сорочки и разглядывая съ ногъ до головы стоявшаго передъ нею мужа. „Какой страшный сонъ мнѣ видѣлся! Какъ тяжело дышала грудь моя! Ухъ!.. Мнѣ казалось, что я умираю...“

„Какой же сонъ? ужъ не этотъ ли?“ И сталъ Бурульбашъ разсказывать женѣ своей все, имъ видѣнное.

„Ты какъ это узналъ, мой мужъ?“ спросила, изумившись, Катерина. „Но нѣтъ, многое мнѣ неизвѣстно изъ того, что ты разсказываешь. Нѣтъ, мнѣ не снилось, чтобы отецъ убилъ мать мою; ни мертвецовъ, ничего не видѣлось мнѣ. Нѣтъ, Данило, ты не такъ разсказываешь. Ахъ, какъ страшенъ отецъ мой!“

„И не диво, что тебѣ многое не видѣлось. Ты не знаешь и десятой доли того, что знаетъ душа. Знаешь ли, что отецъ твой антихристъ? Еще въ прошломъ году, когда собирался я вмѣстѣ съ ляхами на крымцевъ (тогда еще я держалъ руку

этого невѣрнаго народа), мнѣ говорилъ игуменъ Братскаго монастыря (онъ, жена, святой человѣкъ), что антихристъ имѣетъ власть вызывать душу каждаго человѣка; а душа гуляетъ по своей волѣ, когда заснетъ онъ, и летаетъ вмѣстѣ съ архангелами около Божіей свѣтлицы. Мнѣ съ перваго раза не показалось лицо твоего отца. Еслибы я зналъ, что у тебя такой отецъ, я бы не женился на тебѣ; я бы кинулъ тебя и не принялъ бы на душу грѣха, породнившись съ антихристовымъ племенемъ".

„Данило!" сказала Катерина, закрывъ лицо руками и рыдая: „я ли виновна въ чемъ передъ тобою? Я ли измѣнила тебѣ, мой любый мужъ? Чѣмъ же навела на себя гнѣвъ твой? Невѣрно развѣ служила тебѣ? Сказала ли противное слово, когда ты ворочался навеселѣ съ молодецкой пирушки? Тебѣ ли не родила черноброваго сына?.."

„Не плачь, Катерина; я тебя теперь знаю и не брошу ни за что. Грѣхи всѣ лежатъ на отцѣ твоемъ".

„Нѣтъ, не называй его отцомъ моимъ! Онъ не отецъ мнѣ. Богъ свидѣтель, я отрекаюсь отъ него, отрекаюсь отъ отца! Онъ антихристъ, богоотступникъ! Пропадай онъ, тони онъ— не подамъ руки спасти его; сохни онъ отъ тайной травы—не подамъ воды напиться ему. Ты у меня отецъ мой!"

VI.

Въ глубокомъ подвалѣ у пана Данила, за тремя замками, сидитъ колдунъ, закованный въ желѣзныя цѣпи; а подалѣ надъ Днѣпромъ горитъ бѣсовскій его зàмокъ, и алыя, какъ кровь, волны хлебещутъ и толпятся вокругъ старинныхъ стѣнъ. Не за колдовство и не за богопротивныя дѣла сидитъ въ глубокомъ подвалѣ колдунъ: имъ судія Богъ; сидитъ онъ за тайное предательство, за сговоры съ врагами православной русской земли—продать католикамъ украинскій народъ и выжечь христіанскія церкви. Угрюмъ колдунъ; дума черная, какъ ночь, у него въ головѣ; всего только одинъ день остается жить ему, а завтра пора распрощаться съ міромъ: завтра ждетъ его казнь. Не совсѣмъ легкая казнь ждетъ его: это еще милость, когда сварятъ его живого въ котлѣ, или сдерутъ съ него грѣшную кожу. Угрюмъ колдунъ, поникнулъ головою. Можетъ-быть, онъ уже и кается передъ смертнымъ часомъ; только не такіе грѣхи его, чтобы Богъ простилъ ему. Вверху передъ нимъ узкое окно, переплетенное желѣзными палками. Гремя цѣпями, поднялся онъ къ окну поглядѣть, не пройдетъ

ли его дочь. Она кротка, не памятозлобна, какъ голубка: не умилосердится ли надъ отцомъ?.. Но никого нѣтъ. Внизу бѣжитъ дорога; по ней никто не пройдетъ. Пониже ея гуляетъ Днѣпръ; ему ни до кого нѣтъ дѣла: онъ бушуетъ, и уныво слышать колоднику однозвучный шумъ его.

Рисунокъ Д. Чичагова.

Вотъ кто-то показался по дорогѣ—это козакъ! И тяжело вздохнулъ узникъ. Опять все пусто. Вотъ кто-то вдали спускается... развѣвается зеленый кунтушъ... горитъ на головѣ золотой корабликъ... Это она! Еще ближе приникнулъ онъ къ окну. Вотъ уже подходитъ близко...

„Катерина! дочь! умилосердись, подай милостыню!..“

Она нѣма, она не хочетъ слушать, она и глазъ не наведетъ на тюрьму, и уже прошла, уже и скрылась. Пусто во

всемъ мірѣ; унывно шумитъ Днѣпръ; грусть залегаетъ въ сердце; но вѣдаетъ ли эту грусть колдунъ?

День клонится къ вечеру. Уже солнце сѣло; уже и нѣтъ его. Уже и вечеръ: свѣжо; гдѣ-то мычитъ волъ; откуда-то навѣваются звуки; вѣрно, гдѣ-нибудь народъ идетъ съ работы и веселится; по Днѣпру мелькаетъ лодка... кому нужда до колодника? Блеснулъ на небѣ серебряный серпъ; вотъ кто-то идетъ съ противной стороны по дорогѣ; трудно разглядѣть въ темнотѣ; это возвращается Катерина.

„Дочь, Христа ради! и свирѣпые волченята не станутъ рвать свою мать,—дочь, хотя взгляни на преступнаго отца своего!"

Она не слушаетъ и идетъ,

„Дочь, ради несчастной матери!.."

Она остановилась.

„Приди принять послѣднее мое слово!"

„Зачѣмъ ты зовешь меня, богоотступникъ? Не называй меня дочерью! Между нами нѣтъ никакого родства. Чего ты хочешь отъ меня ради несчастной моей матери?"

Катерина! мнѣ близокъ конецъ; я знаю, меня твой мужъ хочетъ привязать къ кобыльему хвосту и пустить по полю, а, можетъ, еще и страшнѣйшую выдумаетъ казнь..."

„Да развѣ есть на свѣтѣ казнь, равная твоимъ грѣхамъ? Жди ее; никто не станетъ просить за тебя".

„Катерина! меня не казнь страшитъ, но муки на томъ свѣтѣ... Ты невинна, Катерина: душа твоя будетъ летать въ раю около Бога; а душа богоотступнаго отца твоего будетъ горѣть въ огнѣ вѣчномъ, и никогда не угаснетъ тотъ огонь: все сильнѣе и сильнѣе будетъ онъ разгораться; ни капли росы никто не уронитъ, ни вѣтеръ не пахнетъ"...

„Этой казни я не властна умалить", сказала Катерина, отвернувшись.

„Катерина! постой на одно слово: ты можешь спасти мою душу. Ты не знаешь еще, какъ добръ и милосердъ Богъ. Слышала ли ты про апостола Павла, какой былъ онъ грѣшный человѣкъ, но послѣ покаялся—и сталъ святымъ".

„Что я могу сдѣлать, чтобы спасти твою душу?" сказала Катерина. „Мнѣ ли, слабой женщинѣ, объ этомъ подумать?"

„Еслибы мнѣ удалось отсюда выйти, я бы все кинулъ. Покаюсь: пойду въ пещеры; надѣну на тѣло жесткую власяницу, день и ночь буду молиться Богу. Не только скоромнаго, не возьму рыбы въ ротъ! Не постелю одежды, когда стану спать! И все буду молиться, все молиться! И когда не сниметъ съ

меня милосердіе Божіе хотя сотой доли грѣховъ, закопаюсь по шею въ землю или замуруюсь въ каменную стѣну; не возьму ни пищи, ни питія, и умру; а все добро свое отдамъ чернецамъ, чтобы сорокъ дней и сорокъ ночей правили по мнѣ панихиду".

Задумалась Катерина. „Хотя я отопру, но мнѣ не расковать твоихъ цѣпей".

„Я не боюсь цѣпей", говорилъ онъ: „ты говоришь, что они заковали мои руки и ноги? Нѣтъ, я напустилъ имъ въ глаза туманъ, и вмѣсто руки, протянулъ сухое дерево. Вотъ я, гляди: на мнѣ нѣтъ теперь ни одной цѣпи!" сказалъ онъ, выходя на середину. „Я бы и стѣнъ этихъ не побоялся и прошелъ бы сквозь нихъ; но мужъ твой и не знаетъ, какія это стѣны: ихъ строилъ святой схимникъ, и никакая нечистая сила не можетъ отсюда вывесть колодника, не отомкнувъ тѣмъ самымъ ключомъ, которымъ замыкалъ святой келью. Такую самую келью вырою и я себѣ, неслыханный грѣшникъ, когда выйду на волю".

„Слушай: я выпущу тебя; но если ты меня обманываешь?" сказала Катерина, остановившись передъ дверью: „и вмѣсто того, чтобы покаяться, станешь опять братомъ чорту?"

„Нѣтъ, Катерина, мнѣ уже не долго остается жить: близокъ и безъ казни мой конецъ. Неужели ты думаешь, что я предамъ самъ себя на вѣчную муку?"

Замки загремѣли. „Прощай! Храни тебя Богъ Милосердый, дитя мое!" сказалъ колдунъ, поцѣловавъ ее.

„Не прикасайся ко мнѣ, неслыханный грѣшникъ; уходи скорѣе!..." говорила Катерина.

Но его уже не было.

„Я выпустила его", сказала она, испугавшись и дико осматривая стѣны. „Что я стану теперь отвѣчать мужу? Я пропала. Мнѣ живой теперь остается зарыться въ могилу!" И, зарыдавъ, почти упала она на пень, на которомъ сидѣлъ колодникъ. „Но я спасла душу", сказала она тихо: „я сдѣлала богоугодное дѣло; но мужъ мой... я въ первый разъ обманула его. О, какъ страшно, какъ трудно будетъ мнѣ передъ нимъ говорить неправду! Кто-то идетъ! Это онъ! мужъ!" вскрикнула она отчаянно, и безъ чувствъ упала на землю.

VII.

„Это я, моя родная дочь! Это я, мое серденько!" услышала Катерина, очнувшись, и увидѣла передъ собою старую при-

служницу. Баба, наклонившись, казалось, что-то шептала и, протянувъ надъ нею изсохшую руку свою, опрыскивала ее холодною водою.

,,Гдѣ я ?" говорила Катерина, подымаясь и оглядываясь. ,,Передо мною шумитъ Днѣпръ, за мною горы... Куда завела меня ты, баба?"

,,Я тебя не завела, а вывела; вынесла на рукахъ моихъ изъ душнаго подвала; замкнула ключикомъ дверь, чтобы тебѣ не досталось чего отъ пана Данила".

Гдѣ же ключъ?" сказала Катерина, поглядывая на свой поясъ. ,,Я его не вижу".

Его отвязалъ мужъ твой, поглядѣть на колдуна, дитя мое".

Поглядѣть?... Баба, я пропала!" вскрикнула Катерина.

,,Пусть Богъ милуетъ насъ отъ этого, дитя мое! Молчи только, моя паняночка, никто ничего не узнаетъ!"

,,Онъ убѣжалъ, проклятый антихристъ! Ты слышала, Катерина: онъ убѣжалъ?" сказалъ панъ Данило, приступая къ женѣ своей. Очи метали огонь; сабля, звеня, тряслась при боку его. Помертвѣла жена.

,,Его выпустилъ кто-нибудь, мой любый мужъ?" проговорила она, дрожа.

,,Выпустилъ, правда твоя; но выпустилъ чортъ. Погляди: вмѣсто него, бревно заковано въ желѣзо. Сдѣлалъ же Богъ такъ, что чортъ не боится козачьихъ лапъ! Если бы только думу объ этомъ держалъ въ головѣ хоть одинъ изъ моихъ козаковъ, и я бы узналъ... я бы и казни ему не нашелъ!"

,,А если бы я?..." невольно вымолвила Катерина и, испугавшись, остановилась.

,,Если бы ты вздумала, тогда бы ты не жена мнѣ была. Я бы тебя зашилъ тогда въ мѣшокъ и утопилъ бы на самой серединѣ Днѣпра!..."

Духъ занялся у Катерины, и ей чудилось, что волоса стали отдѣляться на головѣ ея.

VIII.

На пограничной дорогѣ, въ корчмѣ, собрались ляхи и пируютъ уже два дня. Что-то не мало всей сволочи. Сошлись, вѣрно, на какой-нибудь наѣздъ: у иныхъ и мушкеты есть; чокаются шпоры; брякаютъ сабли. Паны веселятся и хвастаютъ, говорятъ про небывалыя дѣла свои, насмѣхаются надъ православьемъ, зовутъ народъ украинскій своими холопьями и важно

крутятъ усы, и важно, задравши головы, разваливаются на лавкахъ. Съ ними и ксендзъ вмѣстѣ; только и ксендзъ у нихъ на ихъ же стать: и съ виду даже не похожъ на христіанскаго попа: пьетъ и гуляетъ съ ними и говоритъ нечестивымъ языкомъ своимъ срамныя рѣчи. Ни въ чемъ не уступаетъ имъ и челядь: позакидали назадъ рукава оборванныхъ жупановъ своихъ и ходятъ козыремъ, какъ будто бы что путное. Играютъ въ карты, бьютъ картами одинъ другого по носамъ; набрали съ собою чужихъ женъ; крикъ, драка!... Паны бѣснуются и отпускаютъ штуки: хватаютъ за бороду жида, малюютъ ему на нечестивомъ лбу крестъ; стрѣляютъ въ бабъ холостыми зарядами и танцуютъ краковякъ съ нечестивымъ попомъ своимъ. Не бывало такого соблазна на русской землѣ и отъ татаръ: видно, уже ей Богъ опредѣлилъ за грѣхи терпѣть такое посрамленіе! Слышно между общимъ содомомъ, что говорятъ про заднѣпровскій хуторъ пана Данила, про красавицу жену его...

Не на доброе дѣло собралась эта шайка!

IX.

Сидитъ панъ Данило за столомъ въ своей свѣтлицѣ, подпершись локтемъ, и думаетъ. Сидитъ на лежанкѣ пани Катерина и поетъ пѣсню.

„Что-то грустно мнѣ, жена моя!“ сказалъ панъ Данило. „И голова болитъ у меня, и сердце болитъ. Какъ-то тяжело мнѣ! Видно, гдѣ-то недалеко ходитъ смерть моя“.

„О, мой ненаглядный мужъ! приникни ко мнѣ головою своею! Зачѣмъ ты приголубливаешь къ себѣ такія черныя думы“, подумала Катерина, да не посмѣла сказать. Горько ей было, повинной головѣ, принимать мужнія ласки.

„Слушай, жена моя!“ сказалъ Данило: „не оставляй сына, когда меня не будетъ. Не будетъ тебѣ отъ Бога счастія, если ты кинешь его, ни въ томъ, ни въ этомъ свѣтѣ. Тяжело будетъ гнить моимъ костямъ въ сырой замлѣ, а еще тяжелѣе будетъ душѣ моей!“

„Что говоришь ты, мужъ мой? Не ты ли издѣвался надъ нами, слабыми женами? А теперь самъ говоришь, какъ слабая жена. Тебѣ еще долго нужно жить“.

„Нѣтъ, Катерина, чуетъ душа близкую смерть. Что-то грустно становится на свѣтѣ; времена лихія приходятъ. Охъ! помню я годы: имъ, вѣрно, не воротиться! Онъ былъ еще живъ, честь и слава нашего войска, старый Конашевичъ! Какъ будто передъ очами моими проходятъ теперь козацкіе полки! Это

было золотое время, Катерина! Старый гетьманъ сидѣлъ на вороноль конѣ; блестѣла въ рукѣ булава; вокругъ сердюки; по сторонамъ шевелилось красное море запорожцевъ. Началъ говорить гетьманъ—и все стало, какъ вкопаное. Заплакалъ старичина, какъ зачалъ воспоминать намъ прежнія дѣла и сѣчи. Эхъ, если-бъ ты знала, Катерина, какъ рѣзались мы тогда съ турками! На головѣ моей виденъ и донынѣ рубецъ. Четыре пули пролетѣло въ четырехъ мѣстахъ сквозь меня, и ни одна изъ ранъ не зажила совсѣмъ. Сколько мы тогда набрали золота! Дорогіе каменья шапками черпали козаки. Какихъ коней, Катерина, если-бъ ты знала, какихъ коней мы тогда угнали! Охъ, не воевать уже мнѣ такъ! Кажется, и не старъ, и тѣломъ бодръ; а мечъ козацкій вываливается изъ рукъ, живу безъ дѣла, и самъ не знаю, для чего живу. Порядку нѣтъ въ Украйнѣ: полковники и есаулы грызутся, какъ собаки, между собою: нѣтъ старшей головы надъ всѣми. Шляхетство наше все перемѣнило на польскій обычай, переняло лукавство... продало душу, принявши унію. Жидовство угнетаетъ бѣдный народъ. О время, время! минувшее время! Куда подѣвались вы, лѣта мои? Ступай, малый, въ подвалъ, принеси мнѣ кухоль меду! Выпью за прежнюю долю и за давніе годы!“

„Чѣмъ будемъ принимать гостей, панъ? Съ луговой стороны идутъ ляхи!“ сказалъ, вошедши въ хату, Стецько.

„Знаю, зачѣмъ идутъ они“, вымолвилъ Данило, подымаясь съ мѣста. „Сѣдлайте, мои вѣрные слуги, коней! Надѣвайте сбрую! Сабли наголо! Не забудьте набрать и свинцоваго толокна: съ честью нужно встрѣтить гостей!“

Но еще не успѣли козаки сѣсть на коней и зарядить мушкеты, а уже ляхи, будто упавшій осенью съ дерева на землю листъ, усѣяли собою гору.

„Э, да тутъ есть съ кѣмъ перевѣдаться!“ сказалъ Данило, поглядывая на толстыхъ пановъ, важно качавшихся впереди на коняхъ въ золотой сбруѣ. „Видно, еще разъ доведется намъ погулять на славу! Натѣшься же, козацкая душа, въ послѣдній разъ! Гуляйте хлопцы; пришелъ нашъ праздникъ!“

И пошла по горамъ потѣха, и запировалъ пиръ: гуляютъ мечи, летаютъ пули, ржутъ и топочутъ кони. Отъ крику безумѣетъ голова; отъ дыму слѣпнутъ очи. Все перемѣшалось; но козакъ чуетъ, гдѣ другъ, гдѣ недругъ; прошумитъ ли пуля—валится лихой сѣдокъ съ коня; свиснетъ сабля—катится по землѣ голова, бормоча языкомъ несвязныя рѣчи.

Но виденъ въ толпѣ красный верхъ козацкой шапки пана Данила; мечется въ глаза золотой поясъ на синемъ жупанѣ; вихремъ вьется грива вороного коня. Какъ птица, мелькаетъ

онъ тамъ и тамъ; покрикиваетъ и машетъ дамасской саблей и рубитъ съ праваго и лѣваго плеча. Руби, козакъ! гуляй, козакъ! Тѣшь молодецкое сердце; но не заглядывайся на золотые сбруи и жупаны: топчи подъ ноги золото и каменья! Коли, козакъ! гуляй, козакъ! но оглянись назадъ: нечестивые ляхи зажигаютъ уже хаты и угоняютъ напуганный скотъ. И, какъ вихрь, поворотилъ панъ Данило назадъ, и шапка съ краснымъ верхомъ мелькаетъ около хатъ, и рѣдѣетъ вокругъ его толпа.

Не часъ, не другой бьются ляхи и козаки; немного становится тѣхъ и другихъ; но не устаетъ панъ Данило: сбиваетъ съ сѣдла длиннымъ копьемъ своимъ, топчетъ лихимъ конемъ; пѣшихъ. Уже очищается дворъ, уже начали разбѣгаться ляхи; уже обдираютъ козаки съ убитыхъ золотые жупаны и богатую сбрую; уже панъ Данило сбирается въ погоню и взглянулъ, чтобы созвать своихъ... и весь закипѣлъ отъ ярости ему показался Катерининъ отецъ. Вотъ онъ стоитъ на горѣ и цѣлитъ въ него мушкетомъ. Данило погналъ коня прямо къ нему... Козакъ, на гибель идешь!... Мушкетъ гремитъ—и колдунъ пропалъ за горою. Только вѣрный Стецько видѣлъ, какъ мелькнула красная одежда и чудная шапка. Зашатался козакъ и свалился на землю. Кинулся вѣрный Стецько къ своему пану; лежитъ панъ его, протянувшись на землѣ и закрывши ясныя очи; алая кровь закипѣла на груди. Но, видно, почуялъ вѣрнаго слугу своего; тихо приподнялъ вѣки, блеснулъ очами: „Прощай, Стецько! Скажи Катеринѣ, чтобы не покидала сына! Не покидайте и вы его, мои вѣрные слуги!“ и затихъ. Вылетѣла козацкая душа изъ дворянскаго тѣла: посинѣли уста; спитъ козакъ непробудно.

Зарыдалъ вѣрный слуга и машетъ рукою Катеринѣ: „Ступай, пани, ступай; подгулялъ твой панъ; лежитъ онъ пьянехонекъ на сырой землѣ; долго не протрезвиться ему!“

Всплеснула руками Катерина и повалилась, какъ снопъ, на мертвое дѣло. „Мужъ мой! ты ли лежишь тутъ, закрывши очи? Встань, мой ненаглядный соколъ. протяни ручку свою! приподымись! Погляди хоть разъ на твою Катерину, пошевели устами, вымолви хоть одно словечко!... Но ты молчишь, ты молчишь, ясный панъ! Ты посинѣлъ, какъ Черное море. Сердце твое не бьется! Отчего ты такой холодный, мой панъ? Видно, не горючи мои слезы, не въ мочь имъ согрѣть тебя! Видно, не громокъ плачъ мой, не разбудить имъ тебя! Кто же поведетъ полки твои? Кто понесется на твоемъ ворономъ ко-никѣ, громко загукаетъ и замашетъ саблей предъ козаками? Козаки, козаки! гдѣ честь и слава ваша? Лежитъ честь и слава

ваша, закрывши очи, на сырой землѣ. Похороните же меня, похороните вмѣстѣ съ нимъ! Засыпьте мнѣ очи землею! Надавите мнѣ кленовыя доски на бѣлыя груди! Мнѣ не нужна больше красота моя!“

Плачетъ и убивается Катерина; а даль вся покрывается пылью: скачетъ старый есаулъ Горобець на помощь.

X.

Чуденъ Днѣпръ при тихой погодѣ, когда вольно и плавно мчитъ сквозь лѣса и горы полныя воды свои. Ни зашелохнетъ, ни прогремитъ. Глядишь, и не знаешь, идетъ или не идетъ его величавая ширина; и чудится, будто весь вылитъ онъ изъ стекла, и будто голубая зеркальная дорога, безъ мѣры въ ширину, безъ конца въ длину, рѣетъ и вьется по зеленому міру. Любо тогда и жаркому солнцу оглядѣться съ вышины и погрузить лучи въ холодъ стеклянныхъ водъ, и прибережнымъ лѣсамъ ярко отсвѣтиться въ водахъ. Зеленокудрые! они толпятся вмѣстѣ съ полевыми цвѣтами къ водамъ и, наклонившись, глядятъ въ нихъ и не наглядятся, и не налюбуются свѣтлымъ своимъ зракомъ, и усмѣхаются ему, и привѣтствуютъ его, кивая вѣтвями. Въ середину же Днѣпра они не смѣютъ глянуть: никто, кромѣ солнца и голубого неба, не глядитъ въ него; рѣдкая птица долетитъ до середины Днѣпра. Пышный! ему нѣтъ равной рѣки въ мірѣ. Чуденъ Днѣпръ и при теплой лѣтней ночи, когда все засыпаетъ: и человѣкъ, и звѣрь, и птица, а Богъ одинъ величаво озираетъ небо и землю и величаво сотрясаетъ ризу. Отъ ризы сыплются звѣзды; звѣзды горятъ и свѣтятъ надъ міромъ, и всѣ разомъ отдаются въ Днѣпрѣ. Всѣхъ ихъ держитъ Днѣпръ въ темномъ лонѣ своемъ; ни одна не убѣжитъ отъ него—развѣ погаснетъ на небѣ. Черный лѣсъ, унизанный спящими воронами, и древле разломанныя горы, свѣсясь, силятся закрыть его хотя длинною тѣнью своею—напрасно! Нѣтъ ничего въ мірѣ, что бы могло прикрыть Днѣпръ. Синій, синій ходитъ онъ плавнымъ разливомъ и середь ночи, какъ середь дня, виденъ за столько вдаль, за сколько видѣть можетъ человѣчье око. Нѣжась и прижимаясь ближе къ берегамъ отъ ночного холода, даетъ онъ по себѣ серебряную струю, и она вспыхиваетъ, будто полоса дамасской сабли; а онъ, синій, снова заснулъ. Чуденъ и тогда Днѣпръ, и нѣтъ рѣки равной ему въ мірѣ! Когда же пойдутъ горами по небу синія тучи, черный лѣсъ шатается до корня, дубы трещатъ, и молнія, изламываясь между тучъ, разомъ освѣтитъ

цѣлый міръ,—страшенъ тогда Днѣпръ! Водяные холмы гремятъ, ударяясь о горы, и съ блескомъ и стономъ отбѣгаютъ назадъ, и плачутъ, и заливаются вдали. Такъ убивается старая мать козака, выпроважая своего сына въ войско: разгульный и бодрый, ѣдетъ онъ на ворономъ конѣ, подбоченившись и молодецки заломивъ шапку; а она, рыдая, бѣжитъ за нимъ, хватаетъ его за стремя, ловитъ удила и ломаетъ надъ нимъ руки, и заливается горючими слезами.

Дико чернѣютъ промежъ ратующими волнами обгорѣлые пни и камни на выдавшемся берегу. И бьется объ берегъ, подымаясь вверхъ и опускаясь внизъ, пристающая лодка. Кто изъ козаковъ осмѣлится гулять въ челнѣ, въ то время, когда разсердился старый Днѣпръ? Видно, ему не вѣдомо, что онъ глотаетъ людей, какъ мухъ.

Лодка причалила, и вышелъ изъ нея колдунъ. Не веселъ онъ: ему горька тризна, которую свершили козаки надъ убитымъ своимъ паномъ. Не мало поплатились ляхи: сорокъ четыре пана со всею сбруею и жупанами, да тридцать три холопа изрублены въ куски; а остальныхъ вмѣстѣ съ конями угнали въ плѣнъ продать татарамъ.

По каменнымъ ступенямъ спустился онъ между обгорѣлыми пнями внизъ, гдѣ, глубоко въ землѣ, вырыта была землянка. Тихо вошелъ онъ, не скрипнувши дверью, поставилъ на столъ, закрытый скатертью, горшокъ и сталъ бросать длинными руками своими какія-то невѣдомыя травы; взялъ кухоль, выдѣланный изъ какого-то чуднаго дерева, почерпнулъ имъ воды, и сталъ лить, шевеля губами и творя какія-то заклинанія. Показался розовый свѣтъ въ свѣтлицѣ, и страшно было глядѣть тогда ему въ лицо: оно казалось кровавымъ, глубокія морщины только чернѣли на немъ, а глаза были, какъ въ огнѣ. Нечестивый грѣшникъ! Уже и борода давно посѣдѣла, и лицо изрыто морщинами, и высохъ весь, а все еще творитъ богопротивный умыселъ. Посреди хаты стало вѣять бѣлое облако, и что-то похожее на радость сверкнуло въ лицѣ его; но отчего же вдругъ сталъ онъ недвижимъ, съ разинутымъ ртомъ, не смѣя пошевелиться, и отчего волосы щетиною поднялись на его головѣ? Въ облакѣ передъ нимъ свѣтилось чье-то чудное лицо. Непрошенное, незванное, явилось оно къ нему въ гости; чѣмъ далѣе, выяснивалось больше и вперило неподвижныя очи. Черты его, брови, глаза, губы,—все незнакомое ему; никогда во всю жизнь свою онъ его не видывалъ. И страшнаго, кажется, въ немъ мало, а непреодолимый ужасъ напалъ на него. А незнакомая дивная голова сквозь облако такъ же неподвижно глядѣла на него. Облако уже и пропало; а невѣ-

домыя черты еще рѣзче выказывались, и острыя очи не отрывались отъ него. Колдунъ весь побѣлѣлъ, какъ полотно; дикимъ, не своимъ голосомъ вскрикнулъ, опрокинулъ горшокъ... Все пропало.

XI.

„Успокой себя, моя любая сестра!“ говорилъ старый есаулъ Горобець: „сны рѣдко говорятъ правду“.

„Прилягъ, сестрица!“ говорила молодая его невѣстка: „я позову старуху, ворожею: противъ нея никакая сила не устоитъ: она выльетъ переполохъ тебѣ“.

„Ничего не бойся!“ говорилъ сынъ его, хватаясь за саблю: „никто тебя не обидитъ“.

Пасмурно, мутными глазами глядѣла на всѣхъ Катерина и не находила рѣчи.—„Я сама устроила себѣ погибель: я выпустила его!“ Наконецъ, она сказала;

„Мнѣ нѣтъ отъ него покоя! Вотъ уже десять дней я у васъ въ Кіевѣ, а горя ни капли не убавилось. Думала, буду хоть въ тишинѣ растить на месть сына... Страшенъ, страшенъ привидѣлся онъ мнѣ во снѣ! Боже сохрани и вамъ увидѣть его! Сердце мое до сихъ поръ бьется“. „Я зарублю твое дитя, Катерина!“ кричалъ онъ, „если не выйдешь за меня замужъ...“ И зарыдавъ кинулась она къ колыбели; а испуганное дитя протянуло ручонки и кричало.

Кипѣлъ и сверкалъ сынъ есаула отъ гнѣва, слыша такія рѣчи.

Расходился и самъ есаулъ Горобець: „Пусть попробуетъ онъ, окаянный антихристъ, прійти сюда: отвѣдаетъ, бываетъ ли сила въ рукахъ стараго козака. Богъ видитъ“, говорилъ онъ, подымая кверху прозорливыя очи: „не летѣлъ ли я подать руки брату Данилу? Его святая воля! Засталъ уже на холодной постели, на которой много улеглось козацкаго народа. Зато развѣ не пышна была тризна по немъ? Выпустили-ли хоть одного ляха живого? Успокойся же, дитя мое! Никто не посмѣетъ тебя обидѣть, развѣ ни меня не будетъ, ни моего сына“.

Кончивъ слова свои, старый есаулъ прошелъ къ колыбели, и дитя, увидѣвши висѣвшую на ремнѣ у него, въ серебряной оправѣ, красивую люльку и гаманъ съ блестящимъ огнивомъ, протянуло къ нему ручонки и засмѣялось. „По отцу пойдетъ!“ сказалъ старый есаулъ, снимая съ себя люльку и отдавая ему: „еще отъ колыбели не отсталъ, а ужъ думаетъ курить люльку!“

Тихо вздохнула Катерина и стала качать колыбель. Сговорились провесть ночь вмѣстѣ и, мало погодя, уснули всѣ; уснула и Катерина.

На дворѣ и въ хатѣ все было тихо; не спали только козаки, стоявшіе на сторожѣ. Вдругъ Катерина, вскрикнувъ, проснулась, и за нею проснулись всѣ.

„Онъ убитъ, онъ зарѣзанъ!“ кричала она, и кинулась къ колыбели...

Всѣ обступили колыбель и окаменѣли отъ страха, увидѣвши, что въ ней лежало неживое дитя. Ни звука не вымолвилъ ни одинъ изъ нихъ, не зная, что думать о неслыханномъ злодѣйствѣ.

XII.

Далеко отъ Украинскаго края, проѣхавши Польшу, минуя и многолюдный городъ Лембергъ, идутъ рядами высоковерхія горы. Гора за горою, будто каменными цѣпями, перекидываютъ онѣ вправо и влѣво землю и обковываютъ ее каменною толщей, чтобы не прососало шумное и буйное море. Идутъ каменныя цѣпи въ Валахію и въ Седмиградскую область, и громадою стали, въ видѣ подковы, между галичскимъ и венгерскимъ народомъ. Нѣтъ такихъ горъ въ нашей сторонѣ. Глазъ не смѣетъ оглянуть ихъ: а на вершину иныхъ не заходила и нога человѣчья. Чуденъ и видъ ихъ: не задорное-ли море выбѣжало въ бурю изъ широкихъ береговъ, вскинуло вихремъ безобразныя волны, и онѣ, окаменѣвъ, остались недвижимы въ воздухѣ? Не оборвались-ли съ неба тяжелыя тучи и загромоздили собою землю? ибо и на нихъ такой же сѣрый цвѣтъ, а бѣлая верхушка блеститъ и искрится при солнцѣ. Еще до Карпатскихъ горъ услышишь русскую молвь, и за горами еще, кой-гдѣ, отзовется какъ будто родное слово; а тамъ уже и вѣра не та, и рѣчь не та. Живетъ не малолюдный народъ венгерскій; ѣздитъ на коняхъ, рубится и пьетъ не хуже козака; а за конную сбрую и дорогіе кафтаны не скупится вынимать изъ кармана червонцы. Раздольны и велики есть между горами озера. Какъ стекло, недвижимы они и, какъ зеркало, отдаютъ въ себѣ голыя вершины горъ и зеленыя ихъ подошвы.

Но кто середи ночи,—блещутъ, или не блещутъ звѣзды, — ѣдетъ на огромномъ ворономъ конѣ? Какой богатырь съ нечеловѣчьимъ ростомъ скачетъ подъ горами, надъ озерами, отсвѣчивается съ исполинскимъ конемъ въ недвижныхъ водахъ, и безконечная тѣнь его страшно мелькаетъ по горамъ?

Блещутъ чеканенныя латы; на плечѣ пика; гремитъ при сѣдлѣ сабля; шеломъ надвинутъ; усы чернѣютъ; очи закрыты; рѣсницы опущены—онъ спитъ и, сонный, держитъ повода; и за нимъ сидитъ на томъ же конѣ младенецъ-пажъ, и также спитъ, и сонный, держится за богатыря. Кто онъ, куда, зачѣмъ ѣдетъ? Кто его знаетъ. Не день, не два уже онъ переѣзжаетъ горы.

Рисунокъ *И. Пряншиникова.*

Блеснетъ день, взойдетъ солнце, его не видно; изрѣдка только замѣчали горцы, что по горамъ мелькаетъ чья-то длинная тѣнь, а небо ясно, и тучи не пройдетъ по немъ. Чуть же ночь наведетъ темноту, снова онъ виденъ и отдается въ озерахъ, и за нимъ дрожа, скачетъ тѣнь его. Уже проѣхалъ много онъ горъ и взъѣхалъ на Криванъ. Горы этой нѣтъ выше между

Карпатами: какъ царь, подымается она надъ другими. Тутъ остановился конь и всадникъ, и еще глубже погрузился въ сонъ, и тучи, спускаясь, закрыли его.

XIII.

„Тс... тише, баба! не стучи такъ: дитя мое заснуло. Долго кричалъ сынъ мой, теперь спитъ. Я пойду въ лѣсъ, баба! Да что же ты такъ глядишь на меня? Ты страшна: у тебя изъ глазъ вытягиваются желѣзныя клещи... ухъ, какія длинныя! и горятъ, какъ огонь! Ты, вѣрно, вѣдьма! О, если ты вѣдьма, то пропади отсюда! Ты украдешь моего сына. Какой безтолковый этотъ есаулъ: онъ думаетъ, мнѣ весело жить въ Кіевѣ; нѣтъ, здѣсь и мужъ мой, и сынъ, кто же будетъ смотрѣть за хатой? Я ушла такъ тихо, что ни кошка, ни собака не услышала. Ты хочешь, баба, сдѣлаться молодою? Это совсѣмъ не трудно: нужно танцовать только. Гляди, какъ я танцую...“ И, проговоривъ такія несвязныя рѣчи, уже неслась Катерина, безумно поглядывая на всѣ стороны и упираясь руками въ боки. Съ визгомъ притопывала она ногами; безъ мѣры, безъ такта звенѣли серебряныя подковы. Незаплетенныя черныя косы метались по бѣлой шеѣ. Какъ птица, не останавливаясь, летѣла она, размахивая руками и кивая головой, и казалось, будто, обезсилѣвъ, или грянется на-земь, или вылетитъ изъ міра.

Печально стояла старая няня, и слезами налились ея глубокія морщины: тяжкій камень лежалъ на сердцѣ у вѣрныхъ хлопцевъ, глядѣвшихъ на свою пани. Уже совсѣмъ ослабѣла она и лѣниво топала ногами на одномъ мѣстѣ, думая, что танцуетъ горлицу. „А у меня монисто есть, парубки!“ сказала она, наконецъ, остановившись: „а у васъ нѣтъ!.. Гдѣ мужъ мой?“ вскричала она вдругъ, выхвативъ изъ-за пояса турецкій кинжалъ. „О! это не такой ножъ, какой нужно“. При этомъ и слезы, и тоска показались у нея на лицѣ. „У отца моего далеко сердце: онъ не достанетъ до него. У него сердце изъ желѣза выковано; ему выковала одна вѣдьма на пекельномъ огнѣ. Что-жъ нейдетъ отецъ мой? Развѣ онъ не знаетъ, что пора заколоть его? Видно, онъ хочетъ, чтобъ я сама пришла...“ И, недокончивъ, чудно засмѣялась. „Мнѣ пришла на умъ забавная исторія: я вспомнила, какъ погребали моего мужа. Вѣдь его живого погребли... Какой смѣхъ забиралъ меня!.. Слушайте, слушайте!“ И вмѣсто словъ, начала она пѣть пѣсню.

Бижыть возокъ кровавенькій:
У тимъ возку козакъ лежить.
Пострѣляный, порубаный,
Въ правій ручци дротыкъ держить,
Съ того дроту кривця бижыть;
Бижыть рика кровавая.
Надъ ричкою яворъ стоить,
Надъ яворомъ воронъ кряче.
За козакомъ маты плаче.
Не плачь, маты, не журыся!
Бо вже твій сынъ оженився.
Та взявъ жинку паняночку,
Въ чистомъ поли земляночку,
И безъ дверець, безъ оконець.
Та вже писни вышовъ конець.
Танціовала рыба съ ракомъ...
А хто мене не полюбить, трясця его матерь!

Такъ перемѣшивались у ней всѣ пѣсни. Уже день и два живетъ она въ своей хатѣ и не хочетъ слышать о Кіевѣ, и не молится, и бѣжитъ отъ людей, и съ утра до поздняго вечера бродитъ по темнымъ дубравамъ. Острые сучья царапаютъ бѣлое лицо и плечи; вѣтеръ треплетъ расплетенныя косы; осенніе листья шумятъ подъ ногами ея—ни на что не глядитъ она. Въ часъ, когда вечерняя заря тухнетъ, еще не являются звѣзды, не горитъ мѣсяцъ, а уже страшно ходить въ лѣсу: по деревьямъ царапаются и хватаются за сучья некрещенныя дѣти, рыдаютъ, хохочутъ, катятся клубомъ по дорогамъ и въ широкой крапивѣ; изъ днѣпровскихъ волнъ выбѣгаютъ вереницами погубившія свои души дѣвы; волосы льются съ зеленой головы на плечи; вода, звучно журча, бѣжитъ съ длинныхъ волосъ на землю, и дѣва свѣтится сквозь воду, какъ будто бы сквозь стеклянную рубашку; уста чудно усмѣхаются, щеки пылаютъ, очи вынимаютъ душу... она сгорѣла бы отъ любви, она зацѣловала бы... Бѣги, крещеный человѣкъ! Уста ея—ледъ, постель—холодная вода; она защекочетъ тебя и утащитъ въ рѣку. Катерина не глядитъ ни на кого, не боится, безумная, русалокъ, бѣгаетъ поздно съ ножомъ своимъ и ищетъ отца.

Съ раннимъ утромъ пріѣхалъ какой-то гость, статный собою, въ красномъ жупанѣ, и освѣдомляется о панѣ Данилѣ; слышитъ все, утираетъ рукавомъ заплаканныя очи и пожимаетъ плечами. Онъ-де воевалъ вмѣстѣ съ покойнымъ Бурульбашемъ; вмѣстѣ рубились они съ крымцами и турками; ждалъ ли онъ, чтобы такой конецъ былъ пана Данила. Разсказываетъ еще гость о многомъ другомъ и хочетъ видѣть пани Катерину.

Катерина сначала не слушала ничего, что говорилъ гость; напослѣдокъ стала, какъ разумная, вслушиваться въ его рѣчи. Онъ повелъ про то, какъ они жили вмѣстѣ съ Даниломъ, будто братъ съ братомъ; какъ укрылись разъ подъ греблею отъ крымцевъ... Катерина все слушала и не спускала съ него очей.

„Она отойдетъ!“ думали хлопцы, глядя на нее. „Этотъ гость вылѣчитъ ее! Она уже слушаетъ, какъ разумная!“

Гость началъ разсказывать между тѣмъ, какъ панъ Данило. въ часъ откровенной бесѣды, сказалъ ему: „Гляди, братъ Копрянъ: когда волею Божіей не будетъ меня на свѣтѣ, возьми къ себѣ жену, и пусть будетъ она твоею женою...“

Страшно вонзила въ него очи Катерина. „А!“ вскрикнула она: „это онъ! это отецъ!“ и кинулась на него съ ножемъ.

Долго боролся тотъ, стараясь вырвать у нея ножъ; наконецъ, вырвалъ, замахнулся,—и совершилось страшное дѣло: отецъ убилъ безумную дочь свою.

Изумившіеся козаки кинулись было на него; но колдунъ уже успѣлъ вскочить на коня и пропалъ изъ виду.

XIV.

За Кіевомъ показалось неслыханное чудо. Всѣ паны и гетьманы собирались дивиться этому чуду: вдругъ стало видимо далеко во всѣ концы свѣта. Вдали засинѣлъ Лиманъ, за Лиманомъ разливалось Черное море. Бывалые люди узнали и Крымъ, горою подымавшійся изъ моря, и болотный Сивашъ. По лѣвую руку видна была земля Галичская.

„А то что такое?“ допрашивалъ собравшійся народъ старыхъ людей, указывая на далеко мерещившіеся на небѣ и больше похожіе на облака сѣрые и бѣлые верхи.

„То Карпатскія горы!“ говорили старые люди, межъ ними есть такія, съ которыхъ вѣкъ не сходитъ снѣгъ, а тучи пристаютъ и ночуютъ тамъ“.

Тутъ показалось новое диво: облака слетѣли съ самой высокой горы, и на вершинѣ ея показался во всей рыцарской сбруѣ человѣкъ на конѣ съ закрытыми очами, и такъ виденъ, какъ бы стоялъ вблизи.

Тутъ, межъ дивившимся со страхомъ народомъ, одинъ вскочилъ на коня и, дико озираясь по сторонамъ, какъ будто ища очами, не гонится ли кто за нимъ, торопливо, во всю мочь, погналъ коня своего. То былъ колдунъ. Чего же такъ перепугался онъ? Со страхомъ вглядѣвшись въ чуднаго рыцаря, узналъ онъ на немъ то же самое лицо, которое, незван-

ное, показалось ему, когда онъ ворожилъ. Самъ не могъ онъ разумѣть, отчего въ немъ все смутилось при такомъ видѣ, и, робко озираясь, мчался онъ на конѣ, покамѣстъ не застигнулъ его вечеръ и не проглянули звѣзды. Тутъ поворотилъ онъ домой, можетъ-быть, допросить нечистую силу, что значитъ такое диво. Уже онъ хотѣлъ перескочить съ конемъ черезъ узкую рѣку, выступившую рукавомъ середи дороги, какъ вдругъ конь на всемъ скаку остановился, заворотилъ къ нему морду, и—чудо—засмѣялся! бѣлые зубы страшно блеснули двумя рядами во мракѣ. Дыбомъ поднялись волоса на головѣ колдуна. Дико закричалъ онъ и заплакалъ, какъ изступленный, и погналъ коня прямо къ Кіеву. Ему чудилось, что все со всѣхъ сторонъ бѣжало ловить его: деревья, обступивши темнымъ лѣсомъ, и какъ будто живыя, кивая черными бородами и вытягивая длинныя вѣтви, силились задушить его; звѣзды, казалось, бѣжали впереди передъ нимъ, указывая всѣмъ на грѣшника; сама дорога, чудилось, мчалась по слѣдамъ его.

Отчаянный колдунъ летѣлъ въ Кіевъ къ святымъ мѣстамъ.

XV.

Одиноко сидѣлъ въ своей пещерѣ передъ лампадкою схимникъ и не сводилъ очей съ святой книги. Уже много лѣтъ, какъ онъ затворился въ своей пещерѣ; уже сдѣлалъ себѣ и досчатый гробъ, въ который ложился спать вмѣсто постели. Закрылъ святой старецъ свою книгу и сталъ молиться... Вдругъ вбѣжалъ человѣкъ чуднаго, страшнаго вида. Изумился святой схимникъ въ первый разъ и отступилъ, увидѣвъ такого человѣка. Весь дрожалъ онъ, какъ осиновый листъ; очи дико косились; страшный огонь пугливо сыпался изъ очей; дрожь наводило на душу уродливое его лицо.

„Отецъ, молись! молись!“ закричалъ онъ отчаянно: „молись о погибшей душѣ!“ и грянулся на землю,

Святой схимникъ перекрестился, досталъ книгу, развернулъ и, въ ужасѣ, отступилъ назадъ и выронилъ книгу: „Нѣтъ, неслыханный грѣшникъ! нѣтъ тебѣ помилованія! Бѣги отсюда! Не могу молиться о тебѣ!“

„Нѣтъ?“ закричалъ, какъ безумный, грѣшникъ.

„Гляди: святыя буквы въ книгѣ налились кровью... Еще никогда въ мірѣ не бывало такого грѣшника!“

„Отецъ! ты смѣешься надо мною!“

„Иди, окаянный, грѣшникъ! Не смѣюсь я надъ тобою. Боязнь овладѣваетъ мною. Не добро быть человѣку съ тобою вмѣстѣ!“

„Нѣтъ, нѣтъ! ты смѣешься, не говори... Я вижу, какъ раздвинулся ротъ твой: вотъ бѣлѣютъ рядами твои старые зубы!..?

И какъ бѣшеный кинулся онъ—и убилъ святого схимника.

Что-то тяжко застонало, и стонъ перенесся черезъ поле и лѣсъ. Изъ-за лѣса поднялись тощія, сухія руки съ длинными когтями: затряслись и пропали.

И уже ни страха, ничего не чувствовалъ онъ. Все чудится ему какъ-то смутно: въ ушахъ шумитъ, въ головѣ шумитъ, какъ будто отъ хмеля, и все, что ни есть передъ глазами, покрывается какъ бы паутиною. Вскочивши на коня, поѣхалъ

„Нѣтъ, неслыханный грѣшникъ! нѣтъ тебѣ помилованія!"
Рисунокъ *В. Маковскаго.*

онъ прямо въ Каневъ, думая оттуда черезъ Черкасы направить путь къ татарамъ прямо въ Крымъ, самъ не зная, для чего. Ѣдетъ онъ ужъ день, другой, а Канева все нѣтъ. Дорога та самая, пора бы ему уже давно показаться; но Канева не видно. Вдали блеснули верхушки церквей; но это не Каневъ, а Шумскъ. Изумился колдунъ, видя, что онъ заѣхалъ совсѣмъ въ другую сторону. Погналъ коня назадъ къ Кіеву, и черезъ день показался городъ, но не Кіевъ, а Галичъ, городъ еще далѣе отъ Кіева, чѣмъ Шумскъ, и уже недалеко отъ венгровъ. Не зная, что дѣлать, поворотилъ онъ коня снова назадъ; но чувствуетъ снова, что ѣдетъ въ противную сторону и все впередъ. Не могъ бы ни одинъ человѣкъ въ свѣтѣ разсказать, что было на душѣ у колдуна; а еслибы онъ за-

глянулъ и увидѣлъ, что тамъ дѣялось, то уже не досыпалъ бы онъ ночей и не засмѣялся бы ни разу. То была не злость, не страхъ и не лютая досада. Нѣтъ такого слова на свѣтѣ, которымъ бы можно было его назвать. Его жгло, пекло, ему хотѣлось бы весь свѣтъ вытоптать конемъ своимъ, взять всю землю отъ Кіева до Галича съ людьми, со всѣмъ, и затопить ее въ Черномъ морѣ. Но не отъ злобы хотѣлось ему это сдѣлать: нѣтъ, самъ онъ не зналъ, отъ чего. Весь вздрогнулъ онъ, когда уже показались близко передъ нимъ Карпатскія горы и высокій Криванъ, накрывшій свое темя, будто шапкою, сѣрою тучею; а конь все несся и уже рыскалъ по горамъ. Тучи разомъ очистились, и передъ нимъ показался въ страшномъ величіи всадникъ... Онъ силится остановиться, крѣпко натягиваетъ удила; дико ржалъ конь, подымая гриву, и мчался къ рыцарю. Тутъ чудится колдуну, что все въ немъ замерло, что недвижный всадникъ шевелится и разомъ открылъ свои очи, увидѣлъ несшагося къ нему колдуна и засмѣялся. Какъ громъ, разсыпался дикій смѣхъ по горамъ и зазвучалъ въ сердцѣ колдуна, потрясши все, что было внутри его. Ему чудилось, что будто кто-то сильный влѣзъ въ него и ходилъ внутри его и билъ молотами по сердцу, по жиламъ... такъ страшно отдался въ немъ этотъ смѣхъ!

Ухватилъ всадникъ страшною рукою колдуна и поднялъ его на воздухъ. Вмигъ умеръ колдунъ и открылъ послѣ смерти очи, но уже былъ мертвецъ и глядѣлъ, какъ мертвецъ. Такъ страшно не глядитъ ни живой, ни воскресшій. Ворочалъ онъ по сторонамъ мертвыми глазами и увидѣлъ поднявшихся мертвецовъ отъ Кіева, и отъ земли Галичской, и отъ Карпата, какъ двѣ капли воды схожихъ лицомъ на него.

Блѣдны, блѣдны, одинъ другого выше, одинъ другого костистѣй, стали они вокругъ всадника, державшаго въ рукѣ страшную добычу. Еще разъ засмѣялся рыцарь, и кинулъ ее въ пропасть. И всѣ мертвецы вскочили въ пропасть, подхватили мертвеца и вонзили въ него свои зубы. Еще одинъ, всѣхъ выше, всѣхъ страшнѣе, хотѣлъ подняться изъ земли, но не могъ, не въ силахъ былъ этого сдѣлать—такъ великъ выросъ онъ въ землѣ; а еслибы поднялся, то опрокинулъ бы и Карпатъ, и Седмиградскую и Турецкую землю. Немного только подвинулся онъ—и пошло отъ него трясеніе по всей землѣ, и много поопрокидывалось вездѣ хатъ, и много задавило народу.

Слышится часто по Карпату свистъ, какъ будто тысяча мельницъ шумитъ колесами на водѣ: то въ безвыходной пропасти, которой не видалъ еще ни одинъ человѣкъ, страша-

щійся проходить мимо, мертвецы грызутъ мертвеца. Нерѣдко бывало по всему міру, что земля тряслась отъ одного конца до другого: то оттого дѣлается, толкуютъ грамотные люди, что есть гдѣ-то близь моря гора, изъ которой выхватывается пламя и текутъ горящія рѣки. Но старики, которые живутъ и

Ухватилъ всадникъ страшной рукой колдуна и поднялъ его на воздухъ.
Рисунокъ *И. Крамскаго.*

въ Венгріи, и въ Галичской землѣ, лучше знаютъ это и говорятъ, что то хочетъ подняться выросшій въ землѣ великій, великій мертвецъ и трясетъ землю.

XVI.

Въ городѣ Глуховѣ собрался народъ около старца-бандуриста, и уже съ часъ слушалъ, какъ слѣпецъ игралъ на бандурѣ. Еще такихъ чудныхъ пѣсенъ и такъ хорошо не пѣлъ ни одинъ бандуристъ. Сперва повелъ онъ про прежнюю гетьманщину за Сагайдачнаго и Хмельницкаго. Тогда иное было время: козачество было въ славѣ, топтало конями непріятелей, и никто не смѣлъ посмѣяться надъ нимъ. Пѣлъ и веселыя пѣсни старецъ и поваживалъ своими очами на народъ, какъ будто зрящій; а пальцы, съ придѣланными къ нимъ костями, летали, какъ муха, по струнамъ и, казалось, струны сами играли; а кругомъ народъ, старые люди, понуривъ головы, а молодые, поднявъ очи на старца, не смѣли и шептать между собою.

„Постойте“, сказалъ старецъ: „я вамъ запою про одно давнее дѣло“. Народъ сдвинулся еще тѣснѣе, и слѣпецъ запѣлъ:

„За пана Степана, князя Седмиградскаго (былъ князь Седмиградскій королемъ и у ляховъ), жило два козака: Иванъ да Петро. Жили они такъ, какъ братъ съ братомъ“. Гляди, Иванъ, все, что ни добудешь—все пополамъ: когда кому веселье, веселье и другому; когда кому горе—горе и обоимъ; когда кому добыча—пополамъ добычу; когда кто въ полонъ попадетъ—другой продай все и дай выкупъ, а не то, самъ ступай въ полонъ“. И правда, все, что ни доставали козаки, все дѣлили пополамъ: угоняли ли чужой скотъ или коней—все дѣлили пополамъ.

***

„Воевалъ король Степанъ съ Турчиномъ. Уже три недѣли воюетъ онъ съ Турчиномъ, а все не можетъ его выгнать. А у Турчина былъ паша такой, что самъ съ десятью янычарами могъ порубить цѣлый полкъ. Вотъ объявилъ король Степанъ, что если сыщется смѣльчакъ и приведетъ къ нему того пашу живого или мертваго, дастъ ему одному столько жалованья, сколько даетъ на все войско. „Пойдемъ, братъ, ловить пашу!“ сказалъ братъ Иванъ Петру. И поѣхали козаки, одинъ въ одну сторону, другой въ другую.

***

„Поймалъ ли бы еще, или не поймалъ Петро, а уже Иванъ ведетъ пашу арканомъ за шею къ самому королю. „Бравый

молодецъ!“ сказалъ король Степанъ и приказалъ выдать ему одному такое жалованье, какое получаетъ все войско; и приказалъ отвесть ему земли тамъ, гдѣ онъ задумаетъ себѣ, и дать скота, сколько пожелаетъ. Какъ получилъ Иванъ жалованье отъ короля, въ тотъ же день раздѣлилъ все поровну между собою и Петромъ. Взялъ Петро половину королевскаго жалованья, но не могъ вынесть того, что Иванъ получилъ такую честь отъ короля, и затаилъ глубоко на душѣ месть.

* * *

„Ѣхали оба рыцаря на жалованную королемъ землю, за Карпатъ. Посадилъ козакъ Иванъ съ собою на коня своего сына, привязалъ его къ себѣ. Уже стали сумерки—они все ѣдутъ. Младенецъ заснулъ; сталъ дремать и самъ Иванъ. Не дремли, козакъ, по горамъ дороги опасныя!.. Но у козака такой конь, что самъ вездѣ знаетъ дорогу: не споткнется и не оступится. Есть между горами провалъ, въ провалѣ дна никто не видалъ; сколько отъ земли до неба, столько до дна того провала. Но надъ самымъ проваломъ дорога—два человѣка еще могутъ проѣхать, а трое ни за что. Сталъ бережно ступать конь съ дремавшимъ козакомъ. Рядомъ ѣхалъ Петро, весь дрожалъ и притаивъ духъ отъ радости. Оглянулся и толкнулъ названнаго брата въ провалъ; и конь съ козакомъ и младенцемъ полетѣлъ въ провалъ.

* * *

„Ухватился, однакожъ, козакъ за сукъ, и одинъ только конь полетѣлъ на дно. Сталъ онъ карабкаться, съ сыномъ за плечами, вверхъ; немного уже не добрался, поднялъ глаза и увидѣлъ, что Петро наставилъ пику, чтобы столкнуть его назадъ. „Боже ты мой, праведный! лучше бъ мнѣ не подымать глазъ, чѣмъ видѣть, какъ родной братъ наставляетъ пику столкнуть меня назадъ!.. Братъ мой милый! коли меня пикой, когда уже мнѣ такъ написано на роду; но возьми сына: чѣмъ безвинный младенецъ виноватъ, чтобы ему пропасть такою лютою смертью?“ Засмѣялся Петро и толкнулъ его пикой, и козакъ съ младенцемъ полетѣлъ на дно. Забралъ Петро все добро и сталъ жить, какъ паша. Табуновъ ни у кого такихъ не было, какъ у Петра; овецъ и барановъ нигдѣ столько не было. И умеръ Петро.

* * *

„Какъ умеръ Петро, призвалъ Богъ души обоихъ братьевъ, Петра и Ивана, на судъ. „Великій есть грѣшникъ сей человѣкъ!“ сказалъ Богъ. „Иване! не выберу я ему скоро казни; выбери ты самъ ему казнь!“ Долго думалъ Иванъ, вымышляя казнь, и, наконецъ, сказалъ: „Великую обиду нанесъ мнѣ сей человѣкъ: предалъ своего брата, какъ Іуда, и лишилъ меня честнаго моего рода и потомства на землѣ. А человѣкъ безъ честнаго рода и потомства, что хлѣбное сѣмя, кинутое въ землю и пропавшее даромъ въ землѣ. Всходу нѣтъ—никто и не узнаетъ, что кинуто было сѣмя.

***

„Сдѣлай же, Боже, такъ, чтобы все потомство его не имѣло на землѣ счастья; чтобы послѣдній въ родѣ былъ такой злодѣй, какого еще и не бывало на свѣтѣ, и отъ каждаго его злодѣйства, чтобы дѣды и прадѣды его не нашли бы покоя въ гробахъ, и, терпя муку, невѣдомую на свѣтѣ, подымались бы изъ могилъ! А Іуда Петро чтобы не въ силахъ былъ подняться, и отъ того терпѣлъ бы муку еще горшую;-и ѣлъ бы, какъ бѣшеный, землю, и корчился бы подъ землею!

***

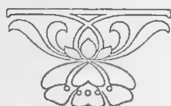
„И когда придетъ часъ мѣры въ злодѣйствахъ тому человѣку, подыми меня, Боже, изъ того провала на конѣ на самую высокую гору, и пусть прійдетъ онъ ко мнѣ, и брошу я его съ той горы въ самый глубокій провалъ, и всѣ мертвецы, его дѣды и прадѣды, гдѣ бы ни жили при жизни, чтобы всѣ потянулись отъ разныхъ сторонъ земли грызть его за тѣ муки, что онъ наносилъ имъ, и вѣчно бы его грызли, и повеселился бы я, глядя на его муки! А Іуда Петро чтобы не могъ подняться изъ земли, чтобы рвался грызть и себѣ, но грызъ бы самого себя, а кости его росли бы, чѣмъ дальше, больше, чтобы чрезъ то еще сильнѣе становилась его боль. Та мука для него будетъ самая страшная, ибо для человѣка нѣтъ большей муки, какъ хотѣть отмстить и не мочь отмстить“.

***

„Страшна казнь, тобою выдуманная, человѣче!“ сказалъ Богъ „Пусть будетъ все такъ, какъ ты сказалъ; но и ты сиди вѣчно тамъ на конѣ своемъ, и не будетъ тебѣ царствія не-

беснаго, покамѣстъ ты будешь сидѣть тамъ на конѣ своемъ!“ И то все такъ сбылось, какъ было сказано: и донынѣ стоитъ на Карпатѣ на конѣ дивный рыцарь, и видитъ, какъ въ бездонномъ провалѣ грызутъ мертвецы мертвеца, и чуетъ, какъ лежащій подъ землею мертвецъ растетъ, гложетъ въ страшныхъ мукахъ свои кости и страшно трясетъ всю землю.

Уже слѣпецъ кончилъ свою пѣсню; уже снова сталъ перебирать струны; уже сталъ пѣть смѣшныя присказки про Хому и Ерему, про Сткляра Стокозу... но старые и малые все еще не думали очнуться и долго стояли, потупивъ головы, раздумывая о страшномъ, въ старину случившемся, дѣлѣ.

Иванъ Федоровичъ Шпонька и его тетушка.

Съ этой исторіей случилась исторія: намъ разсказывалъ ее пріѣзжій изъ Гадяча, Степанъ Ивановичъ Курочка. Нужно вамъ знать, что память у меня, невозможно сказать, что за дрянь: хоть говори, хоть не говори, все одно. То же самое, что въ рѣшето воду лей. Зная за собою такой грѣхъ, нарочно просилъ ее списать въ тетрадку. Ну, дай Богъ ему здоровья, человѣкъ онъ былъ всегда добрый для меня, взялъ и списалъ. Положилъ я ее въ маленькій столикъ; вы, думаю, его хорошо знаете: онъ стоитъ въ углу, когда войдешь въ дверь... Да, я и позабылъ, что вы у меня никогда не были. Старуха моя, съ которой живу уже лѣтъ тридцать вмѣстѣ, грамотѣ съ роду не училась,—нечего и грѣха таить. Вотъ замѣчаю я, что она пирожки печетъ на какой-то бумагѣ. Пирожки она, любезные читатели, удивительно хорошо печетъ; лучшихъ пирожковъ вы нигдѣ не будете ѣсть. Посмотрѣлъ какъ-то на сподку пирожка—смотрю: писанныя слова. Какъ будто сердце у меня знало: прихожу къ столику—тетрадки и половины нѣтъ! Остальные листки всѣ растаскала на пироги! Что прикажешь дѣлать? на старости лѣтъ не подраться же! Прошлый годъ случилось проѣзжать черезъ Гадячъ; нарочно еще, не доѣзжая города, завязалъ узелокъ, чтобы не забыть попросить объ этомъ Степана Ивановича. Этого мало: взялъ обѣщаніе съ самого себя: какъ только чихну въ городѣ, то чтобы при этомъ вспомнить о немъ. Все напрасно. Проѣхалъ черезъ городъ, и чихнулъ, и высморкался въ платокъ, а все позабылъ; да уже вспомнилъ, какъ верстъ за шесть отъѣхалъ отъ заставы. Нечего дѣлать, пришлось печатать безъ конца. Впрочемъ, если кто желаетъ непремѣнно знать, о чемъ говорится далѣе въ этой повѣсти, то ему стоитъ только нарочно пріѣхать въ Гадячъ и попросить Степана Ивановича. Онъ съ большимъ удовольствіемъ разскажетъ ее, хоть, пожалуй, снова отъ начала до конца. Живетъ онъ недалеко возлѣ каменной церкви. Тутъ

есть сейчасъ маленькій переулокъ; какъ только поворотишь въ переулокъ, то будутъ вторыя или третьи ворота. Да вотъ лучше: когда увидите на дворѣ большой шестъ съ перепеломъ, и выйдетъ навстрѣчу вамъ толстая баба въ зеленой юбкѣ (онъ, не мѣшаетъ сказать, ведетъ жизнь холостую), то это его дворъ. Впрочемъ, вы можете его встрѣтить на базарѣ, гдѣ бываетъ онъ каждое утро до девяти часовъ, выбираетъ рыбу и зелень для своего стола и разговариваетъ съ отцомъ Антипомъ, или съ жидомъ-откупщикомъ. Вы его узнаете потому, что ни у кого нѣтъ, кромѣ него, панталонъ изъ цвѣтной выбойки и китайчатаго желтаго сюртука. Вотъ вамъ еще примѣта: когда ходитъ онъ, то всегда размахиваетъ руками. Еще покойный тамошній засѣдатель, Денисъ Петровичъ, всегда, бывало, увидѣвши его издали, говорилъ: „Глядите, глядите, вонъ идетъ вѣтряная мельница!"

I.

Иванъ Федоровичъ Шпонька.

Уже четыре года, какъ Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька въ отставкѣ и живетъ на хуторѣ своемъ Вытребенькахъ. Когда былъ онъ еще Ванюшею, то обучался въ Гадячскомъ повѣтовомъ училищѣ, и, надобно сказать, былъ преблагонравный и престарательный мальчикъ. Учитель россійской грамматики, Никифоръ Тимоѳеевичъ Дѣепричастіе, говаривалъ, что еслибы всѣ у него были такъ старательны, какъ Шпонька, то онъ не носилъ бы съ собою въ классъ кленовой линейки, которою, какъ самъ онъ признавался, уставалъ бить по рукамъ лѣнивцевъ и шалуновъ. Тетрадка у него всегда была чистенькая, кругомъ облинеенная, нигдѣ не пятнышка. Сидѣлъ онъ всегда смирно, сложивъ руки и уставивъ глаза на учителя, и никогда не привѣшивалъ сидѣвшему впереди его товарищу на спину бумажекъ, не рѣзалъ скамьи и не игралъ до прихода учителя въ *тѣсной бабы*. Когда кому нужда была въ ножикѣ, очинить перо, тотъ немедленно обращался къ Ивану Ѳедоровичу, зная, что у него всегда водился ножикъ; и Иванъ Ѳедоровичъ, тогда еще просто Ванюша, вынималъ его изъ небольшого кожанаго чехольчика, привязаннаго къ петлѣ своего сѣренькаго сюртука, и просилъ только не скоблить пера остріемъ ножика, увѣряя, что для этого есть тупая сторона. Такое благонравіе скоро привлекло на него вниманіе даже самаго учителя латинскаго языка, котораго одинъ кашель въ сѣняхъ, прежде нежели высовывалась въ дверь его фризовая

шинель и лицо, изукрашенное оспою, наводилъ страхъ на весь классъ. Этотъ страшный учитель, у котораго на каѳедрѣ всегда лежало два пучка розогъ, и половина слушателей стояла на колѣняхъ, сдѣлалъ Ивана Ѳедоровича аудиторомъ, несмотря на то, что въ классѣ было много съ гораздо лучшими способностями. Тутъ не можно пропустить одного случая, сдѣлавшаго вліяніе на всю его жизнь. Одинъ изъ ввѣренныхъ ему учениковъ, чтобы склонить своего аудитора написать ему въ спискѣ *scit*, тогда какъ онъ своего урока въ зубъ не зналъ, принесъ въ классъ завернутый въ бумагу, облитый масломъ блинъ. Иванъ Ѳедоровичъ хотя и держался справедливости, но на эту пору былъ голоденъ и не могъ противиться обольщенію: взялъ блинъ, поставилъ передъ собою книгу и началъ ѣсть, и такъ былъ занятъ этимъ, что даже не замѣтилъ, какъ въ классѣ сдѣлалась вдругъ мертвая тишина. Тогда только съ ужасомъ очнулся онъ, когда страшная рука, протянувшись изъ фризовой шинели, ухватила его за ухо и вытащила на середину класса. „Подай сюда блинъ! Подай, говорятъ тебѣ, негодяй!“ сказалъ грозный учитель, схватилъ пальцами масляный блинъ и выбросилъ его за окно, строго запретивъ бѣгавшимъ по двору школьникамъ поднимать его. Послѣ этого тутъ-же высѣкъ онъ пребольно Ивана Ѳедоровича по рукамъ; и дѣло: руки виноваты, зачѣмъ брали, а не другая часть тѣла. Какъ бы то ни было, только съ этихъ поръ робость, и безъ того неразлучная съ нимъ, увеличилась еще болѣе. Можетъ-быть, это самое происшествіе было причиною того, что онъ не имѣлъ никогда желанія вступить въ штатскую службу, видя на опытѣ, что не всегда удается хоронить концы.

Было уже ему безъ малаго пятнадцать лѣтъ, когда перешелъ онъ во второй классъ, гдѣ, вмѣсто сокращеннаго катехизиса и четырехъ правилъ ариѳметики, принялся онъ за пространный, за книгу о должностяхъ человѣка и за дроби. Но, увидѣвши, что чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ, и получивши извѣстіе, что батюшка приказалъ долго жить, пробылъ еще два года и, съ согласія матушки, вступилъ потомъ въ П*** пѣхотный полкъ.

П*** пѣхотный полкъ былъ совсѣмъ не такого сорта, къ какому принадлежатъ многіе пѣхотные полки, и, несмотря на то, что онъ большею частью стоялъ по деревнямъ, однакожъ, былъ на такой ногѣ, что не уступалъ инымъ и кавалерійскимъ. Большая часть офицеровъ пила выморозки и умѣла таскать жидовъ за пейсики не хуже гусаровъ; нѣсколько человѣкъ даже танцовали мазурку, и полковникъ П*** полка

никогда не упускалъ случая замѣтить объ этомъ, разговаривая съ кѣмъ-нибудь въ обществѣ, „У меня-съ“, говорилъ онъ обыкновенно, трепля себя по брюху послѣ каждаго слова: „многіе пляшутъ-съ мазурку; весьма многіе-съ, очень многіе-съ“. Чтобъ еще болѣе показать читателямъ образованность П*** пѣхотнаго полка, мы прибавимъ, что двое изъ офицеровъ были страшные игроки въ банкъ и проигрывали мундиръ, фуражку, шинель, темлякъ и даже исподнее платье, что не вездѣ и между кавалеристами можно сыскать.

Обхожденіе съ такими товарищами, однакоже, ничуть не уменьшило робости Ивана Ѳедоровича; и такъ какъ онъ не пилъ выморозокъ, предпочитая имъ рюмку водки передъ обѣдомъ и ужиномъ, не танцовалъ мазурки и не игралъ въ банкъ, то, натурально, долженъ былъ всегда оставаться одинъ. Такимъ образомъ, когда другіе разъѣзжали на обывательскихъ по мелкимъ помѣщикамъ, онъ, сидя на своей квартирѣ, упражнялся въ занятіяхъ, сродныхъ одной кроткой и доброй душѣ: то чистилъ пуговицы, то читалъ гадательную книгу, то ставилъ мышеловки по угламъ своей комнаты, то, наконецъ, скинувши мундиръ, лежалъ на своей постели.

Зато не было никого исправнѣе Ивана Ѳедоровича въ полку, и взводомъ своимъ онъ такъ командовалъ, что ротный командиръ всегда ставилъ его въ образецъ. Зато въ скоромъ времени, спустя одиннадцать лѣтъ послѣ полученія прапорщичьяго чина, произведенъ онъ былъ въ подпоручики.

Въ продолженіе этого времени онъ получилъ извѣстіе, что матушка скончалась; а тетушка, родная сестра матушки, которую онъ зналъ только потому, что она привозила ему въ дѣтствѣ и посылала даже въ Гадячъ сушеные и дѣланные ею самою превкусные пряники (съ матушкой она была въ ссорѣ, и потому Иванъ Ѳедоровичъ послѣ не видалъ ея),—эта тетушка, по своему добродушію, взялась управлять небольшимъ его имѣніемъ, о чемъ извѣстила его въ свое время письмомъ.

Иванъ Ѳедоровичъ, будучи совершенно увѣренъ въ благоразуміи тетушки, началъ по прежнему исполнять свою службу. Иной на его мѣстѣ, получивши такой чинъ, возгордился бы; но гордость совершенно была ему неизвѣстна, и, сдѣлавшись подпоручикомъ, онъ былъ тотъ же самый Иванъ Ѳедоровичъ, какимъ былъ нѣкогда и въ прапорщичьемъ чинѣ. Пробывъ четыре года послѣ этого замѣчательнаго для него событія, онъ готовился выступить вмѣстѣ съ полкомъ изъ Могилевской губерніи въ Великороссію, какъ получилъ письмо такого содержанія:

„Любезный племянникъ,
Иванъ Өедоровичъ!

„Посылаю тебѣ бѣлье: пять паръ нитяныхъ карпетокъ и четыре рубашки тонкаго холста; да еще хочу поговорить съ тобою о дѣлѣ; такъ какъ ты уже имѣешь чинъ немаловажный, что, думаю, тебѣ извѣстно, и пришелъ въ такія лѣта, что пора и хозяйствомъ позаняться, то въ воинской службѣ тебѣ не зачѣмъ болѣе служить. Я уже стара и не могу всего присмотрѣть въ твоемъ хозяйствѣ; да и дѣйствительно, многое притомъ имѣю тебѣ открыть лично. Пріѣзжай, Ванюша! Въ ожиданіи подлиннаго удовольствія тебя видѣть, остаюсь многолюбящая твоя тетка

Василиса Цупчевьска.

„Чудная въ огородѣ у насъ выросла рѣпа: больше похожа на картофель, чѣмъ на рѣпу".

Черезъ недѣлю послѣ полученія этого письма, Иванъ Өедоровичъ написалъ такой отвѣтъ:

„Милостивая государыня, тетушка,
Василиса Кашпаровна!

„Много благодарю васъ за присылку бѣлья. Особенно карпетки у меня очень старыя, что даже деньщикъ штопалъ ихъ четыре раза, и очень отъ того стали узкія. Насчетъ вашего мнѣнія о моей службѣ я совершенно согласенъ съ вами и третьяго дня подалъ отставку. А какъ только получу увольненіе, то найму извозчика. Прежней вашей комиссіи, насчетъ сѣмянъ пшеницы, сибирской арнаутки, не могъ исполнить: во всей Могилевской губерніи нѣтъ такой. Свиней же здѣсь кормятъ большею частію брагой, подмѣшивая немного выигравшагося пива.

„Съ совершеннымъ почтеніемъ, милостивая государыня, тетушка, пребываю племянникомъ

Иваномъ Шпонькою."

Наконецъ, Иванъ Өедоровичъ получилъ отставку, съ чиномъ поручика, нанялъ за сорокъ рублей жида отъ Могилева до Гадяча, и сѣлъ въ кибитку въ то самое время, когда деревья одѣлись молодыми, еще рѣдкими листьями, вся земля ярко зазеленѣла свѣжею зеленью и по всему полю пахло весною.

II.

Дорога.

Въ дорогѣ ничего не случилось слишкомъ замѣчательнаго. Ѣхали съ небольшимъ двѣ недѣли. Можетъ-быть, еще и этого скорѣе пріѣхалъ-бы Иванъ Ѳедоровичъ, но набожный жидъ шабашовалъ по субботамъ, и, накрывшись своею попоной, молился весь день. Впрочемъ, Иванъ Ѳедоровичъ, какъ уже имѣлъ я случай замѣтить прежде, былъ такой человѣкъ, который не допускалъ къ себѣ скуки. Въ то время развязывалъ онъ чемоданъ, вынималъ бѣлье, разсматривалъ его хорошенько; такъ-ли вымыто, такъ-ли сложено; снималъ осторожно пушокъ съ новаго мундира, сшитаго уже безъ погончиковъ, и снова все это укладывалъ наилучшимъ образомъ. Книгъ онъ, вообще сказать, не любилъ читать; а если заглядывалъ иногда въ гадательную книгу, такъ это потому, что любилъ встрѣчать тамъ знакомое, читанное уже нѣсколько разъ. Такъ городской житель отправляется каждый день въ клубъ, не для того, чтобы услышать тамъ что-нибудь новое, но чтобы встрѣтить тѣхъ пріятелей, съ которыми онъ уже съ незапамятныхъ временъ привыкъ болтать въ клубѣ. Такъ чиновникъ съ большимъ наслажденіемъ читаетъ адресъ-календарь по нѣскольку разъ въ день, не для какихъ-нибудь дипломатическихъ затѣй, но его тѣшитъ до крайности печатная роспись. „А! Иванъ Гавриловичъ такой-то!..“ повторяетъ онъ глухо про себя. „А! вотъ и я! гм!..“ И на слѣдующій разъ снова перечитываетъ его съ тѣми же восклицаніями.

Послѣ двухнедѣльной ѣзды Иванъ Ѳедоровичъ достигнулъ деревушки, находившейся въ ста верстахъ отъ Гадяча. Это было въ пятницу. Солнце давно уже зашло, когда онъ въѣхалъ съ кибиткою и съ жидомъ на постоялый дворъ.

Этотъ постоялый дворъ ничѣмъ не отличался отъ другихъ, выстроенныхъ по небольшимъ деревушкамъ. Въ нихъ обыкновенно съ большимъ усердіемъ потчуютъ путешественника сѣномъ и овсомъ, какъ будто бы онъ былъ почтовая лошадь. Но еслибы онъ захотѣлъ позавтракать, какъ обыкновенно завтракаютъ порядочные люди, то сохранилъ бы въ ненарушимости свой аппетитъ до другого случая. Иванъ Ѳедоровичъ, зная все это, заблаговременно запасся двумя вязками бубликовъ и колбасою и, спросивши рюмку водки, въ которой не бываетъ недостатка ни на одномъ постояломъ дворѣ, началъ свой ужинъ, усѣвшись на лавкѣ передъ дубовымъ столомъ, неподвижно вкопаннымъ въ глиняный полъ.

Въ продолженіе этого времени послышался стукъ брички. Ворота заскрипѣли; но бричка долго не въѣзжала на дворъ. Громкій голосъ бранился со старухою, содержавшею трактиръ. „Я въѣду", услышалъ Иванъ Ѳедоровичъ: „но если хоть одинъ клопъ укуситъ меня въ твоей хатѣ, то прибью, ей Богу, прибью, старая колдунья! и за сѣно ничего не дамъ!"

Минуту спустя, дверь отворилась, и вошелъ, или, лучше сказать, влѣзъ толстый человѣкъ въ зеленомъ сюртукѣ. Голова его неподвижно покоилась на короткой шеѣ, казавшейся еще толще отъ двухъ-этажнаго подбородка. Казалось, и съ виду онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые не ломали никогда головы надъ пустяками и которыхъ вся жизнь катилась по маслу.

„Желаю здравствовать, милостивый государь", проговорилъ онъ, увидѣвши Ивана Ѳедоровича.

Иванъ Ѳедоровичъ безмолвно поклонился.

„А позвольте спросить: съ кѣмъ имѣю честь говорить?" продолжалъ толстый пріѣзжій.

При такомъ допросѣ Иванъ Ѳедоровъ невольно поднялся съ мѣста и сталъ въ вытяжку, что обыкновенно онъ дѣлывалъ, когда спрашивалъ его о чемъ полковникъ. „Отставной поручикъ, Иванъ Ѳедоровъ Шпонька", отвѣчалъ онъ.

„А смѣю ли спросить, въ какія мѣста изволите ѣхать?"

„Въ собственный хуторъ-съ, Вытребеньки".

„Вытребеньки!" воскликнулъ строгій допросчикъ. „Позвольте, милостивый государь, позвольте!" говорилъ онъ, подступая къ нему и размахивая руками, какъ будто бы кто-нибудь его не допускалъ, или онъ продирался сквозь толпу, и, приблизившись, принялъ Ивана Ѳедоровича въ объятія и облобызалъ сначала въ правую, потомъ въ лѣвую, и потомъ снова въ правую щеку. Ивану Ѳедоровичу очень понравилось это лобызаніе, потому что губы его приняли большія щеки незнакомца за мягкія подушки.

„Позвольте, милостивый государь, познакомиться!" продолжалъ толстякъ: „я помѣщикъ того же Гадячскаго повѣта и вашъ сосѣдъ; живу отъ хутора вашего Вытребеньки не дальше пяти верстъ, въ селѣ Хортыщѣ; а, фамилія моя Григорій Григорьевичъ Сторченко. Непремѣнно, непремѣнно, милостивый государь, и знать васъ не хочу, если не пріѣдете въ гости въ село Хортыще. Я теперь спѣшу по надобности... А что это?" проговорилъ онъ кроткимъ голосомъ вошедшему своему жокею, мальчику въ козацкой свиткѣ, съ заплатанными локтями, съ недоумѣвающею миною, ставившему на столъ узлы и ящики. „Что это? что?" и голосъ Григорія Григорьевича незамѣтно

дѣлался грознѣе и грознѣе. „Развѣ я это сюда велѣлъ ставить тебѣ, любезный? Развѣ я это сюда говорилъ ставить тебѣ, подлецъ? Развѣ я не говорилъ тебѣ напередъ разогрѣть курицу, мошенникъ? Пошелъ!“ вскрикнулъ онъ, топнувъ ногою. „Постой, рожа! Гдѣ погребецъ со штофиками? Иванъ Ѳедоровичъ!“ говорилъ онъ, наливая рюмку настойки: „прошу покорно лѣкарственной!“.

„Ей Богу-съ, не могу... я уже имѣлъ случай...“ проговорилъ Иванъ Ѳедоровичъ съ запинкой.

„И слушать не хочу, милостивый государь!“ возвысилъ голосъ помѣщикъ: „и слушать не хочу! Съ мѣста не сойду, покамѣстъ не выкушаете...“

Иванъ Ѳедоровичъ увидѣвши, что нельзя отказаться, не безъ удовольствія выпилъ.

„Это курица, милостивый государь“, продолжалъ толстый Григорій Григорьевичъ, разрѣзывая ее ножомъ въ деревянномъ ящикѣ. „Надобно вамъ сказать, что повариха моя, Явдоха, иногда любитъ куликнуть, и оттого часто пересушиваетъ. Эй, хлопче!“ тутъ оборотился онъ къ мальчику въ козацкой свиткѣ, принесшему перину и подушки: „постели постель мнѣ на полу посереди хаты! Смотри же, сѣна повыше наклади подъ подушку! Да выдерни у бабы изъ мычки клочекъ пеньки заткнуть мнѣ уши на ночь! Надобно вамъ знать, милостивый государь, что я имѣю обыкновеніе затыкать на ночь уши съ того проклятаго случая, когда въ одной русской корчмѣ залѣзъ мнѣ въ лѣвое ухо тараканъ. Проклятые кацапы, какъ я послѣ узналъ, ѣдятъ даже щи съ тараканами. Невозможно описать, что происходило со мною: въ ухѣ такъ и щекочетъ, такъ и щекочетъ... ну, хоть на стѣну! Мнѣ помогла уже въ нашихъ мѣстахъ простая старуха, и чѣмъ бы вы думали? просто, зашептываніемъ. Что вы скажете, милостивый государь, о лѣкаряхъ? Я думаю, что они, просто, морочатъ и дурачатъ насъ; иная старуха въ двадцать разъ лучше знаетъ всѣхъ этихъ лѣкарей“.

„Дѣйствительно, вы изволите говорить совершенную-съ правду. Иная точно бываетъ...“ Тутъ онъ остановился, какъ бы не прибирая дальше приличнаго слова. Не мѣшаетъ здѣсь и мнѣ сказать, что онъ вообще не былъ щедръ на слова. Можетъ-быть, это происходило отъ робости, а, можетъ, и отъ желанія выразиться красивѣе.

„Хорошенько, хорошенько перетряси сѣно!“ говорилъ Григорій Григорьевичъ своему лакею: „тутъ сѣно такое гадкое, что, того и гляди, какъ-нибудь попадетъ сучокъ. Позвольте, милостивый государь, пожелать спокойной ночи! Завтра уже

не увидимся: я выѣзжаю до зари. Вашъ жидъ будетъ шабашовать, потому что завтра суббота, такъ вамъ нечего и вставать рано. Не забудьте же моей просьбы: и знать васъ не хочу, когда не пріѣдете въ село Хортыще".

Тутъ камердинеръ Григорія Григорьевича стащилъ съ него сюртукъ и сапоги, натянувъ на него вмѣсто того халатъ, и Григорій Григорьевичъ повалился на постель, и, казалось, огромная перина легла на другую.

„Эй, хлопче! куда же ты, подлецъ? Поди сюда, поправь мнѣ одѣяло! Эй, хлопче, подмости подъ голову сѣна! Да что, коней уже напоили? Еще сѣна! сюда, подъ этотъ бокъ! Да поправь, подлецъ, хорошенько одѣяло! Вотъ такъ, еще! охъ!.."

Тутъ Григорій Григорьевичъ еще вздохнулъ раза два и пустилъ страшный носовой свистъ по всей комнатѣ, всхрапывая по временамъ такъ, что дремавшая на лежанкѣ старуха, пробудившись, вдругъ смотрѣла въ оба глаза на всѣ стороны, но, не видя ничего, успокоивалась и засыпала снова.

На другой день, когда проснулся Иванъ Ѳедоровичъ, толстаго помѣщика уже не было. Это было одно только замѣчательное происшествіе, случившееся съ нимъ на дорогѣ. На третій день послѣ того приближался онъ къ своему хуторку.

Тутъ почувствовалъ онъ, что сердце въ немъ сильно забилось, когда выглянула, махая крыльями, вѣтряная мельница и когда, по мѣрѣ того, какъ жидъ гналъ своихъ клячъ на гору, показывался внизу рядъ вербъ. Живо и ярко блестѣлъ сквозь нихъ прудъ и дышалъ свѣжестью. Здѣсь когда-то онъ купался; въ этомъ самомъ прудѣ онъ когда-то съ ребятишками брелъ по шею въ водѣ за раками. Кибитка взъѣхала на греблю, и Иванъ Ѳедоровичъ увидѣлъ тотъ же самый старинный домикъ, покрытый очеретомъ, тѣ же самыя яблони и черешни, по которымъ онъ когда-то украдкою лазалъ. Только-что въѣхалъ онъ на дворъ, какъ сбѣжались со всѣхъ сторонъ собаки всѣхъ сортовъ: бурыя, черныя, сѣрыя, пѣгія. Нѣкоторыя съ лаемъ кидались подъ ноги лошадямъ, другія бѣжали сзади, замѣтивъ, что ось вымазана саломъ; одна, стоя возлѣ кухни и накрывъ лапою кость, заливалась во все горло; другая лаяла издали и бѣгала взадъ и впередъ, помахивая хвостомъ и какъ бы приговаривая: „Посмотрите, люди крещеные, какой я молодой человѣкъ!" Мальчишки, въ запачканныхъ рубашкахъ, бѣжали глядѣть. Свинья, прохаживавшаяся по двору съ шестнадцатью поросятами, подняла вверхъ съ испытующимъ видомъ свое рыло и хрюкнула громче обыкновеннаго. На дворѣ лежало на землѣ множество ряденъ съ пшеницею, просомъ и ячменемъ, сушившимися на солнцѣ. На крышѣ тоже не мало су-

шилось разнаго рода травъ: Петровыхъ батоговъ, нечуй-вѣтра и другихъ.

Иванъ Ѳедоровичъ такъ былъ занятъ разсматриваніемъ этого, что очнулся тогда только, когда пѣгая собака укусила слѣзавшаго съ козелъ жида за икру. Сбѣжавшаяся дворня, состоявшая изъ поварихи, одной бабы и двухъ дѣвокъ въ шерстяныхъ исподницахъ, послѣ первыхъ восклицаній: „*та се жъ панычъ нашъ*!“ объявила, что тетушка садила въ огородѣ пшеничку, вмѣстѣ въ дѣвкою Палашкою и кучеромъ Омелькомъ, исправлявшимъ часто должность огородника и сторожа. Но тетушка, которая еще издали завидѣла рогожную кибитку, была уже здѣсь. И Иванъ Ѳедоровичъ изумился, когда она почти подняла его на рукахъ, какъ бы не довѣряя, та ли это тетушка, которая писала къ нему о своей дряхлости и болѣзни.

III.

Тетушка.

Тетушка Василиса Кашпаровна въ это время имѣла лѣтъ около пятидесяти. Замужемъ она никогда не была и обыкновенно говорила, что жизнь дѣвическая для нея дороже всего. Впрочемъ, сколько мнѣ помнится, никто и не сваталъ ее. Это происходило оттого, что всѣ мужчины чувствовали при ней какую-то робость и никакъ не имѣли духа сдѣлать ей признаніе. „Весьма съ большимъ характеромъ Василиса Кашпаровна!“ говорили женихи, и были совершенно правы, потому что Василиса Кашпаровна хоть кого умѣла сдѣлать тише травы. Пьяницу-мельника, который совершенно былъ ни къ чему негоденъ, она, собственною своею мужественною рукою дергая каждый день за чубъ, безъ всякаго посторонняго средства, умѣла сдѣлать золотомъ, а не человѣкомъ. Ростъ она имѣла почти исполинскій, дородность и силу совершенно соразмѣрную. Казалось, что природа сдѣлала непростительную ошибку, опредѣливъ ей носить темно-коричневый, по буднямъ, капотъ съ мелкими сборками и красную кашемировую шаль въ день Свѣтлаго Воскресенія и своихъ104 именинъ, тогда какъ ей болѣе всего шли бы драгунскіе усы и длинные ботфорты. Зато занятія ея совершенно соотвѣтствовали ея виду: она каталась сама на лодкѣ, гребя весломъ искуснѣе всякаго рыболова; стрѣляла дичь; стояла неотлучно надъ косарями; знала наперечетъ число дынь и арбузовъ на

баштанѣ; брала пошлину по пять копѣекъ съ воза, проѣзжавшаго черезъ ея греблю; взлѣзала на дерево и трусила груши; била лѣнивыхъ вассаловъ своею страшною рукою и подносила достойнымъ рюмку водки тою же грозною рукою. Почти въ одно время она бранилась, красила пряжу, бѣгала на кухню, дѣлала квасъ, варила медовое варенье и хлопотала весь день и вездѣ поспѣвала. Слѣдствіемъ этого было то, что маленькое имѣньице Ивана Ѳедоровича, состоявшее изъ осьмнадцати душъ по послѣдней ревизіи, процвѣтало въ полномъ смыслѣ сего слова. Къ тому-жъ она слишкомъ горячо любила своего племянника и тщательно собирала для него копѣйку.

По пріѣздѣ домой, жизнь Ивана Ѳедоровича рѣшительно измѣнилась и пошла совершенно другою дорогою. Казалось, натура именно создала его для управленія осьмнадцати-душнымъ имѣніемъ. Сама тетушка замѣтила, что онъ будетъ хорошимъ хозяиномъ, хотя, впрочемъ, не во всѣ еще отрасли хозяйства позволяла ему вмѣшиваться. „*Воно ще молода дытына!*“ обыкновенно она говаривала, несмотря на то, что Ивану Ѳедоровичу было безъ малаго сорокъ лѣтъ: „гдѣ ему все знать“!

Однакожъ, онъ неотлучно бывалъ въ полѣ при жнецахъ и косаряхъ, и это доставляло наслажденіе неизъяснимое его кроткой душѣ. Единодушный взмахъ десятка и болѣе блестящихъ косъ; шумъ падающей стройными рядами травы; изрѣдка заливающіяся пѣсни жницъ, то веселыя, какъ встрѣча гостей, то заунывныя, какъ разлука; спокойный, чистый вечеръ,—и что за вечеръ! какъ воленъ и свѣжъ воздухъ! какъ тогда оживлено все: степь краснѣетъ, синѣетъ и горитъ цвѣтами; перепелы, дрофы, чайки, кузнечики, тысячи насѣкомыхъ, и отъ нихъ свистъ, жужжаніе, трескъ, крикъ и вдругъ стройный хоръ; и все не молчитъ ни на минуту; а солнце садится и кроется. У! какъ свѣжо и хорошо! По полю, то тамъ, то тамъ, раскладываются огни и ставятъ котлы, и вкругъ котловъ садятся усатые косари; паръ отъ галушекъ несется; сумерки сѣрѣютъ... Трудно разсказать, что дѣлалось тогда съ Иваномъ Ѳедоровичемъ. Онъ забывалъ, присоединясь къ косарямъ, отвѣдать ихъ галушекъ, которыя очень любилъ, и стоялъ недвижимо на одномъ мѣстѣ, слѣдя глазами пропадавшую въ небѣ чайку, или считая копы нажатаго хлѣба, унизывавшія поле.

Въ непродолжительномъ времени объ Иванѣ Ѳедоровичѣ вездѣ пошли рѣчи, какъ о великомъ хозяинѣ. Тетушка не могла нарадоваться своимъ племянникомъ и никогда не упу-

скала случая имъ похвастаться. Въ одинъ день,—это было уже по окончанiи жатвы, и именно въ концѣ iюля,—Василиса Кашпаровна, взявши Ивана Өедоровича съ таинственнымъ видомъ за руку, сказала, что она теперь хочетъ поговорить съ нимъ о дѣлѣ, которое съ давнихъ поръ уже ее занимаетъ.

„Тебѣ, любезный Иванъ Өедоровичъ", такъ она начала: „извѣстно, что въ твоемъ хуторѣ осьмнадцать душъ, впрочемъ, это по ревизiи, а безъ того, можетъ, наберется больше, можетъ, будетъ до двадцати четырехъ. Но не объ этомъ дѣло. Ты знаешь тотъ лѣсокъ, что за нашею левадою, и, вѣрно, знаешь за тѣмъ же лѣсомъ широкiй лугъ: въ немъ двадцать безъ малаго десятинъ; а травы столько, что можно каждый годъ продавать больше, чѣмъ на сто рублей, особенно, если, какъ говорятъ, въ Гадячѣ будетъ конный полкъ".

„Какъ же-съ, тетушка, знаю: трава очень хорошая".

„Это я сама знаю, что очень хорошая; но знаешь ли ты, что вся эта земля, по-настоящему, твоя? Что-жъ ты такъ выпучилъ глаза? Слушай, Иванъ Өедоровичъ! Ты помнишь Степана Кузьмича? Что я говорю: „помнишь!" Ты тогда былъ такимъ маленькимъ, что не могъ выговорить даже его имени. Куда-жъ! Я помню, когда прiѣхала на самое пущенье, передъ Филипповкою, и взяла было тебя на руки, то ты чуть не испортилъ мнѣ всего платья; къ счастiю, что успѣла передать тебя мамкѣ Матренѣ; такой ты тогда былъ гадкiй!... Но не объ этомъ дѣло. Вся земля, которая за нашимъ хуторомъ, и самое село Хортыще, было Степана Кузьмича. Онъ, надобно тебѣ объявить, еще тебя не было на свѣтѣ, какъ началъ ѣздить къ твоей матушкѣ,—правда, въ такое время, когда отца твоего не бывало дома. Но я, однакожъ, это не въ укоръ ей говорю,—упокой, Господи, ея душу! — хотя покойница была всегда неправа противъ меня. Но не объ этомъ дѣло. Какъ бы то ни было, только Степанъ Кузьмичъ сдѣлалъ тебѣ дарственную запись на то самое имѣнiе, объ которомъ я тебѣ говорила. Но покойница твоя матушка, между нами будь сказано, была пречуднаго нрава. Самъ чортъ (Господи, прости меня за это гадкое слово!) не могъ бы понять ее. Куда она дѣла эту запись—одинъ Богъ знаетъ. Я думаю, просто, что она въ рукахъ этого стараго холостяка, Григорiя Григорьевича Сторченка. Этой пузатой шельмѣ досталось все его имѣнiе. Я готова ставить, Богъ знаетъ что, если онъ не утаилъ записи".

„Позвольте-съ доложить, тетушка: не тотъ ли это Сторченко, съ которымъ я познакомился на станцiи?" Тутъ Иванъ Өедоровичъ разсказалъ про свою встрѣчу.

„Кто его знаетъ!“ отвѣчала, немного подумавъ, тетушка: „можетъ-быть, онъ и не негодяй. Правда, онъ всего только полгода, какъ переѣхалъ къ намъ жить; въ такое время человѣка не узнаешь. Старуха-то, матушка его, я слышала, очень разумная женщина и, говорятъ, большая мастерица солить огурцы; ковры собственныя дѣвки ея умѣютъ отлично хорошо выдѣлывать. Но такъ какъ ты говоришь, что онъ тебя хорошо принялъ, то поѣзжай къ нему: можетъ-быть, старый грѣшникъ послушается совѣсти и отдастъ, что принадлежитъ не ему. Пожалуй, можешь поѣхать и въ бричкѣ, только проклятая дитвора повыдергала сзади всѣ гвозди; нужно будетъ сказать кучеру Омелькѣ, чтобы прибилъ вездѣ получше кожу“.

„Для чего, тетушка? Я возьму повозку, въ которой вы ѣздите иногда стрѣлять дичь“.

Этимъ окончился разговоръ.

IV.

Обѣдъ.

Въ обѣденную пору Иванъ Ѳедоровичъ въѣхалъ въ село Хортыще и немного оробѣлъ, когда сталъ приближаться къ господскому дому. Домъ этотъ былъ длинный и не подъ очеретяною, какъ у многихъ окружныхъ помѣщиковъ, но подъ деревянною крышею. Два амбара во дворѣ тоже подъ деревянною крышею; ворота дубовыя. Иванъ Ѳедоровичъ похожъ былъ на того франта, который, заѣхавъ на балъ, видитъ всѣхъ, куда ни оглянется, одѣтыхъ щеголеватѣе его. Изъ почтенія онъ остановилъ свой возокъ возлѣ амбара и подошелъ пѣшкомъ къ крыльцу.

„А! Иванъ Ѳедоровичъ!“ закричалъ толстый Григорій Григорьевичъ, ходившій по двору въ сюртукѣ, но безъ галстуха, жилета и подтяжекъ. Однакожъ, и этотъ нарядъ, казалось, обременялъ его тучную ширину, потому что потъ катился съ него градомъ.

„Что-жъ вы говорили, что сейчасъ, какъ только увидитесь съ тетушкой, пріѣдете, да и не пріѣхали?“ Послѣ этихъ словъ губы Ивана Ѳедоровича встрѣтили тѣ же самыя знакомыя подушки.

„Большею частію занятія по хозяйству... Я-съ пріѣхалъ къ вамъ на минутку, собственно по дѣлу...“

„На минутку? Вотъ этого-то не будетъ. Эй, хлопче!“ закричалъ толстый хозяинъ, и тотъ же самый мальчикъ въ козацкой свиткѣ выбѣжалъ изъ кухни. „Скажи Касьяну, чтобы ворота сейчасъ заперъ,—слышишь!—заперъ крѣпче! А коней вотъ этого пана распрягъ бы сію минуту. Прошу въ комнату: здѣсь такая жара, что у меня вся рубашка мокра“.

Иванъ Ѳедоровичъ, вошедши въ комнату, рѣшился не терять напрасно времени и, несмотря на свою робость, наступать рѣшительно.

„Тетушка имѣла честь... сказывала мнѣ, что дарственная запись покойнаго Степана Кузьмича...“

Трудно изобразить, какую непріятную мину сдѣлало при этихъ словахъ обширное лицо Григорія Григорьевича. „Ей Богу, ничего не слышу!“ отвѣчалъ онъ. „Надобно вамъ сказать, что у меня въ лѣвомъ ухѣ сидѣлъ тараканъ (въ русскихъ избахъ проклятые кацапы вездѣ поразводили таракановъ); невозможно описать никакимъ перомъ, что за мученіе было—такъ вотъ и щекочетъ, такъ и щекочетъ. Мнѣ помогла уже одна старуха самымъ простымъ средствомъ...“

„Я хотѣлъ сказать...“ осмѣлился прервать Иванъ Ѳедоровичъ, видя, что Григорій Григорьевичъ съ умысломъ хочетъ поворотить рѣчь на другое: „что въ завѣщаніи покойнаго Степана Кузьмича упоминается, такъ сказать, о дарственной записи... по ней слѣдуетъ мнѣ...“

„Я знаю, это вамъ тетушка успѣла наговорить. Это ложь, ей Богу, ложь! Никакой дарственной записи дядюшка не дѣлалъ. Хотя, правда, въ завѣщаніи и упоминается о какой-то записи; но гдѣ же она? Никто не представилъ ее. Я вамъ это говорю потому, что искренно желаю вамъ добра. Ей Богу, это ложь!“

Иванъ Ѳедоровичъ замолчалъ, разсуждая, что, можетъ-быть, и въ самомъ дѣлѣ тетушкѣ такъ только показалось.

„А вотъ идетъ сюда матушка съ сестрами!“ сказалъ Григорій Григорьевичъ: „слѣдовательно, обѣдъ готовъ. Пойдемте!“

Тутъ онъ потащилъ Ивана Ѳедоровича за руку въ комнату, въ которой стояли на столѣ водка и закуски.

Въ то самое время вошла старушка, низенькая, совершенный кофейникъ въ чепчикѣ, съ двумя барышнями — бѣлокурой и черноволосой. Иванъ Ѳедоровичъ, какъ воспитанный кавалеръ, подошелъ сначала къ старушкиной ручкѣ, а послѣ къ ручкамъ обѣихъ барышень.

„Это, матушка, нашъ сосѣдъ, Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька!“ сказалъ Григорій Григорьевичъ.

Старушка смотрѣла пристально на Ивана Ѳедоровича, или, можетъ-быть, только казалось смотрѣвшею. Впрочемъ, это была совершенная доброта; казалось, она такъ и хотѣла спросить Ивана Ѳедоровича: „сколько вы на зиму насаливаете огурцовъ?“

„Вы водку пили?“ спросила старушка.

„Вы, матушка, вѣрно, не выспались“, сказалъ Григорій Григорьевичъ: „кто-жъ спрашиваетъ гостя, пилъ ли онъ? Вы потчивайте только; а пили ли мы, или нѣтъ, это наше дѣло. Иванъ Ѳедоровичъ! прошу: золототысячниковой, или Трохимовской сивушки? какую вы лучше любите? Иванъ Ивановичъ, а ты что стоишь?“ произнесъ Григорій Григорьевичъ, оборотившись назадъ, и Иванъ Ѳедоровичъ увидѣлъ подходившаго къ водкѣ Ивана Ивановича, въ долгополомъ сюртукѣ, съ огромнымъ стоячимъ воротникомъ, закрывавшимъ весь его затылокъ, такъ что голова его сидѣла въ воротникѣ, какъ будто въ бричкѣ.

Иванъ Ивановичъ подошелъ къ водкѣ, потеръ руки, разсмотрѣлъ хорошенько рюмку, налилъ, поднесъ къ свѣту, вылилъ разомъ изъ рюмки всю водку въ ротъ, но, не проглатывая, пополоскалъ ею хорошенько во рту, послѣ чего уже проглотилъ и, закусивши хлѣбомъ съ солеными опенками, оборотился къ Ивану Ѳедоровичу.

„Не съ Иваномъ ли Ѳедоровичемъ, господиномъ Шпонькою, имѣю честь говорить?

„Такъ точно-съ“, отвѣчалъ Иванъ Ѳедоровичъ.

„Очень много изволили перемѣниться съ того времени, какъ я васъ знаю. Какъ же!“ продолжалъ Иванъ Ивановичъ: „я еще помню васъ вотъ какими!“ При этомъ поднялъ онъ ладонь на аршинъ отъ пола. „Покойный батюшка вашъ, дай Боже ему царствіе небесное, рѣдкій былъ человѣкъ. Арбузы и дыни всегда бывали у него такіе, какихъ теперь нигдѣ не найдете. Вотъ хоть бы и тутъ“, продолжалъ онъ, отводя его въ сторону: „подадутъ вамъ за столомъ дыни,—что за дыни? смотрѣть не хочется! Вѣрите ли, милостивый государь, что у него были арбузы“, произнесъ онъ съ таинственнымъ видомъ, разставляя руки, какъ будто бы хотѣлъ обхватить толстое дерево: „ей Богу, вотъ какіе!“

„Пойдемте за столъ!“ сказалъ Григорій Григорьевичъ, взявши Ивана Ѳедоровича за руку.

Григорій Григорьевичъ сѣлъ на обыкновенномъ своемъ мѣстѣ, въ концѣ стола, завѣсившись огромною салфеткою и походя въ этомъ видѣ на тѣхъ героевъ, которыхъ рисуютъ цырюльники на своихъ вывѣскахъ. Иванъ Ѳедоровичъ, краснѣя, сѣлъ на указанное ему мѣсто противъ двухъ барышень;

а Иванъ Ивановичъ не преминулъ помѣститься возлѣ него. радуясь душевно, что будетъ кому сообщать свои познанія.

„Вы напрасно взяли куприкъ, Иванъ Ѳедоровичъ! Это индѣйка!“ сказала старушка, обратившись къ Ивану Ѳедоровичу, которому въ это время поднесъ блюдо деревенскій официантъ въ сѣромъ фракѣ съ черною заплатою. „Возьмите спинку“!

„Матушка! вѣдь васъ никто не проситъ мѣшаться!“ произнесъ Григорій Григорьевичъ. „Будьте увѣрены, что гость самъ знаетъ, что ему взять! Иванъ Ѳедоровичъ! возьмите крылышко, вонъ другое, съ пупкомъ! да что-жъ вы такъ мало взяли? Возьмите стегнышко! Ты что разинулъ ротъ съ блюдомъ? Проси! Становись, подлецъ, на колѣни! Говори сейчасъ: „Иванъ Ѳедоровичъ, возьмите стегнышко!“

„Иванъ Ѳедоровичъ, возьмите стегнышко!“ проревѣлъ, ставъ на колѣни, официантъ съ блюдомъ.

„Гм! что это за индѣйки!“ сказалъ вполголоса Иванъ Ивановичъ съ видомъ пренебреженія, оборотившись къ своему сосѣду. „Такія ли должны быть индѣйки? Если бы вы увидѣли у меня индѣекъ! Я васъ увѣряю, что жиру въ одной больше, чѣмъ въ десяткѣ такихъ, какъ эти. Вѣрите ли, государь мой, что даже противно смотрѣть, когда ходятъ онѣ у меня по двору—такъ жирны!..“

„Иванъ Ивановичъ, ты лжешь!“ произнесъ Григорій Григорьевичъ, вслушавшись въ его рѣчь.

„Я вамъ скажу“, продолжалъ все такъ же своему сосѣду Иванъ Ивановичъ, показывая видъ, будто бы онъ не слышалъ словъ Григорія Григорьевича: „что прошлый годъ, когда я отправлялъ ихъ въ Гадячъ, давали по пятидесяти копѣекъ за штуку, и то еще не хотѣлъ брать“.

„Иванъ Ивановичъ! Я говорю тебѣ, что ты лжешь“, произнесъ Григорій Григорьевичъ, для лучшей ясности, по складамъ и громче прежняго.

Но Иванъ Ивановичъ, показывая видъ, будто это совершенно относилось не къ нему, продолжалъ такъ же, но только гораздо тише: „именно, государь мой, не хотѣлъ брать. Въ Гадячѣ ни у одного помѣщика...“

„Иванъ Ивановичъ! вѣдь ты глупъ и больше ничего“, громко сказалъ Григорій Григорьевичъ. „Вѣдь Иванъ Ѳедоровичъ знаетъ все это лучше тебя и, вѣрно, не повѣритъ тебѣ“.

Тутъ Иванъ Ивановичъ совершенно обидѣлся, замолчалъ и принялся убирать индѣйку, несмотря на то, что она не такъ была жирна, какъ тѣ, на которыя противно смотрѣть.

Стукъ ножей, ложекъ и тарелокъ замѣнилъ на время разговоръ; но громче всего слышалось высмактываніе Григоріемъ Григорьевичемъ мозгу изъ бараньей кости.

„Читали ли вы“, спросилъ Иванъ Ивановичъ, послѣ нѣкотораго молчанія, высовывая голову изъ своей брички къ Ивану Ѳедоровичу: „книгу „Путешествіе Коробейникова ко святымъ мѣстамъ?“ Истинное услажденіе души и сердца! Теперь такихъ книгъ не печатаютъ. Очень сожалительно, что не посмотрѣлъ, котораго году“.

Иванъ Ѳедоровичъ, услышавши, что дѣло идетъ о книгѣ, прилежно началъ набирать себѣ соусу.

„Истинно удивительно, государь мой, какъ подумаешь, что простой мѣщанинъ прошелъ всѣ мѣста эти: болѣе трехъ тысячъ верстъ, государь мой! болѣе трехъ тысячъ верстъ! Подлинно его самъ Господь сподобилъ побывать въ Палестинѣ и Іерусалимѣ“.

„Такъ вы говорите, что онъ“, сказалъ Иванъ Ѳедоровичъ, который много наслышался о Іерусалимѣ еще отъ своего деньщика: „былъ и въ Іерусалимѣ?“

„О чемъ вы говорите, Иванъ Ѳедоровичъ?“ произнесъ съ конца стола Григорій Григорьевичъ.

„Я, то-есть, имѣлъ случай замѣтить, что какія есть на свѣтѣ далекія страны!“ сказалъ Иванъ Ѳедоровичъ, будучи сердечно доволенъ тѣмъ, что выговорилъ столь длинную и трудную фразу.

„Не вѣрьте ему, Иванъ Ѳедоровичъ!“ сказалъ Григорій Григорьевичъ, не вслушавшись хорошенько: „все вретъ!“

Между тѣмъ обѣдъ кончился. Григорій Григорьевичъ отправился въ свою комнату, по обыкновенію, немножко всхрапнуть, а гости пошли вслѣдъ за старушкою-хозяйкою и барышнями въ гостиную, гдѣ тотъ самый столъ, на которомъ оставили они, выходя обѣдать, водку, какъ бы превращеніемъ какимъ, покрылся блюдечками съ вареньемъ разныхъ сортовъ и блюдами съ арбузами, вишнями и дынями.

Отсутствіе Григорія Григорьевича замѣтно было во всемъ: хозяйка сдѣлалась словоохотнѣе и открывала сама, безъ просьбы, множество секретовъ насчетъ дѣланія пастилы и сушенія грушъ. Даже барышни стали говорить; но бѣлокурая, которая казалась моложе шестью годами своей сестры и которой по виду было около двадцати пяти лѣтъ, была молчаливѣе.

Но болѣе всѣхъ говорилъ и дѣйствовалъ Иванъ Ивановичъ. Будучи увѣренъ, что его теперь никто не собьетъ и не смѣшаетъ, онъ говорилъ и объ огурцахъ, и о посѣвѣ картофеля, и о томъ, какіе въ старину были разумные люди,—куда противъ теперешнихъ,—и о томъ, какъ все, чѣмъ далѣе, умнѣетъ и доходитъ къ выдумыванію мудрѣйшихъ вещей. Словомъ, это былъ одинъ изъ числа тѣхъ людей, которые съ ве-

личайшимъ удовольствіемъ любятъ позаняться услаждающимъ душу разговоромъ и будутъ говорить обо всемъ, о чемъ только можно говорить. Если разговоръ касался важныхъ и благочестивыхъ предметовъ, то Иванъ Ивановичъ вздыхалъ послѣ каждаго слова, кивая слегка головою; ежели до хозяйственныхъ, то высовывалъ голову изъ своей брички и дѣлалъ такія мины, глядя на которыя, кажется, можно было прочитать, какъ нужно дѣлать грушевый квасъ, какъ велики тѣ дыни, о которыхъ онъ говорилъ, и какъ жирны тѣ гуси, которые бѣгаютъ у него по двору.

Наконецъ, съ великимъ трудомъ, уже ввечеру, удалось Ивану Ѳедоровичу распрощаться, и, несмотря на свою сговорчивость и на то, что его насильно оставляли ночевать, онъ устоялъ таки на своемъ намѣреніи ѣхать,—и уѣхалъ.

V.

Новый замыселъ тетушки.

„Ну, что? выманилъ у стараго лиходѣя запись?“ Такимъ вопросомъ встрѣтила Ивана Ѳедоровича тетушка, которая съ нетерпѣніемъ дожидалась его уже нѣсколько часовъ на крыльцѣ и не вытерпѣла, наконецъ, чтобы не выбѣжать за ворота.

„Нѣтъ, тетушка!“ сказалъ Иванъ Ѳедоровичъ, слѣзая съ повозки: „у Григорія Григорьевича нѣтъ никакой записи“.

„И ты повѣрилъ ему? Вретъ онъ, проклятый! Когда-нибудь попаду, право, поколочу его собственными руками. О, я ему поспущу жиру! Впрочемъ,нужно напередъ поговорить съ нашимъ подсудкомъ, нельзя ли судомъ съ него стребовать... Но не объ этомъ теперь дѣло. Ну, что-жъ, обѣдъ былъ хорошій?“

„Очень... да, весьма, тетушка!“

„Ну, какія-жъ были кушанья? разскажи. Старуха-то, я знаю, мастерица присматривать за кухней“.

„Сырники были со сметаною, тетушка; соусъ съ голубями, начиненными...“

„А индѣйка со сливами была?“ спросила тетушка, потому что сама была большая искусница приготовлять это блюдо.

„Была и индѣйка!... Весьма красивыя барышни—сестрицы Григорія Григорьевича, особенно бѣлокурая!“

„А!“ сказала тетушка и посмотрѣла пристально на Ивана Ѳедоровича, который, покраснѣвъ, потупилъ глаза въ землю. Новая мысль быстро промелькнула въ ея головѣ. „Ну, что-жъ?“ спросила она съ любопытствомъ и живо: „какія у ней брови?“ Не мѣшаетъ замѣтить, что тетушка всегда поставляла первую красоту женщины въ бровяхъ.

„Брови, тетушка, совершенно-съ такія, какія, вы разсказывали, въ молодости были у васъ. И по всему лицу небольшія веснушки.“

„А!“ сказала тетушка, будучи довольна замѣчаніемъ Ивана Өедоровича, который, однакожъ, не имѣлъ и въ мысляхъ сказать этимъ комплиментъ. „Какое же было на ней платье? хотя, впрочемъ, теперь трудно найти такихъ плотныхъ матерій, какая вотъ хоть бы, напримѣръ, у меня на этомъ капотѣ. Но не объ этомъ дѣло. Ну, что-жъ, ты говорилъ о чемъ-нибудь съ нею?“

„То-есть, какъ...я-съ, тетушка? Вы, можетъ-быть, уже думаете...“

„А что-жъ? что тутъ диковиннаго? Такъ Богу угодно! Можетъ-быть, тебѣ съ нею на роду написано жить парочкою“.

„Я не знаю, тетушка, какъ вы можете это говорить. Это доказываетъ, что вы совершенно не знаете меня...“

„Ну, вотъ уже и обидѣлся!“ сказала тетушка. „*Ще молода дытына!*“ подумала она про себя: „ничего не знаетъ! Нужно ихъ свести вмѣстѣ: пусть познакомятся!“

Тутъ тетушка пошла заглянуть въ кухню и оставила Ивана Өедоровича. Но съ этого времени она только и думала о томъ, какъ увидѣть скорѣе своего племянника женатымъ и понянчить маленькихъ внучковъ. Въ головѣ ея громоздились одни только приготовленія къ свадьбѣ, и замѣтно было, что она во всѣхъ дѣлахъ суетилась гораздо болѣе, нежели прежде, хотя, впрочемъ, эти дѣла болѣе шли хуже, нежели лучше. Часто, дѣлая какое-нибудь пирожное, котораго вообще она никогда не довѣряла кухаркѣ, она, позабывшись и воображая, что возлѣ нея стоитъ маленькій внучекъ, просящій пирога, разсѣянно протягивала къ нему руку съ лучшимъ кускомъ, а дворовая собака, пользуясь этимъ, схватывала лакомый кусокъ и своимъ громкимъ чваканьемъ выводила ее изъ задумчивости, за что и бывала всегда бита кочергою. Даже оставила она любимыя свои занятія и не ѣздила на охоту, особливо, когда, вмѣсто куропатки, застрѣлила ворону, чего никогда прежде съ нею не бывало.

Наконецъ, спустя дня четыре послѣ этого, всѣ увидѣли выкаченную изъ сарая на дворъ бричку. Кучеръ Омелько, онъ же и огородникъ и сторожъ, еще съ ранняго утра стучалъ молоткомъ и приколачивалъ кожу, отгоняя безпрестанно собакъ, лизавшихъ колеса. Долгомъ почитаю предувѣдомить читателей, что это была именно та самая бричка, въ которой еще ѣздилъ Адамъ; и потому, если кто будетъ выдавать другую за Адамовскую, то это —сущая ложь, и бричка непремѣнно

поддѣльная. Совершенно неизвѣстно, какимъ образомъ спаслась она отъ потопа; должно думать, что въ Ноевомъ ковчегѣ былъ особенный для нея сарай. Жаль очень, что читателямъ нельзя описать живо ея фигуры. Довольно сказать, что Василиса Кашпаровна была очень довольна ея архитектурою и всегда изъявляла сожалѣніе, что вывелись изъ моды старинные экипажи. Самое устройство брички немного на-бокъ, то-есть такъ, что правая сторона ея была гораздо выше лѣвой, ей очень нравилось, потому что съ одной стороны можетъ, какъ она говорила, влѣзать малорослый, а съ другой—великорослый, Впрочемъ, внутри брички могло помѣститься штукъ пять малорослыхъ и трое такихъ, какъ тетушка.

Около полудня, Омелько, управившись около брички, вывелъ изъ конюшни тройку лошадей, немного чѣмъ моложе брички, и началъ привязывать ихъ веревкою къ величественному экипажу. Иванъ Ѳедоровичъ и тетушка, одинъ съ лѣвой стороны, другая съ правой, влѣзли въ бричку, и она тронулась. Попадавшіеся на дорогѣ мужики, видя такой богатый экипажъ (тетушка очень рѣдко выѣзжала въ немъ), почтительно останавливались, снимали шапки и кланялись въ поясъ.

Часа черезъ два кибитка остановилась предъ крыльцомъ,—думаю, не нужно говорить: предъ крыльцомъ дома Сторченка. Григорія Григорьевича не было дома. Старушка съ барышнями вышла встрѣтить гостей въ столовую. Тетушка подошла величественнымъ шагомъ, съ большою ловкостью отставила одну ногу впередъ и сказала громко:

„Очень рада, государыня моя, что имѣю честь лично доложить вамъ мое почтеніе; а вмѣстѣ съ решпектомъ позвольте поблагодарить за хлѣбосольство ваше къ племяннику моему, Ивану Ѳедоровичу, который много имъ хвалится. Прекрасная у васъ гречиха, сударыня,—я видѣла ее, подъѣзжая къ селу. А позвольте узнать, сколько копъ вы получаете съ десятины?“

Послѣ сего послѣдовало всеобщее лобызаніе. Когда же усѣлись въ гостиной, то старушка-хозяйка начала:

„Насчетъ гречихи я не могу вамъ сказать: это часть Григорія Григорьевича; я уже давно не занимаюсь этимъ, да и не могу: уже стара! Въ старину у насъ, бывало, я помню, гречиха была по поясъ; теперь Богъ знаетъ что, хотя, впрочемъ, и говорятъ, что теперь все лучше“. Тутъ старушка вздохнула, и какому-нибудь наблюдателю послышался бы въ этомъ вздохѣ вздохъ стариннаго осьмнадцатаго столѣтія.

„Я слышала, моя государыня, что у васъ собственныя ваши дѣвки отличные умѣютъ выдѣлывать ковры“, сказала Василиса Кашпаровна и этимъ задѣла старушку за самую чув-

ствительную струну: при этихъ словахъ она какъ будто ожи-вилась, и рѣчи у ней полилися о томъ, какъ должно красить пряжу, какъ приготовлять для этого нитку.

Съ ковровъ быстро съѣхалъ разговоръ на соленіе огурцовъ и сушеніе грушъ. Словомъ, не прошло часу, какъ обѣ дамы такъ разговорились между собою, будто вѣкъ были знакомы. Василиса Кашпаровна многое уже начала говорить съ нею такимъ тихимъ голосомъ, что Иванъ Ѳедоровичъ ничего не могъ разслушать.

„Да не угодно ли посмотрѣть?" сказала, вставая, старушка-хозяйка.

За нею встали барышни и Василиса Кашпаровна, и всѣ потянулись въ дѣвичью. Тетушка, однакожъ, дала знакъ Ивану Ѳедоровичу остаться и сказала что-то тихо старушкѣ.

„Машенька!" сказала старушка, обращаясь къ бѣлокурой барышнѣ: „останься съ гостемъ, да поговори съ нимъ, чтобы гостю не было скучно!"

Бѣлокурая барышня осталась и сѣла на диванъ. Иванъ Ѳедоровичъ сидѣлъ на своемъ стулѣ, какъ на иголкахъ, крас-нѣлъ и потуплялъ глаза; но барышня, казалось, вовсе этого не замѣчала и равнодушно сидѣла на диванѣ, разсматривая прилежно окна и стѣны, или слѣдуя глазами за кошкою, трус-ливо пробѣгавшей подъ стульями.

Иванъ Ѳедоровичъ немного ободрился и хотѣлъ-было на-чать разговоръ; но оказалось, что всѣ слова свои растерялъ онъ на дорогѣ. Ни одна мысль не приходила ему на умъ.

Молчаніе продолжалось около четверти часа. Барышня все такъ же сидѣла.

Наконецъ, Иванъ Ѳедоровичъ собрался съ духомъ. „Лѣтомъ очень много мухъ, сударыня!" произнесъ онъ полудрожащимъ голосомъ.

„Чрезвычайно много!" отвѣчала барышня. „Братецъ нарочно сдѣлалъ хлопушку изъ стараго маменькинаго башмака, но все еще очень много".

Тутъ разговоръ опять прекратился, и Иванъ Ѳедоровичъ никакимъ образомъ уже не находилъ рѣчи.

Наконецъ, хозяйка съ тетушкою и чернявою барышнею возвратилась. Поговоривши еще немного, Василиса Кашпа-ровна распростилась со старушкою и барышнями, несмотря на всѣ приглашенія остаться ночевать. Старушка и барышни вышли на крыльцо проводить гостей и долго еще кланялись выглядывавшимъ изъ брички тетушкѣ и племяннику.

„Ну, Иванъ Ѳедоровичъ, о чемъ же вы говорили вдвоемъ съ барышнею?" спросила дорогою тетушка.

„Весьма скромная и благонравная дѣвица Марья Григорьевна!“ сказалъ Иванъ Ѳедоровичъ.

„Слушай, Иванъ Ѳедоровичъ: я хочу поговорить съ тобою серьезно. Вѣдь тебѣ, слава Богу, тридцать осьмой годъ; чинъ ты уже имѣешь хорошій: пора подумать и объ дѣтяхъ! Тебѣ непремѣнно нужна жена...“

„Какъ, тетушка!“ вскричалъ, испугавшись, Иванъ Ѳедоровичъ: „какъ, жена! Нѣтъ-съ, тетушка, сдѣлайте милость... Вы совершенно въ стыдъ меня приводите... Я еще никогда не былъ женатъ... Я совершенно не знаю, что съ нею дѣлать!“

„Узнаешь, Иванъ Ѳедоровичъ, узнаешь“, промолвила, улыбаясь, тетушка, и подумала про себя: „*Куды-жъ! ще зовсимъ молода дытына*: ничего не знаетъ!“—„Да, Иванъ Ѳедоровичъ!“ продолжала она вслухъ: „лучшей жены нельзя сыскать тебѣ, какъ Марья Григорьевна. Тебѣ же она притомъ очень понравилась. Мы уже насчетъ этого много переговорили съ старухою: она очень рада видѣть тебя своимъ зятемъ. Еще неизвѣстно, правда, что скажетъ этотъ грѣходѣй Григорьевичъ; но мы не посмотримъ на него, и пусть только онъ вздумаетъ не отдать приданаго, мы его судомъ“...

Въ это время бричка подъѣхала ко двору, и древнія клячи ожили, чуя близкое стойло.

„Слушай, Омелько! конямъ дай прежде отдохнуть хорошенько, а не веди тотчасъ, распрягши, къ водопою: они лошади горячія“.—„Ну, Иванъ Ѳедоровичъ“, продолжала, вылѣзая, тетушка: „я совѣтую тебѣ хорошенько подумать объ этомъ. Мнѣ еще нужно забѣжать въ кухню: я позабыла Солохѣ заказать ужинъ, а она, негодная, я думаю, сама и не подумала объ этомъ“.

Но Иванъ Ѳедоровичъ стоялъ, какъ будто громомъ оглушенный. Правда, Марья Григорьевна очень недурная барышня; но жениться!.. Это казалось ему такъ странно, такъ чудно, что онъ никакъ не могъ подумать безъ страха. Жить съ женою!... непонятно! Онъ не одинъ будетъ въ своей комнатѣ, но ихъ должно быть вездѣ двое!.... Потъ проступалъ у него на лицѣ, по мѣрѣ того, какъ углублялся онъ въ размышленіе.

Ранѣе обыкновеннаго легъ онъ въ постель, но, несмотря на всѣ старанія, никакъ не могъ заснуть. Наконецъ, желанный сонъ, этотъ всеобщій успокоитель, посѣтилъ его; но какой сонъ! Еще несвязнѣе сновидѣній онъ никогда не видывалъ. То снилось ему, что вокругъ него все шумитъ, вертится, а онъ бѣжитъ, бѣжитъ, не чувствуетъ подъ собою ногъ... Вотъ уже выбивается изъ силъ... Вдругъ кто-то хватаетъ его за

ухо. „Ай! кто это?“—„Это я, твоя жена!“ съ шумомъ говорилъ ему какой-то голосъ,—и онъ вдругъ пробуждался. То представлялось ему, что онъ уже женатъ, что все въ домикѣ ихъ чудно, такъ странно: въ его комнатѣ стоитъ вмѣсто одинокой двойная кровать; на стулѣ сидитъ жена. Ему странно: онъ не знаетъ, какъ подойти къ ней, что говорить съ нею, и замѣчаетъ, что у нея гусиное лицо. Нечаянно поворачивается онъ въ сторону и видитъ другую жену, тоже съ гусинымъ лицомъ. Поворачивается въ другую сторону— стоитъ третья жена; назадъ—еще одна жена. Тутъ его беретъ тоска: онъ бросился бѣжать въ садъ; но въ саду жарко, онъ снялъ шляпу, видитъ: и въ шляпѣ сидитъ жена. Потъ выступилъ у него на лицѣ. Полѣзъ въ карманъ за платкомъ—и въ карманѣ жена; вынулъ изъ уха хлопчатую бумагу—и тамъ сидитъ жена... То вдругъ онъ прыгалъ на одной ногѣ, а тетушка, глядя на него, говорила съ важнымъ видомъ: „Да, ты долженъ прыгать, потому что ты теперь уже женатый человѣкъ“. Онъ къ ней, но тетушка—уже не тетушка, а колокольня. И чувствуетъ, что его кто-то тащитъ веревкою на колокольню. „Кто это тащитъ меня?“ жалобно проговорилъ Иванъ Ѳедоровичъ. „Это я, жена твоя, тащу тебя, потому что ты—колоколъ!“ „Нѣтъ, я не колоколъ, я Иванъ Ѳедоровичъ!“ кричалъ онъ. „Да, ты колоколъ“, говорилъ, проходя мимо, полковникъ П*** пѣхотнаго полка. То вдругъ снилось ему, что жена вовсе не человѣкъ, а какая-то шерстяная матерія; что онъ въ Могилевѣ приходитъ въ лавку къ купцу. „Какой прикажете матеріи!“ говоритъ купецъ: „вы возьмите жены, это самая модная матерія! очень добротная! изъ нея всѣ теперь шьютъ себѣ сюртуки“. Купецъ мѣряетъ и рѣжетъ жену. Иванъ Ѳедоровичъ беретъ ее подъ мышку, идетъ къ жиду, портному.—„Нѣтъ“, говоритъ жидъ: „это дурная матерія! изъ нея никто не шьетъ себѣ сюртука...“

Въ страхѣ и безпамятствѣ просыпался Иванъ Ѳедоровичъ; холодный потъ лился съ него градомъ.

Какъ только всталъ онъ поутру, тотчасъ обратился къ гадательной книгѣ, въ концѣ которой одинъ добродѣтельный книгопродавецъ, по своей рѣдкой добротѣ и безкорыстію, помѣстилъ сокращенный снотолкователь. Но тамъ совершенно не было ничего, даже хотя немного похожаго на такой безсвязный сонъ.

Между тѣмъ въ головѣ тетушки созрѣлъ совершенно новый замыселъ, о которомъ узнаете въ слѣдующей главѣ.

Б ы л ь,

*разсказанная дьячкомъ ***ской церкви.*

Ей Богу, уже надоѣло разсказывать! Да что вы думаете? Право, скучно: разсказывай, да и разсказывай, и отвязаться нельзя! Ну, извольте, я разскажу, только, ей-ей, въ послѣдній разъ. Да, вотъ вы говорили насчетъ того, что человѣкъ можетъ совладать, какъ говорятъ, съ нечистымъ духомъ. Оно, конечно, то-есть, если хорошенько подумать, бываютъ на

свѣтѣ всякіе случаи... Однакожъ, не говорите этого: захочетъ обморочить дьявольская сила, то обморочитъ; ей Богу, обморочитъ!.. Вотъ извольте видѣть: насъ всѣхъ у отца было четверо; я тогда былъ еще дурень, всего мнѣ было лѣтъ одиннадцать... такъ нѣтъ же, не одиннадцать: я помню, какъ теперь, когда разъ побѣжалъ-было на четверенькахъ и сталъ лаять по-собачьи, батько закричалъ на меня, покачавъ головою: „Эй, Ѳома, Ѳома! тебя женить пора, а ты дурѣешь, какъ молодой лошакъ!"

Дѣдъ былъ еще тогда живъ и на ноги,—пусть ему легко икнется на томъ свѣтѣ,—довольно крѣпокъ. Бывало, вздумаетъ... Да что-жъ этакъ разсказывать? Одинъ выгребаетъ изъ печки цѣлый часъ уголь для своей трубки, другой зачѣмъ-то побѣжалъ за комору. Что, въ самомъ дѣлѣ!.. Добро бы поневолѣ, а то вѣдь же сами напросились... Слушать, такъ слушать!

Батько еще въ началѣ весны повезъ въ Крымъ на продажу табакъ; не помню только, два или три воза снарядилъ онъ; табакъ былъ тогда въ цѣнѣ. Съ собою взялъ онъ трехгодового брата,—пріучалъ заранѣе чумаковать; насъ осталось: дѣдъ, мать, я, да братъ, да еще братъ. Дѣдъ засѣялъ баштанъ на самой дорогѣ и перешелъ жить въ курень; взялъ и насъ съ собою гонять воробьевъ и сорокъ съ баштану. Намъ это было, нельзя сказать, чтобы худо: бывало, наѣшься въ день столько огурцовъ, дынь, рѣпы, цыбули, гороху, что въ животѣ, ей Богу, какъ будто пѣтухи кричатъ. Ну, оно притомъ же и прибыльно: проѣзжіе толкутся по дорогѣ, всякому захочется полакомиться арбузомъ или дынею, да изъ окрестныхъ хуторовъ, бывало, нанесутъ на обмѣнъ куръ, яицъ, индѣекъ. Житье было хорошее.

Но дѣду болѣе всего любо было то, что чумаковъ каждый день возовъ пятьдесятъ проѣдетъ. Народъ, знаете, бывалый: пойдетъ разсказывать,—только уши развѣшивай! А дѣду это все равно, что голодному галушки. Иной разъ, бывало, случится встрѣча съ старыми знакомыми, — дѣда всякій уже зналъ,—можете посудить сами, что бываетъ, когда соберется старье: тара, тара, тогда-то, да тогда-то, такое-то, да такое-то было... Ну, и разольются! вспомянутъ, Богъ знаетъ, когдашнее.

Разъ,—ну, вотъ, право, какъ будто теперь случилось,— солнце стало уже садиться, дѣдъ ходилъ по баштану и снималъ съ кавуновъ листья, которыми прикрывалъ ихъ днемъ, чтобы не попеклись на солнцѣ.

„Смотри, Остапъ", говорю я брату: „вонъ чумаки ѣдутъ!"

„Гдѣ чумаки!" сказалъ дѣдъ, положивши значокъ на большой дынѣ, чтобы на случай не съѣли хлопцы.

По дорогѣ тянулось, точно, возовъ шесть. Впереди шелъ чумакъ уже съ сизыми усами. Не дошедши шаговъ—какъ бы вамъ сказать?—на десять, онъ остановился.

„Здорово, Максимъ! Вотъ привелъ Богъ гдѣ увидѣться!“

Дѣдъ прищурилъ глаза: „А! здорово, здорово! Откуда Богъ несетъ? И Болячка здѣсь? Здорово, здорово, братъ! Что за дьяволъ! да тутъ всѣ: и Крутотрыщенко! и Печерыця! и Ковелекъ! и Стецько! Здорово! А, га, га! го, го!..“ И пошли цѣловаться.

Воловъ распрягли и пустили пастись на траву, возы оставили на дорогѣ; а сами сѣли всѣ въ кружокъ впереди куреня и закурили люльки. Но куда уже тутъ до люлекъ? за розсказнями, да за раздобарами врядъ ли и по одной досталось. Послѣ полдника сталъ дѣдъ потчивать гостей дынями. Вотъ каждый, взявши по дынѣ, обчистилъ ее чистенько ножикомъ (калачи всѣ были тертые, мыкали не мало, знали уже, какъ ѣдятъ въ свѣтѣ,—пожалуй, и за панскій столъ, хоть сейчасъ, готовы сѣсть); обчистивши хорошенько, проткнулъ каждый пальцемъ дырочку, выпилъ изъ нея кисель, сталъ рѣзать по кусочкамъ и класть въ ротъ.

„Что-жъ вы, хлопцы“, сказалъ дѣдъ: „рты свои разинули? танцуйте, собачьи дѣти! Гдѣ, Остапъ, твоя сопилка? А ну-ка козачка! Ѳома, берись въ боки! Ну! вотъ такъ! Гей, гопъ!“

Я былъ тогда малый подвижной. Старость проклятая! Теперь уже не пойду такъ; вмѣсто всѣхъ выкрутасовъ, ноги только спотыкаются. Долго глядѣлъ дѣдъ на насъ, сидя съ чумаками. Я замѣчаю, что у него ноги не постоятъ на мѣстѣ: такъ, какъ будто ихъ что-нибудь дергаетъ.

„Смотри, Ѳома“, сказалъ Остапъ: „если старый хрѣнъ не пойдетъ танцовать!“

Что-жъ вы думаете? не успѣлъ онъ сказать—не вытерпѣлъ старичина! Захотѣлось, знаете, прихвастнуть передъ чумаками. „Вишь, чортовы дѣти! развѣ такъ танцуютъ? Вотъ какъ танцуютъ!“ сказалъ онъ, поднявшись на ноги, протянувъ руки и ударивъ каблуками.

Ну, нечего сказать, танцовать-то онъ танцовалъ такъ, что хоть бы и съ гетьманшею. Мы посторонились, и пошелъ хрѣнъ вывертывать ногами по всему гладкому мѣсту, которое было возлѣ грядки съ огурцами. Только-что дошелъ, однакожъ, до половины и хотѣлъ разгуляться и выметнуть ногами на вихорь какую-то свою штуку, — не подымаются ноги, да и только! Что за пропасть! Разогнался снова, дошелъ до середины—не беретъ! Что хочь дѣлай, — не беретъ, да и не беретъ! Ноги, какъ деревянныя, стали. „Вишь дьявольское

мѣсто! вишь сатанинское наважденіе! Впутается же Иродъ, врагъ рода человѣческаго!“ Ну, какъ надѣлать сраму передъ чумаками? Пустился снова и началъ чесать дробно, мелко, любо глядѣть; до середины—нѣтъ! не вытанцывается, да и полно! „А, шельмовскій сатана! чтобъ ты подавился гнилою дынею! чтобъ еще маленькимъ издохнулъ, собачій сынъ! Вотъ на старость надѣлалъ стыда какого!..“ И въ самомъ дѣлѣ сзади кто-то засмѣялся.

Оглянулся: ни баштану, ни чумаковъ, ничего; назади, впереди, по сторонамъ—гладкое поле. „Э! ссс... вотъ тебѣ на!“ Началъ прищуривать глаза,—мѣсто, кажись, не совсѣмъ незнакомое: сбоку лѣсъ, изъ-за лѣса торчалъ какой-то шестъ и видѣлся прочь-далеко въ небѣ. Что за пропасть? Да это голубятня, что у попа въ огородѣ! Съ другой стороны тоже что-то сѣрѣетъ; вглядѣлся: гумно волостного писаря. Вотъ куда затащила нечистая сила! Поколесивши кругомъ, наткнулся онъ на дорожку. Мѣсяца не было: бѣлое пятно мелькало вмѣсто него сквозь тучу. „Быть завтра большому вѣтру!“ подумалъ дѣдъ. Глядь—въ сторонѣ отъ дорожки на могилѣ вспыхнула свѣчка. „Вишь!“ Сталъ дѣдъ, и руками подперся въ боки, и глядитъ: свѣчка потухла; вдали и немного подалѣе загорѣлась другая. „Кладъ!“ закричалъ дѣдъ: „я ставлю, Богъ знаетъ что, если не кладъ!“ И уже поплевалъ было въ руки, чтобы копать, да спохватился, что нѣтъ при немъ ни заступа, ни лопаты. „Эхъ, жаль! Ну,—кто знаетъ?—можетъ-быть, стоитъ только поднять дернъ, а онъ тутъ и лежитъ, голубчикъ! Нечего дѣлать, назначить, по крайней мѣрѣ, мѣсто, чтобы не позабыть послѣ!“

Вотъ, перетянувши сломленную, видно, вихремъ порядочную вѣтку дерева, навалилъ онъ ее на ту могилку, гдѣ горѣла свѣчка, и пошелъ по дорожкѣ. Молодой дубовый лѣсъ сталъ рѣдѣть; мелькнулъ плетень. „Ну, такъ! не говорилъ ли я“, подумалъ дѣдъ: „что это попова левада? Вотъ и плетень его! Теперь и версты нѣтъ до баштана“.

Поздненько, однакожъ, пришелъ онъ домой, и галушекъ не захотѣлъ ѣсть. Разбудивши брата Остапа, спросилъ только, давно ли уѣхали чумаки, и завернулся въ тулупъ. И когда тотъ началъ было спрашивать: „А куда тебя, дѣдъ, черти дѣли сегодня?“—„Не спрашивай,“ сказалъ онъ, завертываясь еще крѣпче: „не спрашивай, Остапъ: не то—посѣдѣешь!“ И захрапѣлъ такъ, что воробьи, которые забрались было на баштанъ, поподымались съ перепугу на воздухъ. Но гдѣ ужъ тамъ ему спалось? Нечего сказать, хитрая была бестія,—дай Боже ему царствіе небесное!—умѣлъ отдѣлаться всегда. Иной разъ такую запоетъ пѣсню, что губы станешь кусать.

„А, голубчикъ, вотъ гдѣ ты!“—вскрикнулъ дѣдъ...

На другой день, чуть только стало смеркаться въ полѣ, дѣдъ надѣлъ свитку, подпоясался, взялъ подъ мышку заступъ и лопату, надѣлъ на голову шапку, выпилъ кухоль сыровцу, утеръ губы полою и пошелъ прямо къ попову огороду. Вотъ минулъ и плетень, и низенькій дубовый лѣсъ. Промежъ деревьевъ вьется дорожка и выходитъ въ поле; кажись, та самая. Вышелъ и на поле,—мѣсто точь-въ-точь вчерашнее: вонъ и голубятня торчитъ; но гумна не видно. „Нѣтъ, это не то мѣсто. То, стало-быть, подалѣе; нужно, видно, поворотить къ гумну!" Поворотилъ назадъ, сталъ итти другою дорогою,—гумно видно, а голубятни нѣтъ! Опять поворотилъ поближе къ голубятнѣ,—гумно спряталось. Въ полѣ, какъ нарочно, сталъ накрапывать дождикъ. Побѣжалъ снова къ гумну,—голубятня пропала; къ голубятнѣ,—гумно пропало.

„А чтобъ ты, проклятый сатана, не дождалъ дѣтей своихъ видѣть!" А дождь пустился какъ изъ ведра.

Вотъ, скинувши новые сапоги и обернувши въ хустку, чтобы не покоробились отъ дождя, задалъ онъ такого бѣгуна, какъ будто панскій иноходецъ. Влѣзъ въ курень, промокши насквозь, накрылся тулупомъ и принялся ворчать что-то сквозь зубы и приголубливать чорта такими словами, какихъ я еще отъ роду не слыхивалъ. Признаюсь, я бы, вѣрно, покраснѣлъ, если бы случилось это среди дня.

На другой день проснулся, смотрю: уже дѣдъ ходитъ по баштану. какъ ни въ чемъ не бывало, и прикрываетъ лопухомъ арбузы. За обѣдомъ опять старичина разговорился, сталъ пугать меньшаго брата, что онъ обмѣняетъ его на куръ вмѣсто арбуза; а, пообѣдавши, сдѣлалъ самъ изъ дерева пищикъ и началъ на немъ играть; и далъ намъ забавляться дыню, свернувшуюся въ три погибели, словно змѣю, которую называлъ онъ турецкою. Теперь такихъ дынь я нигдѣ и не видывалъ: правда. сѣмена ему что-то издалека достались.

Ввечеру, уже повечерявши, дѣдъ пошелъ съ заступомъ прокопать новую грядку для позднихъ тыквъ. Сталъ проходить мимо того заколдованнаго мѣста, не вытерпѣлъ, чтобы не проворчать сквозь зубы: „проклятое мѣсто!" взошелъ на середину, гдѣ не вытанцывалось позавчера, и ударилъ въ сердцахъ заступомъ. Глядь—вокругъ него опять то же самое поле: съ одной стороны торчитъ голубятня, а съ другой гумно. „Ну, хорошо, что догадался взять съ собою заступъ. Вонъ и дорожка! вонъ и могилка стоитъ! вонъ и вѣтка навалена! вонъ-вонъ горитъ и свѣчка! Какъ бы только не ошибиться!"

Потихоньку побѣжалъ онъ, поднявши заступъ вверхъ, какъ будто бы хотѣлъ имъ попотчивать кабана, затесавшагося

на баштанъ, и остановился передъ могилкою. Свѣчка погасла; на могилѣ лежалъ камень, заросшій травою. „Этотъ камень нужно поднять"! подумалъ дѣдъ, и началъ обкапывать его со всѣхъ сторонъ. Великъ проклятый камень! Вотъ, однакожъ, упершись крѣпко ногами въ землю, пихнулъ онъ его съ могилы. „Гу!" пошло по долинѣ. „Туда тебѣ и дорога! теперь живѣе пойдетъ дѣло".

Тутъ дѣдъ остановился, досталъ рожокъ, насыпалъ на кулакъ табаку и готовился было поднести къ носу, какъ вдругъ надъ головою его „чихи!" чихнуло что-то такъ, что покачнулись деревья и дѣду забрызгало все лицо. „Отворотился хоть бы въ сторону, когда хочешь чихнуть!" проговорилъ дѣдъ, протирая глаза. Осмотрѣлся—никого нѣтъ. „Нѣтъ, не любитъ, видно, чортъ табаку!" продолжалъ онъ, кладя рожокъ въ пазуху и принимаясь за заступъ. „Дурень же онъ, а такого табаку ни дѣду, ни отцу его не доводилось нюхать!" Сталъ копать—земля мягкая, заступъ такъ и уходитъ. Вотъ что-то звукнуло. Выкидавши землю, увидѣлъ онъ котелъ.

„А, голубчикъ, вотъ гдѣ ты!" вскрикнулъ дѣдъ, подсовывая подъ него заступъ.

„А, голубчикъ, вотъ гдѣ ты!" запищалъ птичій носъ, клюнувши котелъ.

Посторонился дѣдъ и выпустилъ заступъ.

„А, голубчикъ, вотъ гдѣ ты!" заблеяла баранья голова съ верхушки дерева.

„А, голубчикъ, вотъ гдѣ ты!" заревѣлъ медвѣдь, высунувши изъ-за дерева свое рыло. Дрожь проняла дѣда.

„Да тутъ страшно слово сказать!" проворчалъ онъ про себя.

„Тутъ страшно слово сказать!" пискнулъ птичій носъ.

„Страшно слово сказать!" заблеяла баранья голова.

„Слово сказать!" ревнулъ медвѣдь.

„Гмъ..." сказалъ дѣдъ и самъ перепугался.

„Гмъ!" пропищалъ носъ.

„Гмъ!" проблеялъ баранъ.

„Гумъ!" заревѣлъ медвѣдь.

Со страхомъ оборотился дѣдъ: Боже ты мой, какая ночь! ни звѣздъ, ни мѣсяца; вокругъ провалы; подъ ногами круча безъ дна; надъ головою свѣсилась гора, и вотъ-вотъ, кажись, такъ и хочетъ оборваться на него! И чудится дѣду, что изъ-за нея мигаетъ какая-то харя: у! у! носъ—какъ мѣхъ въ кузницѣ; ноздри—хоть по ведру воды влей въ каждую! губы, ей Богу, какъ двѣ колоды! красныя очи выкатились наверхъ, и еще и языкъ высунула, и дразнитъ! „Чортъ съ тобою!" сказалъ дѣдъ, бросивъ котелъ. „На тебѣ и кладъ твой! Экая мерзостная

рожа!“ И уже ударился-было бѣжать, да оглядѣлся и сталъ, увидѣвши, что все было по прежнему. „Это только пугаетъ нечистая сила!“

Принялся снова за котелъ—нѣтъ, тяжелъ! Что дѣлать? Тутъ же не оставить! Вотъ, собравши всѣ силы, ухватился онъ за него руками: „Ну, разомъ, разомъ! еще, еще!“ и вытащилъ. „Ухъ! теперь понюхать табаку!“

Досталъ рожокъ. Прежде, однакожъ, чѣмъ сталъ насыпать, осмотрѣлся хорошенько, нѣтъ ли кого. Кажись, что нѣтъ; но вотъ чудится ему, что пень дерева пыхтитъ и дуется, показываются уши, наливаются красные глаза, ноздри раздулись, носъ поморщился, и вотъ, такъ и собирается чихнуть. „Нѣтъ, не понюхаю табаку!“ подумалъ дѣдъ, спрятавши рожокъ: „опять заплюетъ сатана очи!“ Схватилъ скорѣе котелъ и давай бѣжать, сколько доставало духу; только слышитъ, что сзади что-то такъ и чешетъ прутьями по ногамъ.. „Ай! ай! ай!“ покрикивалъ только дѣдъ, ударивъ во всю мочь; и какъ добѣжалъ до попова огорода, тогда только перевелъ немного духъ.

„Куда это зашелъ дѣдъ?“ думали мы, дожидаясь часа три. Уже съ хутора давно пришла мать и принесла горшокъ горячихъ галушекъ. Нѣтъ, да и нѣтъ дѣда! Стали опять вечерять сами. Послѣ вечери вымыла мать горшокъ и искала глазами, куда бы вылить помои, потому что вокругъ все были гряды; какъ видитъ, идетъ прямо къ ней навстрѣчу кухва[1]). На небѣ было таки темненько. Вѣрно, кто-нибудь изъ хлопцевъ, шаля, спрятался сзади и подталкиваетъ ее. „Вотъ кстати, сюда вылить помои!“ сказала и вылила горячіе помои.

„Ай!“ закричало басомъ. Глядь—дѣдъ. Ну, кто его знаетъ! Ей Богу, думали, что бочка лѣзетъ! Признаюсь, хоть оно и грѣшно немного, а, право, смѣшно показалось, когда сѣдая голова дѣда вся была окунута въ помои и обвѣшана корками отъ арбузовъ и дынь.

„Вишь, чортова баба!“ сказалъ дѣдъ, обтирая голову полою: „какъ опарила! какъ будто свинью передъ Рождествомъ! Ну, хлопцы, будетъ вамъ теперь на бублики! Будете, собачьи дѣти, ходить въ золотыхъ жупанахъ! Посмотрите-ка, посмотрите сюда, что я вамъ принесъ!“ сказалъ дѣдъ и открылъ котелъ.

Что-жъ бы, вы думали, такое тамъ было? Ну, по малой мѣрѣ, подумавши хорошенько: а? золото? Вотъ то-то, что не

[1]) Родъ кадки.

золото: соръ, дрязгъ .. стыдно сказать, что такое. Плюнулъ дѣдъ, кинулъ котелъ и руки послѣ того вымылъ.

И съ той поры заклялъ дѣдъ и насъ вѣрить когда-либо чорту. „И не думайте!“ говорилъ онъ часто намъ: „все, что ни скажетъ врагъ Господа Христа, все солжетъ, собачій сынъ! У него правды и на копѣйку нѣтъ!“ И бывало, чуть только услышитъ старикъ, что въ иномъ мѣстѣ не спокойно: „А, ну-те, ребята, давайте крестить!“ закричитъ къ намъ: „такъ его! такъ его! хорошенько!“ и начнетъ класть кресты. А то проклятое мѣсто, гдѣ не вытанцывалось, загородилъ плетнемъ, велѣлъ кидать все, что ни есть непотребнаго, весь бурьянъ и соръ, который выгребалъ изъ баштана.

Такъ вотъ какъ морочитъ нечистая сила человѣка! Я знаю хорошо эту землю: послѣ того нанимали ее у батька подъ баштанъ сосѣдніе козаки. Земля славная, и урожай всегда бывалъ на диво; но на заколдованномъ мѣстѣ никогда не было ничего добраго. Засѣютъ, какъ слѣдуетъ, а взойдетъ такое, что и разобрать нельзя: арбузъ — не арбузъ, тыква — не тыква, огурецъ — не огурецъ... чортъ знаетъ, что такое!

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СОДЕРЖАНІЕ.

РИСУНКИ НА ОТДѢЛЬНЫХЪ ЛИСТАХЪ.

РИСУНКИ ВЪ ТЕКСТѢ.

8 m.

100 p

